ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1994 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Института археологии РАН 5
Амирханов Х. А. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа 9
Марковин В. И. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа 25
Формозов А. А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья 44
Шорин А. Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) 54
Полидович Ю. Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» . . . 63
Дашевская О. Д. О разорении греческих и скифских могил в древности 79
Смирнов К. А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур . 85
Болелов С. Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии 98
Нахапетян В. Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии 107
Юшко А. А. Формирование удела московских звенигородских князей в XIV—XV вв. 119

Публикации

Семенчук И. А. Костяной наконечник дротика из Поднепровья 133
Борзунов В. А., Морозов В. М. К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) 136
Винокуров Н. И. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора 154
Петерс Б. Г., Чухина Е. В. Стеклянные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. . . 171
Масленников А. А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) 176
Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Клад скифского времени с Семилукского городища на реке Дон 185
Горбунова Н. Г. Поселение Арк-тепе в южной Фергане 191

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1994 г.

Журко А. И. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье 207

Критика и библиография

Формозов А. А. О периодизации истории отечественной археологии 219
Виноградова Н. М. *Ute Franke Vogt*. Die Glyptik aus Mohenjo-Daro. V. 1, 2. Mainz, 1991 226
Журавлев Д. В., Малышев А. А. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mitte 2. Jrh. Chr.//Pergamenische Forschungen. Berlin, New York, 1988. B. 6 228
Сидорова Н. А. Corpus Vasorum Antiquorum. DDR 3, Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung 1. Elisabeth Rohde. Berlin, 1990 233

Хроника

К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова 235
Медынцева А. А., Седов В. В. XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии славян (Словакия, 1993) 237
Седов В. В. Международная археологическая конференция «Время, памятники, люди. Памяти репрессированных археологов» (Минск, 1993) 241
Щавелев С. П. 150-летие со дня рождения Д. Я. Самоквасова. Юбилейные мероприятия 244
Заднепровский Ю. А., Зуев В. Ю., Хлопин И. Н. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина (1946—1993) 247
Мерперт Н. Я. Памяти Марии Гимбутас (1921—1994) 251

Указатель статей, опубликованных в журнале «Российская археология» за 1994 год . . . 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1994 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

To the 75th Aniversary of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences 5
Amirkhanov Kh. A. Concerning the Evolution and the System of Periods of the Western Caucasus Upper Palaeolithic 9
Markovin V. I. Concerning the New Tendences in the Archaeological Investigations of the Northern Caucasus 25
Formozov A. A. Concerning the System of Periods in the History of the Eneolithic Settlements in the Kuban-river Region 44
Shorin A. F. Concerning the Ethnic Characteristics of the Tcherkaskul Culture (the problem today) 54
Polidovitch J. B. Concerning a Curled-up Beast Motif in the Scythian «Animal Style» 63
Dashevskaya O. D. Concerning the Destruction of the Greek and Scythian Burials in the Ancient Times 79
Smirnov K. A. System of Periods in the History of the Gorodetz and Dyakovo Cultures . . . 85
Bolelov S. B. Cremation Burials in the Middle Asia 98
Nakhapetyan V. E. Image of the World in the Khazar Art 107
Jushko A. A. Forming of the Moscow Zvenigorod Princes Appanage in the 14th-15th Centuries 119

Publications

Sementchuk I. A. Bone Dart-Head from the Dnieper Region 133
Borzunov V. A., Morozov V. M. Investigations of the Fortified Settlements Situated in the Mountain-Forest Region Behind the Urals 136
Vinokurov N. I. Fish Salting Complexes of the European Bosporus 154
Peters B. G., Tchukhina E. V. Glass Artifacts Found During the Excavations of Patrei in 1985-89 171
Maslennikov A. A. Uzunlar Rampart Excavations (the Estern Crimea) 176
Pryakhin A. D., Razyvaev J. D. Late Scythian Hoard from Semilukskoye Fortified Settlement on the Don-river 185
Gorbunova N. G. Ark-tepe Settlement in the Southern Fergana 191
Zhurko A. I. The Chernyakhovskaya Culture Sites of the Forest-steppes Left-bank Dnieper Area 207

Reviews and Bibliography

Formozov A. A. Concerning the Periods in the History of the Home Archaeology 219
Vinogradova N. M. *Ute Franke Vogt.* Die Glyptik aus Mohenjo-Daro. V. 1, 2. Mains am Rhein, 1991 226
Zhuravlev D. V., Malyshev A. A. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mite 2. Jrh. Chr.//Pergamenische Forschungen. Berlin, New York, 1988. B. 6 228
Sidorova N. A. Corpus Vasorum Antiquorum. DDR 3, Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung 1. Elisabeth Rohde. Berlin, 1990 233

Chronicle

To the 90th Aniversary of Dmitry Aleksandrovich Krainov 235
Medyntseva A. A., Sedov V. V. The 11th International Congress of Slavonic Scholar. Problems of the Slavonic Ethnik History and Archaeology (Slovakia, 1993) 237
Sedov V. V. International Archaeological Conference «Time, monuments, people. In Memory of the Archaeologists Subjected to the Repressions» (Minsk, 1993) 241
Schavelev S. P. To the 150th aniversary of Samokvasov D. J.: Jubilee Celebrations 244
Zadneprovsky Y. A., Zuev B. Y., Khlopin I. N. In memory of Gennady Nikolaevitch Kurotchkin (1946—1993) 247
Merpert N. J. In Memory of Mariya Gimbutas (1921—1994) 251

The index of articles published in the journal «Rossiyskaya arkheologiya» in 1994 253

К 75-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

18 апреля 1994 г. исполнилось 75 лет со дня издания декрета правительства России об организации Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). От этой даты отсчитывается история Института археологии РАН, хотя изучение археологии в России началось значительно раньше. Вспомним, что еще в 1804 г. было создано Московское общество истории и древностей, в круг интересов которого входило изучение археологических находок, главным образом нумизматических и эпиграфических. В 1846 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское археологическое общество, а затем — в 1859 г.— организована Императорская археологическая комиссия, осуществлявшая контроль за ведением археологических исследований и проводившая издательскую деятельность. Широко известна и деятельность Московского археологического общества, основанного в 1864 г. и издававшего «Древности». Развитию археологии в России в огромной степени способствовало основание в 1872 г. в Москве Исторического музея, который сразу начал собирать археологические коллекции и стал одним из лучших хранилищ древностей.

РАИМК явилась преемницей отмеченных археологических учреждений России. В 1926 г. она была преобразована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), которая в 1937 г. вошла в состав Академии наук СССР как Институт истории материальной культуры (ИИМК). До 1943 года Институт находился в Ленинграде, а в Москве было его Отделение. В 1943 году Институт был переведен в Москву, а в Ленинграде осталось Отделение. В 1957 г. ИИМК АН СССР был переименован в Институт археологии АН СССР. В 1969 году в связи с 50-летием Институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1992 году на базе Ленинградского Отделения Института организовано самостоятельное научное учреждение — Институт истории материальной культуры РАН.

Институт археологии, включая его Ленинградское Отделение, являлся в продолжение многих лет головным археологическим учреждением страны. Объем выполненных Институтом за эти годы научных и полевых исследований поистине огромен. Достаточно отметить изданные Институтом более 150 выпусков «Материалов и исследований по археологии СССР» (МИА), 30 сборников альманаха «Советская археология», на основе которого в 1957 году был создан ежеквартальный журнал того же названия, переименованный в 1992 году в «Российскую археологию», около 75 томов «Свода археологических источников», 210 выпусков «Кратких сообщений Института археологии о докладах и исследованиях» (КСИА), сотни монографических трудов и коллективных изданий и свыше 20 ежегодников «Археологические открытия». Следует выделить особо многотомную «Археологию СССР с древнейших времен до средневековья», к подготовке которой привлечены специалисты из всех археологических центров, многих ВУЗов и музеев страны. В настоящее время из 20 томов этого фундаментального труда в свет вышло 13, а четырнадцатый том находится в производстве. Благодаря работам Института, удалось выявить и исследовать многие тысячи разновременных памятников, выделить десятки и десятки новых археологических культур от палеолита до средневековья на обширных пространствах Евразии, что в конечном итоге позволило воссоздать многие страницы древнейшей и средневековой истории и культуры народов нашей многонациональной страны.

Первоначально научно-исследовательская работа Института в Москве велась

в четырех отделах: первобытной археологии (неолита и бронзы), скифо-сарматской археологии, античной (классической) археологии, славяно-русской археологии. Развитие науки сделало необходимым создание: лаборатории естественно-научных методов, отдела археологических сводов и карт, отдела охранных раскопок, отдела теории и методики, группы зарубежной археологии, сектора палеолита и мезолита, сектора археологии Москвы, группы физической антропологии, группы средневековой археологии евразийских степей, группы арктической археологии. Кроме того имеется лаборатория реставрации и консервации археологических находок, библиотека и научный архив, представляющий собой уникальное хранилище документации о всех археологических работах на территории России, начиная с 1945 года. Этот бесценный фонд должен рассматриваться как одно из национальных сокровищ России.

Особое место в структуре Института занимает Отдел полевых исследований (ОПИ). На Институт возложена важная задача государственного значения — контроль за всеми полевыми археологическими работами на территории России. Отдел полевых исследований выдает разрешение — так называемые Открытые листы — на право производства археологических раскопок и разведок на территории нашей страны и анализирует отчеты об этих работах, которые после утверждения передаются в архив, упомянутый выше. До 1993 г. Отдел полевых исследований ежегодно выдавал не менее 750—800 Открытых листов.

До недавнего времени Институт ежегодно проводил около 100 экспедиций, а также разведки в различных регионах бывшего Советского Союза, включая труднодоступные высокогорные и пустынные районы, а также районы Крайнего Севера. В результате открыты многие тысячи разновременных памятников древности — от каменного века до позднего средневековья и сделаны поистине выдающиеся открытия. Они позволили заглянуть в глубь веков, к истокам культуры и истории народов нашей многонациональной страны.

Невозможно в рамках одной статьи рассказать о всех выдающихся открытиях, заставивших пересмотреть существующие представления. Огромную известность получили результаты работ Новгородской экспедиции, организованной Институтом археологии и Кафедрой археологии Исторического факультета МГУ. Среди огромного количества находок центральное место несомненно занимают берестяные грамоты, впервые найденные в 1951 году. Позднее такие же грамоты были найдены в Пскове, Смоленске, Старой Руссе, Москве и других древнерусских городах. Это неожиданное открытие убедительно доказало широкое распространение грамотности в Древней Руси и то, что ею владели не только монахи и люди из княжеского окружения, но и простые горожане.

Если обратиться к более ранним эпохам, то надо вспомнить поистине сенсационное открытие палеолитической живописи в Каповой пещере на Урале. Подобные произведения древнейшего искусства до этого были известны в южной Франции и Испании. Поэтому открытие нарисованных охрой изображений животных — мамонтов и лошадей — вызвало огромный интерес научной общественности в мире. Не меньшее значение имела находка на реке Клязьме у г. Владимира на стоянке Сунгирь уникальных по сохранности, сложности обряда захоронения и богатству сопровождающих вещей погребений эпохи верхнего палеолита (около 25 тысяч лет до н. э.).

В Институте традиционно большое внимание уделялось античной и скифо-сарматской археологии. Среди выдающихся открытий, сделанных в этой области, первое место несомненно занимает Александровский курган в Ставропольском крае. Его насыпь скрывала сложнейшие сооружения, включающие гробницу и храм огня. Это захоронение скифского вождя, относящееся к VII—VI вв. до н. э., не имеет аналогий среди других исследованных царских скифских курганов.

Важной стороной деятельности Института стала экспедиционная работа за рубежом страны, прежде всего в областях сложения древнейших цивилизаций. Первая зарубежная экспедиция в Монголию была организована в 1948 г. Позднее проводились многолетние раскопки в Центральной Азии (Монголии и Афгани-

стане), Балкано-Дунайском регионе (Болгарии, Венгрии, Албании), в Месопотамии (Ираке и Сирии), в долине Нила (Египте), на юге Аравии (Йемене), на островах Шпицберген (Норвегия), в Америке (Кубе и Колумбии). Были получены исключительно ценные материалы для реконструкции культурно-исторического процесса в древности в Старом и Новом Свете. Трудно переоценить, в частности, результаты исследований в Ираке и Сирии Месопотамской экспедицией Института для изучения проблемы возникновения производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) и формирования древнейшей цивилизации человечества. А с точки зрения разработки проблемы расселения древнейшего человека существенные результаты были получены в Южном Йемене (Аравия). Открытие здесь памятников нижнего палеолита пролило новый свет на самый ранний период человеческой истории, указав один из возможных путей расселения человека из его африканской прародины. Общепризнано, что ныне без учета отмеченных результатов работ ученых Института археологии РАН невозможно решать многие кардинальные вопросы археологии и древнейшей истории Ближнего Востока.

В деятельности Института большое место всегда занимают вопросы охраны памятников археологии. Для проведения охранных работ в структуре Института уже около 30 лет функционирует специальное подразделение — Отдел охранных раскопок, выполняющий ежегодно значительный объем полевых изысканий в зонах народнохозяйственного строительства.

Большое внимание уделяется использованию в археологии методов естественных и точных наук. Мировое признание получили исследования сотрудников Института в области спектрального анализа, дендрохронологии, палеозоологии, палеоботаники.

Особую перспективность имеет новое направление, которое недавно начало развиваться в Институте,— это аэрокосмическое зондирование археологических объектов, с помощью которого можно не только открыть ранее неизвестные археологические памятники, но и выявить их внутреннюю структуру.

Все подразделения Института, включая Архив, имеют в своем распоряжении современную компьютерную технику, позволяющую создавать информационно-поисковые системы для различных видов археологических источников, базы и банки данных и проводить их статистическую обработку.

Велика заслуга Института в подготовке высококвалифицированных специалистов для академических учреждений, высших учебных заведений и многих музеев страны. Аспирантуру Института в Москве и Санкт-Петербурге окончили представители многих стран не только СНГ, но и дальнего зарубежья. Институт археологии, а теперь и Институт истории материальной культуры РАН продолжают уделять большое внимание подготовке научной смены.

Результаты научных и полевых исследований Института археологии РАН получили мировую известность и широкое признание. 16 сотрудников Института были удостоены высоких Государственных премий.

К глубокому сожалению, наш Институт, как и другие научные учреждения РАН и страны в целом, переживает в последние годы нелегкие времена. По сути дела, с 1992 г. Институт не получает финансирования на научно-исследовательскую работу. В особо тяжелом положении оказалась экспедиционная деятельность Института. Однако, несмотря на все трудности, Институт продолжает активно функционировать и выполнять целый ряд исследований, в том числе в рамках программ Отделения истории РАН, посвященных изучению археологии, древней и средневековой истории и культуре народов России и других стран. Завершается подготовка 20-томной Археологии России и других стран СНГ. Идет успешно работа над составлением «Археологической карты России», первые четыре выпуска которой вышли в свет в 1993 г.

В связи с 75-летием состоялось торжественное заседание Ученого совета Института археологии РАН с докладом академика Б. А. Рыбакова «Вклад археологии в изучение истории России». Выступивший на Ученом Совете академик-секретарь Отделения истории РАН академик И. Д. Ковальченко поздравил

коллектив Института со значительным юбилеем и пожелал ему новых дальнейших успехов.

С 4 по 21 апреля 1994 г. в Москве во Всероссийском музее декоративно-прикладного народного искусства была проведена выставка «Древности Отечества (новые археологические открытия)», посвященная 75-летию ИА РАН.

Юбилею Института археологии РАН посвящена также изданная в апреле монография заведующего сектором Института Л. А. Беляева на тему: «Древние монастыри Москвы по данным археологии».

То, что Институт археологии РАН располагает высококвалифицированными кадрами ученых-археологов, которые имеют большой опыт проведения исследований, позволяет надеяться, что он сохранит свое положение одного из ведущих учреждений в области археологии.

Х. А. АМИРХАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Западный Кавказ относится к областям, чрезвычайно насыщенным палеолитическими и, в частности, верхнепалеолитическими памятниками. Только в одной западной части современной Грузии насчитывается около 90 стоянок и пунктов с материалами верхнепалеолитического времени [1, с. 23]. Основная часть этих памятников была открыта и исследована много десятилетий назад. А к концу 40-х годов нашего века уже сложилась общая концепция верхнего палеолита Кавказа. Эта концепция претендовала на охват практически всех принципиальных вопросов археологической части проблематики. Согласно ей верхний палеолит Кавказа представляется как гомогенный культурный массив, прошедший в своем развитии три эволюционные стадии и имеющий на всем своем протяжении генетическую преемственность [2]. Последующие уточнения, вносившиеся в эту схему, касались более дробного членения стадий эволюции и обоснования локальной дифференциации проявлений этой культуры на заключительном этапе верхнего палеолита [3, 4].

Общим для всех подходов к корректировке традиционной схемы было то, что все они оперировали чисто археологическими категориями и опирались только на типолого-статистический метод анализа. Необходимость привлечения естественнонаучных данных не всегда учитывалась. Господствовало представление о том, что состав растительности и животного мира в позднем плейстоцене Кавказа не претерпевал заметных эволюционных изменений. Исходя из такого подхода, списки фауны многослойных памятников публикуются зачастую суммарно, единым списком. Нельзя считать благополучным и состояние с использованием палинологического метода. Из всего обилия верхнепалеолитических памятников им охвачено только семь стоянок, исследовавшихся в основном в последние два десятилетия (рис. 1). Не лучше обстоит дело и с количеством памятников, имеющих абсолютные датировки.

Ход новых конкретных исследований и возросший общий уровень первобытной археологии делали все более настоятельной необходимость общей ревизии концепции развития верхнего палеолита Западного Кавказа. По существу это был бы новый взгляд на верхний палеолит всего Кавказа, так как именно на западно-закавказских материалах базировалась всегда общая концепция верхнего палеолита всей кавказской горной страны.

На северном склоне Кавказа новые раскопки ранее изучавшихся памятников начались в 1970-х годах. Эти работы носили комплексный, многодисциплинарный характер. Уже в самом начале они привели к существенному пересмотру представлений о возрасте, хронологической протяженности и содержанию двух из трех признанных ранее финальнопалеолитических культур Кавказа — чохской и губской. На основе разносторонних данных чохская культура Северо-Восточного Кавказа была передатирована мезолитом и неолитом [5]. Что касается Северо-Западной части Кавказа, то было поставлено под сомнение наличие хронологической и культурной непрерывности ее памятников в рамках верхнего палеолита. Был установлен факт интерстратификации различных культур, в ряду которых

© Х. А. Амирханов, 1994 г.

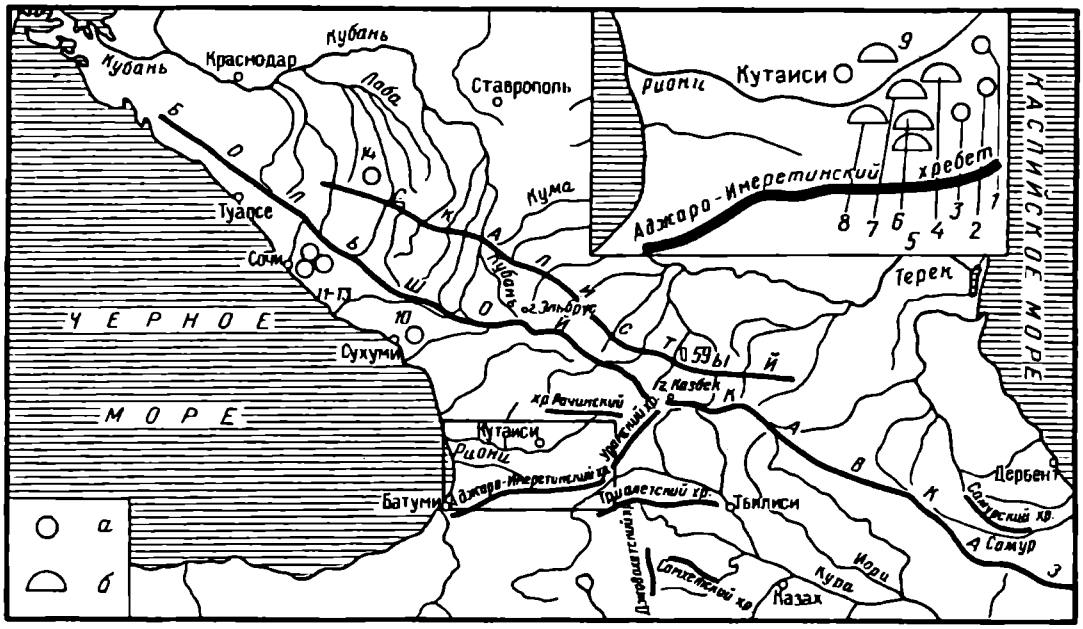


Рис. 1. Расположение памятников (по В. П. Любину и Х. А. Амирханову) *а* — памятники, предпочтительные для выработки периодизационной схемы; *б* — памятники, на которых основывается традиционная периодизация.

1 — Ортвала-клде; *2* — Дзудзуана; *3* — Самерцхле-клде; *4* — Гварджилас-клде; *5* — Девис-хврели; *6* — Мгвимеви; *7* — Хергулис-клде; *8* — Таро-клде; *9* — Сакажиа; *10* — Ашанча; *11—13* — Ахштырская, Навалишенская и Малая Врощовская пещеры; *14* — Губский навес № 1

губская культура представала как последний по времени эпизод переслаивания местных верхнепалеолитических культурных традиций [6].

Примерно в это же время тотальную ревизию верхнепалеолитических материалов Западного Закавказья осуществил польский исследователь Я. Козловский [7, 8]. Он поставил задачу сделать хронологическую и культурную разбивку материалов, основываясь на обобщении литостратиграфических данных. Изучив в основном по публикациям и раскопочной документации разрезы пещерных стоянок, он распределил все памятники на пять хронологических групп. Логической основой для указанного подразделения послужило принципиальное признание того, что в пещерных разрезах должны были отразиться глобальные климатические изменения верхнего плейстоцена. Индикатором похолоданий при таком подходе предлагалось считать щебнистые прослойки, а показателем мягкого климата — различные виды суглинков без заметного содержания щебня. Расположение над культурным слоем того или иного количества щебнистых прослоев принималось за основу для определения соответствующей для данного слоя ниши в европейской шкале климатических осцилляций второй половины вюрма.

Необходимо сразу отметить, что к такому способу установления хронологии памятников автора могло подтолкнуть только отчаяние от почти полного отсутствия других естественнонаучных данных и невозможность проведения здесь собственных раскопок. В действительности литологические проявления пиков похолодания и потеплений в мустьерских и верхнепалеолитических разрезах Кавказа неодинаковы и к тому же сами разрезы далеко не всегда непрерывны. Возможность полноценного использования данных этого рода часто ограничена чересчур общим характером описаний и слишком схематическими изображениями разрезов в публикациях. Не случайно поэтому при составлении своей схемы Я. Козловский столкнулся со многими противоречиями, которые в конце концов решил, прибегнув к тому же типологическому методу.

В отношении проблемы культурной специфики памятников региона в работах Я. Козловского принципиальным было заключение о билинейном характере развития культуры Западного Кавказа на протяжении значительной части верхнего

палеолита. Тем самым ставилось при сомнение устоявшееся положение об однородности рассматриваемой культуры, допускавшее лишь существование культурных вариаций небольшого размаха, не нарушающих указанного единства.

В обращении Я. Козловского к кавказским материалам имелось несколько положительных моментов. Его попытка литостратиграфического обоснования периодизации, хоть и не бесспорная, была все же первой для верхнего палеолита Кавказа. Она с очевидностью показала невозможность решения проблем хронологии и культурных интерпретаций памятников без новых комплексных полевых изысканий. Была конкретно поставлена задача выявления в позднеплейстоценовых разрезах отчетливых палеоклиматических рубежей.

Заслуживают особого внимания источниковедческие обобщения Я. Козловского. Представляется достаточно обоснованным вывод о том, что коллекции таких памятников, как Таро-клде и Хергулис-клде представляют собой в действительности механическую смесь мустьерских и верхнепалеолитических материалов. Не вызывает возражений и то, что культурные слои пещер Сакажиа и Гварджилас-клде в действительности не единичны, хотя сейчас — по прошествии многих десятилетий после их первых исследований и при отсутствии полной раскопочной документации — трудно установить с достоверностью истинное количество культурных слоев, имевшихся в этих памятниках. Такая оценка источников не является неожиданной и имеет принципиальную важность, так как она практически разрушает более или менее общепринятую концепцию эволюции верхнего палеолита Кавказа. В этой (замятнинской) концепции ранняя пора верхнего палеолита характеризовалась материалами именно тех двух сомнительных памятников — Таро-клде и Хергулис-клде. А в основу третьей, заключительной, стадии была положена индустрия Гварджилас-клде. Стратиграфически ущербными оказались и материалы пещеры Сакажиа — памятника, относимого по рассматриваемой концепции к средней поре верхнего палеолита. Таким образом, из всех памятников, составлявших основу канонизированной схемы эволюции верхнего палеолита Западного Закавказья, сомнений в однородности их коллекций не вызывают только две однослойные пещерные стоянки — Девис-хврели и Мгвимеви. Их традиционно относят к средней поре верхнего палеолита.

Следует отметить, что необходимость пересмотра или существенной корректировки периодизации верхнего палеолита Кавказа ощущалась и до работ Я. Козловского. Заметными были усилия, предпринятые в этом направлении Н. З. Бердзенишвили [9] и Д. М. Тушабрамишвили [1]. Однако эти попытки не привели к сколько-нибудь завершенным итогам из-за того, что исследователи вынужденно оставались в рамках чисто типологического метода и относились недостаточно критично к старым материалам. Ввиду недостатка аналитических данных, полученных комплексными исследованиями пещерных разрезов, страдает недостатком доказательств по ряду аспектов и концептуальная ревизия, сделанная Я. Козловским.

Рассматриваемая проблематика еще долго будет оставаться предметом внимания и острых дискуссий исследователей. Конечно, успех решения вопросов будет зависеть в первую очередь от накопления новых археологических источников. Представляется, однако, что еще не исчерпаны возможности и в части поисков новых подходов к освещению проблемы. Попыткой нащупать один из таких подходов и является эта работа. Основа предлагаемого подхода апробирована ранее автором на северокавказских материалах. Она предельно проста и предполагает лишь последовательно критичное отношение к источникам и абстрагирование от заданных схем при интерпретации материалов.

Исходным пунктом является разделение анализируемых источников на две качественно разнородные группы. К одной из них относятся памятники, не представляющие геоархеологических, биостратиграфических данных, не имеющие радиоуглеродных датировок и обладающие спорными или заведомо ущербными археологическими материалами. Вторая группа должна объединить памятники, изучавшиеся комплексно и имеющие строго стратифицированные вещественные комплексы, не допускающие разночтений относительно их стратиграфической

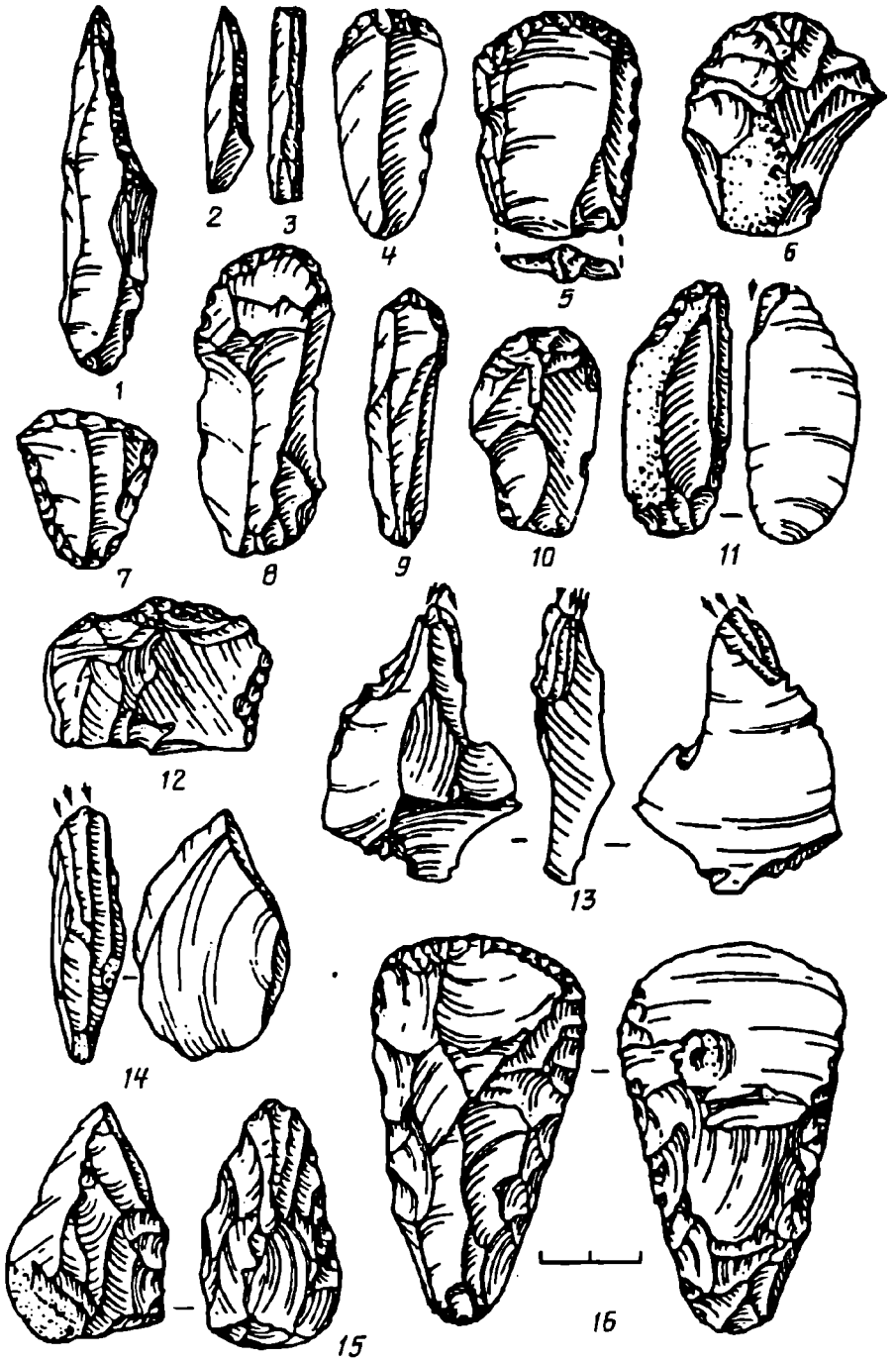


Рис. 2. Образцы инвентаря пещерной стоянки Дзудзуана (по Д. М. Тушабрамишвили)

позиции. Первая группа охватывает основную часть верхнепалеолитических памятников Западного Закавказья. Как отмечалось выше, хронология, периодизация, схема эволюции и культурологическая концепция верхнего палеолита Кавказа строятся именно на материалах памятников этой группы. Что касается памятников второй группы, то их данные приводятся обычно лишь для подтверждения традиционной схемы, без попытки сделать независимый от чисто археологического материала суммарный анализ геоархеологических, биостратиграфических и палеоботанических данных.

Предпочтение, которое обычно отдается исследователями памятникам первой группы, целиком обязано давлению традиции. Чтобы устранить содержащийся в этой позиции методический изъян, следовало бы при решении конкретных

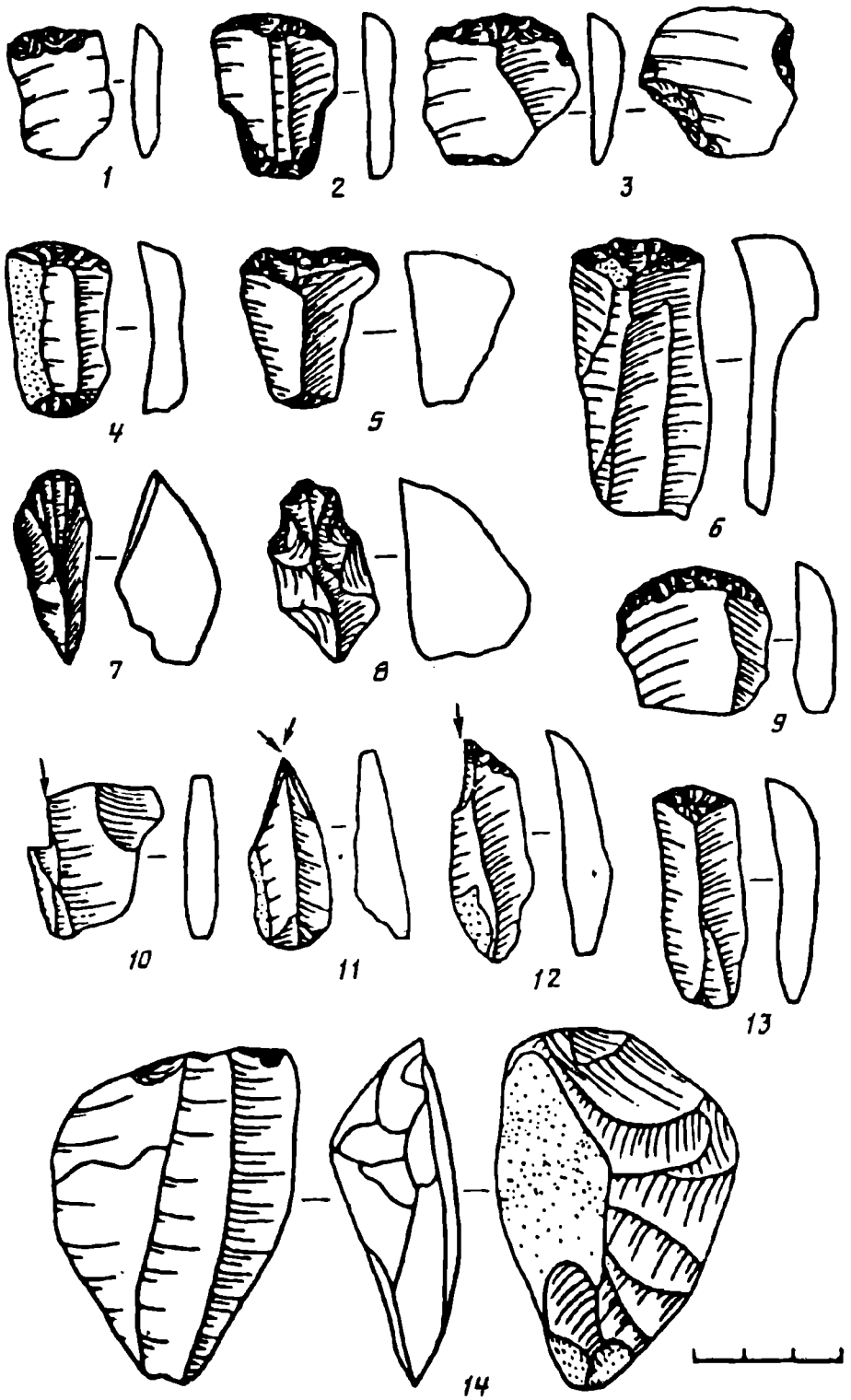


Рис. 3. Образцы инвентаря верхнепалеолитического слоя 2 Губского навеса № 1 (раскопки П. У. Аутлева, В. П. Любина и Х. А. Амирханова)

вопросов опираться на данные только полноценных материалов или хотя бы решать эти вопросы порознь для двух отмеченных типов источников. Тут можно возразить, что памятники второй группы не позволяют из-за своей малочисленности выработать сопоставимую с традиционной по завершенности и полноте схему. Но, во-первых, и традиционная схема была построена поначалу только на шести памятниках. К тому же полнота и завершенность ее, как видно из приведенного обзора, во многом были кажущимися. Во-вторых, задача анализа

материалов на нынешнем этапе должна быть ориентирована не на получение окончательных решений, а на составление культурно-хронологической классификации имеющихся памятников независимо от количества последних. И в-третьих, лучше схема более общая, но опирающаяся на комплекс объективных показателей, чем детальная, но заведомо интуитивная. Впрочем, до существенного приращения новых источников оба подхода к проблеме могли бы существовать и параллельно.

Итак, к памятникам второй группы с материалами, имеющими разносторонние характеристики, можно отнести следующие пещерные стоянки Западного Кавказа: Ортвала-клде, Дзудзуана (рис. 2), Ахштырь, Апианча, Навалишенская, Малая Воронцовская, а также Губский навес № 1 (рис. 3). Последний расположен на северном склоне Большого Кавказа, а все остальные — в Западном Закавказье. Для всех названных памятников имеются палинологические данные и в разной степени детализованные фаунистические материалы. Все они раскапывались при участии геологов, изучавших детально литологию, а в некоторых случаях гранулометрию и химический состав осадков. Недостатком их остается единичность имеющихся радиоуглеродных датировок. Некоторые из последних к тому же не могут приниматься во внимание ввиду явного несоответствия показателям других способов датирования или взаимной противоречивости. Так, например, для верхнепалеолитического слоя Ортвала-клде имеется дата 7250 + / — 130 (ИГАН 980). Для мустьерского слоя 7 того же памятника получена в той же лаборатории дата 15640 +/ — 540 (ИГАН 1282). Для верхнепалеолитических слоев Апианчи имеется три радиоуглеродные даты. Две из них, полученные для одного и того же слоя (слой 5) в двух разных лабораториях, существенно противоречат друг другу (17300 + /—500 и 25970 + /—650. И только три даты: 14640 + /—350 для слоя 4 Апианчи, 19550 + /—500 для слоя 2 Ахштыря и 14100 + /—100 для слоя 1 Малой Воронцовской пещеры считаются специалистами в основном не противоречащими комплексу археологических, стратиграфических и других показателей памятников.

Из приведенных выше данных ясно, что хронологическое группирование рассматриваемых памятников не может в данном случае базироваться на радиоуглеродных датировках. Имея однако литологические, минералогические, палинологические и в некоторой степени палеозоологические остатки, можно подойти к обобщенной датировке этих комплексов с опорой на палеоклиматическую шкалу. Главной методической задачей для осуществления этого является выявление в разрезах стоянок основного «климаторазделительного рубежа» (по В. П. Любину) второй половины последнего оледенения, которое соответствует вюрму 3 альпийской гляциальной схемы. Разрезы рассматриваемых памятников, будучи достаточно протяженными, отвечают условиям, необходимым для идентификации этого разделительного рубежа. Шесть из семи памятников содержат кроме верхнепалеолитических еще и мустьерские слои, а сама верхнепалеолитическая толща почти во всех случаях включает два и более литологически разнородных горизонта, отражающих разновременные уровни обитания. Так, Ортвала-клде и Губский навес № 1 содержат по два верхнепалеолитических культурных слоя, в Дзудзуане выделено семь культурных горизонтов, в Апианче имеется три верхнепалеолитических слоя (слои 4, 5, 7). Следовательно, если в отложениях памятников выделяются следы похолоданий и потеплений, то их можно увязать с общей климатической шкалой позднего плейстоцена. При этом риск перепутать стадиалы или ошибиться на целый палеоклиматический цикл невелик, так как возможности корректировки результатов собственно археологическими данными в масштабах эпох достаточно надежны. К тому же на верхний палеолит приходится фаза максимального похолодания последнего оледенения, которая должна была оставить в отложениях памятников наиболее выразительные проявления. Обращение к конкретным материалам показывает, что фаза (стадиал) существенного похолодания выражена во всех рассматриваемых памятниках и опознается она даже тогда, когда литологические характеристики сравниваемых памятников неодинаковы. Рассмотрим далее эти данные подробнее.

В пещере Дзудзуана ее первым исследователем Д. М. Тушабрамишвили было выделено 11 литологических слоев [10]. Семь из указанных слоев содержали археологические остатки верхнего палеолита. Проведенный в ходе раскопок Т. К. Мешвелиани гранулометрический, минералогический и палинологический анализ позволяет выявить в разрезе резкое изменение климата в сторону похолодания на уровне слоя 6. Механический состав литологического содержимого этого слоя на 50% состоит из известнякового щебня. Отличительным минералогическим признаком слоя 6 является высокое содержание в нем водяно-прозрачного кальцита, что является показателем холодного климата [11, с. 232]. Палинологические данные демонстрируют заметную смену климата от холодного к теплому, начиная с уровня слоев 6—4. Спорово-пыльцевые спектры слоев 6—4 указывают на открытые безлесные пространства с наличием лишь незначительных облесенных участков, занятых хвойными (сосна, ель). Эта картина сменяется в вышележащих горизонтах появлением в окрестностях пещеры широколиственного лесного покрова, составленного дубом, буком, грабом, лещиной, ольхой. Разнообразнее и полнее становится и номенклатура травянистых растений [11, с. 234].

В фаунистических остатках, относящихся к слоям 6—4, существенно преобладают кавказский тур и лошадь, что подтверждает устанавливаемый по палинологическим данным факт заметного смещения в них ландшафтных зон верхнего пояса гор. Таким образом, в разрезе Дзудзуаны фиксируется существенное похолодание с отчетливым максимумом на уровне слоя 6. Это похолодание сменяется затем достаточно продолжительным отрезком теплого и влажного климата, имевшего интерстадиальный характер.

Пещера Апианча [12] содержит девять литологических слоев. Из них четыре слоя заключают археологические материалы палеолитического времени. Нижний культурный слой относится к финальному мустье, три вышележащих датируются верхним палеолитом. Палеоклиматические реконструкции по пещере Апианча базируются в основном на данных спорово-пыльцевого анализа. Палинологический спектр мустьерского слоя демонстрирует преобладание в составе древесной растительности лиственных пород. Общая ландшафтная ситуация указывает на близость температурных показателей к современным. Следующий в разрезе — верхнепалеолитический слой (слой 7) отличается заметным снижением январских и июльских температур. Хвойные леса, состоящие из ели, пихты, сосны, перемещаются вниз как минимум до высотной отметки, на которой расположена пещера (450 м над уровнем моря). Эта картина, указывающая на установление холодного климата, становится значительно более контрастной в вышележащем стерильном слое (слой 6). Содержание пыльцы ели достигает здесь 41%, а пихты — 25%. Новая значительная смена растительного покрова фиксируется на уровне культурного слоя 5. На этой климатической стадии хвойные формации заменяются лиственными. Масштаб смены растительного покрова укладывается в представления о межстадиальных климатических условиях. В более поздние отрезки палеолитического времени и мезолите здесь уже не происходит сравнимых по размаху с указанными ландшафтных перестроек. Радиоуглеродная дата для верхней части этого слоя составляет 17300 ± /500.

Фаунистические остатки пещеры Апианча, к сожалению, не изданы с дробным членением по вертикали. Можно согласиться с мнением В. П. Любина, что наличие в суммарном списке фауны «сухо- и теплолюбивых (закавказская слепушонка и серый хомячок), лесных (желтогорлая лесная мышь, лось, кабан и др.) и горно-луговых видов (козел, кавказский тетерев) предполагает их определенное распределение по разным климатостратиграфическим уровням» [13, с. 116].

Губский навес № 1 так же, как и вышеуказанные памятники, дает выразительные палинологические данные, указывающие на неоднократную смену климатических условий во второй половине вюрмского оледенения, но уже на северных склонах Большого Кавказа. Из 14 литологических слоев стоянки 3 включают культурные остатки. Один из них датируется поздним мустье, а два остальных — верхним палеолитом.

В позднемустьерское время в районе стоянки существовали перигляциальные условия. Время, непосредственно предшествующее нижнему верхнепалеолитическому слою, характеризовалось межстадиальным (межфазиальным) улучшением климата. Затем следовал эпизод сухого и относительно прохладного климата. Та часть разреза, которая ограничена верхнепалеолитическими слоями, содержит два оптимума тепла, разделенных стерильным, в археологическом отношении, горизонтом с признаками резкого похолодания. Последний характеризуется перигляциальной растительностью. Лесной покров в это время практически исчезает. В составе растительности появляются виды, свойственные субальпийскому поясу гор. В начале и конце этого климатического отрезка отмечается установление ландшафтов со степными флористическими характеристиками. Оптимум предшествующей холодной фазы отличался относительно влажным климатом, существованием древесной растительности, составленной широколиственными породами (60% орешника), и почвообразованием (культурный слой здесь приурочен к погребенной почве). Второй — верхний оптимум — был наиболее влажным в рамках времени формирования разреза. В слое 3, соответствующем этому оптимуму, наблюдается максимум пыльцы древесных и кустарниковых пород (70%). Хвойно-широколиственные леса были образованы дубом, грабом, вязом, ясенем, дзельквой, пихтой, елью. Вторичное в течение верхнего палеолита заселение навеса человеком на уровне этого слоя еще не состоялось. Оно имело место несколько позже и связано с временем образования перекрывающего горизонта, который литологически очень близок предыдущему, но палинологически не охарактеризован из-за скудости спорово-пыльцевых остатков. Косвенные данные позволяют предполагать, что это был период несколько более сухого климата. Выше данного слоя залегает с размывом голоценовая почва, образующая современную дневную поверхность.

Таким образом, заключенный между двумя оптимумами холодный стадиал верхнепалеолитической части разреза Губского навеса № 1 может быть обоснованно сопоставлен с максимумом позднеюрмского похолодания.

Ахштырская пещера [14—16] также содержит мустьерские и верхнепалеолитические культурные слои. Мощность верхнепалеолитической части разреза варьирует здесь от 0,6 до 1 м. Эта толща, к сожалению, не изучалась с необходимым в таких случаях дробным литологическим членением. Тем не менее палинологический анализ позволяет выявить качественные различия в составе растительных остатков различных уровней этой толщи. Спорово-пыльцевые данные верхнепалеолитического слоя фиксируют в средней части отложений распространение сосновых лесов на уровне расположения пещеры (120 м над уровнем моря). При этом сохранялись природные убежища для теплолюбивых растительных элементов и оставались пространства, не занятые лесным покровом.

На довольно суровые условия, при которых происходило формирование этого слоя, указывают и геологические характеристики. Основная масса литологического содержимого слоя 2 приходится на дескваматционный щебень. Нижележащие слои, отражающие по палинологическим данным более мягкие климатические условия, образованы глинами и суглинками. Содержание крупнообломочного материала незначительное, и щебнистая фракция подвержена сильному химическому выветриванию.

Общий состав фауны, включающий лесные и горно-степные виды, не противоречит данным спорово-пыльцевых спектров. Заслуживает внимания, в частности, появление почти не представленных в нижележащих мустьерских слоях остатков обитателей верхнего пояса гор — козлов и баранов.

Для этого верхнепалеолитического слоя, как уже указывалось, имеется радиоуглеродная дата, полученная по очажной массе. Она составляет 19000 ± 500.

Аналогичную рассмотренной выше картину можно увидеть при обращении и к другим пещерным стоянкам Кавказа, разрезы которых опробованы палинологическим методом. Сюда можно отнести например Ортвала-клде [17], Малую

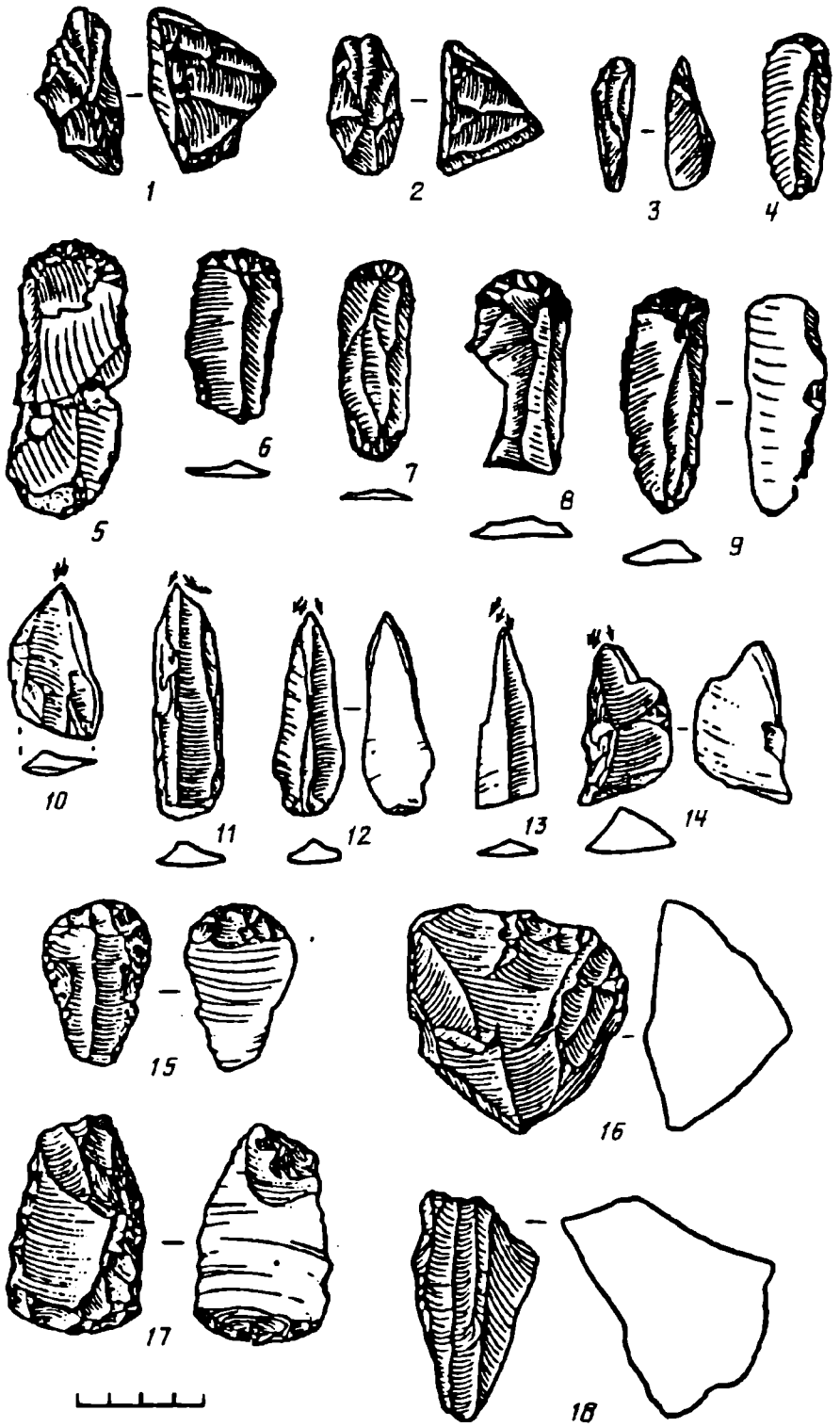


Рис. 4. Образцы инвентаря пещерной стоянки Самерцхле-клде (по М. Г. Ниорадзе)

Воронцовскую [18] и Навалишенскую пещеры [19]. К сожалению, археологические коллекции этих памятников или немногочисленны, или о них имеется лишь предварительная информация. Это не позволяет вовлечь подобные материалы в полной мере в анализ проблемы эволюции верхнепалеолитической культуры Кавказа. А многие из тех стоянок, которые содержат обильные коллекции, как уже отмечалось, практически лишены сколько-нибудь определенных палеоклиматических характеристик. Это ограничивает возможности выработки детальной

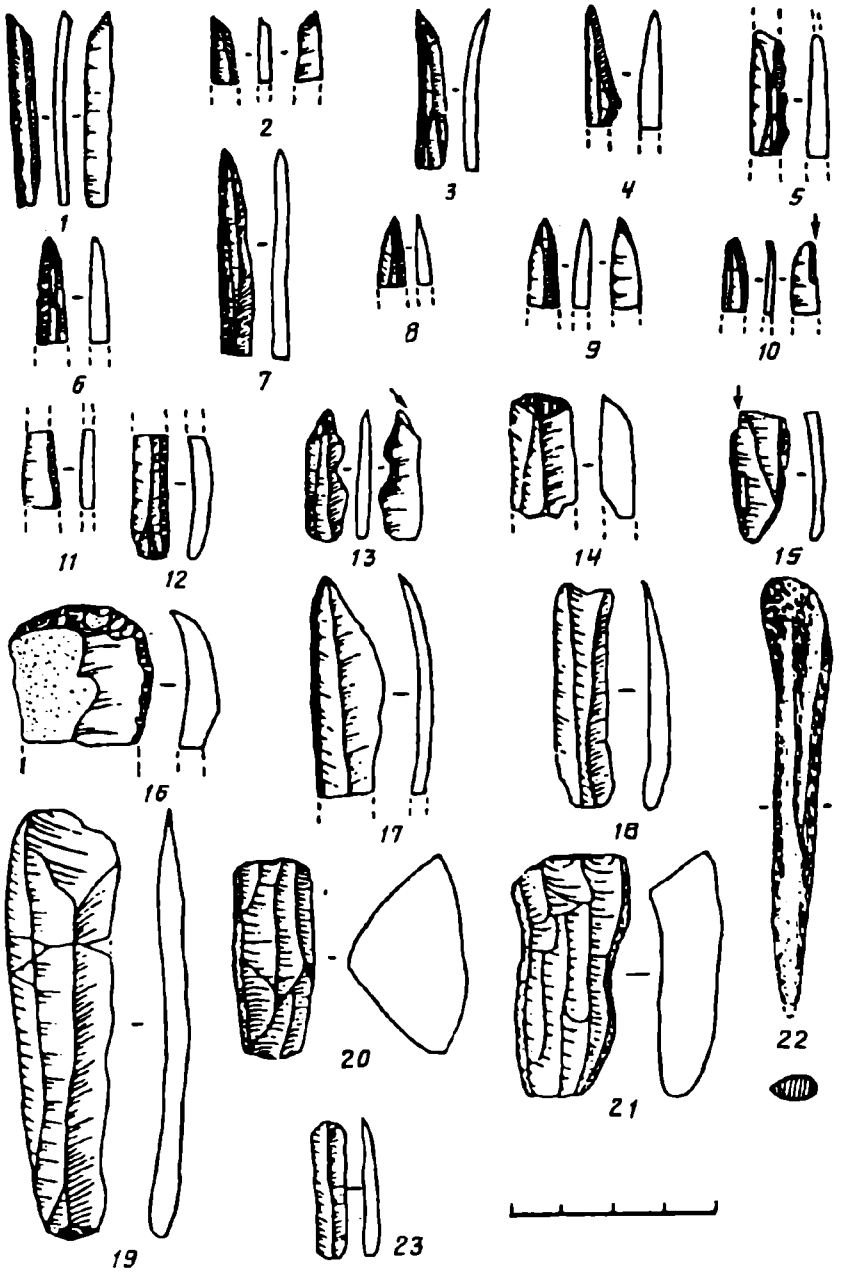


Рис. 5. Образцы инвентаря культурного слоя 1 Губского навеса № 1 (раскопки П. У. Аутлева, В. П. Любина и Х. А. Амирханова)

периодизации культуры, но, как кажется, не отрицает самой возможности предлагаемого подхода.

Сделанный выше обзор позволяет заключить, что при многодисциплинарном изучении в разрезах верхнепалеолитических памятников Кавказа в принципе удается вычленить стратиграфический отрезок, соответствующий максимальной стадии позднеюрмского похолодания. Даже при отсутствии радиоуглеродных датировок он может служить хронологическим репером для установления стадиальных подразделений верхнего палеолита Кавказа. На основе этого подхода выделяются две хронологические группы, разделяемые максимумом похолодания. В абсолютном исчислении времени этот рубеж устанавливается в пределах 20—18 тыс. лет назад.

Из рассмотренных выше памятников к первой (предшествующей максимуму похолодания) группе относятся: культурные горизонты 7—8 пещеры Дзудзуана и второй верхнепалеолитический слой Губского навеса № 1. С определенной

степенью уверенности к этой же группе можно отнести и культурный аналог Дзудзуаны — пещеру Самерцхле-клде (рис. 4). Кроме чисто археологических соображений правомерность этого подтверждается перекрыванием культурного слоя Самерцхле-клде стерильными щебенчатыми горизонтами [20]. По всем имеющимся данным, в аналогичной ситуации подобные горизонты, как правило, соответствуют холодной климатической фазе [13, с. 126].

К различным фазам второй хронологической группы относятся горизонты 6—2 Дзудзуаны, слои 7, 5, 4 Апианчи, слой 2 Ахштыря, верхний культурный слой Губского навеса № 1 (рис. 5) и некоторые другие. При этом остаются как бы за пределами рассмотрения все те памятники, которые считаются классическими для Западного Закавказья. На самом деле это ощущение кажущееся. Следует вспомнить, что стоянки этого круга, за исключением трех наиболее спорных — пещер Таро-клде, Хергулис-клде и Сакажиа, вслед за С. Н. Замятниным всегда датировались приблизительно мадленским временем, что позволяет находить им место в выделяемой нами второй хронологической группе.

Предлагаемый подход к хронологической разбивке материалов приводит к заключениям, существенно расходящимся с уже принятыми в научной литературе. Во-первых, при таком взгляде не подтверждается единство и непрерывность на протяжении всего верхнего палеолита археологической культуры Западного Закавказья, называемой «имеретинской». Проблематичным предстает с этой точки зрения и вывод Я. Козловского о билинейности развития верхнего палеолита Закавказья. Рассмотренные материалы свидетельствуют скорее о трансформации культуры в начале позднеюрмского максимума. Комплексы предшествующие и последующие за этим хронологическим рубежом в культурном отношении почти не сопоставимы друг с другом. Микропластинки и пластинки с притупленным краем, считающиеся показателем своеобразия всего верхнего палеолита Кавказа, в действительности появляются только в начале максимума похолодания (около 20—18 тыс. лет назад). Значительно позже, чем это считалось прежде, происходит и геометризация орудий.

Основная часть признаков, ассоциируемая обычно с понятием «имеретинская культура», применима к памятникам выделяемой нами второй хронологической группы. В самом начале вюрма 3 видны только намеки на сложение этого культурного комплекса (единичные микропластинки, пластинки с притупленным краем и резцы, оформленные комбинацией ретуши и резцового скола в слое 2 Ахштырской пещеры, Дзудзуане, Самерцхле-клде, слое 7 Апианчи). Несколько позже эти элементы получают развитие и устойчивое разнообразие (рис. 6; 7). По-видимому, ко времени 17—16 тыс. лет назад относится широкое распространение техники ретушного усечения пластинок и появление взаимосвязанного набора типов, включающего пластинки с притупленным краем, прямо- и косоретушные резцы, орудия, близкие к ножам типа шательперрон, и ножи типа ргани, граветтоидные острия и прямоугольники с чешуйчатой подправкой концов со стороны брюшка, горбатые острия, удлиненные асимметричные треугольники.

Сложным является вопрос о причинах указанной культурной трансформации. Решить его на конкретных материалах сейчас не представляется возможным. Общие рассуждения о резкой смене ландшафтов и вызванной этим необходимости реадаптации населения к новым условиям не слишком приближают к пониманию механизма самого процесса. Однако совпадение начала этого процесса с резкой перестройкой климата, по-видимому, не является случайностью, и ключ к решению проблемы, вероятно, лежит в синхронности этих явлений. Рассмотрение стратифицированных фаунистических остатков верхнепалеолитических памятников Кавказа, кажется, подтверждает это предположение. Так, между памятниками первой и второй хронологических групп существует заметная разница в видовом составе промысловых животных. Для памятников первой группы это лошадь, бизон и кавказский козел. Памятники данной группы отличаются и от мустьерских стоянок наличием в фаунистических коллекциях многочисленных остатков костей дикой лошади и одновременно отсутствием или мизерным содержанием остатков

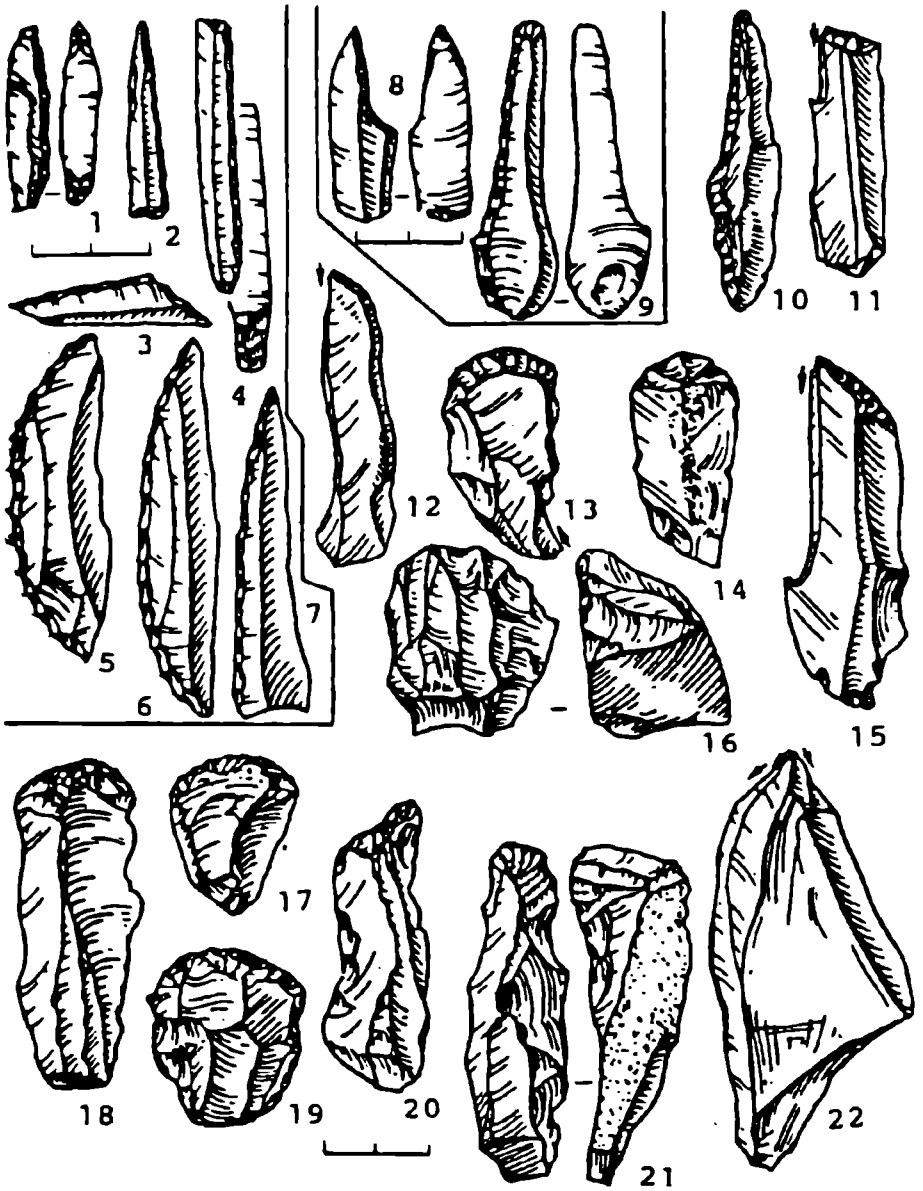


Рис. 6. Образцы инвентаря пещерной стоянки Девис-хврели (*1—7* — по Н. О. Бадеру; *8—9* — по С. Н. Замятину; *10—22* — по Г. К. Ниорадзе)

пещерного медведя [21]. Широкое распространение и даже заметное преобладание пещерного медведя в послемустьерское время наблюдается уже в верхнепалеолитических памятниках выделяемой нами второй хронологической группы.

Предположение о том, что смена объекта охоты приводила к изменению промысловой стратегии, использованию иных орудий и способов охоты, а также появлению новых приемов обработки охотничьей продукции, как будто бы объясняет возможные причины появления культурных инноваций. Однако доказать и конкретно проиллюстрировать это не просто. Варьирование орудийного набора в зависимости от объекта охоты удается доказательно проследить для памятников финального плейстоцена — раннего голоцена. К примеру, на материалах пещеры Квачара устанавливается, что из всего инвентаря этого памятника только костяные наконечники круглого сечения с укрепленными в пазах вкладышами в виде пластинок с притупленным краем могли служить элементом орудия охоты на пещерного медведя. В синхронной стоянке Сатанай на Северном Кавказе для дистантной охоты на дикую лошадь был приспособлен костяной, но уже уплощенный наконечник, не требующий использования вкладышей.

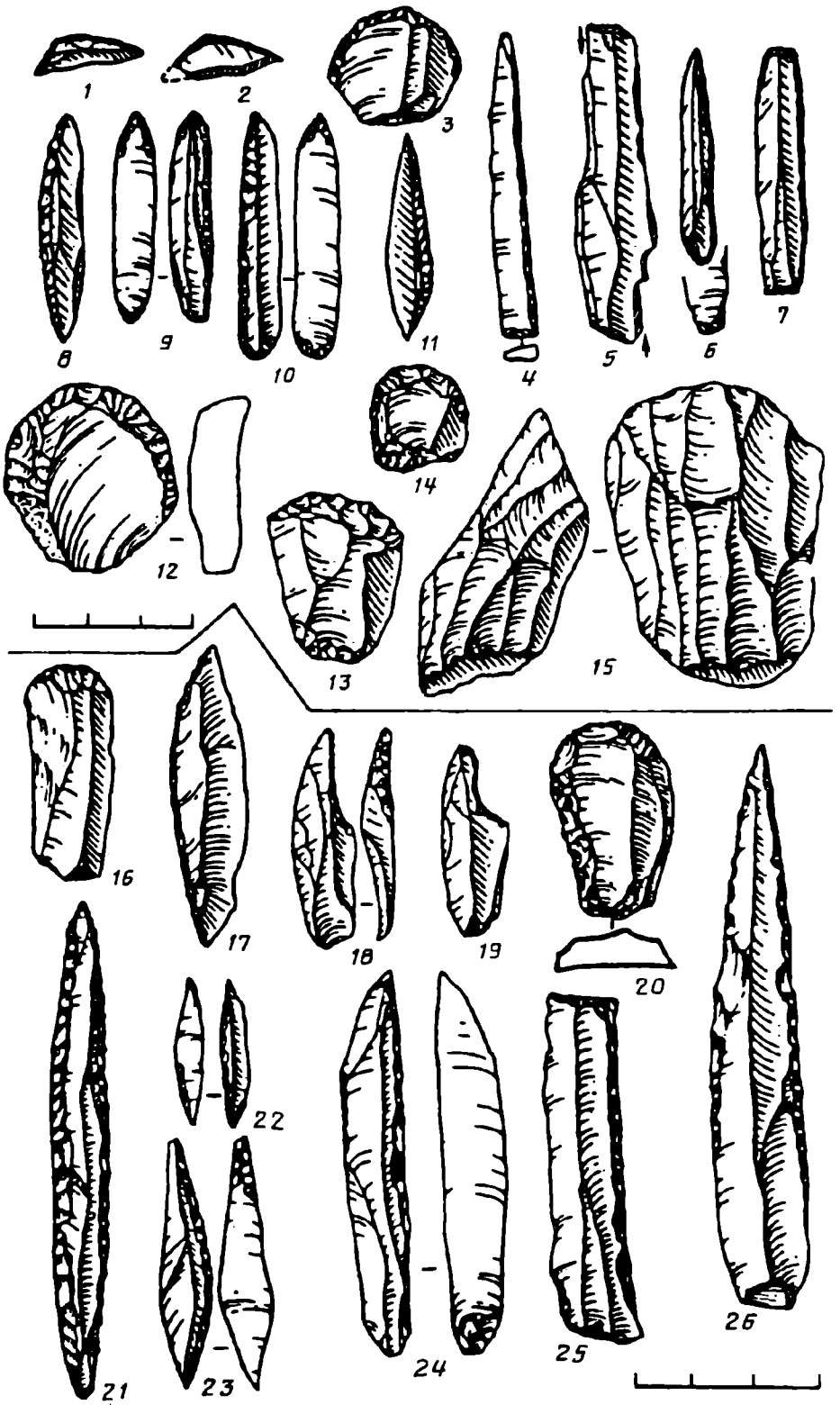


Рис. 7. Образцы инвентаря пещерной стоянки Гварджилас-клде. *1—15* — раскопки С. Круковского; *16—26* — раскопки Д. М. Тушабрамишвили. (*1—15* — по С. Н. Замятнину; *16—26* — по Д. М. Тушабрамишвили)

Приведенные факты могут служить указанием на то, что совместное появление в верхнем палеолите Кавказа костяных наконечников с пазами и пластинок с притупленным краем было обусловлено фактором общим и внешним к чисто технологическому аспекту эволюции каменной и костяной индустрий. Речь здесь может идти об изобретении, а не эволюционном вызревании нового орудия

охоты, предназначенного для особого способа охоты (контактное поражение?) на конкретный объект промысла (пещерный медведь). А что касается техники крутой краевой или, как ее называют чаще, «притупливающей» ретуши, то после возникновения сфера ее применения, естественно, не ограничивалась какой-то одной разновидностью изделий.

Особо можно отметить, что именно адаптивный характер сложения некоторых традиционных элементов культуры второй половины верхнего палеолита Западного Кавказа подтверждается еще и отсутствием доказательных фактов, которые указывали бы на инфильтрацию указанных элементов на территорию Кавказа из сопредельных регионов.

Возвращаясь к проблеме периодизации верхнего палеолита Кавказа, следует отметить, что она, конечно, не ограничивается подразделением памятников только на две стадии. Как кажется, существует возможность вычленения по крайней мере еще двух групп памятников. Одна из них объединила бы памятники начального, а другая — заключительного этапов верхнего палеолита. Из-за состояния источников это невозможно сделать, опираясь только на принятый в данной работе подход. Однако предварительное расчленение материалов представляется в принципе возможным при сочетании климатостратиграфического метода анализа с технико-типологическим.

Обоснованный выше подход к хронологическому членению кавказских верхнепалеолитических материалов ставит по-новому вопрос и о культурной дифференциации последних. В отношении целесообразности пересмотра культурно-хронологических характеристик так называемой «имеретинской» (или по другой терминологии закавказской) культуры выше уже говорилось. В этой же связи в новом свете предстает и проблема культурной вариабельности всего верхнего палеолита Кавказа в целом. Характерно, что для решения этой проблемы традиционным был подход, при котором выделение различных археологических культур (имеретинской, губской, чохской) производилось в общих рамках всего верхнего палеолита. Специфика культур определялась компаративистским, т. е. сравнительно-типологическим методом. При этом совершенно не принималась во внимание явная хронологическая несопоставимость друг с другом сравниваемых комплексов. Ущербность такого подхода стала очевидной, когда после повторных исследований выяснилось, что чохская культура Северо-Восточного Кавказа должна быть передатирована мезолитом и неолитом. Точно также нельзя было считать методически безупречным, когда культурная специфика разновозрастных памятников Северо-Западного Кавказа определялась их обобщенным сопоставлением с хронологически разнородными верхнепалеолитическими материалами Западного Закавказья. Для этой цели в равной мере привлекались памятники, как относимые к начальной поре верхнего палеолита, так и датируемые самым концом верхнепалеолитической эпохи. При этом противники выделения археологических культур в верхнем палеолите ограничивались установлением общих для всей территории Кавказа стадий развития культуры. А сторонники концепции археологических культур делали упор на культурно-географическую дифференциацию групп памятников, не освещая с необходимой четкостью вопрос о том, какой из факторов лежит в основе выявляемых различий — хронологический или этнокультурный. Справедливости ради надо отметить, что такой постановке вопроса во многом препятствовало состояние изученности памятников и качество источников, о чем выше говорилось подробно.

Из всего отмеченного следует, что проблема культурной вариабельности верхнего палеолита Кавказа требует своего углубленного изучения. Специального рассмотрения при этом заслуживает вопрос о том, возможно ли в принципе на имеющихся в настоящее время кавказских материалах выделить культуры для любого из этапов верхнепалеолитического времени? Если основываться на предлагаемом в данной работе подходе, приходится констатировать, что существование такой возможности проблематично. Вероятно, картина предстанет иной после накопления новых данных, но при общем взгляде сейчас складывается впечат-

ление, что памятники выделяемой нами первой хронологической группы (древнее 18—20 тыс. лет назад) не обнаруживают существенных локальных различий. Иное дело, если мы обращаемся к индустриям второй группы и особенно тем, которые датируются концом верхнего палеолита. О пространственной дифференциации культуры в виде сложившихся археологических культур для этого времени можно говорить с той степенью определенности, которую допускает современное состояние палеолитоведческой культурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тушабрамишвили Д. М.* Палеолит Грузии//Вестн. Гос. Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. 1984. Т. 37-В.
2. *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья. Палеолитические пещеры Имеретии//Сборник Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17.
3. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
4. *Бадер Н. О.* Поздний палеолит Кавказа//Палеолит СССР. (Археология СССР). М., 1984.
5. *Амирханов Х. А.* Чохское поселение. М., 1986.
6. *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
7. *Kozlowsky J. K.* Gorny paleolit w krajach zakaukazskich i na Bliskim Wschodzie. Cz. 1: Geochronologia i zagednienie pochatkov gornego paleolitu//Prace komisji archeologichnej Polska AN (odolzial w Krakowie). 1979. № 9.
8. *Kozlowsky J. K.* Gorny paleolit w krajach zakaukazskich i na Bliskim Wschodzie. Cz. 2: Periodizacja gornego paleolitu zachodnich krajov zakaukazskich//Swiatowit. 1972. T. 33.
9. *Бердзенишвили Н. З.* К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии//Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
10. *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ археологической экспедиции в Квирильском ущелье в 1969 г.//Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971.
11. *Мешвелиани Т. К., Твалчрелидзе М. Г., Лордкипанидзе Д. О.* Пещера Дзудзуана//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
12. *Церетели Л. Д., Коркия Л. Д., Шатилова И. И.* Итоги археологического и палеонтологического изучения многоярусной стоянки Апианча//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
13. *Любин В. П.* Палеолит Кавказа//Палеолит Кавказа и Северной Азии. (Палеолит мира). Л., 1989.
14. *Замятнин С. Н.* Ахштырская и Навалишенская пещеры на Черноморском побережье Кавказа//Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6—7.
15. *Паничкина М. З., Векилова Е. А.* Исследование Ахштырской пещеры в 1961 году//КСИА. 1962. Вып. 92.
16. *Векилова Е. А.* Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг.//КСИА. 1967. Вып. 111.
17. *Тушабрамишвили Н. Д., Твалчрелидзе М. Г., Лордкипанидзе Д. О., Буачидзе Ц. И.* Палеолитическая пещера Ортвала-клде//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Докл. междунар. симпозиума). Новосибирск, 1990.
18. *Любин В. П., Соловьев Л. Н.* Исследование малой Воронцовской пещеры на черноморском побережье Кавказа//МИА. 1971. № 173.
19. *Любин В. П., Щелинский В. Е.* Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г.//КСИА. 1967. Вып. 111.
20. *Ниорадзе М. Г.* Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Тбилиси, 1975. (На груз. яз. с рус. резюме.)
21. *Лордкипанидзе Д. О.* Особенности взаимодействия первобытных людей и природной среды в условиях горных территорий. (На примере палеолитических пещер Западного Закавказья): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1992.

Институт археологии РАН,
Москва

AMIRKHANOV Kb. A.

CONCERNING THE EVOLUTION AND THE SYSTEM OF PERIODS OF THE WESTERN CAUCASUS UPPER PALAEOLITHIC

Summary

The existing system of periods of the Upper Palaeolithic Caucasus culture is based only on the typological method and mostly intuitive ideas about the relative chronology of the stone industries. Materials used to prove the system of periods are often not so informative. Trying to work out an impartial system of periods the author offers a climate-stratigraphic method for the artifacts dating. He also divides the sites into two groups separated by the maximum of the Late Würm glaciation. It leads to the change in the typology and chronology of one of the most famous Caucasus Upper Palaeolithic cultures Imeretia culture.

В. И. МАРКОВИН

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Читая новейшую литературу по археологии Северного Кавказа, невольно испытываешь беспокойство. За броскими, крупномасштабными названиями статей и книг чувствуется убожество мыслей, игнорирование и попрание трудов своих предшественников — прекрасных знатоков Кавказа и его древностей, — а порой и полное неумение как-либо доказать то или иное из выдвигаемых положений. Вполне понятно, что с оживлением полевых исследований, а они за последние десятилетия развернулись во многих частях Кавказа, стал накапливаться новый материал и, часто дублируя уже давно известное, своей громадой заслонил многие успехи прошлого. Это и привело удачливых раскопщиков к преувеличенному самомнению. Всем известны успешные раскопки Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова в Северной Осетии. Ими добыт огромный погребальный материал эпохи бронзы, предложены свои, иногда проблематичные трактовки и, к сожалению, мало связанные с общим кавказоведением. Несмотря на это, в 1983 г. Н. А. Николаева выступила с обзором литературы о «среднебронзовом веке» Северного Кавказа за 1950—1970-е годы. В нем часто упоминаются труды известных археологов А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, но в специальной таблице, должной отразить вклад ученых в исследование бронзового века Кавказа, их имена указаны только дважды, а В. А. Сафронов в этой же схеме фигурирует 13 раз, из них четырежды вместе с самой Н. А. Николаевой [1, с. 40, 41, табл. I]. Конечно, это далеко не объективное суждение о вкладе разных ученых в историческое кавказоведение. Данный пример в наиболее яркой и открытой форме показывает отношение современных специалистов к научному наследию. Обычно подобное делается завуалированно.

Я уже писал, что «в кавказоведении, когда культура многих ныне здравствующих народов вполне рельефно обращена в глубь веков, интерпретация археологических источников обычно соседствует с исторической этнографией, знанием быта и народного искусства» [2, с. 153]. Примером такого слияния данных разных наук можно назвать классический очерк, изданный А. А. Иессеном еще в 1941 г. и посвященный археологическим памятникам Кабардино-Балкарии [3, с. 7—50]. Скрытый под скромным названием, он до сих пор является образцом для современных разысканий и исследований. Другим примером может служить книга Е. И. Крупнова, посвященная истории Северного Кавказа в эпоху раннего железа. При самой строгой оценке [4, с. 15—17] эта работа вобрала в себя большое количество этнографических данных [5], и не будь ее, то, возможно, не возникла бы целая серия работ по кобанской культуре [6, см. библиографию].

Кавказовед, несомненно, должен хорошо знать географические особенности изучаемого региона. Здесь не обойтись одним только измерением расстояния от пункта А до пункта Б с прикидкой на масштаб. Горы не терпят передвижения по прямой даже при медленном пешем их преодолении.

Неправильные представления о географическом положении той или иной местности весьма коварны. Вот, к примеру, В. Г. Котович и В. М. Котович

© В. И. Марковин, 1994 г.

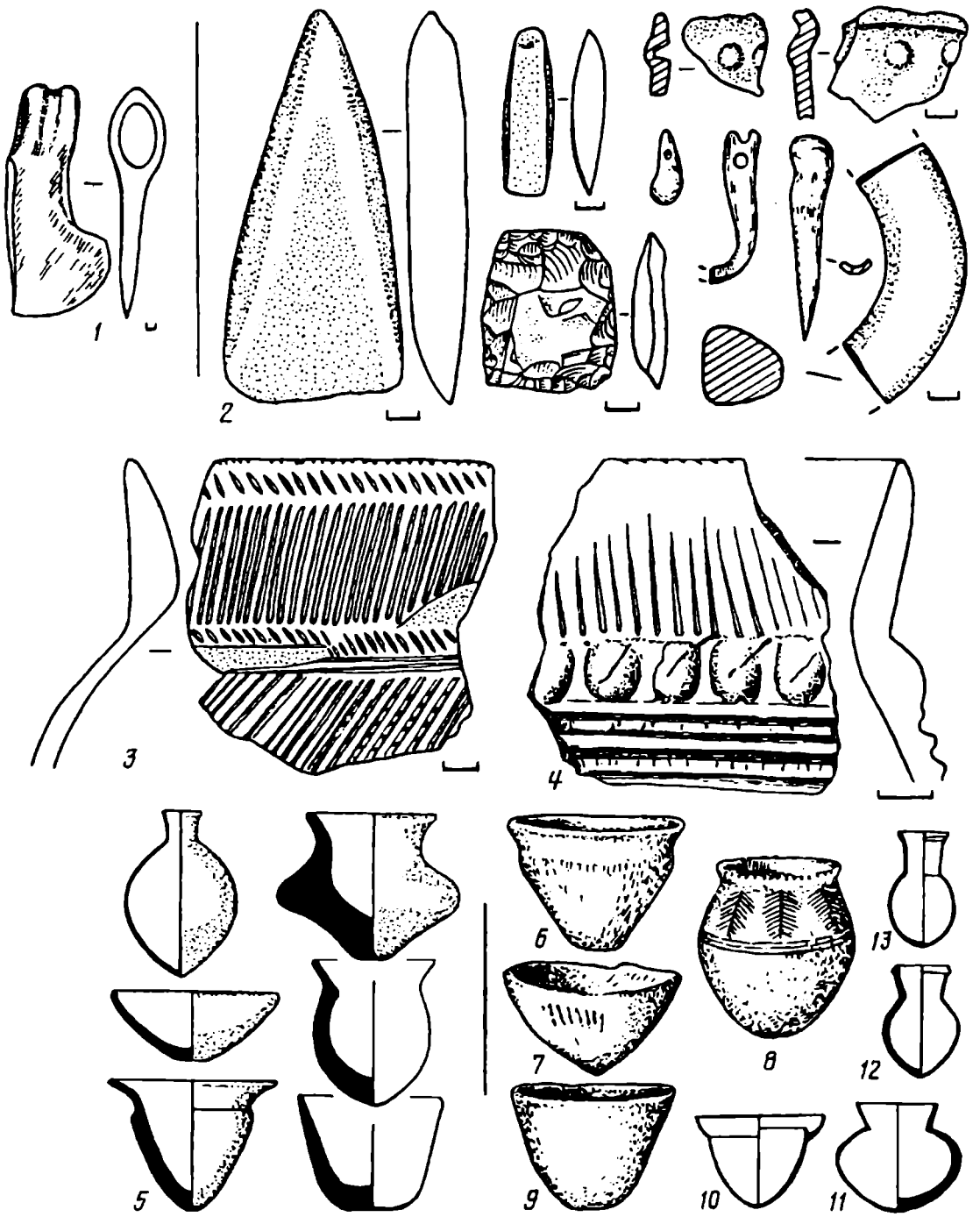


Рис. 1. Археологические материалы из Дагестана (*1*), поселения Свободное, Прикубанье (*2, 3, 5*) и некоторые параллели к его находкам (*4, 6—13*).

1 — сел. Ругуджа, Дагестан (по В. Г. Котовичу и В. М. Котович); *2, 3, 5* — поселение Свободное (по публикациям А. А. Пехаева); *4* — сел. Адык, Калмыкия (разведки В. И. Марковина); *6* — сел. Ровное, Саратовское Заволжье; *7* — Восточный Манычь (*6, 7* — по И. В. Синицыну); *8* — Архаринский могильник, Калмыкия; *9* — Элистинский могильник, Калмыкия (*8, 9* — по И. В. Синицыну и У. Э. Эрдниеву); *10—13* — сосуды из Месопотамии (по М. В. Андреевой)

опубликовали бронзовый овальнопроушной топор, найденный в сел. Ругуджа Гунибского р-на, Дагестана (рис. 1) [7, с. 77, 79, рис, 3, *1*]. Это высокогорный район в центральной части республики. Он менее всего открыт к степям, скорее в противоположную сторону — к Главному хребту, — через который перевалами можно проникнуть в Закавказье [8, с. 42—45; 9, с. 228—236]. Но вот в статье

С. Н. Корневского, посвященной бронзовым топорам как оружию ближнего боя[1], по поводу находки ругуджинского орудия делается такой вывод: «Аналогий ему неизвестно. Оно найдено в степной зоне Дагестана. Связано ли оно с кавказским производством или с кругом степных племен, неясно» [10, с. 33]. В данном случае «неясность» объясняется незнанием географии Дагестана. Можно вполне согласиться с мнением авторов первой публикации, что данный топор, не находя себе аналогий, «по особенностям обработки обуха и сильно вытянутым пропорциям» может быть «сопоставлен с некоторыми типами бронзовых топоров, бытовавших на Северном Кавказе в докобанский период» [7, с. 81].

Работая по кавказской тематике, следует помнить, что издаваемые книги и статьи, даже весьма специального характера, могут заинтересовать местного читателя. Они должны быть написаны хорошо обдуманным языком. Зачем, к примеру, говоря о «совпадении археологической культуры и этноса», прибегать к такой сложной терминологии, как «биогеоценоз», «признаки-маркеры», «фенотипы» [11, с. 9—12], лишь уводящей в сторону от ясности в аргументации. Также смешно говорить об особых «био-видовых» мужских и женских признаках, описывая антропоморфные изображения [13, с. 47]. Подобная речь в лучшем случае достойна энтомолога. Очень хорошо о языке научной литературы сказал акад. Д. С. Лихачев: «Главное достоинство научного языка — ясность. Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота» [12, с. 436].

Те работы, о которых далее пойдет речь, более всего и вызывают беспокойство. Создается впечатление, что их авторы принадлежат одной, особой «научной школе», ибо так схожи их конечные выводы и подходы к ним. Можно сказать, что недавно вышедший из печати большой трактат, по которому нахские народы (чеченцы, ингуши, бацбийцы и др.) родственно-близки этрускам [14], методически вполне солидаризуется с некоторыми работами данной «школы».

Начну с небольшой статьи А. А. Нехаева «Домайкопская культура Северного Кавказа». Поводом для ее написания послужил тот факт, что майкопская культура, ранее относимая к энеолиту, давно уже рассматривается как культура эпохи ранней бронзы. Соответственно, как пишет автор, появилось искусственное «белое пятно» между неолитом и ранней бронзой [15, с. 76]. В связи с этим известные поселения Мешоко, Ясенева Поляна на притоках р. Кубани и Замок у Кисловодска интерпретируются А. А. Нехаевым как принадлежащие «домайкопской культуре». Для примера возьмем Мешоко. Передатировка, а речь идет именно об этом, проводится беглым сравнением керамики нижнего слоя Мешоко с посудой Большого Майкопского кургана (БМК). При этом автор работы замечает, что сходство керамики обоих памятников обычно обосновывается на «аналогиях технологического порядка» при различных формах сосудов [15, с. 76]. По-видимому, автор не считает, что подобные аналогии, имеющие «технологический характер», являются эпохальным явлением. В этом и заключена суть отличий одной эпохи от другой, иначе не были бы заметны смены одних технологий другими. Здесь же А. А. Нехаев пишет, что такой весьма архаичный инвентарь, как кремневые сегменты, встречен лишь в верхнем слое Мешоко, а в нижнем «они практически отсутствовали» [15, с. 76]. Мне не верится в такую инверсию. А. А. Формозов, один из исследователей памятника, пишет, что в Мешоко самыми древними являются слои «времени Майкопского кургана» с сегментами и шлифованными топорами [16, с. 78]. А. А. Формозовым приведен рисунок подобных изделий как из Мешоко, так и из Майкопского кургана [16, с. 71, рис. 72]. Таков весь сравнительный анализ, приведенный А. А. Нехаевым и касающийся двух названных памятников.

В статье А. А. Нехаева имеется ссылка на его же работу 1989 г., в которой

[1] Я думая, что основная масса бронзовых топоров прежде всего являлась орудиями труда. Исключение составляли клевцы, трубчатообушные топоры и топоры с клювовидным и фигурным лезвием.

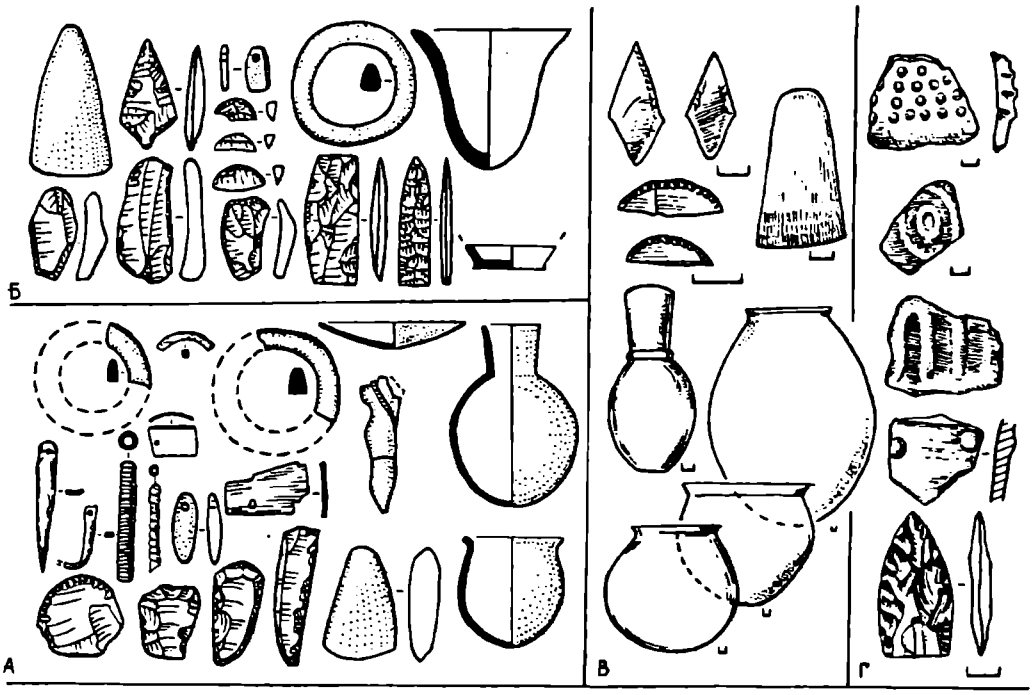


Рис. 2. Археологические материалы из поселения Мешоко (*А, Б, Г*) и Большого Майкопского кургана (*В*).
А, Б — по А. А. Нехаеву, нижний и верхний слои Мешоко; *В* — по публикации в ОАК за 1897 г.; *Г* — по А. Д. Столяру и А. А. Формозову

«подверглась пересмотру связь нижнего слоя поселения Мешоко и Большого Майкопского кургана» [15, с. 76]. Работа эта представляет собой тезисы, где указанным памятникам посвящены лишь три мало значащие строчки [17, с. 124].

Таблица выборочных материалов из Мешоко, составленная А. А. Нехаевым [15, с. 89, 90], мною для сравнения дополнена некоторыми предметами из Майкопского кургана [18, с. 2—10; 19, с. 212—222] и теми находками из Мешоко, которые почему-то пропустил А. А. Нехаев. Это прежде всего керамика с выпуклинами-жемчужинами [16, с. 73, рис. 34; 20, с. 88, 89, рис. 14, *1—3*], характерными для посуды и металлических изделий новосвободненских дольменов [21, с. 19, 25, 29, табл. V—VII, XIV, XV]. Данная таблица (рис. 2) свидетельствует далеко не в пользу версии, предложенной А. А. Нехаевым. Подобную операцию можно было бы проделать и с материалами поселений Ясенева Поляна, Скала, Замок и др., ставшими у А. А. Нехаева памятниками «домайкопа» [15, с. 89—91].

В чем же тут дело? Видимо, секрет заключается в том, что самому А. А. Нехаеву пришлось исследовать необычайно сложное поселение Свободное близ с. Красногвардейского на Кубани. В одной из первых публикаций он утверждал, что на этом памятнике «не прослеживается четкого хронологического различия материала, отчего он производит впечатление однослойного» [22, с. 25]. Среди находок были отмечены фрагменты сосудов с «жемчужинами», каменные тесла, браслеты и костяной крючок мешокского типа (рис. 1, *2*). Тогда А. А. Нехаев сделал предположение, что «поселение Свободное является лишь звеном в цепи памятников на северных рубежах майкопской культуры» [22, с. 25]. Совершенно неожиданна еще одна информация А. А. Нехаева о раскопках на данном поселении [23, с. 69—74]. Оказывается, на его территории возвышался курган эпохи бронзы — времени, близкого расцвету северокавказской общности [23, с. 69, 70, 76, рис. 2]. Его насыпь могла появиться только на территории уже опустевшего поселения [23, с. 70]. Интересно, что среди поселенческих материалов была обнаружена керамика «среднестоговского облика» (рис. 1, *3*), причем данная керамика «более основательно представлена на поселении Свободное, нежели в Среднестоговской культуре» [23, с. 73]. Параллельно с этим А. А. Нехаев

подчеркивает связи Свободненского поселения с памятниками Триполья-Кукутени [15, с. 77; 23, с. 72]. Однако это не мешает ему писать, что «практически все категории находок», обнаруженных в Свободном, «могут быть сопоставлены с материалами других культур» [24, с. 23]. К данному замечанию, требующему расшифровки, следует, видимо, добавить и тот факт, что культурные напластования поселения были «достаточно сильно разрушены сооружением кургана (о котором уже говорилось, — *В. М.*), а также позднейшими строительными работами» [22, с. 18]. Видимо, не случайно А. А. Нехаевым не были изданы стратиграфические разрезы поселения. В результате памятник оказался дискредитированным.

Возникает вполне правомерная мысль, что поселение Свободное далеко не однослойный памятник. Его территория первоначально была заселена племенами не самой ранней фазы майкопской культуры, о чем свидетельствует керамика с «жемчужинами» [22, с. 31; 23, с. 73] и посуда майкопских профилей [15, с. 93, рис. 6, 7]. Затем местное население переселилось или подверглось нападению степных племен, также оставивших здесь свои следы, и несколько позже, когда руины поселка уже покрылись степной растительностью, на нем появился курган северокавказской общности.

А. А. Нехаев, подыскивая аналогии расположению жилищ на поселении Свободное, обратил внимание только на планировку поселков у трипольцев [15, с. 87, рис. 2], классический образец реконструкции которого в Коломийщине приводит Т. С. Пассек [25, с. 132, 133, рис. 70, 71]. Но ведь не менее интересный материал дает этнография местных, адыгских, народов, издревле проживающих в бассейне Кубани. Так, судя по рисунку и описанию Жана Батиста Тавернье (1605—1689 гг.), посреди черкесского селения имелась площадь, которую кольцом окружали легкие (турлучные) постройки [26, с. 77; 27, с. 16, рис. 4]. Адыгейцы в недалеком прошлом в зоне, граничившей со степью, селились небольшими поселками (хьабл), окруженными общей оградой; в центре их еще в XIX в. находились базар и мечеть [28, с. 205]. Кабардинцы также создавали селения в виде кольца [27, с. 25]. Несомненно, подобные, хотя и этнографические параллели, более интересны для затронутой темы, чем трипольско-кукутенские аналогии, уводящие от западной части Кавказа к Днепровско-Дунайскому региону. Конечно, при необходимости можно привлечь и подобные материалы, но ведь у А. А. Нехаева они превалируют, словно в бассейне Кубани им действительно было открыто типично трипольское поселение с расписной керамикой, покрытой характерным для нее декором. Однако на самом деле этого нет.

Посуда, близкая среднестоговской культуре, может быть интерпретирована несколько иначе. Дело в том, что среднестоговские материалы в определенной степени близки ямной культуре, а та в свою очередь настолько единообразна на огромной территории, что В. Н. Даниленко даже писал об особой «каспийско-днепровской» фазе развития ямной культуры, когда в результате контактов с племенами Северо-Западного Кавказа на посуде «ямников» появляется «жемчужный» орнамент [29, с. 61, 62]. Можно вспомнить хотя бы керамику из Быковских курганов в Волгоградской области [30, с. 227, 228, рис. 22, *3*], декор которой довольно близок фрагментам из поселения Свободного. С близким узором известна посуда и с Нижнего Дона [31, с. 70, рис. 34, *1*]. Подобная керамика встречается и среди древностей Калмыкии (работы И. В. Синицына, У. Э. Эрдниева, В. П. Шилова). Вот, к примеру, обломок сосуда, найденный мною в районе сел. Адык (рис. 1, *4*). Кстати, Н. Я. Мерперт считает возможным синхронизировать комплексы Майкопского кургана с рубежом первого и второго этапов ямной культуры [32, с. 133]. Иначе говоря, не было большого разрыва между временем, когда на поселении Свободное жили носители майкопской культуры и когда они вынуждены были отойти или были сметены населением степей. И именно степному населению принадлежат те «экзотические» формы сосудов (рис. 1, *5*), изображенные на таблицах А. А. Нехаева [15, с. 90, 93, рис. 5, *8*]. Они, видимо, явились главным козырем в «домайкопской» принадлежности материалов посе-

ления Свободное. Мною подобраны лишь некоторые близкие по форме сосуды (рис, 1, *6—9*), обнаруженные в Калмыкии [33, с. 166, рис. 34, *3*; 34, с. 46—51, 107, табл. 5, *3*; 35, с. 13, табл. 6] и Саратовском Заволжье [36, с. 47, 52, рис. 16, *3*]. Не исключено, что некоторые из сосудов, данные А. А. Нехаевым в контурных зарисовках, можно считать, как писал В. А. Фисенко, «продуктом смешения, результатом сильного воздействия пришлого населения на традиции местных племен» [37, с. 75].

Чтобы меня не упрекнули в еще одной нарочитой однобокости в рассмотрении данного материала, вспомню, что многие ученые (А. А. Иессен, Р. М. Мунчаев, А. А. Формозов, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева и др.), говоря о памятниках «майкопа», обращали свой взор к ближневосточным материалам, которые А. А. Нехаевым почти не использованы. В этом отношении большую работу проделала М. В. Андреева, сопоставив интересующую нас посуду с изделиями древних керамистов Северной Месопотамии. Недостающие «экзотические» формы сосудов можно найти в ее подборке (рис. 1, *10—13*) с нижней датой в 3400-е годы до н. э. [38, с. 48, 49, рис. 3, 4].

Если бы А. А. Нехаев не доводил свою работу до грани сенсационного открытия, а более обстоятельно рассмотрел свои материалы, это принесло бы истинную пользу науке. Ему не мешало бы, как это сделал М. Г. Гаджиев для известного энеолитического поселения Гинчи в Дагестане [39, с. 34—109], детально, до мелочей исследовать все материалы, добытые на поселении Свободное. Может быть, тогда итог исследования стал бы совершенно иным.

И еще раз немного о географии. Бассейн р. Кубани и район Пятигорья с поселением Замок относятся к западной части Кавказа, которая простирается от Черного моря до Эльбруса [40, с. 107]. Таким образом, в работе А. А. Нехаева речь идет не о всем Северном Кавказе, а лишь о части его.

Несмотря на слабую базу исследования А. А. Нехаева, оно получило довольно широкий отклик в ряде работ археологов. Прежде всего это касается керамики с «жемчужинами». Теперь она становится своеобразным мерилом для особого удревнения тех памятников, в которых была найдена. Делается это весьма тихо, «не дискутируя», — как пишут С. Н. Кореневский и А. О. Наглер, — о справедливости выделения раннего, „майкопского", и позднего, „новосвободненского", этапов майкопской культуры» [41, с. 77]. Именно без дискуссий, а самим фактом находки подобной керамики ставится под сомнение старая периодизация майкопских древностей, и памятники с нею сразу получают статус энеолитических.

И все же интересно, каково же ныне положение с майкопской культурой. Сохранились ли ее древности на карте Северного Кавказа после ревизии, предпринятой А. А. Нехаевым? Оказывается, сохранились, о чем свидетельствует книга С. Н. Кореневского «Древнейшее оседлое население на среднем Тереке». Она целиком посвящена проблемам майкопской культуры. На карте, предпосланной книге, указаны поселения как майкопской культуры, так и «домайкопские» (Свободное, Мешоко, Скала, Хаджох, Замок), т. е. разработки А. А. Нехаева автором приняты без каких-либо сомнений [13, с. 109, рис. 1]. Вероятно, поэтому в историографической справке совершенно не упоминаются исследования А. А. Формозова и А. Д. Столяра [13, с. 5—8].

Несмотря на приведенную выше цитату, С. Н. Кореневский в этой работе все же применяет термин «майкопско-новосвободненская общность», ставя прилагательное от слова «майкоп» впереди как более древнюю и главенствующую часть в данном понятии. Однако в тексте книги термины «общность» и «культура» часто перемежаются, хотя автор понятие «культура» считает непригодным для использования при изучении доисторических древностей [13, с. 93]. Вместе с тем это не мешает ему применять отвергаемое слово даже для заголовков отдельных глав [13, гл. I, III]. Оперирует С. Н. Кореневский и аббревиатурой БМК. При этом, как он пишет, необходимо помнить, что: 1) БМК — это «носитель традиций особого вида майкопских памятников и их общей даты появления на Кавказе и Предкавказье»; 2) БМК — «конкретный» памятник майкопской культуры и «носитель даты его сооружения» [13, с. 9]. Данная мысль, поданная в

такой своеобразной манере (я ее немного упростил), не является новой. Термин «большие кубанские курганы» был впервые предложен А. М. Тальгреном [42, с. 88—90, 200], затем принят А. А. Иессеном. Он считал, что данное определение объединяет «комплекс разнородных памятников (богатых и рядовых курганов, поселений, кладов), относящихся к одному этапу в развитии населения Северного Кавказа» [43, с. 197]. И, конечно, никакого откровения нет в том, что сам Майкопский курган является «носителем» времени своего сооружения, что не исключает в его составе вещей разной степени древности.

В монографии С. Н. Кореневского рассматриваются следующие вопросы: 1) причины сложения майкопско-новосвободненской общности; 2) дальнейшие судьбы общности и ее «вклад» в последующую историю региона; 3) установление факта — сформировалась ли эта общность на месте или явилась «продуктом миграции» [13, с. 3].

Базовым памятником для решения данных задач взята группа поселений, обнаруженная автором в степной части Ставрополья, близ ст. Галюгаевской на р. Терек. Наиболее показательно поселение Галюгай I, представляющее собой холмистое возвышение до 1,5 м высоты. Здесь были обнаружены три жилища площадью около 42 и 72 м^2. Они имели подквадратную форму со стенами, сконструированными из «прутьев, столбиков, колышков, досок». Видимо, это были каркасные постройки, обмазанные глиной [13, с. 15, 16]. Судя по «легкости» их кровли и значительному пространству потолочного покрытия, это были постройки временного назначения. Они не могли предназначаться для длительного обитания. Вопреки мнению автора, мне представляется, что это были времянки или культовые сооружения, тем более, что, как пишет С. Н. Кореневский, «большой огонь» разводился вне помещений [13, с. 17], т. е. они плохо отапливались. Такие «жилища» вряд ли могли служить пристанищем в зимнюю пору при степных буранах. К тому же здесь обнаружено очень мало следов трудовой деятельности — кремневых и костяных поделок, которые в большом количестве встречаются на поселениях эпохи бронзы. Только с полной публикацией галюгаевских материалов, возможно, упомянутые сомнения исчезнут.

Большой интерес представляют публикуемые С. Н. Кореневским даты Галюгая I и III по C^{14}. Это 2530±70 лет до н. э. и 2650±80 лет до н. э. для Галюгая I; 2980±120 лет до н. э. для Галюгая III [13, с. 100]. Указанные даты даны без калибровок. Вместе с тем С. Н. Кореневский замечает, что при калибровках интервал дат, полученных по C^{14}, существенно расширяется, до 500—700 лет. При этом он приходит к выводу, что «поселения „галюгаевского майкопа" датируются по некалиброванным значениям концом IV — первой половиной III тыс. до н. э., а с учетом исторической коррекции — второй половиной IV — началом III тыс. до н. э. По всей видимости, эти даты в какой-то мере определяют и время самой майкопской культуры в Предкавказье» [44, с. 50, 51]. Указанные, даже калиброванные, даты достаточно мягко вписываются в общее хронологическое течение эпохи ранней бронзы Северного Кавказа.

Вторым рассматриваемым объектом для С. Н. Кореневского явилось давно известное Долинское поселение, находящееся в пределах г. Нальчика. Данное поселение, как считали А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, было двуслойным, что нашло свое отражение в его стратиграфических особенностях и в керамическом материале [45, с. 164—166]. Этот факт был детально разобран А. А. Иессеном, который отмечал между древнейшими находками из Долинского I и более поздними (Долинское II) определенный разрыв, относя поздние материалы (керамику с «жемчужинами») к новосвободненской подгруппе памятников [43, с. 169, 184], что также отмечается Р. М. Мунчаевым [19, с. 351]. Действительно, исследователи Долинского поселения пишут о хорошо выраженной, стерильной «ортштейновой части» — закаменевшем суглинке между слоями II и III (первый слой — дерн), содержавшими культурные остатки [45, с. 165]. Подобное явление, судя по некоторым данным, могло происходить при изменении климата и аккумуляции солей извести и гипса [46, с. 58—60]. В данном случае скорее всего можно говорить о солях извести. Однако С. Н. Кореневский, не сообразуясь с

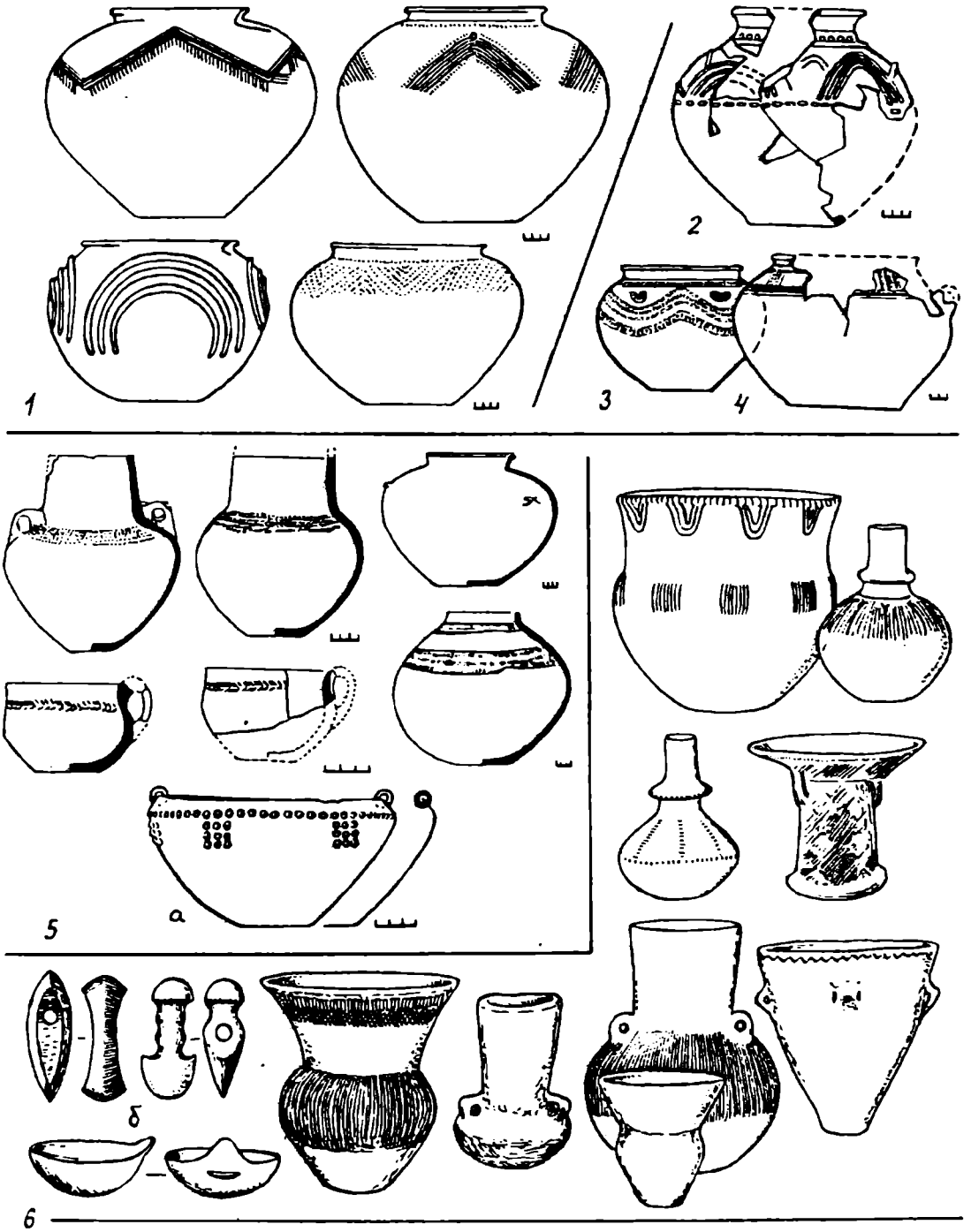


Рис. 3. Археологические материалы северокавказских памятников (*1—5*) и культуры воронковидных кубков (*6*).

1 — керамика из погребений «долинского майкопа» (по С. Н. Корневскому); *2—4* — керамика северокавказской общности из сел. Лечинкай и Былым, Кабардино-Балкария (по В. М. Батчаеву); *5* — керамика и бронзовый котел (*а*) из погр. 5 кург. 31 в Кладах (по А. Д. Резепкину); *6* — каменные топоры (*б*) и керамика культуры воронковидных кубков (по К. Я. Бекеру и К. Язжевскому)

фактами «геологии» в Долинском, и после «приобретения опыта работ на майкопских поселениях» [13, с. 26, 33], стал считать долинские материалы одновременными, почти не выдвигая никакой аргументации против мнения предыдущих исследователей. Довод один: керамический «мусор» хозяйственных ям в Долинском «не способен ни по составу, ни по уровню залегания отражать хронологию культурного слоя» [13, с. 33]. Так же просто, без мудрствования решается вопрос и о синхронности Галюгая Долинскому, хотя сам автор отмечает,

что «в комплексе керамического боя Долинского поселения трудно отметить специфические черты посуды именно Майкопского кургана, именно гробниц Новосвободной и ее группы захоронений» [13, с. 33].

Итак, изучаемые памятники, по автору, одновременны. Далее С. Н. Кореневский детально останавливается на выделяемых им двух классах керамики: без искусственных добавок (первый) и с добавками (второй). Он пишет: «разница в формах сосудов поселения Галюгай I и Долинского на Тереке, закрепленная этнокультурной традицией, позволяет дифференцированно рассмотреть данные о погребальном обряде населения с той и другой разновидностью керамических комплексов. Первую условно станем называть „галюгаевским майкопом", вторую — „долинским майкопом"» [13, с. 35, 36][2]. При этом автора не смущает удивительный «полиритуализм» рассматриваемых им захоронений, когда в них встречаются каменные обкладки, обмазки дна могил глиной, перекрытия из дерева, каменные гробницы и прочее [13, с. 80], не смущает его и то, что некоторые образцы «долинской керамики из погребений в отличие от округлой „галюгаевской" представляют собой приземистые сосуды, пышно украшенные разнообразным орнаментом» [13, с. 145, рис. 37]. Подобная керамика (рис. 3, *1*) близка посуде северокавказской общности и вряд ли синхронна керамике Галюгая и Майкопского кургана. Она характеризует переход от «майкопа» к культуре указанной общности.

Предпринимая экскурс по погребальным памятникам Северного Кавказа, С. Н. Кореневский сводит местную географию к таким понятиям, как Кабардинская, Осетинская и Чеченская долины, которые занимают у него средний Терек [13, с. 3, 77 и др.], хотя такие долины в природе не существуют [47]. Возможно, автору было удобно рассматривать изучаемый регион в виде доступных долин для возможных передвижений древнего населения, игнорируя горы, реки и скалы. Но дело, конечно, не в этом. Памятники выделенных С. Н. Кореневским «галюгаевского» и «долинского» майкопов пересекаются, встречаются в одних и тех же пунктах, они (майкопы), не обретают хотя бы какого-то стабильного пространства вокруг себя. Так, посуда «галюгаевского типа» встречена в памятниках селений Лечинкай, Чегем I, Верхний Акбаш, ст. Ассиновской и в ряде других пунктов, но в них же имеется и «долинская» посуда [13, с. 37, 65—68]. Если действительно имело место такое тесное соседство, то, видимо, может идти речь или об разновременности обоих «майкопов» (это первая возможность), или о том, что на всем протяжении Приэльбрусских предгорий и Терской части Кавказа [47, с. 315, там же большая библиография] имела место обширная зона стыка, на которой в той или иной форме происходили контакты одновременно живших племен майкопской культуры (это вторая возможность). В случае, если верно второе предположение, то главные центры обоих «майкопов» должны были находиться или за Тереком — в степях, или по Главному хребту, что мало реально. Остается, пожалуй, в силе старое деление памятников майкопской культуры на два варианта — прикубанский (западный) и терский (восточный) [48, с. 60, 61]. Оно более обосновано и правдоподобно.

Теперь по поводу некоторых обобщений: прежде всего причины становления «майкопско-новосвободненской общности». С. Н. Кореневский пишет, что «галюгаевская и долинская разновидности майкопа» отличаются «путями сложения» и своими «компонентами — составляющими, но имеют общие корни в энеолите Большого Кавказа и прилегающих к нему долин Терека, Кубани, Куры», хотя в «окончательном виде» обе указанные разновидности сложились в Предкавказье [13, с. 102]. Несколько конкретнее автор говорит об этом в особой работе: «майкоп» Галюгая «более тяготеет к южнокавказским памятникам Сиони — Цопи — Гинчи; второй (т. е. «долинский майкоп» — *В. М.*) — к куро-араксу и элементам предмайкопа на Северном Кавказе. Обе разновидности терского май-

[2] 13 января 1994 г. в докладе, прочитанном на заседании сектора бронзы ИА РАН, С. Н. Кореневский оперировал еще одним понятием в виде «псекупского майкопа».

копа отражают взаимные контакты с куро-араксом Центрального Кавказа и Чеченской долины». С. Н. Кореневский подчеркивает здесь, что это был «многоступенчатый и поликомпонентный процесс» [49, с. 39].

Чтобы понять данную мысль, напомню, что же представляют из себя Сиони, Цопи и Гинчи.

Сиони — поселение почти V тыс. до н. э., расположенное на р. Шулавери в Грузии. Здесь обнаружены дома с каменными стенами, содержавшие посуду приземистых форм с насечками по краю устья и много неолитоидных орудий из кремня и обсидиана. Оно могло быть оставлено выходцами из западной, причерноморской части Закавказья [50, с. 338—340, рис. 132, 133]. Цопи — памятник того же района. Считается то более ранним, чем Сиони, то более поздним. Здесь найдены полуземлянки, обрамленные камнями. Инвентарь представлен архаичным кремневым материалом [50, с. 205—207]. Гинчи — поселение в горном Дагестане. Для него характерны каменные круглоплановые жилища и энеолитическая расписная керамика [39, с. 34—78, 95—101]. Кстати, М. Г. Гаджиев — исследователь этого памятника — не пользуется таким стяжением, как Сиони — Цопи — Гинчи.

Вот и возникает вопрос: что дало основание связывать степной Галюгай с этими типичными поселениями гор, к тому же хронологически и культурно оторванными от него? Даже сравнение их с Долинским поселением, расположенным в преддверье гор, и то было бы объяснимо. Сопоставление Долинского поселения с «предмайкопом», под которым, видимо, подразумеваются уже упоминавшиеся поселения Хаджох, Свободное и др., может быть, имеет какой-то резон. Хронологически они могут быть близки, на что указывает кремневый инвентарь и керамический комплекс, включающий фрагменты с «жемчужинами» [45, с. 177, 185—191, рис. 23, табл. VII]. Что же касается «куро-аракса», то Р. М. Мунчаев для материалов Долинского едва намечает некоторые подобные параллели [19, с. 359—361].

Мне представляется, что для решения вопроса о происхождении культуры Галюгая и Долинского поселения надо помнить об их географическом положении на карте Кавказа, о большей близости Долинского к целому ряду памятников майкопского типа в пределах центральной части Кавказа. «Блок Сиони — Цопи — Гинчи» здесь может не иметь никакого значения, особенно для Галюгая. Трудно поверить, что к сложению «галюгаевского майкопа» привели «миграционные процессы, шедшие через горные перевалы с юга, из-за Кавказского хребта с территории Куринской низменности и Западной Грузии» [13, с. 102]. Если расшифровать это высказывание, то придется охватить весь Кавказ — от Каспия до Черного моря — и прихватить центральную часть Закавказья с поселениями Сиони и Цопи. Таким гигантским размахом вряд ли можно объяснить «этнокультурный генезис» носителей майкопско-новосвободненской общности. Не проще ли и исторически более объективно представить появление памятников Галюгая примерно так, как это делает Р. Г. Магомедов для предполагаемых майкопских древностей в дагестанской зоне Прикаспия. Он пишет: «Картография майкопских памятников в Дагестане показывает, что все они приурочены к Каспийскому проходу, который издревле служил в качестве наиболее удобного пути из степей Восточной Европы и Северного Кавказа в Закавказье и далее в Переднюю Азию» [51, с. 44]. К этому от себя дабавлю, что Галюгай расположен по сути дела у самого устья путей для подобного движения. Кстати, Р. Г. Магомедов не умалчивает фактор находки красноглиняной керамики «майкопского облика» как в Сиони, так и в Гинчи [51, с. 45], что может быть эпохальным (технологического порядка) явлением. Видимо, хорошо зная эти факты, как и орографически сложный рельеф Грузии и Дагестана, Р. Г. Магомедов отказался от заманчивой версии придавать населению майкопской культуры вполне закавказский или восточнокавказский облик. Да и О. М. Джапаридзе, отлично знающий материалы Южного Кавказа, все-таки истоки майкопских древностей более всего связывает с Прикубанъем [50, с. 366].

Размышляя о дальнейших судьбах общности, С. Н. Кореневский замечает, что не видит «прямых потомков майкопцев» в эпоху развитой бронзы, но делает оговорку: «В Моздокских степях наследниками майкопцев становятся племена ямной культурно-исторической области». Это замечание он подтверждает лишь личными наблюдениями [13, с. 103, 106, примеч. 15]. Не берусь судить об этом, тем более, что «моздокские ямники» изучены крайне слабо, но вот другое его беглое замечание удивляет. С. Н. Кореневский считает, что на местные племена «с наступлением среднего бронзового века ... заметно увеличивается воздействие позднe-куроаракского населения, сопровождающееся прямым переселением южнокавказских племен на северные склоны Водораздельного хребта». Это утверждение подкрепляется ссылками на работы В. Л. Ростунова [13, с. 103, 107, примеч. 14]. Прежде всего можно заметить, что «прямые потомки майкопцев» неплохо представлены в ряде древностей Северного Кавказа. Это племена северокавказской культурно-исторической общности, в течение длительного времени сохранявшие погребальный обряд, близкий майкопскому. Им для этого, вероятно, не требовалось переселений. Кстати, в их среде бытовала посуда, напоминающая керамику «долинского варианта майкопа» (рис. 3, *2—4*). Подобное мнение высказывали Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, А. А. Формозов, А. Л. Нечитайло, И. М. Чеченов, да и сам С. Н. Кореневский в менее конкретной форме писал о том же [52, с. 119].

Упоминавшийся В. Л. Ростунов почему-то почти все североосетинские материалы эпохи средней бронзы готов связывать только с древностями Грузии, пользуясь термином «посткуроаракс» [53, с. 21—33], забывая, что неподалеку, в Чечне и Дагестане, подобные комплексы являются естественным, почти эволюционным производным от памятников предшествующего времени. Они слиты с куро-араксом, поэтому здесь и не говорят о посткуроараксе, ибо этот термин вводит посредствующую и ощутимую фазу в развитие местной материальной культуры.

Итак, можно закрыть книгу С. Н. Кореневского. К сожалению, она претендует на глобальные выводы, которые не всегда оправданы. Вряд ли периферийные памятники Галюгая могут дать тот материал, который открыл бы многие секреты майкопской культуры. Виной этому далеко неполная публикация объектов Галюгая, что мешает оценить и те положительные стороны монографии С. Н. Кореневского, которые, несомненно, в ней имеются.

Изучать памятники майкопской культуры без новосвободненских древностей довольно сложно и не оправдано с научной точки зрения. Уже открытие первых гробниц в 1898 г. у ст. Царской (Новосвободной) стало сенсацией [54, с. 33—38]. И все же комплексам из Новосвободной не повезло: раскопки велись наспех, чертежи по ходу работ не делались, а изданные зарисовки вскрытых дольменовидных гробниц сделаны по описаниям. Вот почему надо считать большой научной удачей новейшие раскопки А. Д. Резепкина подобных памятников у той же станицы и в пределах той же местности Клады. Остановимся на некоторых его наблюдениях и высказываниях.

Наиболее показательно погр. *5* кург. 31. В мегалитической гробнице были найдены останки взрослого человека и ребенка. Они лежали скорченно, скелет взрослого был ориентирован на юго-юго-восток. Их сопровождал богатейший инвентарь — более 80 предметов, которые лежали в 2—3 слоя и кажутся далеко не одновременными. Среди них следует отметить бронзовые колесо-штандарт с перекрестием (рис. 4, *6*), крюки, проушные топоры, кинжальные клинки, фигурки животных, один из котлов, украшенный «жемчужинами» (рис. 3, *5 а*) [55, с. 171—187, рис. 5—11]. Керамические сосуды по форме близки найденным Н. И. Веселовским (рис. 3, *5*) [54, табл. V; 55, с. 187, 188, рис. 12]. Большой интерес представляют конструкции гробницы. К сожалению, чертежи этого сооружения (рис. 4, *1, 2*) выполнены без должного внимания, они плохо читаются, а описание очень сжато [55, с. 171, 172, рис. 4]. Моя беглая зарисовка, сделанная по фотографии во время одного из докладов А. Д. Резепкина, немного дополняет их (рис. 4, *3*). Гробница состояла из двух

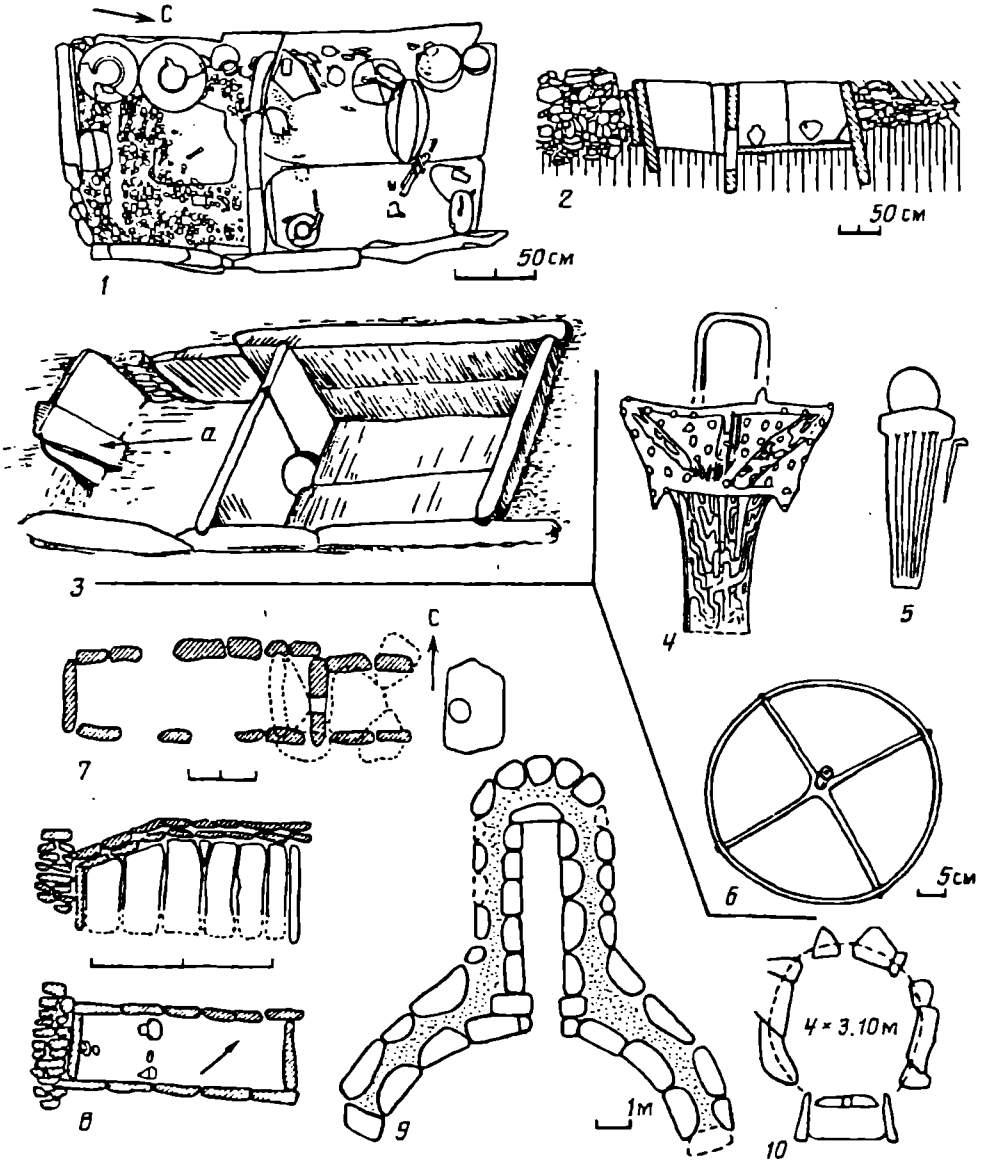


Рис. 4. Археологические материалы Западного Кавказа (*1—3, 5, 6, 10*) и Европы (*4, 7—9*). *1, 2* — план и профиль погр. 5 кург. 31 у ст. Новосвободной, Клады (по А. Д. Резепкину); *3* — зарисовка гробницы того же погребения; *4* — изображение колчана на гробнице кург. 28 в Кладах (по А. Д. Резепкину); *5* — изображение колчана на гробнице из района Мерзебурга, Германия; *6* — бронзовое колесо-штандарт, ст. Новосвободная, кург. 31, погр. 5; *7, 8* — галерейные гробницы Центральной и Северной Европы (по А. Д. Резепкину); *9* — мегалитическое сооружение в Сардинии (по Х. Цервосу); *10* — схематический план составного дольмена близ сел. Гузерипль, Прикубанье (по В. И. Марковину)

камер — северной и южной. Поперечная плита, разделявшая их, имела круглое отверстие (42 × 43 см). Северная поперечная плита была глухой, а южная или фрагментированной, или неполной (дополнена камнями). Ее поддерживал каменный упор (на рис. 4, *3 а*). В разрезах камер, кажется, заметна некоторая трапециевидность. Пол северной камеры состоял из двух плит, в южной, видимо, был земляным. Общая длина обеих камер до 2,5 м, ширина до 1,30 м. Высота их с юга на север падала с 0,76 до 0,81 м. Как были уложены плиты перекрытия, не ясно, так же как совсем непонятно, в какой из камер лежали умершие [55, с. 172]. По аналогии с данными Н. И. Веселовского [54, с. 34, 36], можно думать, что погребенные из раскопок А. Д. Резепкина так же лежали в северной камере, имевшей пол.

А. Д. Резепкин считает, что ближайшие аналогии подобным гробницам «на-

ходятся в культурах воронковидных кубков Центральной и Северной Европы», о чем, по его мнению, свидетельствуют мегалитические сооружения, «чернолощеная керамика специфических форм: амфоры, кубки» и скорченная поза умерших [55, с. 189]. Последний аргумент очень слаб — подобная поза канонична для многих культур. Далее автор упоминает двухкамерную гробницу кург. 28 в Кладах. На одной из ее стен был изображен колчан (рис. 4, *4*), которому А. Д. Резепкин находит аналогию в Германии «на стенах гробницы из Лейне Гелич близ г. Галле» (рис. 4, *5*) [55, с. 189—191, 193, рис. 16][3]. Это позволяет ему к культуре воронковидных кубков присоединить еще культуру ранних шаровидных амфор [57, с. 27—29], что делается все с той же целью — утверждать северное происхождение новосвободненских гробниц.

Данную версию можно считать не только лишь эффектной, но и экзотической — представьте себе, как с севера, через значительную часть Европы, лесная лесо и степи Украины и России, идут на Кавказ древние переселенцы! Чтобы как-то сделать свое мнение убедительным, А. Д. Резепкин делает выборку из сосудов «чернолощеной керамики» [55, с. 191, рис. 13], даже не пытаясь новосвободненский материал в полной мере сопоставить с предметами, характерными для обеих европейских культур. Такая сравнительная подборка с предметами культуры шнуровой керамики мною уже давно сделана [58, с. 109, 110, рис. 2], здесь же приведен вещевой комплекс культуры воронковидных кубков (рис. 3, *6*), охватывающий север и юг ее территории [59; 60; 61, с. 277]. Материал, свидетельствующий не в пользу версии А. Д. Резепкина. К тому же племена культуры кубков южнее Западного Буга не заходили. Здесь проходила пограничная зона, где трипольские памятники соседствуют с памятниками, оставленными носителями культуры воронковидных кубков. Кстати, уже по Бугу не встречаются каменные гробничные сооружения северного облика [62, с. 54—72].

Могильные сооружения культуры кубков, а их схемы приведены А. Д. Резепкиным в качестве аналогий новосвободненским сооружениям (рис. 4, *7, 8*) [55, с. 191, рис. 14], достигают в длину до 20 м и содержат порой более 100 покойников [61, с. 275]. По габаритам и конструкциям они далеки от построек Западного Кавказа. Осталось уповать на сходство в изображении колчанов, обнаруженных в новосвободненской гробнице и в Германии (рис. 4, *4, 5*). Сходство, кстати сказать, довольно относительное. К тому же, будучи предметами вооружения, в почти неизменной форме они могли использоваться на огромной территории и в течение длительного времени [63].

Итак, перед нами «северная версия» в происхождении новосвободненских памятников. Но вот что странно, параллельно с этим привлекаются аналогии весьма южные. Так, интерпретируя назначение бронзового колеса-штандарта (рис. 4, *6*) из погр. 5, А. Д. Резепкин считает, что это «мифическое колесо», охраняющее сосуд с «амритой» — живой водой, описание которого имеется в Махабхарате, каменный пест из той же гробницы служил для добывания «живой воды» и т. д. [64, с. 77, 78], а в связи с росписями гробницы кург. 28 приводит выписки из гимнов Ригведы [65, с. 31, 32]. Хотелось бы напомнить, что и Махабхарата и ведические гимны относятся к довольно позднему времени, не ранее конца II тыс. до н. э. [66, с. 39; 67]. А ведь собственно можно было и не прибегать к индийским мотивам — интересные факты имеются в местных, древних адыгских сказаниях — в знаменитом нартском эпосе. В нем фигурирует волшебное колесо «шерх» (шэрхъ), которое, скатываясь с горы, поражает героя эпоса Сосруко (Саусурукъо, Сосырыкъо). Из-за всесокрушающей силы абазины называют это колесо «острым» [68, с. 223—227; 69. с, 251]. Несомненно, его обрядовая роль велика и, возможно, связана с культом Солнца. Не правда ли, это интересно? И находка колесовидного штандарта в Кладах только подтверждает

[3] Эта давно известная находка была сделана в округе Мерзебурга (Merseburg), в местности Лейна-Гёхлитч (Leuna-Göhlitzsch). На плите гробницы изображен ковровый узор, колчан со стрелками (Köcher der mit Pfeilen gefüllt ist) и крючок (Haken) [56, с. 92, рис.].

древность местных сказаний. Можно еще вспомнить адыгские захоронения (так называемые кабардинские курганы), которые почти всегда окружены каменными кромлехообразными выкладками. Вероятно, это отголосок все того же культа.

Жаль, что А. Д. Резепкин, не издав должным образом материалы своих работ у ст. Новосвободной и не представив послойно находки из исследованных гробниц, а всем его выводам и обобщениям должна была предшествовать именно такая работа, сразу же перешел к сложным гипотезам. Так, им предложена своя версия о происхождении майкопской культуры, хотя раскрытые им гробницы он то относит к майкопской культуре [65; 70, с.25], то отделяет от нее [55, с. 192]. Попробуем прислушаться к его мнению. А. Д. Резепкин пишет: «Майкопская культура формировалась не только под воздействием новосвободненской культурной группы, но также и во взаимодействии со среднестоговской (в широком смысле)... линией степного энеолита» [55, с. 193, 194].

Итак, мы снова подошли к тому, с чего начали: снова Средний Стог, но он теперь формирует не «домайкоп», как это было у А. А. Нехаева, а «майкоп». И становится понятной та «застенчивость» в упоминании керамики с жемчужинами, которая была заметна еще у А. А. Нехаева, а затем у С. Н. Кореневского. Но это еще не все. А. Д. Резепкин пишет: «В литературе сложилась точка зрения на майкопскую культуру как культуру, сформировавшуюся под непосредственным воздействием части переднеазиатского населения, проникавшего на Северный Кавказ». Он согласен с этим, считая данную культуру «продуктом всестороннего взаимодействия степных и переднеазиатских элементов» [55, с. 189]. И снова возникает все тот же вопрос: как соединить данное высказывание со всеми предыдущими? Как согласовать непосредственное воздействие носителей культур шнуровой керамики и воронковидных кубков с «переднеазиатским населением» и жителями предкавказских степей? Подобное столкновение «племен и народов» мало убедительно.

Во всех своих утверждениях А. Д. Резепкин очень категоричен. Вот он пишет: «Мною была... предложена типология мегалитов Западного Кавказа, в которой источники происхождения как дольменов, так и гробниц (новосвободненских сооружений. — *В. М.*) генетически независимы друг от друга. Таким образом, гипотезу о типологическом и генетическом различии гробниц и дольменов можно считать доказанной» [55, с. 188, 189]. А ведь ничего не доказано!

Гробницы ст. Новосвободной А. Д. Резепкин объединяет с сооружением без лаза и собранным из вертикально стоящих стел-брусьев (найдено в Нальчике) и глухой, массивной постройкой из сел. Кишпек (в той же Кабардино-Балкарии, работы И. М. Чеченова) [71, с. 156]. Конструктивно эти памятники совершенно различны. Здесь, очевидно, следует напомнить, что для западнокавказских дольменов более всего характерны обработанные каменные плиты и блоки, наличие пазов, которыми зажимались конструктивные части, и отверстия-лазы. Всеми этими особенностями обладают гробницы ст. Новосвободной, как и основная масса плиточных дольменов Западного Кавказа [72, с. 64—66]. Однако А. Д. Резепкиным типологическое место новосвободненских сооружений поставлено в полную зависимость от гробниц культуры воронковидных кубков [71, с. 157], а в силу этого они полностью оторваны от родственных им кавказских памятников, и он их даже дольменами не считает. И все же А. Д. Резепкин не последователен, если он остальные плиточные постройки удостаивает называться дольменами в виде «конечного варианта развития коридорных гробниц на Кавказе» [71, с. 159].

Небольшую серию ложносводчатых гробниц из Прикубанья, обладающих солидным порталом, А. Д. Резепкин называет подковообразными гробницами. Исходными для их появления на Кавказе он называет мегалитические постройки Португалии, хотя не приводит их чертежей [71, с. 157—163]. Действительно, подобные сооружения известны. Такова подковообразная гробница из Сардинии (рис. 4, *9*) [73, с. 246—248, рис. 313]. Только вряд ли она близка кавказским составным дольменам (рис. 4, *10*). Вот почему применительно к местным памятникам название «подковообразная гробница» не привелось.

Однако здесь интересно другое. А. Д. Резепкин, несмотря на свои северные симпатии, для части кавказских мегалитов подчеркивает их средиземноморское происхождение [71, с. 157, 158], солидаризуясь с моим мнением, которое подтверждается анализом конструкций кург. Псынако I близ Туапсе [72, с. 313, 314; 74, с. 249—271]. Но если это так, то как же тогда по А. Д. Резепкину представить картину становления культуры дольменов на Западном Кавказе, ведь одна часть их строителей проникла на Кавказ с севера — из районов культуры воронковидных кубков, а другая — с Пиренеев? И причем тут Деканский полуостров, где были сложены веды? Я не берусь решать эту задачу. Любое мнение, прежде чем быть оформленным в виде гипотезы, должно быть самим автором подвергнуто всестороннему рассмотрению. Посылки должны четко соответствовать выводам. Этого пока в построениях у А. Д. Резепкина нет.

В связи с дольменной проблемой надо затронуть и некоторые построения М. Б. Рысина. Его усилия последние годы были сосредоточены на раскопках поселения Старчики у р. Фарс близ ст. Новосвободной. Судя по ряду публикаций, этот памятник является для него исходным для всех выдвигаемых гипотез. К сожалению, просматривая его основные работы, можно прийти к печальному итогу, что поселение Старчики, имевшее несколько слоев, было раскопано очень неумело или такими траншеями, какие не дали о нем целостного представления. Вот почему во всех публикациях М. Б. Рысин умалчивает о характере жилищ, их конструкции и общем плане поселения, не упоминает костные остатки, изделия из кремня и камня и прочее [75, с. 4—9], что всегда сопутствует местам обитания человека. Однако это не мешает М. Б. Рысину делать далеко идущие выводы по хронологии дольменных памятников, их соотношению с памятниками других культур и т. д. Тексты работ М. Б. Рысина в основном посвящены керамике, но этого, вероятно, мало, чтобы писать о Прикубанье в эпоху бронзы. Даже такой вопрос: идентична ли керамика поселения Старчики дольменной посуде — не был затронут автором, а от его положительного решения зависит главное — имеет ли право М. Б. Рысин, оперируя своим материалом, писать о дольменах. Только в специальной статье о Старчиках мне удалось увидеть рисунки образцов посуды [76, с. 216—223, рис.] и сказать самому себе: «Кажется, эта керамика похожа на дольменную». Удивляет также убеждение М. Б. Рысина, что до него никто не изучал дольменные поселения [75, с. 3], а также никто не пытался собрать коллекции предметов, извлеченных из дольменов. Так и сказано: «Из-за отсутствия археологических материалов в дольменах происхождение культуры строителей сводилось к поиску прототипов кавказским постройкам среди мегалитов Европы» [77, с. 48, 49]. Видимо, автор не знает о раскопках и коллекциях Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе, Л. Н. Соловьева, И. И. Аханова, В. И. Марковина и др. Вот он и предлагает «свою» версию о генезисе культуры строителей дольменов, манипулируя керамикой все из тех же Старчиков. Вывод, сделанный им, о «новациях, изменивших культурную парадигму на Кавказе», сводится к «вовлечению Кавказа... в орбиту связей со Средиземноморьем» [77, с. 51]. Можно только напомнить читателям, что и это «открытие» далеко не ново.

Однако М. Б. Рысину принадлежит выделение еще одной новой «общности». Об этом им сказано так: западному «блоку» культур шнуровой керамики на востоке противостоит «дольменно-катакомбная общность (общность культур склеповых погребений)» [75, с. 20]. Появление ее объясняется «выбором формы погребального сооружения», который «мог зависеть от жизни конкретных коллективов, от степени их оседлости», в результате чего появляются «классические склепы» (видимо, это и есть дольмены), а «в Дагестане — катакомбы, в Чечено-Ингушетии — каменные ящики» и т. д. [75, с. 17]. М. Б. Рысин не указывает оснований для возникновения такого удивительного обобщения. Возможно, это были высказывания М. И. Артамонова о необходимости сопоставления материалов дольменной, катакомбной и других культур [78, с. 333], В. Я. Кияшко о наличии некоторого сходства в дольменном и катакомбном обрядах захо-

ронений [79, с. 61][4] и моя находка обломка курильницы степного типа возле дольмена на р. Кизинке [72, с. 251, 252, рис. 127]. Этому также могло способствовать включение Л. Г. Нечаевой и В. В. Кривицким ряда склеповых памятников Северного Кавказа в разряд дольменов, о чем мне уже приходилось писать [81, с. 25—31].

Регион Кавказа обширен, разнообразны его памятники, даже относящиеся к одному времени. Они разнокультурны и отличаются своими архитектурными особенностями. Так, в Дагестане имеются не только катакомбы, для Чечни также известны не только ящики. Что уж говорить о гигантском катакомбном ареале, охватывающем почти всю южную часть Восточной Европы. Смешно делать подобные обобщения. К тому же архитектура дольменов, связанная с решением целого ряда чисто строительных задач [72, с. 186—202], не может быть как-либо сравнима с катакомбами, вырытыми в пластичном материале. Но, видимо, М. Б. Рысин решил, что его дольменно-катакомбные штудии дают полное право приступить к обработке любого материала, входящего в ареал его «общности», будь это Волынь, Дагестан или Абхазия. Так возникли две абсолютно одинаковые статьи, но напечатанные в разных изданиях [82, с. 19—24; 83, с. 9—14], в которых датируются и катакомбы Великента в Дагестане, и дольмены Эшери, и вся их культура. По-видимому, появление данной «общности» было воспринято С. Н. Кореневским как нечто серьезное, так как он выступил с параллельной статьей и еще раз просмотрел датировки тех же дольменов Эшери и великентских катакомб [84, с. 96—101].

Таковы работы некоторых кавказоведов новой формации. Их работы, к сожалению, далеки от подлинного научного кавказоведения. Особенно в этом отношении почему-то не повезло Прикубанью [85, с. 64, 65]. Именно его «почва» и его древности породили целую плеяду археологов, в основном цитирующих только самих себя и своих друзей по перу. Труден их язык для восприятия, перегружен терминами, а порой и плохо переводимыми на русский язык оборотами. Не буду объединять всех в этом смысле воедино. Речь А. А. Нехаева из всех наших авторов выделяется и легкостью и доверительностью собеседования с читателем. Все другие авторы «вещают истины», и человек, взявший в руки их труд, должен безусловно верить им на слово, не сомневаясь в их правоте. Эту манеру изложения русский философ С. Н. Булгаков называл infallibilitas passiva, когда слушатель или читатель не вправе усомниться в преподносимом ему. Это истины, а он пассивен. Но отвлекитесь от кавказских проблем, возьмите книгу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», перелистайте ее и сразу же почувствуете, как автор уважителен к вам, не скрывает своих сомнений, а то с восторгом пишет о тех или иных исторических фактах. Можно понять мастерство С. В. Киселева. Это прежде всего прекрасное знание публикуемых материалов, почтительное отношение к читателям и к нормам русского языка. В нашем же случае «знаньем кажется незнанье». Эту строку из стихотворения Иннокентия Анненского можно было бы поставить эпиграфом к предпринятому обзору. Вероятно, молодому пока еще поколению кавказоведов стоит задуматься над тем, какой должна быть наша наука в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николаева Н. А.* Основные тенденции в сложении концепции среднебронзового века Северного Кавказа и Предкавказья в 50—70-е годы XX в.//Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
2. *Марковин В. И.* Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре//СА. 1990. № 4.
3. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников республики)//МИА. 1941. № 3.

[4] Возможно, М. Б. Рысин при выделении новой «общности» слепо руководствовался весьма давним и совершенно необоснованным мнением В. Я. Кияшко, имеющим «программный» характер, о сходстве «архитектуры» катакомб Приазовья с конструкциями дольменов Западного Кавказа [80]. Однако М. Б. Рысин на эту работу не ссылается.

4. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
5. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
6. *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
7. *Котович В. Г., Котович В. М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане//Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
8. *Гюль К. К., Власов С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А.* Физическая география Дагестана. Махачкала, 1959.
9. *Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. А., Микулич И. Н., Эльдаров М. М.* Дагестанская АССР (Физико-географический и экономико-географический обзор). Махачкала, 1958.
10. *Кореневский С. Н.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи бронзы Северного Кавказа//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
11. *Козенкова В. И.* Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов//Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф. (тезисы). Шатой, 1991.
12. *Лихачев Д. С.* Книга беспокойств. М.: Новости, 1991.
13. *Кореневский С. Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
14. *Плиев Р. С.* Нахские языки — ключ к этрусским тайнам. Грозный: Книга, 1992.
15. *Нехаев А. А.* Домайкопская культура Северного Кавказа//Археологические вести. Вып. 1. СПб, 1992.
16. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
17. *Нехаев А. А.* Работа Адыгейской археологической экспедиции в 1985—1987 гг.//I Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1989.
18. ОАК за 1897 год. СПб., 1900.
19. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
20. *Столяр А. Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры//Сборники материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
21. *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. 1963. Вып. XXXIV.
22. *Нехаев А. А.* Новое поселение майкопской культуры (предварительное сообщение)//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.
23. *Нехаев А. А.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
24. *Нехаев А. А.* Закубанье и степь в эпоху раннего металла//Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
25. *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений//МИА. 1949. №10.
26. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв./Сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.
27. *Кобычев В. П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.
28. *Аутлев М. Г., Зевакин Е. С.* Адыгейцы//Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
29. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины (этноисторическое исследование). Киев: Наук. думка, 1974.
30. *Смирнов К. Ф.* «Быковские курганы»//МИА. 1960. № 78.
31. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
32. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
33. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966.
34. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский могильник. Элиста, 1971.
35. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Манычи. Ч. II. Саратов, 1978.
36. *Синицын И. В.* Древние памятники Саратовского Заволжья//Археологический сборник. Саратов, 1966.
37. *Фисенко В. А.* Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока//Археологический сборник. Саратов, 1966.
38. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1.
39. *Гаджиев М. Г.* Ранне-земледельческая культура Северно-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991.
40. *Гвоздецкий Н. А.* Кавказ. М., 1963.
41. *Кореневский С. Н., Наглер А. О.* Некоторые вопросы изучения энеолита Центрального Предкавказья и Моздокских степей//Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
42. *Tallgren A. M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland//SMYA. 1911. B. XXV.
43. *Иессен А. А.* К хронологии «Больших кубанских курганов»//СА. 1950. Вып. XII.
44. *Кореневский С. Н.* Радиокарбонные даты майкопских (галюгаевских) поселений//II Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1993.
45. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика//МИА. 1941. № 3.
46. *Золотун В. П., Кухнеева К. М.* Палеопочвы и уточнение датировки курганов эпохи энеолита — бронзы в степях Украины//СА. 1986. № 1.
47. Кавказ. М.: Наука, 1966.
48. *Чеченов И. М.* О локальных различиях в памятниках майкопской культуры//Тез. докл. IV КЧ по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974.
49. *Кореневский С. Н.* К вопросу о майкопе на среднем Тереке//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
50. *Джапаридзе О. М.* На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси: Изд. ТУ, 1989.

51. *Магомедов Р. Г.* К вопросу о юго-восточной границе распространения майкопской культуры//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
52. *Кореневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
53. *Ростунов В. Л.* Куро-аракские могильники Северной Осетии/Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
54. ОАК за 1898 год. СПб., 1901.
55. *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры//Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991.
56. *Schrickel W.* Westeuropaische Elemente im Neolithikum und in der frühen Bronzezeit Mitteldeutschlands. T. I. Katalog. Leipzig, 1957.
57. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной//КСИА. 1987. Вып. 192.
58. *Марковин В. И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопкая культура)//СА. 1990. № 4.
59. *Becker C. J.* Mosefunde Lerkar fra Yngre Stenalder. Kobenhavn, 1948.
60. *Yaždžewski K.* Kultura Puharów Leikowatych w Polsce Zachodaiej i Sradkowej. Poznan, 1936.
61. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
62. *Захарук Ю. М.* До питання про спІввідношення І звязки мІж культурою лійчастого посуду та трипільскою культурою//МатеріАли І дослІдження з археологІІ Прикарпаття та ВолиніІ. Вып. 2. ЛьвІв, 1959.
63. *Фон Винклер П. П.* Оружие. М., 1992.
64. *Бестужев Г. И., Резепкин А. Д.* Новые находки из гробницы у станицы Новосвободной//КСИА. 1983. Вып. 176.
65. *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная//КСИА. 1987. Вып. 192.
66. *Грицер П. А.* Амрита//Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991.
67. *Aufrecht Th.* Die Hymnaen des Rigveda. Bd. I. Berlin, 1955.
68. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
69. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.
70. *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Северного Кавказа//Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
71. *Резепкин А. Д.* Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
72. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
73. *Zervos Ch.* La Civilisation de la Serdaigne. Paris, 1954.
74. *Markovin V. I.* Der Kurgan Psynako I. Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (West-Kaukasus)//Zeitschrift für Archäologie. H. 27. Berlin, 1993.
75. *Рысин М. Б.* Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 1993.
76. *Рысин М. Б.* Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.
77. *Рысин М. Б.* Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
78. *Артамонов М. И.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.//СА. 1949. Вып. XI.
79. *Кияшко В. Я.* К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
80. *Кияшко В. Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе//Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (Тез. докл. конф. 1979 г.). Донецк, 1979.
81. *Марковин В. И.* К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе//КСИА. 1982. Вып. 169.
82. *Рысин М. Б.* Датировка комплексов из Эшери//СА. 1990. № 2.
83. *Рысин М. Б.* Датировка комплексов из Эшери//КСИА. 1990. Вып. 1990.
84. *Кореневский С. Н.* К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии//РА. 1992. № 2.
85. *Марковин В. И.* Некоторые общие вопросы в изучении первобытной археологии Прикубанья//II Кубанская археол. конф. (тезисы). Краснодар, 1993.

Институт археологии РАН,
Москва

CONCERNING THE NEW TENDENCES IN THE ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF THE NORTHERN CAUCASUS

Summary

The article deals with the works written by the new generation of the scholars studying the Caucasus archaeology. They produce a tendency to solve out the most global problems of the local ancient history without the wide knowledge of the Caucasus archaeology, geography, ethnography and so on. The latest works by Nekhaev A. A., Korenevsky S. N., Rezepkin A. D. and Rysin M. B. are discussed in the article. Without a proper analysis Nekhaev dated such famous Maikop culture settlements as Meshoko, Scala, Khadzhokh and the others to the Pre-Maikop period. Svobodnoye settlement (near Krasnogvardeiskoye village in the Kuban region) discovered by him was also included in this group. The author proves Nekhaev's theory to be groundless. In his book «the Most Ancient Settled Population in the Middle Terek-river Region» Korenevsky tried to mark out the Galugaevskaya type Maikop culture and the valley type Maikop culture. Basically he analyzed the materials from the still superficially published settlement near Galugaevskaya village in Stavropol region. These sites became a certain criterion to solve out the most debatable problems of the whole Northern Caucasus Bronze Age. Rezepkin's articles are mostly devoted to the investigations of the Maikop culture and neighbour Novosvobodnaya type culture sites where he discovered the unique complexes. The sites were published superficially too, nevertheless it doesn't stop him to discuss a number of vital questions. Rysin's investigations are poorer. By analyzing only the ceramics from Startchiky settlement near Novosvobodnaya village he marked out a „dolmen-catacomb community". After analyses of these still young scholars' works the author doesn't see any prospects for the further development of the Northern Caucasus archaeology. Is it what it should be like nowadays?

А. А. ФОРМОЗОВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРИКУБАНЬЯ

В 1957—1964 гг. при совместных работах Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа (руководитель А. Д. Столяр) и Кубанского отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР (руководитель А. А. Формозов) в верховьях р. Белой в Краснодарском крае была выявлена серия древних поселений одного не известного ранее типа. На стоянках Хаджох I и III [1, с. 50—70], Мешоко [2, с. 73—98], Скала [3, с. 5—10], Хутор Веселый [4, с. 103—106], в навесе Мешоко и Каменномостской пещере [5, с. 103—107] были проведены раскопки.

В 1962 г. сотрудник Адыгейского НИИ языка, литературы и истории П. А. Дитлер нашел аналогичное поселение Яснова поляна на р. Фарс. Раскопки его, начатые П. А. Дитлером, проводились затем при участии А. А. Формозова в 1963 г. [4, с. 107—109] и А. Д. Столяра в 1964 г. [6, с. 93].

В 1963 г. поселение того же типа было обнаружено краеведом А. П. Руничем близ Кисловодска в урочище Замок. Материал собран на поверхности [7, с. 223—233]. Я осмотрел этот пункт в 1969 г.

Изученные памятники были расценены нами как поселения энеолитической майкопской культуры, известной по Большому Майкопскому кургану, подкурганным дольменам у ст. Новосвободной и другим погребениям того же типа. На основе стратиграфических наблюдений в Мешоко и Ясновой поляне, типологического анализа находок и сопоставлений с коллекциями из других раскопок была предложена периодизация выявленных нами памятников [8, с. 74—84]. Она была принята в позднейших обзорных работах [9, с. 205—211].

За прошедшие с тех пор 30 лет благодаря разведкам московских, петербургских и местных археологов число памятников интересующего нас типа заметно увеличилось. К сожалению, за немногими исключениями эти материалы еще не введены в научный оборот.

Лишь одно поселение получило более или менее подробное освещение в печати. Оно расположено близ районного центра Красногвардейское Краснодарского края, на левобережье Кубани, открыто в 1981 г. А. А. Нехаевым, названо им Свободным и изучено путем раскопок в 1981—1983 гг. К настоящему времени опубликовано до 10 сообщений об этом поселении [10, с. 16—32; 11, с. 69—79; 12, с. 25—27; 13, с. 5—28, рис. на с. 185—194; 14, с. 39—41; 15, с. 29—31; 16, с. 70—96].

Памятник очень интересен, поскольку приурочен не к предгорьям, как исследованные ранее поселения, а к степному Прикубанью. С этим, вероятно, связаны некоторые его специфические черты. В то же время здесь встречены вещи, ближайшим образом напоминающие материалы Мешоко. Это касается и кремневых и костяных орудий, и каменных браслетов, и керамики с жемчужным орнаментом, и мелкой глиняной пластики. То же можно сказать и о планировке поселений с укреплениями и тяготением жилищ к ним, а не к центральной площадке.

Расценив в первом сообщении о своем открытии поселение как майкопское [10], через год А. А. Нехаев изменил свою точку зрения. Он стал писать, что как Свободное, так и исследованные нами поселения на р. Белой не имеют к

© А. А. Формозов, 1994 г.

майкопской культуре никакого отношения, а значительно древнее ее. Говорилось даже, что работы А. Д. Столяра и А. А. Формозова принесли кавказской археологии «негативные последствия» [14, с. 39], стали «тормозом» в ее развитии [15, с. 30].

Пока в печати появлялись только тезисы, в основном повторявшие друг друга и выходившие в малотиражных сборниках в Майкопе, Краснодаре и Самаре, разбирать положения А. А. Нехаева казалось преждевременным. Сейчас увидела свет относительно хорошо иллюстрированная статья о Свободном [13], а петербургские археологи предоставили А. А. Нехаеву трибуну для выступлений. На международном симпозиуме «Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы», куда не были приглашены ни А. Д. Столяр, ни А. А. Формозов, А. А. Нехаев прочел доклад «О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа» [15], опубликованный затем в «Археологических вестях» [16]. Здесь речь идет уже не только о Свободном, но и о Мешоко, Скале, Хуторе Веселом, Каменномостской пещере, т. е. о поселениях, исследованных нами. Периодизация, предложенная А. А. Нехаевым, резко отличается от нашей. Очевидно, настало время ответить на публикации А. А. Нехаева, разобрать его аргументы.

По первым статьям А. А. Нехаева трудно было понять, почему собственно он считает Свободное и аналогичные ему поселения домайкопскими. В последней публикации в пользу этого приведены два аргумента: 1. Майкопский курган содержал вещи не из меди, а из бронзы. Следовательно, майкопская культура относится к раннему бронзовому веку, тогда как поселения энеолитические. 2. Материалы раскопок из Свободного, Мешоко и т. д. очень похожи на трипольские, т. е. на культуру IV тыс. до н. э. [16, с. 76, 78]. И то, и другое звучит неубедительно.

Химический анализ металлических изделий из Мешоко, Ясеновой поляны, Скалы, Хаджоха III еще не проведен и отнюдь не доказано, что это предметы из чистой меди. Что же касается термина «энеолит», то он вовсе не равнозначен «медному веку», а характеризует эпоху, когда первые металлические орудия (пусть и бронзовые) употребляли наряду с многочисленными каменными предметами чисто неолитического облика. Именно это и видим мы на поселениях типа Мешоко и Свободного.

Сходство же материалов этих поселений с трипольскими весьма относительно. На кубанских стоянках нет ни крашеной керамики, ни посуды с богатым криволинейным орнаментом, ни глинобитных площадок. Сходство А. А. Нехаев усматривает в двух отношениях: в круговой планировке поселений и в формах сосудов со вздутой верхней частью. Обе детали не могут служить хронологическим показателем. Круговую планировку имеют и городища с жилыми стенами в Хорезме, и известные этнографам краали банту в Африке. К тому же эффектная реконструкция облика поселения Свободное, помещенная в «Археологических вестях» [16, рис. 2], не находит никакого подтверждения в отчетах А. А. Нехаева о раскопках Свободного (в архиве ИА РАН). Сосуды же со вздутой верхней частью тулова широко распространены в раннеземледельческих культурах понтийского круга от неолита до ранней бронзы.

В моих работах 1960-х годов нет какой-либо самостоятельной разработки абсолютной хронологии майкопской культуры, а приведены лишь соображения А. А. Иессена. Он датировал ее второй половиной III тыс. до н. э. Сейчас появились серьезные основания относить некоторые майкопские памятники к началу III и даже к концу IV тыс. до н. э. [17, с. 39—56; 18, с. 15—20].

Я считаю вполне естественным изменить хронологические определения изученных ранее памятников в связи с общим пересмотром хронологии обширных районов. Тенденция к удревлению культур эпохи раннего металла на нашем Юге бесспорно имеет место. Вполне допустимо, что изученные нами поселения связаны не со второй половиной III тыс. до н. э., а с более ранним временем и в таком случае действительно синхронны Триполью. Но ведь удревнены и Большие кубанские курганы.

Итак, вопрос не в том, похожи ли поселения типа Мешоко на трипольские, медные или уже бронзовые изделия были им свойственны. Вопрос в том, синхронны ли эти поселения курганам Майкопа и Новосвободной, как думали мы, или они много древнее, как думает А. А. Нехаев. Речь идет не об абсолютной, а об относительной хронологии.

Мнение А. А. Нехаева порождено, скорее всего, тем, что погребения майкопской культуры содержат богатый металлический инвентарь и не так уж много каменных изделий. Поселения же дают сотни каменных изделий и лишь единичные предметы из меди. Несовпадение разительное. А. А. Нехаев пишет: «майкопской культуре, которой присуща высокоразвитая металлургия, должны соответствовать поселения с низким содержанием кремневых орудий» [13, с. 21]. Так ли это?

Сопоставление комплексов из могил и коллекций из раскопок поселений всегда сложно, и тождества здесь обычно не бывает. Металлических изделий в обиходе было немного, их берегли и после поломки пускали в переплавку. Каменных орудий было куда больше, и, когда они приходили в негодность, их просто выбрасывали. Трипольские поселения Поднестровья типа Луки Врублевецкой и Поливанова яра дают богатейший кремневый инвентарь. Облик его весьма архаичен. С. Н. Бибиков усмотрел в нем даже позднепалеолитические черты [19, с. 91—109]. Другие исследователи принимали трипольские каменные орудия за раннеэнеолитические макролиты [20, с. 53, 54, рис. 41]. Между тем обнаруженный в раннетрипольском сосуде Карбунский клад в том же Поднестровье содержал 444 металлических изделия, как орудия, так и украшения [21, с. 135—151]. С другой стороны, на днепровских стоянках трипольской культуры типа Коломийщины, Владимировки орудий из кремня очень мало. Это связано с более поздним возрастом поселений, а также и с тем, что в данном районе нет месторождений кремня. Тем самым существование помимо стоянок типа Мешоко с большим числом каменных орудий Долинного поселения с малым их числом находит параллели в Триполье.

Нет полного совпадения комплексов и в тех случаях, когда и могильники и поселения бедны металлом. А. П. Окладников разработал достаточно убедительную классификацию погребений эпохи неолита и бронзы в Прибайкалье, выделив хиньский, исаковский, серовский, китойский и глазковский этапы. Но вот увязать эти материалы с многочисленными неолитическими стоянками Прибайкалья А. П. Окладникову не удалось [22, с. 98—115]. Не решена эта задача и до сих пор. Поселения не дают свидетельств деления материалов на те же этапы.

Точно так же крайне сложным оказалось сопоставление могильников мариупольского типа и синхронных поселений Поднепровья и Приазовья. Поселение Михайловка на Нижнем Днепре трехслойное. В верхних слоях мы видим сочетание черт ямной и катакомбной культур, что не характерно для поднепровских курганов, нижний же содержит материал, соответствие которому в коллекциях из курганов удается подобрать с большим трудом, если вообще удается [23].

Число примеров можно умножить, но и так ясно, что ожидание открытий в Прикубанье поселений с точно таким же составом находок, как и в курганах этой области, вряд ли оправдано.

Поселения, изученные нами, находятся в непосредственной близости (15—30 км) от основных Больших кубанских курганов — Майкопского и Новосвободненских, на той же Белой, на том же Фарсе. Определенные соответствия в коллекциях из поселений и этих курганов налицо. Их не отрицает и А. А. Нехаев, называя, правда, «единичными». Никаких энеолитических поселений другого типа в этом районе за 8 лет обследований обнаружить не удалось.

Рассмотрим же эти соответствия, разбирая последовательно каменные орудия, керамику и украшения.

Как известно, в Майкопском кургане найдена серия из 17 геометрических орудий-сегментов. Это очень архаичная форма, свойственная даже не неолиту, а раннему мезолиту. Сегменты в количестве до 200 экз. найдены и на поселении Мешоко [8, рис. 32]. В других поселениях той же группы их или нет совсем,

или очень мало: по одному сегменту в Ясеновой поляне и Свободном, и трапеция в Хуторе Веселом. Если мы примем синхронизацию Мешоко с Майкопским курганом и отнесем остальные поселения к более позднему времени, синхронизируя их с курганами типа Новосвободной, где геометрических орудий нет, картина получается вполне ясной. Архаическая форма орудий, задержавшая почему-то в раннемайкопское время, в дальнейшем исчезла. По А. А. Нехаеву картина получается более странной. Ранние домайкопские энеолитические стоянки содержат сегменты, а поздних их нет (а это основная масса памятников), потом в Майкопском кургане они вновь появляются, а в более поздних курганах вновь исчезают. Что за странные волны?

А. А. Нехаев придает большое значение тому, что сегменты связаны не только с нижней, но и с верхней частью отложений Мешоко [13, с. 17]. Обратного не утверждали ни А. Д. Столяр, ни я [8, с. 83]. Но что собственно из этого следует? Полутора-двухметровая толща отложений Мешоко литологически едина, перекопы в ней не видны. То, что мы называли нижним слоем Мешоко,— это пласт, содержащий тонкостенную лощеную неорнаментированную керамику. Он лежит непосредственно на скале и сравнительно тонок. Выше залегает более мощный слой, где керамика иная, более грубая, иногда с жемчужным орнаментом. В этот слой некоторая часть мелких кремневых изделий могла попасть при перекопах из нижнего слоя. Но находок здесь вообще много больше, так что процент сегментов от общего числа орудий в обоих слоях примерно одинаков.

В Мешоко и других памятниках этой группы много таких же клиновидных шлифованных топоров, как и в Майкопском кургане [8, рис. 32, 55]. В Мешоко и Ясеновой поляне есть такие же асимметричные кремневые наконечники стрел, как в Новосвободной [8, рис. 33]. Приняв периодизацию и хронологию А. А. Нехаева, мы опять получаем странную картину: асимметричные наконечники появляются в домайкопском энеолите, потом исчезают в период Майкопского кургана и вновь появляются в Новосвободной. И тут волны!

На поселении Ясенова поляна П. А. Дитлер нашел обломок каменного скипетра [16, рис. 4], подобного тем, что хорошо известны в раннеямных и предъямных памятниках [24, рис. 63, 64]. Раскопки курганов в Краснодарском и Ставропольском краях (В. А. Софронова, А. Н. Гея, В. А. Трифонова) показывают, что ямные погребения в основном моложе майкопских и синхронны только поздней части их [25, с. 100—123]. Каким образом скипетр ямного или предъямного времени попал в слой домайкопского времени, А. А. Нехаев не объясняет.

Обратимся к керамике. Первый же раскопанный мною памятник — Хаджох I дал в 1958 г. крупный обломок чернолощеного бомбовидного сосуда с поясом жемчужного орнамента, ближайшим образом напоминавший сосуды из дольменов Новосвободной [8, рис. 30, 41]. В сущности каких-либо других видов орнамента на керамике из курганов типа Майкопа и Новосвободной мы не знаем. Сходный жемчужный узор украшает и металлические изделия из Новосвободной — котлы и топоры. Так Хаджох I был увязан с майкопской культурой. Не отрицает эту связь и А. А. Нехаев [13, с. 21].

В тот же год на плато под навесами Хаджох I и III было обнаружено поселение Мешоко, также содержавшее керамику с жемчужным орнаментом. В то же время здесь было значительно больше каменных орудий (а среди них и архаичные сегменты) и встречались обломки каменных браслетов, напоминавшие те, что найдены в Нальчикском могильнике. Очевидно, посуда с жемчужным орнаментом появилась задолго до курганов Новосвободной. В дальнейшем мы нашли аналогичную керамику на поселениях Скала, Хутор Веселый, Каменномостская пещера, Навес Мешоко. Представлена она и на поселениях Ясенова поляна и Замок, и на поселениях, выявленных уже в 1980-х годах: Свободное, Мысхако [9, рис. 32, *1—3, 6—8*], Гуамский грот [26, рис. 9, *4, 5*], Унакозовская пещера. Перед нами характернейшая особенность данной энеолитической культуры.

При раскопках Мешоко и Ясеновой поляны было установлено, что в нижней части отложений керамика имеет другой облик: она без какого-либо орнамента,

лощеная, значительно более тонкостенна, чем посуда из верхних слоев этих поселений. (В Ясеновой поляне данное наблюдение сделал А. Д. Столяр [6, с. 93], а не П. А. Дитлер, как пишет А. А. Нехаев).

Таким образом, выделилось два периода: 1) с тонкостенной посудой без орнамента и 2) с толстостенной с жемчужным орнаментом. Именно такая последовательность развития глиняной посуды установлена А. А. Иессеном при анализе стратиграфии кубанских курганов. Майкопский даст тонкостенную посуду без орнамента, Новосвободная — толстостенную с жемчужным узором [27, с. 165, 166]. В последнее время стала популярна иная схема: Майкопский курган и Новосвободная отражают две параллельные линии развития. Но даже если счесть стратиграфию Мешоко случайной: просто на место «майкопцев» в данную точку вскоре пришли «новосвободненцы»,— то настораживает повторение этой же стратиграфии в Ясеновой поляне. При этом никакой стерильной прослойки между слоями с разнотипной керамикой нет. И появление в Новосвободной первых дольменов, получивших широкое распространение во II тыс. до н. э., и типологический анализ металлических изделий из двух комплексов говорят о последовательности, намеченной А. А. Иессеном. Как мы видим, совпадение стратиграфии погребений и поселений полное.

У А. А. Нехаева иная схема, гораздо более странная: 1) нижние слои Мешоко и Ясеновой поляны с тонкостенной неорнаментированной посудой; 2) потом другие поселения с керамикой и жемчужным орнаментом; 3) и, наконец, Майкопский курган с тонкостенной неорнаментированной посудой и Новосвободная с сосудами с жемчужным узором. Опять непонятные волны, как и в случае с кремневыми сегментами.

Другие наблюдения над керамикой. В Мешоко и Ясеновой поляне есть черепки с налепным криволинейным орнаментом, в Ясеновой поляне — даже со спиральным. Они находят аналогии в куро-аракской культуре [8, с. 75, 76, рис. 35]. Согласно стратиграфическим наблюдениям при раскопках кубанских курганов, куро-аракские погребения синхронны майкопским или даже моложе их [28, с. 21]. Если мы относим Мешоко к майкопской культуре, все понятно. Если же это поселение древнее Майкопа, откуда появились в нем куро-аракские черты?

Керамика поселения Свободное не во всем тождественна с посудой Мешоко, но жемчужный орнамент здесь хорошо представлен [10, рис. 5, *1—11*]. Отмечается даже характерное для сосудов Новосвободной размещение жемчужин не поясами, а спускающимися от венчика вниз «полотенцами» [13, рис. 7, *5*]. Такой орнамент есть и на керамике поселения Замок [6, рис. 2, *12*]. В Новосвободной так же расположены жемчужины на медных котлах. Не исключено, что именно металлическим сосудам подражали глиняные горшки с жемчужным орнаментом на кубанских поселениях.

Керамику Свободного изучал Ю. Ю. Пиотровский, отметивший среди нее своеобразную форму высокогорлого сосуда, известную в погребениях майкопской культуры в Келермесе, Чегеме, Темижбекской и Уляпе [29, с. 36, 37]. Это противоречит построениям А. А. Нехаева.

Переходим к украшениям. В Мешоко найдено несколько костяных трубочек с кольцевыми нарезками [8, рис. 60, *1, 2*]. Я подобрал им многочисленные аналогии в находках из ямных погребений Украины [8, с. 140]. Никто эти параллели не оспорил. Напротив, они были приняты украинскими археологами [30, с. 47—50]. Это не единственный вид украшений, представленный и в ямной культуре и в интересующей нас группе поселений. А. Д. Резепкин указал на костяные пронизи с насечками по краю, найденные и в Свободном и в ямных погребениях [31, с. 197].

Учитывая уже отмеченное выше положение ямных комплексов в кубанских курганах по отношению к майкопским, эти факты понятны при увязке Мешоко и Свободного с майкопской культурой. Но они абсолютно непонятны, если вслед за А. А. Нехаевым относить поселения к домайкопскому времени.

Сложнее с другой категорией украшений — каменными браслетами. Многие

сотни их обломков встречены в Мешоко и Ясеновой поляне, есть они и в Скале, Хуторе Веселом, Каменномостской пещере и в недавно найденных памятниках — Свободном [13, рис. 5, *24—30*] и Унакозовской пещере. Между тем ни в одном майкопском погребении каменные браслеты обнаружены не были. В количестве 18 экз. они найдены в Нальчикском могильнике, по мнению многих исследователей, более раннем, чем Майкопский курган. Факт важный, но требующий ряда оговорок.

В интересующей нас группе поселений браслеты многочисленны только в наиболее ранних, в позднейших число их резко уменьшается. По подсчетам А. А. Нехаева на сравнительно небольшой площади, вскрытой на Ясеновой поляне, собрано 293 обломка браслетов, а на широко исследованном поселении Свободное — только 58 [13, с. 10, 14]. На Мешоко до 1000 браслетов, в Скале — 2, в Хуторе Веселом — 15, в Каменномостской пещере — 1. На поселениях Навес Мешоко, Хаджох I и III, Мысхако, Гуамский грот браслетов нет совсем. Таким образом, эти украшения свойственны самому начальному этапу рассматриваемой нами культуры.

Из находок в курганах важны две. В самом Майкопском кургане найден своеобразный каменный предмет. Его условно называют навершием, но это не навершие булавы. Стенки предмета очень тонки на двух ответвлениях в виде трубочек и более массивны посередине. Это не браслет, но вещь выполнена в том же материале и в той же технике, что и браслеты Мешоко.

В кург. № 11 у ст. Тульской на р. Белой при раскопках Н. И. Веселовского в 1897 г. был найден целый пластинчатый каменный браслет, вполне аналогичный тем, что мы находили в Мешоко и Ясеновой поляне [8, рис. 37]. Условия находки, как часто бывало у Веселовского, неясны, но крайне мало вероятно, что вещь попала в насыпь кургана из какого-то поселения. Пластинчатые браслеты очень хрупки, а здесь перед нами целый предмет. Из того же кургана происходят медные бляшки, совершенно такие же, как в кург. Верхний Акбаш, где они встречены вместе с клиновидным полированным топором и кремневой пластиной — изделиями, типичными и для Мешоко [8, с. 76]. Видимо, погребения с браслетами в курганах Прикубанья все же представлены.

Такие же находки явно не неолитического времени мы знаем и на Украине в Михайловском поселении [23, рис. 39, *3*] и в Закавказье в могильниках с богатым металлическим инвентарем в Сачхере [32, рис. *1*].

Что касается Нальчикского кургана, то подчеркнем — это именно курган, а не грунтовой могильник, как Мариуполь или Съезжее. Курганный обряд в это время уже сложился. В насыпи кургана найдено много каменных изделий. Они, как справедливо указывал мне Р. М. Мунчаев [9, с. 141—145], не связаны прямо с погребениями, а происходят из земли, взятой с какого-то древнего поселения. Но существенно для нас то, что инвентарь этого поселения отнюдь не архаичен, а вполне соответствует инвентарю Мешоко. Никаких более древних, скажем, микролитических черт здесь нет. Значит, большого хронологического разрыва между Нальчиком и поселениями, связываемыми нами с майкопской культурой, нет. В. Г. Чайлд и В. В. Гольмстен уже говорили, что Нальчик и Майкоп хронологически близки. Даже исследователи самого Нальчикского кургана не могли не отметить черт преемственности впускных погребений эпохи развитой бронзы в кургане с основными энеолитическими [8, с. 146, 147].

Мы еще плохо представляем себе соотношение разных северокавказских комплексов. Был ли Нальчик местным кабардинским явлением, синхронным Майкопу, или он несколько раньше его, сказать пока трудно. Но то, что это памятники одного хронологического пласта, утверждать, на мой взгляд, можно.

Итак, намечается ряд групп памятников. 1. Слои с неорнаментированной тонкостенной керамикой с большим числом каменных браслетов, а также (особенно в Мешоко) с кремневыми сегментами. Это нижние слои Мешоко и Ясеновой поляны. 2. Слои с керамикой с жемчужным орнаментом и с менее многочисленными браслетами — верхние слои Мешоко и Ясеновой поляны. В Мешоко

сеть и сегменты. 3. Слои с керамикой с жемчужным орнаментом без кремневых сегментов и с не очень большим числом браслетов — Скала, Хутор Веселый, Унакозовская пещера, Свободное. 4. Слои с керамикой с жемчужным орнаментом и без каменных браслетов — Хаджох I и III, Мысхако, Гуамский грот, верхний слой Каменномостской пещеры (здесь один обломок браслета). Эта схема не просто логична, но и основана на стратиграфических данных. Мы видим, как постепенно сходят на нет архаичные формы — сперва кремневые сегменты, а позже каменные браслеты,— как впервые появляется посуда с жемчужным орнаментом. Схема соотнесена и с материалами из курганов Прикубанья, и с материалами других регионов, как Украины, так и Закавказья.

А. А. Нехаев писал, что предложенная нами схема привела к огромной лакуне между шомутепинской культурой и памятниками майкопского типа. Это очень странное утверждение [13, с. 26]. Шомутепинская культура — чисто закавказское явление, при том центрально- и восточнозакавказское. В западной полосе Кавказа ему соответствует культура типа Одиши, Кистрика, Нижней Шиловки [33], а в Прикубанье — средний слой Каменномостской пещеры. В центральной и восточной части Закавказья шомутепинскую культуру сменила куро-араксская, а на западе культуру типа Одиши—майкопская. Разрыв между Одиши и Майкопом есть, промежуточные памятники пока не выявлены, но «огромной лакуны» мы не наблюдаем.

Рассмотрим теперь хронологическую схему А. А. Нехаева. Он начинает ее со среднего слоя Каменномостской пещеры, именуя его «так называемым неолитическим» [16, с. 78]. Стремясь удревнить остальные памятники, этот он почему-то хочет омолодить, но никаких аргументов в пользу тому не приводит. Аналогичные памятники — те же Одиши, Кистрик, Нижнюю Шиловку — все исследователи считали неолитическими. Средний слой Каменномостской пещеры, конечно, древнее Майкопского кургана, но с поселениями типа Мешоко и Свободного у него мало общего. Посуда плоскодонная с прочерченным орнаментом. Кремневый инвентарь пластинчатый, микролитический. К интересующей нас группе поселений прямого отношения этот комплекс не имеет.

Следующий этап своей периодизации А. А. Нехаев отводит Свободному, хотя сам отмечает, что в Мешоко и Ясеновой поляне под слоем с керамикой, украшенной жемчужным узором, лежит слой с неорнаментированной тонкостенной посудой [13, с. 14, 15]. В Свободном аналогичного нижнего слоя нет, а керамика с жемчужным орнаментом представлена. Опубликовав образцы ее в первых сообщениях [10, рис. 5, *1—11*; 8, рис. 7,*5*; 13, рис. 6], в хронологическую схему в итоговой статье А. А. Нехаев керамику с жемчужным орнаментом почти не включил. Вряд ли это дозволенный прием работы.

Для меня очень показательно присутствие среди 3000 предметов из камня и 983 кремневых орудий Свободного всего 1 сегмента. В Мешоко их более 200. Сравнительно с Мешоко мало здесь и каменных браслетов. Это свидетельство того, что Свободное моложе Мешоко.

О том же говорит состав стада Свободного с преобладанием мелкого рогатого скота [34, с. 83, 85]. В Мешоко состав стада иной — тут преобладает крупный рогатый скот и свинья, а преобладание овцы и козы характерно уже для Хаджоха III.

Для А. А. Нехаева важно другое: в Свободном есть остродонные сосуды с раковинной примесью в тесте и довольно много пластинчатых орудий из кремня. Это действительно отличает Свободное от Мешоко, но это не хронологический показатель. Свободное в степном Прикубанье ближе к донским и украинским стоянкам, для которых характерны и такая посуда, и такой инвентарь, тогда как Мешоко, лежащее в предгорьях, дальше от названных стоянок и лишено свойственных им черт.

За этапом Свободного следуют у А. А. Нехаева нижние слои Мешоко, Ясенова поляна (в отличие от Мешоко рассмотренная суммарно, без деления на два горизонта) и Замок. О том, что Мешоко (даже и верхние слои памятника) и Ясенова поляна старше Свободного, уже сказано. Замок же дал лишь подъемный

материал, включающий явно разновременные вещи. Шурфовка С. Н. Кореневского показала, что на памятнике имеются среневековый слой и слой эпохи развитой бронзы. Скорее всего, к последнему относятся костяные псалии [6, рис. 3, *3, 6, 14*] и кости лошади, отсутствующие на прикубанских поселениях. Не исключено, что встречается здесь и очень ранний материал. Таков костяной наконечник с кремневыми пластинками в пазах [6, рис. 3, *5*]. В. Н. Даниленко делил находки у Замка на две хронологические группы [24, рис. 25, 29]. А. А. Нехаев считает все вещи единым комплексом, включая и псалии. Это сомнительно.

Далее следует поздний этап периодизации А. А. Нехаева. Он открывается поселением у ст. Ахметовской на Лабе. Памятник открыт П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером и осмотрен мною в 1962 г. Раскопок не было. А. А. Нехаев в 1984 г. тоже ограничился сбором подъемного материала [13, с. 15]. Ни я, ни первооткрыватели поселения не связывали его с изученной нами группой стоянок на р. Белой. В Ахметовской нет ни одного черепка с жемчужным орнаментом. В сборах А. А. Нехаева есть всего один сегмент и один обломок браслета. Остальной каменный инвентарь поздний по облику. Тут, в частности, много кремневых вкладышей с зубчатым краем. Подобных нет в Мешоко, но мы знаем их в северокавказской культуре. О том, что Ахметовская относится к эпохе развитой бронзы, уже писал В. И. Каминский [35, с. 64—66].

К тому же позднему этапу А. А. Нехаев относит стоянки с керамикой, украшенной жемчужным орнаментом: верхние слои Мешоко, Скалу, Хутор Веселый. Стерильной прослойки между нижними и верхними слоями Мешоко нет. Непонятно, почему эти слои так оторваны друг от друга в периодизации А. А. Нехаева и разделены вклинивающимися между ними Замком, Ахметовской, Скалой и Хутором Веселым. Напомню, что в Мешоко найдено много сегментов, а в других памятниках этих орудий нет.

Периодизация А. А. Нехаева кажется мне странной. Геометрические орудия сперва распространены (средний слой Каменномостской пещеры), потом почти исчезают (Свободное), потом представлены сотнями экземпляров (Мешоко), потом опять исчезают (Ахметовская), опять появляются (верхние слои Мешоко), вновь исчезают (Скала, Хутор Веселый), чтобы в очередной раз появиться в Майкопском кургане. Каменые браслеты тоже то появляются (Свободное, нижние слои Мешоко), то по сути дела исчезают (Ахметовская), то опять появляются (верхние слои Мешоко). Керамика с жемчужным орнаментом точно так же то появляется (Свободное), то исчезает (нижние слои Мешоко), то опять появляется (Замок), то опять исчезает (Ахметовская) и вновь появляется (верхние слои Мешоко, Скала, Веселый). Все это в высшей степени нелогично.

Отмечу еще два обстоятельства. А. А. Нехаев поместил в своей сводной таблице рисунки целых сосудов. Не знаю, как в Свободном, но в Мешоко и в Ахметовской таковых нет. Это реконструкции автора, достоверность которых трудно проверить.

Ни в одной из своих работ А. А. Нехаев не обращался к южным аналогиям, т. е. к закавказским памятникам, хорошо датированным путем корреляции с древностями Передней Азии и благодаря обилию типологически выраженного металлического инвентаря. Вместо этого А. А. Нехаев основывает свои хронологические выкладки на сравнениях с коллекциями из очень отдаленных западных районов (Чехия, Германия) или с территории Нижнего Поволжья и Подонья [16, с. 82, 83]. Между тем возраст таким комплексов, как Деревка или Александрия, определен гораздо менее надежно, чем для кавказских, привязкой к трипольской культуре, ее в свою очередь — в балканским древностям, а уже их — к комплексам из Передней Азии. Дата Среднего стога, Съезжего, Хвалынского могильника требует еще серьезного подтверждения. А. Д. Резепкин подчеркивал, что по данным раскопок курганов в Северной Осетии нет оснований относить среднестоговско-хвалынский горизонт к домайкопскому времени [36, с. 21].

К сожалению, я знаком далеко не со всеми новыми материалами. В литературе упоминаются Урухское, Усть-Джегутинское, Большетегинское, Серегинское, Таш-

лыкское, Пскупское, Елиновское поселения, Котыхинская балка, пещера Мештуалагты-легет. Не берусь о них судить. Молчит о них и А. А. Нехаев, возможно, относя их не к домайкопскому, а к собственно майкопскому времени. Нигде не поясняет он, связан ли его «домайкопский энеолит» с самой майкопской культурой или это явление иного порядка.

Зато я вижу, что материалы, изданные хотя бы частично, хорошо ложатся в предложенную мною схему. Находки Н. Г. Ловпаче в Унакозовской пещере, содержащие и каменные браслеты, и керамику с жемчужным орнаментом, аналогичны материалам Хутора Веселого и Скалы. Коллекции из Гуамского грота и Мысхако, включающие посуду с жемчужным орнаментом, но не браслеты, относятся к поздней стадии нашей периодизации. Очень важно, что в Гуамском гроте над слоем с посудой, украшенной жемчужником, лежит слой с керамикой дольменной культуры, а не с майкопской, как следовало бы по А. А. Нехаеву [26, с. 23—28, рис. на с. 192—194].

В заключение скажу, что мне представляется вполне закономерным пересмотр созданных 30 лет назад схем после открытия новых памятников. За свою схему 1962—1965 гг. я не держусь, но возражения против нее, приведенные А. А. Нехаевым, явно не состоятельны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
2. *Столяр А. Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
3. *Формозов А. А.* Поселения Адыгеи эпохи раннего металла//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972.
4. *Формозов А. А., Черных Е. Н.* Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье//КСИА. 1964. Вып. 101.
5. *Формозов А. А.* Каменномостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье//МИА. 1971. № 79.
6. *Столяр А. Д.* Северо-Кавказская экспедиция 1962—1964 гг.//СГЭ. 1966. Вып. 27.
7. *Рунич А. П.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска//СА. 1967. № 1.
8. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
9. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
10. *Нехаев А. А.* Новое поселение майкопской культуры//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.
11. *Нехаев А. А.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
12. *Нехаев А. А.* О соотношении бытовых и погребальных комплексов Закубанья//I Кубанская археол. конф. Краснодар, 1988.
13. *Нехаев А. А.* Энеолитические поселения Закубанья//Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
14. *Нехаев А. А.* Домайкопская культура Северного Кавказа//Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев, 1990.
15. *Нехаев А. А.* О периодизации домайкопской культуры Северо-Западного Кавказа//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
16. *Нехаев А. А.* Домайкопская культура Северного Кавказа//Археологические вести. Вып. I. Л., 1992.
17. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1.
18. *Пиотровский Ю. Ю.* Датировка археологического комплекса Майкопского кургана (Ошад) и проблема хронологии Майкопской культуры//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
19. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука Врублевецкая на Днестре//МИА. 1953. № 38.
20. *Пассек Т. С.* Трипольские поселения на Днестре//КСИИМК. 1950. Вып. XXXII.
21. *Сергеев Г. П.* Раннетрипольский клад у с. Карбуны//СА. 1963. № 1.
22. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья//МИА. 1950. № 18.
23. *Лагодовская Е. Ф., Макаревич М. Л., Шапошникова О. Г.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
24. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
25. *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита и средней бронзы//Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
26. *Трифонов В. А.* Гуамский грот — новый многослойный памятник на Северо-Западном Кавказе//Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
27. *Иессен А. А.* К вопросу о датировке Больших кубанских курганов//СА. 1950. Т. XII.

28. *Николаева И. А.* Происхождение, классификация, периодизация, хронологическое и этническое определение майкопской культуры по археологическим данным//Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1992.
29. *Пиотровский Ю. Ю.* Редкие формы керамики эпохи ранней бронзы на территории Адыгеи//I Кубанская археол. конф. Краснодар, 1988.
30. *Печитайло А. Л.* Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991.
31. *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады//Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
32. *Куфтин Б. А.* К вопросу о стадиях бронзовой культуры на территории Грузии//КСИИМК. 1940. Вып. VIII.
33. *Кигурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
34. *Секерская Е. П.* Новые данные к реконструкции палеоэкономики энеолитического населения Прикубанья//II Кубанская археол. конф. Краснодар, 1993.
35. *Каминский В. И.* Об одной группе поселений в бассейне Лаби//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
36. *Резепкин А. Д.* Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.

Институт археологии РАН,
Москва

FORMOZOV A. A.

CONCERNING THE SYSTEM OF PERIODS IN THE HISTORY OF THE ENEOLITHIC SETTLEMENTS IN THE KUBAN-RIVER REGION

Summary

The system of periods in the life of the Eneolithic settlements in the Kuban-river region worked out by Nekhaev A. A. in 1992 is discussed in the article. The author considered it to be groundless. According to the stratigraphy and typology Svobodnoye settlement can't be the earliest. The middle layers of the Kamennomostskaya cave and Akhmetovskoye settlement belong to the other cultures. The author tries to support his own system of periods worked in 1962 and his idea about the connection between the settlements discussed and the Maikop culture barrows.

А. Ф. ШОРИН

К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(состояние проблемы)

В уральской археологической науке довольно прочно утвердилось мнение об угорской принадлежности носителей черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы [1, с. 373, 374; 2; 3, с. 58; 4; 5, с. 37; 6, с. 5, 10; 7, с. 23]. Исследователи также отмечают, что в начале второй половины II тыс. до н. э. ранние угры-черкаскульцы вступают в тесные контакты с ираноязычным населением степной зоны Урала: срубниками, алакульцами и федоровцами [3, с. 62; 4; 8, с. 97—98]. Правда, касаясь этнической атрибуции носителей федоровской культуры, исследователи не единодушны во мнениях. Одни признают их ираноязычную принадлежность [9, с. 109—111; 10; 8], другие же склонны рассматривать их как ранних угров [1, с. 347; 5, с. 36, 37; 11; 12; 13, с. 49—51, 56—62].

Какие же доводы приводятся исследователями для отнесения носителей черкаскульской культуры к ранним уграм? В системе доказательств используются данные археологии, этнографии, лингвистики, топонимии, антропологии. Остановимся на основных постулатах каждой из научных дисциплин, привлекаемых для этногенетических построений по обозначенной проблеме.

Данные этнографии. Основополагающим моментом в этнической интерпретации носителей черкаскульской (и федоровской) культур как культур ранних угров явились наблюдения В. Н. Чернецова о близости, а часто тождественности, ряда орнаментов ленточного типа (построенных преимущественно на косой сетке) в изобразительном искусстве обских угров и на посуде федоровской и черкаскульской культур эпохи поздней бронзы [11]. Эти типы орнаментов, то исчезая на керамике, то вновь появляясь на посуде таежной зоны Приобья, дожили у обских угров фактически до этнографической современности, во многом определяя стиль их изобразительного искусства [14, с. 159, 160, 239]. Большую роль орнаментов ленточного типа в изобразительном искусстве обских угров, а также ряда других народов, преимущественно угорской и самодийской языковых групп, и связь их с андроновским миром эпохи бронзы наглядно раскрыл в своих работах впоследствии С. В. Иванов [15, с. 161, рис. 100; 16, с. 373; 17]. Им и другими исследователями установлено присутствие древнего андроновского орнаментального комплекса в изобразительном искусстве и ряда других современных народов различных языковых групп как результат контактов или определенного участия его носителей на древнейших этапах в этногенезе многих народов Сибири, Средней Азии и Восточной Европы [17; 18, с. 131, 132].

В качестве этнографических параллелей между обскими уграми, описанными этнографами в XVII—XX вв., и угорскими культурами более раннего периода приводится в литературе ряд категорий материальной культуры, в частности особенности постройки жилищ. Исследователи находят прямые аналогии, например, такому типу жилища обских угров, как шатровые столбовые постройки в форме усеченной пирамиды с опорными несущими столбами посредине [19, с. 145, 151, табл. XII, *1—7*; 20, с. 197], в археологических культурах, начиная по крайней мере с эпохи неолита [21] и бронзы, в том числе и в черкаскульской культуре [3, с. 46; 7, с. 9]. Правда, территория распространения построек подобного типа

© А. Ф. Шорин, 1994 г.

в древности была шире, чем лесное Зауралье и Приобье, и в XVII—XX вв. этот тип постройки встречался не только у обских угров, но и других народов севера Азии, в том числе тюркских, но у последних он возник самостоятельно [19, с. 132—134, 145—147, 157].

В разработке вопросов этногенеза обских угров используются также материалы по одежде и некоторым сторонам их духовной жизни. Работами Н. Ф. Прытковой установлено существование у хантов и манси двух типов одежды: глухая и распашная. Последняя имеет южное происхождение, и традиция ее использования более древняя, чем одежды глухого покроя, вероятно, уходящая в те эпохи, когда ранние угры жили в более южных районах, чем сейчас живут обские угры [22, с. 143; 23, с. 228—240; 24, с. 57—58]. Южное происхождение имеет и ряд элементов в фольклоре, мифологии, обрядах и традиционных праздниках обских угров [24, с. 58, 59]. Среди них особое внимание обращает на себя культовая роль лошади как одного из главных жертвенных животных у современных угорских народов, населяющих глубинные районы тайги, и значительная роль этого животного даже в ранних пластах угорского фольклора [24, с. 58, 59; 25, с. 239; 26, с. 18, 21, 25].

Все эти факты позволяют предполагать, что процессы этногенеза ранних угров охватывали территории, лежащие южнее районов их современного проживания. Подтверждением этому служит и территория распространения наскальных изображений на Урале, связь которых с современным и древним искусством обских угров, по-мнению В. Н. Чернецова, совершенно очевидна [27, с. 14]. Эта территория локализуется в основном в горной (преимущественно восточный склон) части Южного и Среднего Урала, не распространяясь на севере далее верхнего течения р. Туры.

В связи с этим замечу, что именно эта же территория в эпоху поздней бронзы была заселена населением черкаскульской культуры. Причем это был тот регион, где и шло формирование этой культуры.

Данные лингвистики и топонимии. Лингвистические построения являются во многом основополагающими для решения вопросов этногенеза угорских народов, хотя среди лингвистов и нет единого мнения по локализации первоначальной территории и времени формирования финно-угорских языков. Но прилегающие к Уралу территории и сам Урал обычно включаются, если не всеми, то подавляющим большинством лингвистов, в первоначальную территорию формирования уральской, финно-угорской, а затем и угорской языковой группы [28, с. 21—35]. Большое внимание в проблеме происхождения языков лингвисты уделяют, как правило, вопросам взаимодействия различных языковых общностей, в данном случае финно-угорской и индоевропейской. Работами лингвистов установлены безусловные контакты в древности между этими языковыми общностями и заимствование в финно-угорские языки многих слов индоиранского происхождения [28, с. 44—66; 29], среди которых немало слов «скотоводческой» и «земледельческой» терминологии. Эти данные неоднократно использовались археологами для этнической интерпретации ряда археологических культур Урало-Поволжья, в частности и черкаскульской как именно той культуры эпохи бронзы, которая наиболее вероятно могла быть начальным передаточным звеном некоторых элементов индоиранской культуры (как материальной, так и духовной) в среду древних угров [8, с. 98; 25, с. 239]. Подтверждение контактов между индоиранцами и ранними уграми лингвисты усматривают и в данных топонимии, связывая происхождение части гидронимов лесной и лесостепной зоны Урала (в эпоху бронзы это территория проживания и контактов носителей черкаскульской, федоровской и отчасти алакульской культур) с наличием звука «р» в анлауте (Ревда, Реж, Рефт, Урефты и др.) с индоиранскими языками [30].

Данные антропологии. Наличие европеоидных и монголоидных компонентов в составе представителей уральской расы, или уральской группы антропологических типов, у антропологов не вызывает сомнений. Дискуссия ведется только об истоках этого явления. Существуют два объяснения: это результат интенсивного

и длительного смешения представителей монголоидного и европеоидного расовых стволов; либо же наличие европеоидных и монголоидных черт у представителей уральской расы — результат недифференцированности уральского типа, сохранившего нейтральные признаки с глубокой древности [31, с. 117; 32 и др.]. Антропологическая серия черкаскульской и генетически связанной с ней межовской культуры стала накапливаться только в последние два десятилетия и пока немногочисленна [33, с. 14; 34—38]. Но уже на этом немногочисленном материале проведен ряд интересных наблюдений, которые, с определенной долей вероятности, можно использовать для этногенетических построений. Во-первых, население черкаскульской культуры отличалось сложным антропологическим составом. Наряду с европеоидными группами в нем были представлены также отдельные группы, морфологически промежуточные между европеоидами и монголоидами. Последние обнаруживают наибольшее сходство с суммарными карасукскими сериями, причем наибольшая «карасукоидность» свойственна антропологическим материалам «классических» черкаскульских (Березки Vг, Перевозный Iа) и межовских (Красногорский I) могильников [36, с. 181]. Во-вторых, вероятность присутствия в антропологическом материале черкаскульцев населения протоуральского антропологического типа [36, с. 181]. В-третьих, наличие значительного антропологического сходства черкаскульцев-межовцев с отдельными сако-усуньскими племенами, которое может быть истолковано как свидетельство генетического родства между ними [37, с. 45]. В-четвертых, определенные отличия антропологических материалов черкаскульско-межовской и андроновской культур [35, с. 36—37; 36, с. 175—177]. В-пятых, наличие специфического сходства суммарной выборки мужских черепов черкаскульской и межовской культур с серией мужских черепов времени Арпада (венгры, X в. н. э.) [37, с. 49].

Археологические данные. Возможности и основания привлечения данных археологии к решению вопросов этногенеза, особенно древнейших этапов развития народов, оцениваются в науке неоднозначно: от полного отрицания возможностей археологического материала для решения вопросов этногенеза до утверждения, что этот материал часто является основным в этногенетических исследованиях, особенно если он коррелируется с данными смежных дисциплин — лингвистики, антропологии, этнографии и т. д. В науке уже имеются удачные попытки таких ретроспективных этногенетических построений на уровне комплексного подхода и создания достоверных гипотез этногенеза тех или иных народов, в том числе финно-угорских [6, 13, 14, 27, 39, 40].

Анализ работ по угорской проблематике позволяет определить ряд важных положений, которые лежат в основе археологических ретроспекций и безусловно с древности связаны с угорской этнической традицией.

В области керамического производства к ним относится, во-первых, господство гребенчатой традиции орнаментации для всех археологических этапов развития керамических комплексов в лесной зоне Урала, по крайней мере, с эпохи позднего неолита[1]. Во-вторых, появление, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы в уральских культурах, прежде всего федоровской и черкаскульской, орнаментов ленточного типа, которые, то исчезая, то вновь появляясь на посуде последующих эпох, дожили у обских угров до этнографической современности.

Отмеченные особенности развития лесных уральских керамических комплексов, с завидным постоянством проявляющихся на протяжении длительного хронологического периода, коррелируются еще с рядом археологических данных. Обращает на себя внимание еще одна закономерность, свойственная многим археологическим культурам лесной зоны Урала в различные археологические эпохи: немногочисленность не только крупных могильных комплексов, но даже одиночных захоронений [44]. Анализ могильных комплексов, известных в лесной

[1] В эпоху раннего железного века и средневековья с угорскими образованиями (более определенно даже с протомансийскими) связывает и появление на посуде шнуровой (гребенчато-шнуровой) орнаментации [14, с. 180; 41, с. 236; 42; 43, с. 168].

зоне Урала, показывает, что они связаны обычно с теми археологическими культурами (черкаскульской, гороховской, кушнаренковской, юдинской и др.), которые в том или ином виде оказались втянутыми в зону непосредственных взаимодействий (влияния) более южных степных этнических образований: индоиранцами андроновской общности эпохи поздней бронзы и скифо-сарматского круга культур эпохи раннего железного века; тюркоязычными кочевниками средневековья, для которых обычай погребений в земле, в том числе и курганный способ захоронений, были не исключением, а нормой. Возможно, что для лесных уральских групп населения во все археологические эпохи были характерны такие типы захоронений, как на земле, на деревьях, в дупле, в воде и т. п., что хорошо известно по этнографии народов севера Азии, в том числе и обских угров [45, с. 165, 265; 46, с. 133; 47 и др.].

При анализе данных этнографии обращалось уже внимание на особое место в фольклоре и культовых обрядах у обских угров лошади, что предполагает участие в этногенезе обских угров в древности групп населения хорошо знакомых с этим животным, которое играло, видимо, значительную роль в хозяйственной и культовой сферах жизни общества. Историографическая традиция по этногенезу угорских народов обычно связывает это с теми группами древних угров, которые оказались в сфере влияния тюркоязычных народов эпохи средневековья либо же в сфере влияния ираноязычных народов скифо-сарматского круга культур эпохи раннего железного века [41, с. 239, 240]. Но не следует забывать, что одной из первых в лесной зоне Урала археологической культурой, в хозяйстве которой лошадь играла значительную роль, являлась черкаскульская [7, с. 15; 48], соседствовавшая и активно проникавшая на территорию степных культур андроновского круга [7, с. 20, 21], где лошадь играла существенную роль не только в хозяйственной, но и культовой сфере [49, с. 30; 31; 50, с. 156; 51, с. 135, 136, 143]. Именно в этот период, как предполагают исследователи, ранние угры в лице населения черкаскульской культуры оказались втянутыми в сферу активных контактов с индоиранскими (индоарийскими) племенами андроновского круга культур, заимствовав от них не только навыки производящих форм хозяйства, но и ряд слов из «скотоводческой» и «земледельческой» терминологии [8, с. 98].

Таким образом, при определении этнической принадлежности черкаскульской культуры возможна корреляция данных ряда научных дисциплин. Сформировавшаяся около середины II тыс. до н. э. в лесной зоне Урала черкаскульская культура распространилась на широкую территорию лесостепных районов Поволжья и Притоболья, вступив в непосредственные контакты с носителями культур андроновского круга, индоиранская принадлежность которых признается почти всеми исследователями. Таким образом, время существования и территория ее распространения совпадают с теми регионами, которые большинство лингвистов считают заселенными в древности народами угорской языковой группы. Контакты финно-угров с индоиранцами, о которых также свидетельствуют лингвистические материалы и которые в лесной и лесостепной зонах Урала подтверждаются и данными топонимии, находят подтверждение и в археологическом материале. Причем время этих контактов именно эпохой бронзы отмечается и проникновением, по крайней мере в южнотаежную зону Урала, производящих форм хозяйства, во всяком случае скотоводства. Носители черкаскульской культуры в этой зоне являлись безусловно пионерами освоения производящих форм хозяйства, так как в археологических культурах лесной зоны Урала предшествующих эпох следов знакомства населения с этими формами хозяйства практически нет. Заимствование производящих форм хозяйства лесными черкаскульцами происходит, вероятно, из ареала срубно-андроновской общности, ираноязычной по происхождению, и этим объясняется, как уже говорилось, фиксируемое лингвистами в угорскую и индоиранскую эпоху заимствование в финно-угорские языки некоторых индоиранских слов. Сложившееся у черкаскульцев скотоводство сразу же было сориентировано на высокий удельный вес в стаде лошади в силу природных условий региона. И ее особая роль в обеспечении пищевых запасов коллективов, вполне вероятно, отразилась в конечном счете и в особой

ее роли в мифологических воззрениях и культовых действиях населения. Именно в характерной для лесной зоны Урала с глубокой древности гребенчатой орнаментальной традиции, этапом в развитии которой является и орнаментика черкаскульской посуды, в эпоху бронзы впервые оформляются на черкаскульской и федоровской (которая, по мнению ряда исследователей, отчасти родственна черкаскульской [7, с. 17—19; 52, с. 30]) посуде орнаменты ленточного типа, дожившие в изобразительном искусстве обских угров до современности. Немногочисленные антропологические материалы свидетельствуют о вероятном наличии в антропологическом типе черкаскульцев и межовцев протоуральского антропологического типа, о специфическом, как уже указывалось выше, сходстве суммарной выборки мужских черепов черкаскульской и межовской культур с серией мужских черепов времени Арпада, о контактах населения черкаскульской культуры с европеоидными группами населения, морфологически близкими антропологическому типу абашевцев и срубников [37, с. 49].

Все эти данные, с известной долей вероятности, позволяют предполагать участие населения черкаскульской культуры в ранних этапах этногенеза угорских народов. Но близость материальной культуры черкаскульцев и федоровцев, особенно их орнаментальных традиций, проявляющаяся даже в тождестве таких специфических гончарных приемов, как принцип лепки посуды с первоначальной круглодонной основой, к которой затем прикреплялся сплошной поддон и шейка, отчасти погребального обряда (способ кремации), заставляет еще раз рассмотреть высказанную исследователями аргументацию в пользу угорской или индоиранской принадлежности носителей федоровской культуры.

Сторонники угорской принадлежности федоровской культуры базируют свою аргументацию прежде всего на выводе, впервые сформулированном В. Н. Чернецовым, что в пределах андроновского ареала могут быть выделены отдельные, имеющие различный генезис культуры, самостоятельное развитие которых прослеживается с эпохи энеолита по преемственности в мотивах орнамента [12; 13, с. 49—51, 56—62]. Присутствие же орнаментов ленточного типа, доживших у обских угров до современности, не во всем ареале андроновского мира, а прежде всего на федоровской и близкой ей лесной посуде типа Горбуновского торфяника (т. е. черкаскульской посуде — *А. Ш.*) [11, с. 151], явилось важнейшим аргументом в пользу угорской принадлежности федоровской и черкаскульской культур для последующих исследователей. Основываясь на развитии также лесных уральских орнаментальных традиций, к мнению о генетическом родстве черкаскульской и федоровской (хотя бы отчасти) орнаментальных традиций, сформировавшихся на базе предшествующих традиций гребенчатого геометризма (или андроноидной) традиции, оформление которой происходило в эпоху энеолита — ранней бронзы, прежде всего в юго-лесных районах Зауралья, пришел М. Ф. Косарев [52. с. 30, 81]. Эта близость черкаскульской и федоровской орнаментальной традиции позволила М. Ф. Косареву и Т. М. Потемкиной выделить даже угорский черкаскульско-федоровский этнокультурный массив в противовес алакульско-тазабагъябскому (видимо, по их мнению, ираноязычному) [5, с. 36]. Обоснованная исследователями в 1960—1970-е годы самостоятельность в андроновском ареале федоровской и алакульской культур, позволяла, казалось бы, действительно предполагать разный генезис этих культур, в том числе и придавать этим различиям этническую специфику. Интересную позицию в этнической интерпретации федоровских и алакульских памятников занимал крупнейший знаток андроновских древностей К. В. Сальников. Обосновывая и активно защищая генетическую связь федоровского и алакульского этапов в рамках единой андроновской культуры, исследователь в то же время предполагал угорскую принадлежность восточных андроновцев (т. е. федоровцев.— А. Ш.) и ираноязычную — западных (т. е. алакульцев). Обосновывая ираноязычность алакульцев их генетической связью с последующей савроматской культурой, ираноязычность которых восстанавливается по письменным источникам, исследователь, к сожалению, не приводил никакой аргументации в пользу угорской принадлежности федоровцев [1, с. 347].

Но в то же время, несмотря на наметившееся в историографической традиции разделение культур андроновского круга на самостоятельные, имеющие разный генезис, сохраняется мнение о ираноязычности как федоровцев, так и алакульцев. Наиболее развернутая аргументация этой гипотезы содержится в работах Е. Е. Кузьминой. Признавая специфику гончарного производства населения как алакульской, так и федоровской культур, исследователь отрицает генетическую связь между федоровцами и алакульцами и предполагает их разный генезис, но в рамках все же единой андроновской, индоиранской по происхождению, культурной общности [10]. Приводимая в целом серьезная аргументация в пользу индоиранской принадлежности андроновской культурной общности, в понимании Е. Е. Кузьминой, базируется на основательной проработке тех археологических категорий материалов, в которых, наиболее вероятно, проявляется этническая специфика (технология гончарного производства: способы формовки сосудов, особенности орнаментальных композиций, техника нанесения орнаментов и др., специфика некоторых черт погребального обряда, в некоторой степени особенности в традициях домостроения и др.). Эти данные постоянно коррелируются с археологическими материалами культур более поздних археологических периодов, ираноязычная принадлежность которых не вызывает сомнения, а также этнографическими сопоставлениями с ираноязычными народами современности (например, горных районов Таджикистана, северо-западных районов Пакистана, афганского Бадахшана и др.) и блестящими сопоставлениями с данными ведической литературы [10, 53—55 и др.]. Но при внимательном рассмотрении эта аргументация страдает одним серьезным недостатком. Практически все приводимые сопоставления относятся только к одной из двух линий развития культур андроновской общности: петровско-алакульской. Федоровская же линия привязок в аргументации Е. Е. Кузьминой прослеживается слабо. Наиболее убедительной в ней является сопоставление с индоиранской традицией комплекса специфических черт, присущих федоровскому погребальному обряду, подкурганного способа захоронения с использованием каменных оград, захоронения по способу ингумации и кремации с остатками погребальной или поминальной тризны в виде костей животных, прежде всего лошади, что находит аналогии в ведической литературе и в археологических культурах последующих эпох, интерпретируемых как ираноязычные [9, с. 74—89]. Сопоставления же федоровских гончарных традиций с ведическими менее убедительны, так как многогранные сосуды — особенность не только федоровских (да и здесь их немного, причем они встречаются преимущественно в восточных районах распространения культуры: на Енисее и Оби [56, с. 63, 66]), но и комплексов других археологических культур [56, с. 63, 66; 57, с. 45, рис. 2, *1*], например, окуневцев Енисея, энеолитического населения Северного Зауралья, не связанных с андроновским миром. Не является и чисто андроновской (индоиранской) особенностью трехчастная орнаментация посуды [9, с. 69—71; 10, с. 178]. Появление же синкретичных алакульско-федоровских комплексов керамики типа амангельдинских, таутаринских, атасуских, кожумбердинских, семиреченских действительно возможно только в процессе длительного смешения и ассимиляции [9, с. 69], но не обязательно родственных групп населения. Археология знает огромное количество примеров контактов генетически отличных групп населения, традиции которых затем сливаются в формирующихся новых (синкретичных по своей сути) культурных комплексах, в том числе и в эпоху бронзы: поздняковская, приказанская, андроноидные культуры Западной Сибири и т. д. Более того, до сих пор существуют как монолитные в языковом отношении народы, так и народы с сильными языковыми диалектными различиями, например, немцы и особенно китайцы, отдельные группы которых при речевом общении почти не понимают друг друга, и народы, внутри которых широко распространено двуязычие (парагвайцы, фламандцы, мордва и др.) [58, с. 9—10, 22].

Таким образом, слабая обоснованность индоиранской принадлежности федоровской линии развития и значительная близость федоровской и черкаскульской культур, особенно в области гончарного производства, отчасти погребального обряда (наличие каменных оград, сочетание способов кремации и ингумации),

наличие в лесостепной зоне Урала совместных федоровско-черкаскульских (нередко и алакульских) поселений, сходные пути распространения федоровцев и черкаскульцев с Урала по лесостепной зоне на запад и на восток (может быть, иногда даже совместными коллективами [7, с. 9—12, 17—21]), возможная единая подоснова в формировании черкаскульского и отчасти федоровского орнаментальных комплексов [7, с. 17—19; 52, с. 30, 81] предполагают участие в оформлении и федоровского и черкаскульского населения какого-то единого этнического компонента, возможно угорского. Но это предположение также нельзя считать бесспорным, так как имеется еще ряд археологических фактов, которые заставляют подходить к этнической интерпретации черкаскульцев и федоровцев как ранних угров достаточно осторожно. Имеются в виду определенные отличия в материальной культуре носителей черкаскульской культуры в разных районах ее распространения, что позволяет выделять в рамках черкаскульской культуры два ее локальных варианта: северный (кокшаровский) и южный (невьянско-миасский). Граница между ними проходит где-то по широте чуть севернее г. Невьянска. Различия между этими локальными вариантами проявляются прежде всего в керамике, отчасти в погребальном обряде (т. е. в признаках, играющих важную роль в этнической интерпретации археологических культур), а также и в хозяйстве. В керамике эти отличия проявляются в обедненности орнаментации посуды северного варианта, в том числе в уменьшении удельного веса геометрических и меандровых узоров. В погребальном обряде — в практическом отсутствии могильных комплексов на территории кокшаровского локального варианта (исключение — только одиночное захоронение на Кокшаровском I поселении). В хозяйстве — в практическом отсутствии костей домашних животных в остеологических материалах, полученных с поселений северного локального варианта [7, с. 9, 10, 12, 15, 16]. Таким образом, создается впечатление, что носители черкаскульских традиций южного локального варианта имели больше черт, сближающих их со степными и лесостепными культурами — богатая орнаментация посуды геометрическими и меандровыми, в том числе ленточного типа, узорами, наличие могильных комплексов, в том числе с каменными оградами (Березки Vг, Перевозный Iа) и земляными курганами (Ново-Бурино, Большая Караболка и др.), развитый характер скотоводства. Тогда как носители северного локального варианта, где в более «консервированном» виде сохранились традиции лесной таежной зоны, и характер связей, если судить по наличию на керамике кокшаровского локального варианта ряда сузгуноидных черт [7, с. 19, 21—22], был несколько иным: прежде всего не со степным миром, а с лесными племенами Западной Сибири.

Эти наблюдения не исключают предположения и об определенных этнических различиях уже внутри самой черкаскульской культуры. Возможно, южные группы черкаскульцев (а может быть, и близкие им федоровцы лесостепного Зауралья), взаимодействуя со степью, включали в себя и определенные индоиранские компоненты, растворяя их в своей среде, либо же даже сами растворялись в их среде. Северные же группы черкаскульцев прямого воздействия степных индоиранских групп не испытывали (опосредованное оно могло быть — через южные группы черкаскульцев), в большей степени сохраняли угорскую этническую специфику, контактируя с носителями лесных культур Западной Сибири, этническая принадлежность которых интерпретируется как угро-самодийская [5, с. 36—37; 6, с. 6—13].

Таким образом, в контактной зоне между лесом и степью, которая включала, видимо, север степи, лесостепь и южную кромку тайги, в условиях активного взаимодействия двух огромных этнических массивов: индоиранского и угорского — в Зауралье в лице южных групп черкаскульцев, а возможно и федоровцев, могли на определенное время складываться коллективы, обладающие двуязычием [2]. Но в условиях сдвига из Зауралья части черкаскульцев и особенно федоровцев в степные районы Казахстана, а затем и в лесостепные районы Сибири эти коллективы растворяются в этнической среде индоиранцев, а у оставшейся в лесостепной и лесной зоне черкаскульцев и федоровцев возобладал окончательно

[2] По отношению к черкаскульцам это предположение выдвигалось уже Н. Л. Членовой [8, с. 98].

угорский этнический компонент. Не настаивая на выдвинутой трактовке этнической принадлежности черкаскульцев и федоровцев как окончательной, еще раз в заключение подчеркну, что этническая атрибутика носителей черкаскульской культуры не может быть решена, да и вообще решаться, без корректировки ее с этнической атрибутикой носителей федоровской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
2. *Косарев М. Ф.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы//СА. 1972. № 2.
3. *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.
4. *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу о контактах финно-угров с индоиранцами//Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
5. *Косарев М. Ф., Потемкина Т. П.* Городище Чудская Гора в свете этнической интерпретации андроноидных культур Западной Сибири//Урало-алтаистика. Новосибирск, 1985.
6. *Косарев М. Ф.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири по археологическим материалам//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985.
7. *Шорин А. Ф.* Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1988.
8. *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу о иранцах доскифской эпохи и индоиранцах//СА. 1984. № 1.
9. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
10. *Кузьмина Е. Е.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев)//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
11. *Чернецов В. Н.* Орнамент ленточного типа у обских угров//СЭ. 1948. № 1.
12. *Чернецов В. Н.* К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы//Тез. докл. на совещ. по методологии этногенетических исследований. М., 1951.
13. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
14. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тыс. нашей эры//МИА. 1957. № 58.
15. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник//ТИЭ. Новая серия. 1963. Т. 81.
16. *Иванов С. В.* Орнаменты//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
17. *Иванов С. В.* Древний андроновский комплекс в современном орнаменте народов Сибири//VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
18. *Ванштейн С. И.* Некоторые закономерности генезиса компонентов этнических культур (орнаментика)//Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986.
19. *Попов А. А.* Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
20. *Соколова З. П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//ТИЭ. Новая серия. Т. 84. 1963.
21. *Старков В. Ф.* Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
22. *Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов//МАЭ. 1953. Т. 15.
23. *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда//Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
24. *Мошинская В. И.* Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири. Томск, 1978.
25. *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье//МИА. 1953. № 35.
26. *Лукина Н. В.* Предисловие//Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
27. *Чернецов В. Н.* Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
28. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
29. *Абаев В. И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов//Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
30. *Муминов М. Т.* К вопросу об иранских элементах в субстратной топонимике Среднего Зауралья//Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.
31. *Алексеев В. П.* О смешанном происхождении уральской расы//ВАУ. 1961. Вып. 1.
32. *Золотарева И. М., Зубов А. А.* Проблемы антропологии современных финно-угорских народов//XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Т. II. Устинов, 1987.
33. *Акимов М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
34. *Шевченко А. В.* Об антропологических особенностях носителей черкаскульской культуры//Проблемы археологии Поволжья и Приуаралья. Куйбышев, 1976.
35. *Шевченко А. В.* Еще раз об антропологическом облике черкаскульцев//VI Уральское археол. совещ. М., 1977.
36. *Шевченко А. В.* Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза//Современные проблемы и методы в антропологии. Л., 1980.
37. *Шевченко А. В.* Современное состояние палеоантропологической изученности черкаскульской

культуры//Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
38. *Рудь Н. М.* Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Такталачук//Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
39. *Бадер О. Н.* О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой//Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
40. *Халиков А. Х.* Преемственность в развитии археологических культур Волго-Камья//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.
41. *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье//МИА. 1953. № 35.
42. *Мошинская В. И.* Керамика усть-полуйской культуры//МИА. 1953. № 35.
43. *Викторова В. Д.* Ликинский могильник X—XIII вв.//ВАУ. 1973. Вып. 12.
44. *Шорин А. Ф.* Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горнолесном Зауралье//Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
45. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1981.
46. *Грачева Г. Н.* Отражения хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей севера Западной Сибири//Социальная история народов Азии. М., 1975.
47. *Грачева Г. Н.* Конструкция погребальных сооружений у некоторых сибирских народностей//Полевые исследования Института этнографии. 1975. М., 1977.
48. *Косинцев П. А., Варов А. И.* Костные остатки из поселения Юкаликулево и хозяйство черкаскульско-межовского населения//Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа. 1991.
49. *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света//Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
50. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
51. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
52. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
53. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных//Проблемы этнической истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
54. *Кузьмина Е. Е.* Две зоны развития домостроительных традиций в Старом Свете//Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
55. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
56. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
57. *Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф.* Северное Зауралье накануне бронзового века//СА. 1990. № 3.
58. *Козлов В. И.* О классификации этнических общностей (состояние вопроса)//Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Институт истории и археологии
УрО РАН, Екатеринбург

SHORIN A. F.

CONCERNING THE ETHNIC CHARACTERISTICS OF THE TCHERKASKUL CULTURE (the problem today)

Summary

It is believed the Tcherkaskul culture to be of the Ugric origin. This point of view is based on the data of archaeology, ethnography, linguistics, toponimy and anthropology. At the same time the process of an active interaction of the early Ugric groups of population with the Indo-Iranian ones lived in the Urals steppes and forest-steppes (the Fedorovo and Alakul cultures) influenced the Tcherkaskul culture formed in the middle of the 2nd millennium BC. The Iranian language of the Alakul culture is proved by its genetic ties with the following Savromatian culture. The Savromatian tribes spoke an Iranian language which is confirmed by the written sources. The Iranian language of the Fedorovo culture can't be proved so clear. but the culture's artifacts, especially ceramics, are the closest to the Tcherkaskul culture. It can be suggested that a single, probably Ugric, ethnic component took part in the Fedorovo and Tcherkaskul cultures' forming. In the 2nd half of the 2nd millennium BC the southern forest, forest-steppes and northern steppes Urals regions saw an active interaction of the Indo-Iranian and Ugric tribes. At this time some groups of population could be bilingual. It is possible the Ugric component began to prevail finally among the Tcherkaskul and Fedorovo tribes in the forest and forest-steppes Urals regions. Part of the Tcherkaskul and Fedorovo tribes migrated to the steppes Urals region and dissolved among the Indo-Iranian tribes.

Ю. Б. ПОЛИДОВИЧ

О МОТИВЕ СВЕРНУВШЕГОСЯ ХИЩНИКА В СКИФСКОМ «ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ»

Мотив свернувшегося хищника[1] был одним из самых популярных мотивов скифского[2] «звериного стиля». Предметы с изображениями свернувшихся хищников использовались в VII — IV вв. до н. э. на огромной территории — от Северо-Западного Причерноморья до Северного Китая. Поэтому неслучаен интерес многих исследователей к этому мотиву. Его изучению посвящены как самостоятельные работы, так и обширные пассажи в обобщающих работах многих отечественных и зарубежных авторов. В результате исследований подробно рассмотрены вопросы происхождения мотива, отмечены некоторые характерные стилистические приемы и особенности изображения, выделены локальные варианты. Однако исследователями рассматривались лишь небольшие серии изображений, либо происходящих в основном из определенного региона: лесостепной Скифии [2], территории распространения савроматской культуры [3, с. 223—225; 4], Алтая [5], Минусинского края [6, с. 118—119, 134, 159—160],— либо из различных частей скифского мира, но бытовавших в определенный период [7, с. 72—78].

Между тем представляется, что на нынешнем этапе изучения скифского «звериного стиля» и накопления материала весьма перспективным может оказаться сквозное изучение отдельных мотивов основных образов скифского искусства: хищника, оленя, хищной птицы и других — на основе анализа максимального количества изображений, происходящих со всех регионов скифского мира и бытовавших весь скифский период. Это позволит по-новому взглянуть на вопросы происхождения, функционирования и развития не только отдельных мотивов и образов, но и скифского «звериного стиля» в целом.

Именно с таких позиций мы и предлагаем на основании анализа 119 опубликованных в различных изданиях изображений рассмотреть мотив свернувшегося хищника[3].

При анализе использовался структурно-семиотический метод, в последнее время успешно применяемый в изучении как скифского «звериного стиля», так и вообще древнего искусства (см. работы Е. В. Антоновой, Е. Е. Кузьминой, Е. В. Переводчиковой, Д. С. Раевского, Я. А. Шера, Е. Ф. Чежиной [8, с. 78—80] и других). В соответствии с этим методом, изображение свернувшегося хищника можно представить в виде определенным образом организованной совокупности взаимосвязанных элементов. Если рассматривать различные типы взаимосвязей между основными из этих элементов (такими, как морда, туловище, лапы и хвост), то обнаруживаются определенные закономерности построения композиционной схемы изображения, которые в свою очередь, различаются на

---

[1] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность преподавателю Донецкого Гос. университета, канд. ист. наук В. П. Андриенко, под руководством которого начиналась работа над этой темой.

[2] Определение «скифский» употребляется в работе в широком смысле слова. См. по этому поводу [1, с. 112].

[3] Всего было учтено 132 изображения. При анализе не использовались фрагментированные и сильно стилизованные изображения.

© Ю. Б. Полидович, 1994 г.

разных территориях и в разные промежутки времени. Это позволяет говорить, по нашему мнению, о существовании определенного изобразительного канона, действующего в пределах построения композиционной схемы изображения свернувшегося хищника. Определение границ распространения этого канона позволяет наметить пределы локального варианта (или объединения более высокого порядка — изобразительной провинции), а изучение изменения его во времени — говорить о процессах развития мотива.

Анализ изображения как системы взаимодействия элементов позволяет выделить ряд признаков, характеризующих, во-первых, особенности построения композиционной схемы (назовем их условно признаками группы А) и, во-вторых, особенности изображения отдельных частей тела (соответственно, отнесем их к признакам группы Б). Причем, если признаки группы Б являются общими для всех мотивов образа хищника, что отмечалось многими исследователями (см., например [2, с. 127; 7, с. 75]), то группу А составляют признаки, присущие только мотиву свернувшегося хищника. Для других мотивов характерен свой специфичный набор признаков: взаиморасположение лап, расположение хвоста, пропорции частей тела, степень свернутости, принцип построения схемы и форма изображения.

В связи с тем что для полного изучения признаков группы Б необходимо привлечение данных по всем мотивам образа хищника, в данной работе будут рассмотрены только признаки, составляющие группу А.

1. *Взаиморасположение лап.* Изображая свернувшегося хищника, древние мастера всегда исходили из одного принципа: зверь должен быть свернут так, чтобы его морда, туловище и хвост образовывали кольцо (форма изображения при этом могла быть различной, о чем будет сказано ниже). Лапы же обязательно должны находиться внутри этого кольца. А то, каким образом они располагались внутри его, зависело от определенного канона, действующего на более-менее конкретной территории в определенный промежуток времени. Можно выделить 10 вариантов схемы расположения лап. Передняя лапа, за некоторым исключением, изображалась в неизменном положении: согнутой в локте таким образом, что кисть находится под мордой. Изменялось, как правило, только расположение задней лапы относительно передней. Наиболее распространенным был вариант обратносимметричного или параллельного расположения лап: предплечье передней лапы расположено параллельно голени задней, при этом очень часто кисть передней лапы «лежит» на коленном суставе, а кисть задней — на локте (рис. 1,*1*). Бытовал этот вариант на всей территории скифского мира, но в раннее время (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.[4]) был характерен в основном только для «восточных»[5] изображений (Уйгарак [9, табл. IX, *15*], Майэмир [5, табл. I] и др.). Четкость схемы описанного расположения лап иногда нарушалась, и концы лап оказывались несколько смещенными относительно локтя или колена (Майэмир [5, табл. I, *4, 5*], Гляденовское костище [10, табл. XVIII, *18*] и др.). Однако подобные индивидуальные вариации, зафиксированные в единичных случаях, по нашему мнению, вполне можно рассматривать в рамках единой схемы. Принцип параллельности расположения лап присутствует еще в двух схемах. Но так как в остальном они отличаются от предыдущей, то представляют собой самостоятельные варианты: 1) передняя лапа вытянута к внешнему контуру изображения, задняя же согнута таким образом, что голень параллельна передней, а кисть находится «под мышкой» (рис. 1, *2*); 2) предплечье передней и голень задней параллельны, а кисти загнуты вовнутрь изображения и соприкасаются кончиками (рис. 1, *3*).

---

[4] В работе используются общепринятые в литературе датировки. Однако, учитывая дискуссионное состояние проблемы хронологии раннескифского времени, для ранних изображений принимается широкая дата — вторая половина VII — начало VI в. до н. э., а для Аржана — время ранее середины VII в. до н. э.

[5] Под «восточными» понимаются изображения, происходящие с восточной части скифского мира — от Поволжья (территория ананьинской и савроматской культур) от Ордоса и Северного Китая; под «западными» — происходящие с территории Северного Причерноморья — Северного Кавказа — стран Древнего Востока.

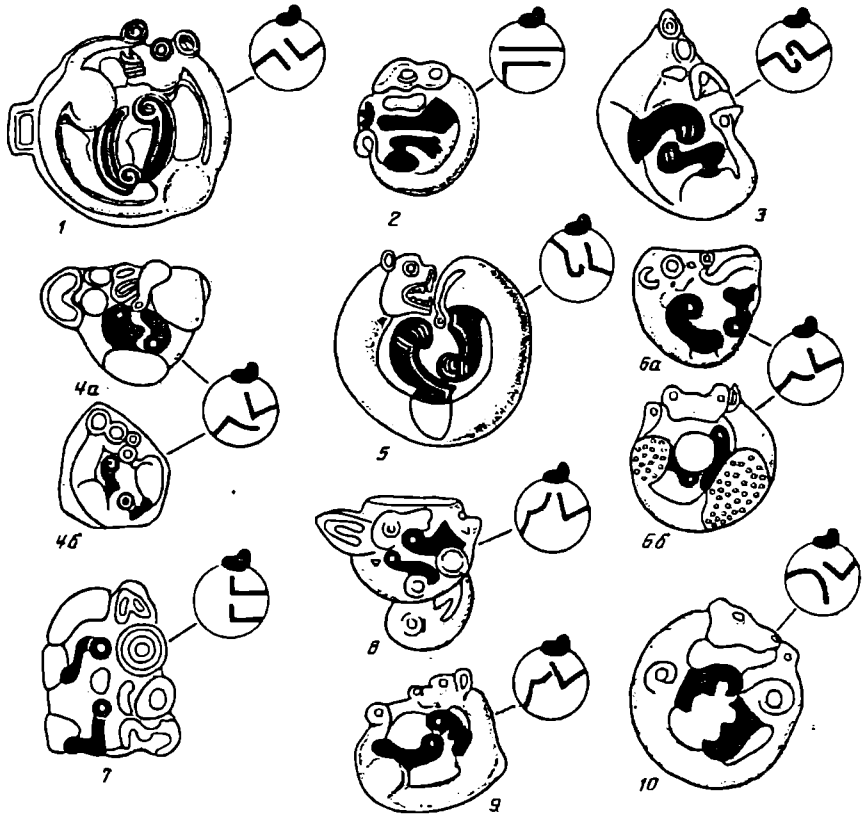


Рис. 1. Взаиморасположение лап на изображениях свернувшихся хищников. *1* — оз. Иртяш, Челябинская обл.; *2* — с. Басовка, к. 482; *3* — Острая Могила; *4а* — с. Партан, к. 21; *4б* — Келермес, кург. 2/В; *5* — кург. Аржан; *6а* — окрестности г. Майкопа; *6б* — мог-к Туран-II, к. 5, п. 2; *7* — Кармир-Блур; *8* — мог-к Фаскау; *9* — Уйгарак, к. 33; *10* — с. Бейское

Для ранних «западных» изображений характерен следующий вариант: кисть согнутой передней лапы находится под мордой, а кисть задней — либо под локтем передней, либо, чаще, «под мышкой» (это зависело от компактности («сжатости») конкретного изображения) (рис. 1, *4а, б*). На изображении же из Аржана [11, рис. 15, *4*], самом раннем из «восточных» изображений, кисть задней лапы как бы лежит на предплечье передней (рис. 1, *5*). Оба эти варианта, вероятно, стали основой для следующей схемы: кисть задней лапы как бы лежит на локте или находится рядом с ним (рис. 1, *6а,б*). При этом лапы во всех трех вариантах располагаются под углом относительно друг друга: от 70° (Бесоба, кург. 9 [12, рис. 5,*6*]) до почти что 0° (Старшая Могила [2, рис. 1], пронизь из Келермеса, кург. 2/В [13, табл. 9,*10*] и др.). В ситуации, когда угол близок к 0°, появляется ряд изображений, имеющих спорную схему расположения лап — параллельно или под углом: хут. Степное [14, рис. 2], Луговой мог-к, п. 64/128 [15, рис. 29, *16, 17*], «Три брата», кург. 25, погр. 2 [16, рис. 12,*1*], Сакар-Чага 6, кург. 23 [17, рис. 12,*3*] и др. В таком случае определяющее значение имеет расположение передней лапы, так как при параллельном положении ее кисть почти всегда находится под нижней челюстью, а при положении под углом — под скулой.

Из остальных вариантов два характерны для единичных «западных» изображений второй половины VII — начала VI в. до н. э. (рис. 1, *7, 8*); еще два (рис. 1, *9,10*) — только для «восточных». Из них вариант схемы, в которой лапы соприкасаются кончиками друг с другом в центре кольца или под мордой зверя (рис. 1, *9*), является одним из самых характерных для «восточных» изображений как ранних (Уйгарак [9, табл. IX,*16*], Золотой курган [18, табл. XV, XVI, *1*] и др.), так и поздних.

2. *Расположение хвоста.* Оно также не было стабильным и изменялось с течением времени и в зависимости от территории. Можно выделить семь вариантов

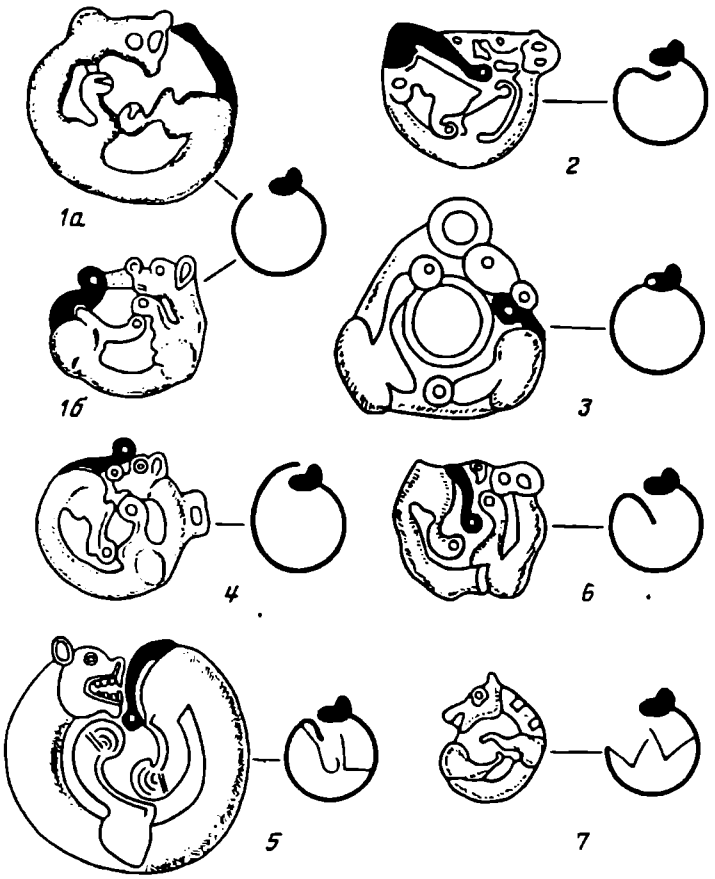


Рис. 2. Расположение хвоста на изображениях свернувшихся хищников. *1а* — курганная группа Бесоба, к. 9; *1б* — Уйгарак, к. 33; *2* — Тлийский могильник, п. 216; *3* — Темир-Гора; *4* — Уйгарак, к. 33; *5* — кург. Аржан; *6* — хут. Степное у г. Гудермес; *7* — Минусинский край

этого признака (рис. 2). Из них вариант, когда хвост вытянут по периметру изображения и находится перед мордой (у пасти или у носа) животного или на некотором расстоянии от нее (рис. 2, *1а,б*), является наиболее распространенным (61% изображений). При этом кончик хвоста, как правило, прямой, но иногда может быть согнутым перед мордой (курганы в уроч. Дарьевка [2, рис. 2], Глядеиовское и Юго-Камское костища [19, с. 24, ил. 36]), свернутым в кольцо (Майэмир [5, табл. I, *1—5*]) или загнутым наружу, в сторону от морды («Три брата», кург. 25, погр. 2 и Тлийский могильник, погр. 164 [20, рис. 23, *2*]). Этот вариант присутствует в равной мере во всех изобразительных традициях скифского мира, хотя в раннее время более распространен в восточных районах. Для ранних «западных» изображений самым характерным является вариант расположения хвоста внутри изображения под мордой зверя (рис. 2, *2*). Эту схему имеют и некоторые «восточные» изображения, например, из Золотого кургана[6]. Вероятно, производным от него можно считать вариант, когда кольчатый кончик загнутого вовнутрь короткого хвоста лежит на пасти животного и закрывает ее (рис. 2, *3*). На большой серии «восточных» изображений (в основном ранних) хвост расположен наоборот над мордой зверя (рис. 2,*4*). Своеобразно расположение хвоста у аржанского хищника — он прижат к бедру животного (рис. 2, *5*). Еще на двух ранних изображениях (из хут. Степного и сибирской коллекции Петра I [22, табл. VI, *1*]) хвост загнут вовнутрь изображения так, что его кольчатое окончание, располагаясь между лапами, оказывается в центре композиции, в

[6] Подобное положение хвоста и на позднем, никак не связанном с архаичной «западной» традицией, изображении из Ордоса [21, рис. 9, *6*].

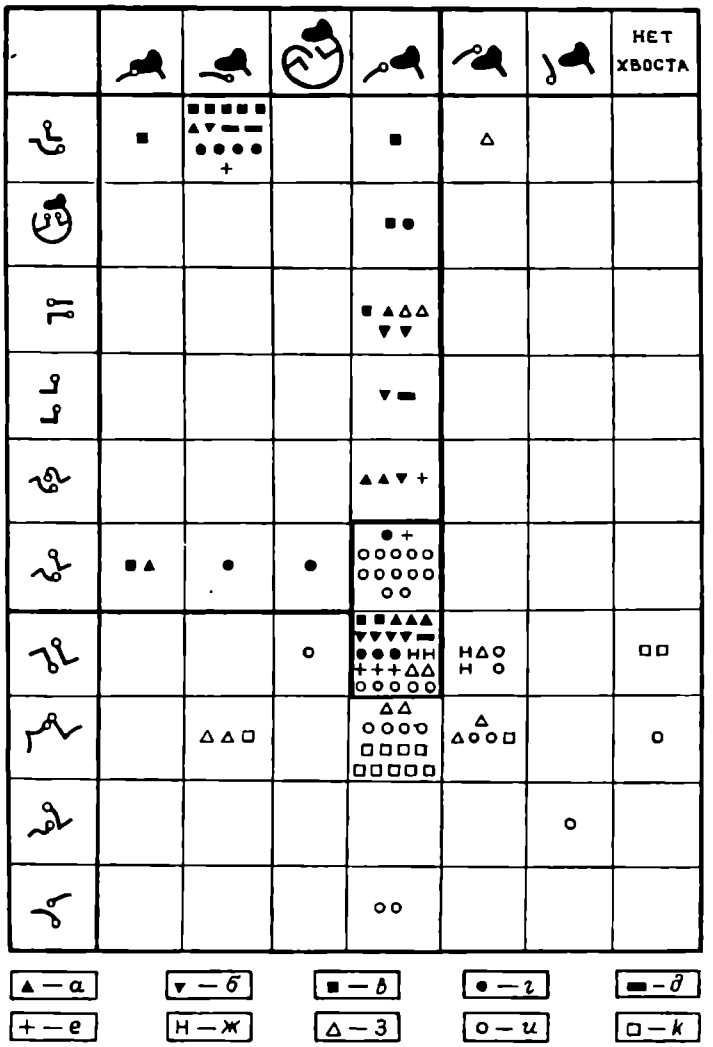


Рис. 3. Корреляция основных признаков изображений свернувшегося хищника: расположения лап и хвоста.

а — Северное Причерноморье, степь; *б* — Северное Причерноморье, лесостепь; *в* — Прикубанье; *г* — Кавказ; *д* — страны Древнего Востока; *е* — Нижнее Поволжье и Южное Приуралье; *ж* — Волго-Камье; *з* — Казахстан и Средняя Азия; *и* — Сибирь; *к* — Центральная Азия

центре кольца, образованного телом хищника (рис. 2,*6*). И наконец, на некоторых поздних «восточных» изображениях хвоста нет совсем (рис. 2,*7*).

Сочетание двух рассмотренных признаков (взаиморасположения лап и расположения хвоста) составляет основу, «скелет» композиционной схемы изображения свернувшегося хищника. При этом количество вариантов сочетания ограничено (см. рис. 3). Существовало не менее 22 схем. Из них лишь две в какой-то степени характерны для всего скифского мира. Десять же схем были распространены только в западных районах и десять — только в восточных. Таким образом, несмотря на кажущееся единство, «восточные» и «западные» изображения свернувшегося хищника по своей основе были фактически различными. Следовательно, можно предположить, что процессы зарождения и развития *изображения* свернувшегося хищника проходили различными путями в западной и восточной «провинциях» скифского «звериного стиля», выделение которых было обосновано в работах М. П. Грязнова [23, с. 229—233] и Е. В. Переводчиковой [24, с. 44—46] и различия между которыми подчеркивались в работах многих других исследователей. Этот вывод подтверждается, если выделенные сочетания выстроить в пространственно-хронологической последовательности (см. рис. 4 и 5).

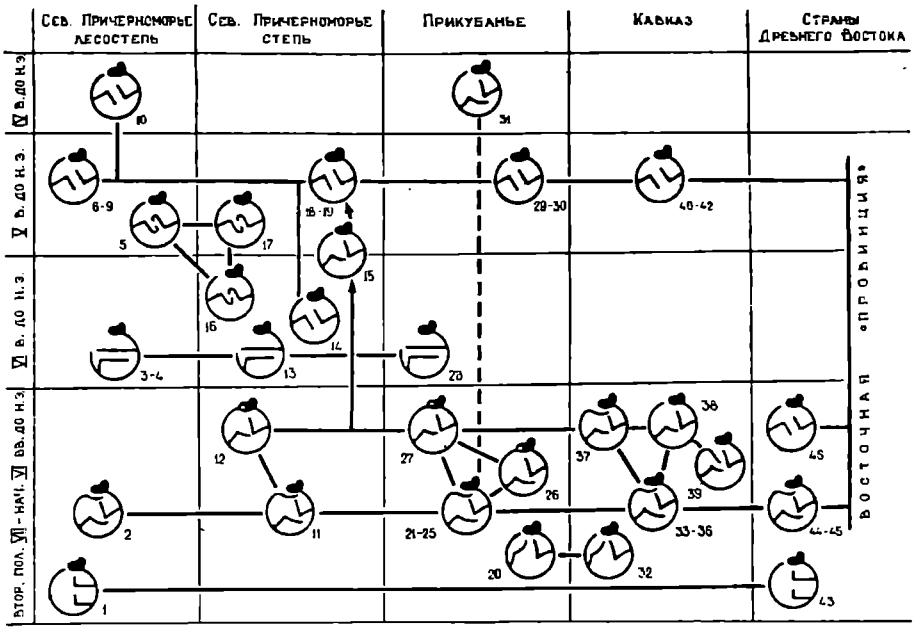


Рис. 4. Схема пространственно-хронологической изменчивости основных признаков изображения свернувшегося хищника (расположение лап и хвоста). Западная «провинция».

Северное Причерноморье, лесостепь: *1* — уроч. Дарьевка; *2* — кург. Старшая Могила; *3* — с. Басовка, к. 482; *4* — коллекция Боткина; *5* — с. Волковцы, к. 2; *6* — с. Журовка, к. 398; *7* — с. Макеевка, к. 491; *8* — с. Басовка, к. 499; *9* — уроч. «Частые курганы», к. 8; *10* — уроч. «Частые курганы», к. 1. Северное Причерноморье, степь: *11* — с. Константиновка, к. 2, п. 3; *12* — Темир-Гора; *13* — Ольвия, некрополь, п. 12 (1910 г.); *14* — Ольвия, некрополь, п. 15 (1912 г.); *15* — кург. Кулаковского; *16* — Острая Могила; *17* — Ак-Бурун; *18* — с. Ковалевка, к. 6, п. 1; *19* — с. Нов. Раскайцы, к. 2, п. 7. Прикубанье: *20, 21* — Келермес, к. 2/В (костяные пронизи); *22* — Келермес, к. 1/III (крестообразный предмет); *23* — Келермес, к. 1/III (большая пантера); *24* — Келермес, к. 24; *25* — окрестности г. Майкопа; *26* — Келермес, к. 2/В (зеркало); *27, 28* — окрестности г. Майкопа; *29* — Ставропольский кург. (1893 г.); *30* — Семибратние кург. к. 4; *31* — ст. Елизаветинская. Кавказ: *32* — сел. Фаскау; *33* — с. Рук; *34* — с. Партан, к. 21; *35* — Тлийский могильник, п. 216; *36* — Тлийский могильник, п. 258; *37* — с. Кумбулта; *38* — Тлийский могильник, п. 164; *39* — хут. Степное у г. Гудермес; *40* — с. Луговое, могильник, п. 64/128; *41* — коллекция Г. А. Вертепова; *42* — с. Бетти-Мокх, могильник III. Страны Древнего Востока: *43* — Кармир-Блур; *44* — Иран, коллекция ГЭ; *45* — Сарды; *46* — Зивие

Наибольшее различие между изображениями двух «провинций» характерно для самого раннего периода существования мотива. Бытовавшие в это время сочетания основополагающих элементов композиции столь различны, что в пределах одной «провинции» выделяются отдельные локальные варианты (изобразительные «школы»?), имеющие как хронологические, так и некоторые территориальные различия и влияющие друг на друга. Вероятно, в этот период еще не был выработан более-менее единый изобразительный канон. Только к V в. до н. э. происходит некоторая унификация изображений, приведшая к распространению на всей территории скифского мира единой схемы: лапы расположены параллельно, хвост — перед мордой. Однако и эта схема не стала универсальной и была характерна только для некоторых серий «западных» и «восточных» изображений. Об этом говорит то, что одновременно существовали и другие схемы расположения лап и хвоста.

3. *Пропорции частей тела.* Для того чтобы изобразить свернувшегося хищника заданным образом (тело свернуто в кольцо, внутрь которого помещаются лапы) и соразмерить основные «узлы» изображения (голову, лапы, плечо, бедро), древний мастер очень часто был вынужден искажать реальные пропорции тела животного. Это выражалось и в том, что часто изображались массивные головы или лапы, а туловище наоборот «худым» («поджарым»), но главное — в том, что искажались длины различных частей тела. При этом удлинялась либо передняя часть животного (от кончика носа до передней линии лопатки, т. е. голова и шея), либо задняя (лопатка — задняя линия бедра, т. е. туловище).

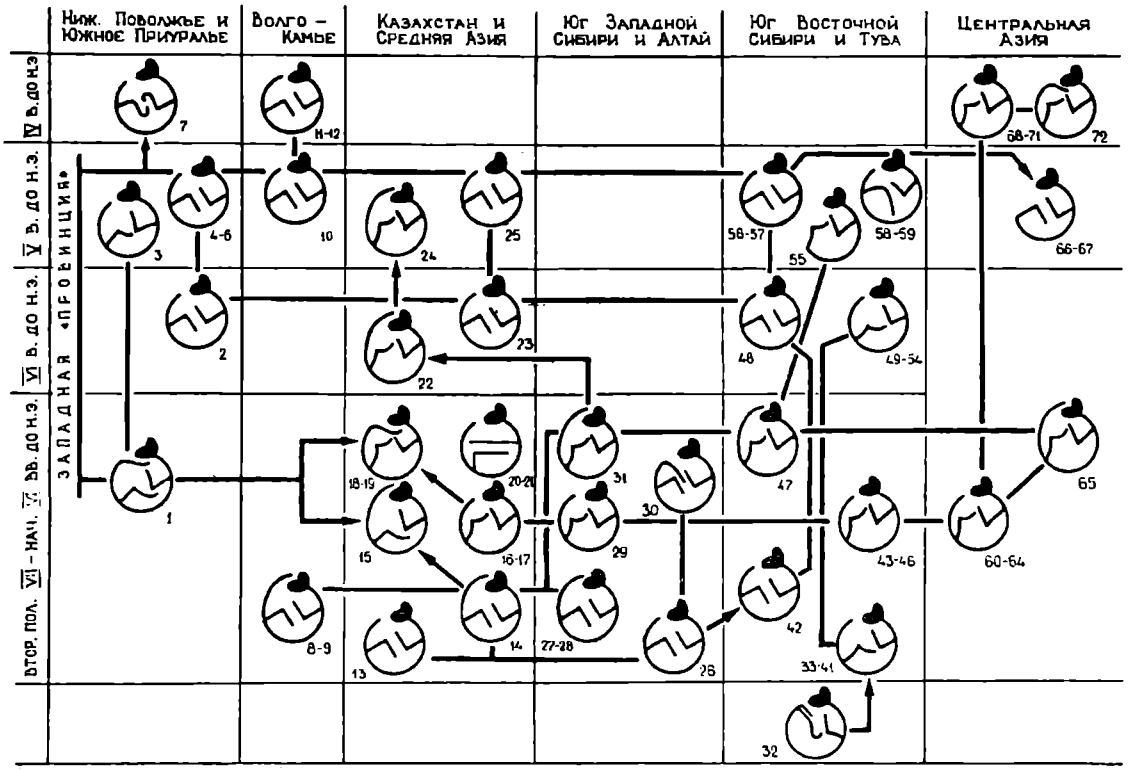


Рис. 5. Схема пространственно-хронологической изменчивости основных признаков изображения свернувшегося хищника (расположение лап и хвоста). Восточная «провинция».

Нижнее Поволжье и Южное Приуралье: *1* — с. Иркуль; *2* — курганная группа «Три брата» — *1*, к. 25, п. 2; *3* — курганная группа «Бесоба», к. 9; *4* — с. Пьяновка; *5* — Уфимский музей; *6* — п. Исаковский, к. 15; *7* — гора Азов. Волго-Камье: *8* — Ст. Ахмыловский могильник, п. 926; *9* — Ирьякское городище; *10* — Ананьинский могильник, п. 23; *11* — Гляденовское костище; *12* — Юго-Камское костище. Казахстан и Средняя Азия: *13, 17* — могильник Сакар-Чага — 6, к. 23; *14, 16* — могильник Уйгарак, к. 33; *15* — с. Измайловка; *18, 19* — Золотой курган; *20* — могильник Тагискен; к. 45; *21* — могильник Уйгарак, к. 82; *22* — оз. Иссык-Куль; *23* — с. Чистый Яр; *24* — оз. Иссык-Куль; *25* — кург. Иссык. Юг Западной Сибири и Алтай: *26* — р. Майэмир; *27* — Нарымский край; *28* — оз. Иртяш; *29* — поселение Шеломок II; *30* — Сибирская коллекция Петра I; *31* — городище Заречная Горка. Юг Восточной Сибири и Тува: *32* — кург. Аржан; *33—37* — Минусинский край; *38* — с. Бейское; *39* — могильник Туран II, к. 5, п. 2; *40, 41* — могильник Ашпыл; *42* — с. Бейское; *43* — могильник Колок, к. 3, п. 3; *44, 45* — Айдашинская пещера; *46* — Минусинский край; *47* — д. Светлолобова, коллекция И. Б. Лопатина; *48* — могильник Ягуня, к. 10; *49, 50* — ст. Тигей, к. 1, п. 1; *51* — курганная группа Татарское озеро, к. 32; *52* — курганная группа Татарское озеро, к. 33; *53* — Шуперы; *54* — Минусинский край, коллекция Товостина; *55* — Минусинский край; *56* — п. Означенное, к. 10; *57* — с. Красногорка, к. 17; *58* — с. Бейское; *59* — с. Шивер, коллекция М. П. Овчинникова. Центральная Азия: *60* — Монголия (Центр. Гос. Музей); *61* — Монголия (оленный камень); *62* — Монголия, Гобиалтайский аймак; *63, 65, 72* — Ордос; *64* — Китай, пров. Хэбэй; *66, 67* — Монголия (оленный камень); *68, 69* — Северный Китай; *70* — Ордос (Британский музей); *71* — Монголия (оленный камень)

Степень этого искажения можно узнать путем корреляции соответствующих длин, выраженных в процентном отношении к периметру изображения[7]. В результате этого получится следующая картина. Западная «провинция» (рис. 6): для изображений второй половины VII — VI в. до н. э. в основном характерно удлинение передней части животного, порой в 1,5 раза (например, изображения на бутеролях из Кармир-Блура [25, фото 96] и курганов в уроч. Дарьевка), что достигалось удлинением размеров как шеи, так и морды. В V — IV вв. до н. э. наблюдается тенденция приближения к реальным пропорциям, но в ряде случаев, наоборот, увеличена задняя часть, иногда значительно (см., например, изображение из кург. 398 у с. Журовка [26, рис. 6]). Восточная «провинция» (рис. 7): здесь подобной разницы между ранними и поздними изображениями не наблюдается, хотя для большинства ранних изображений также характерно

[7] Вычисления производились способом, предложенным Л. Л. Барковой [5, с. 27—29].

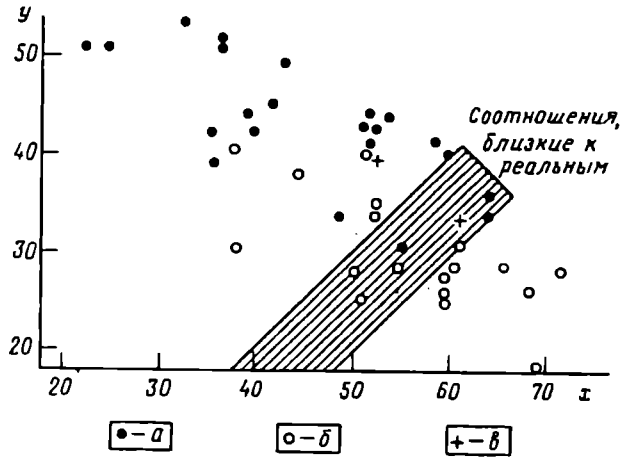


Рис. 6. Соотношение длин передней (ось y) и задней (ось x) частей тела свернувшихся хищников. Западная «провинция».

а — вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; *б* — вторая половина VI—V в. до н. э.; *в* — IV в. до н. э.

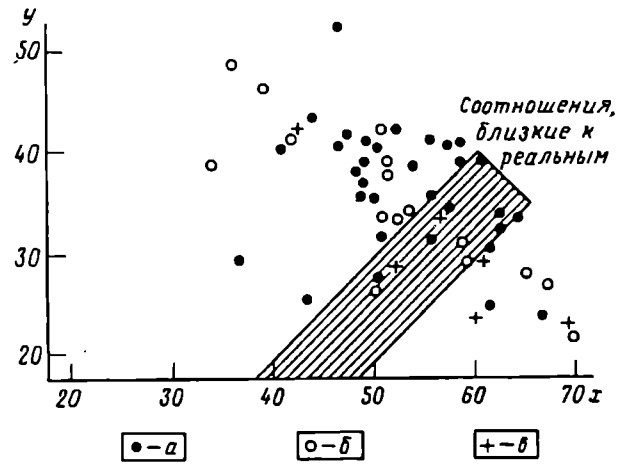


Рис. 7. Соотношение длин передней (ось y) и задней (ось x) частей тела свернувшихся хищников. Восточная «провинция».

а — вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; *б* — VI—V вв. до н. э.; *в* — IV в. до н. э.

увеличение размеров передней части тела. Показателен в этом отношении аржанский хищник: размеры головы уменьшены, но зато значительно удлиненная шея. При этом и для «восточных», и особенно для «западных» изображений характерна зависимость в увеличении какой-либо из частей тела от определенных схем расположения лап. Например, при параллельном взаиморасположении лап чаще всего удлиняется задняя часть тела, а при расположении под углом — передняя.

4. *Степень свернутости.* Тело хищника изображалось свернутым в кольцо. Однако степень его свернутости была различной. Основываясь на этом, некоторые исследователи выделяют два варианта рассматриваемого признака: незаконченность — законченность построения по окружности (М. И. Артамонов [27, с. 33, 34]); зверь, свернувшийся кольцом — свернувшийся клубком (К. А. Акишев [28, с. 70]); разомкнутая — сомкнутая композиция (Л. Л. Баркова [5, с. 24—25]). Но при этом никто из исследователей не называет критериев отнесения изображения к тому или иному варианту. Представляется, что одним из критериев степени свернутости тела хищника может служить расстояние (P) между мордой и бедром. Максимальную степень свернутости, когда P составляет менее 3% от периметра, имеют лишь некоторые ранние свернувшиеся хищники (Темир-Гора

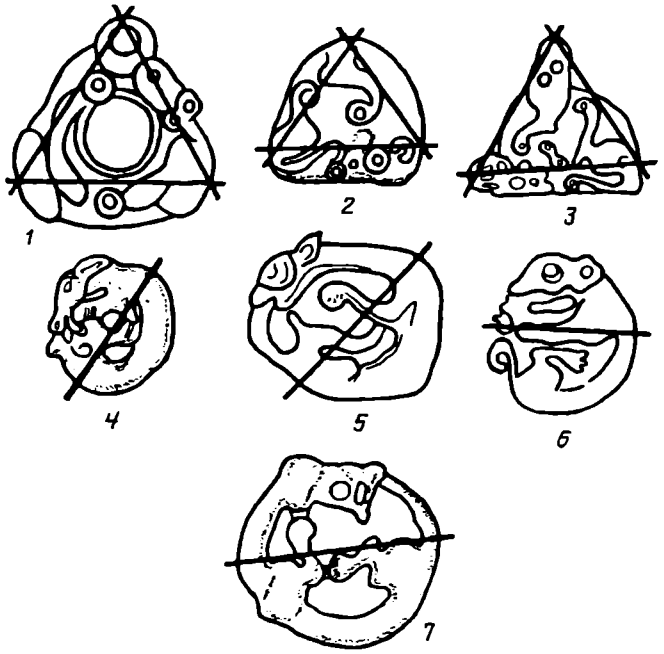


Рис. 8. Принцип построения схемы изображения свернувшегося хищника. *1* — Темир-Гора; *2* — окрестности г. Майкопа; *3* — Тлийский могильник, п. 258; *4* — уроч. «Частые курганы», к. 1; *5* — с. Луговое, могильник, п. 64/128; *6* — с. Басовка, к. 482; *7* — курганная группа Бесоба, к. 9

[29, табл. 6], Аржан, «восточные» изображения, на которых хвост хищника находится над мордой). В подавляющем большинстве случаев Р значительно: от 4,5 до 25%, а в некоторых Р достигает 34,5% (например, изображение на крестовидной бляхе из коллекции Боткина [30, рис. 26]). При этом, за исключением упомянутых случаев, какой-либо зависимости от времени, как верно было отмечено Л. Л. Барковой [5, с. 25], не прослеживается. Не прослеживается зависимости и от каких-то других факторов: территории или других признаков изображения. Но не исключено, что степень свернутости была обусловлена особенностями техники производства (литье в двусторонних формах или по плавким моделям, техника басмы, чеканка, тиснение, выбивка на каменных стелах), как это показали исследования Р. С. Минасяна [31, с. 67—72].

Как правило, пространство между мордой и бедром полностью заполнено хвостом, конец которого находится у морды или под/над ней. Однако только на 60% изображений конец хвоста соприкасается с мордой зверя, и кольцо оказывается замкнутым. На значительной же части изображений свободное пространство, пусть небольшое, но все равно остается (см., например, рис. 2, *1б*).

5. *Принцип построения схемы. Форма изображения.* Для придания законченной композиционной схеме необходимой формы (круглой, овальной, подтреугольной или полуовальной) древнему мастеру нужно было построить ее по одному из принципов — треугольника или круга (овала),— соразместив для этого определенным способом основные компоненты изображения. Построение схемы по принципу треугольника характерно для «западных» и некоторых «восточных» изображений второй половины VII — начала VI в. до н. э. «Вершинами» треугольника в подобных изображениях являются кончик уха, середина лопатки и середина бедра. При соединении этих точек образуется равносторонний (рис. 8,*1*) или равнобедренный (рис. 8,*2*) треугольник (ср. [32, с. 215, 216]). Возможно, именно с целью достижения равнобедренности треугольника поднята лопатка хищника, изображенного на бутероли из погр. 258 Тлийского мог-ка (рис. 8,*3*). Этому принципу построения соответствует подтреугольная [33, с. 99] или полуовальная (например, изображения на бутеролях из Тлийского мог-ка, рис. 8, *2, 3*) форма. Этот же принцип, вероятно, положен и в основу схемы изображения из кург. 2 у с. Константиновки [34, рис. 45 *д*], но форма ему была придана скорее овальная, чем подтреугольная, как считает Е. В. Переводчикова [33, с. 99].

Прослеживается строгое соответствие построению схемы по принципу треугольника расположения хвоста под мордой (на пасти) и кисти задней лапы — под или на локте передней (исключение составляют только изображения из Золотого кургана).

Построение схемы по принципу круга (овала) получило наибольшее распространение во всем скифском мире. При этом условную центральную линию (диаметр) можно чаще всего провести через центр плеча — центр бедра, реже — через переднюю линию плеча — центр бедра или центр плеча — заднюю линию бедра (рис. 8, *4,5*). Для серии «западных» изображений таковой линией является вытянутая передняя лапа (рис. 8, *6*). У некоторых «восточных» изображений эта линия проходит через переднюю линию плеча — заднюю линию бедра (рис. 8, *7*). Такие колебания в размещении центральной линии зависят от длин частей тела: морды, шеи, туловища.

Построению по принципу круга (овала) соответствует круглая или овальная форма. При этом круглую форму имели по преимуществу «восточные» изображения, за исключением центральноазиатских (до 80% изображений), а овальную — «западные» (около 55%) и центральноазиатские (75%). Такие наблюдения не позволяют согласиться с мнением А.И. Шкурко, предположившим, что овальная форма более характерна для «восточных» изображений и в причерноморской Скифии появляется под их влиянием [2, с. 38, 39]. Принцип построения схемы некоторых изображений (из с. Фаскау [35, рис. на с. 45], Кармир-Блура, курганов в уроч. Дарьевка и др.) непонятен.

Итак, как мы видим, практически все из рассмотренных признаков взаимосвязаны между собой, образуя определенные композиционные схемы, которые и ложатся в основу целых серий изображений свернувшихся хищников. Анализ процессов изменения этих композиционных схем позволяет рассмотреть пути возникновения и развития изучаемого мотива.

Общепризнано, что мотив свернувшегося хищника является нововведением скифских племен, не имеющим прямых прототипов в искусстве Передней Азии и Древней Греции. Однако сторонники переднеазиатской теории происхождения скифского «звериного стиля» связывают его возникновение с процессом переработки древневосточных образов. Так, Н. Л. Членова [6, с. 126, 127] видит истоки изображений свернувшегося хищника, которые «кажутся условными и странными в искусстве скифского мира», в изображениях двух полусогнутых хищников в сценах борьбы с ними героя. При этом она выстраивает такую линию развития: сцена борьбы — геральдическая композиция — одиночная фигура полусогнутого зверя — свернувшийся хищник. Поддержал и дополнил гипотезу Н. Л. Членовой А. И. Шкурко. По его мнению, «конкретные особенности композиционного решения во многом определялись формой предмета» и изображение свернувшегося хищника появляется (путем «сгибания» фигуры зверя) как следствие необходимости украшения круглых или овальных плоскостей, например, бутеролей [2, с. 33, 34]. Аналогичной точки зрения придерживаются Г. А. Федоров-Давыдов [36, с. 20, 192, прим. 30] и Е. Ф. Чежина [4, с. 61, 64, прим. 1].

Концепция формального подхода к проблеме происхождения мотива свернувшегося хищника была справедливо поставлена под сомнение Д. С. Раевским: «свернувшегося в кольцо зверя мы находим отнюдь не только на круглых бляхах. Представить, к примеру, какими чисто формальными причинами продиктована трактовка хвоста знаменитой келермесской пантеры в виде цепочки свернувшихся хищников, достаточно трудно» [37, с. 117]. Тем более, что функциональное назначение предметов, на которых изображались свернувшиеся хищники, как правило, не требовали именно круглой или овальной формы (украшение конской сбруи, одежды и т. п.). По мнению Д. С. Раевского, которое полностью принимается автором, появление и широкое распространение мотива было обусловлено семантическими моментами запросов носителей искусства «звериного стиля» [37, с. 116—120].

Исходя из этого, можно предположить, что этапа формирования или станов-

ления изобразительной схемы мотива не существовало. Изображения свернувшихся хищников, материализуя определенную идею, появляются в уже законченном, продуманном варианте, имея свою довольно сложную логику построения. Так, наиболее ранние «западные» изображения имеют следующую композиционную схему: кисть передней лапы находится под мордой, кисть задней — чаще всего под локтем («под мышкой») передней; хвост — под мордой; передняя часть тела преувеличена; зверь, как правило, свернут максимально[8] (между бедром и мордой остается незначительное расстояние); схема построена по принципу равностороннего или равнобедренного треугольника; форма изображения подтреугольная или полуовальная (изображения на Келермесских курганов, Тлийского могильника и др.). Это уже полностью установившийся канон, действующий какое-то время на довольно значительной территории: от Днепровской левобережной лесостепи (Старшая Могила [2, рис. 1]) до Передней Азии (Иран, из коллекции Гос. Эрмитажа [33, рис. 1], Сарды[9] [21, рис. 7]) — и оказывающий влияние на «восточные» районы (Иркуль [3, рис. 79,1], Золотой курган, Измайловка [38, рис. 1]). При этом определяющая роль в его становлении принадлежит, по всей видимости, Прикубанью.

В этой серии ранних изображений становится понятным хищник из Темир-Горы, который, по словам А. И. Шкурко, изображен не свернувшимся, а «припавшим» к кольцу [2, с. 34]. Тем не менее, это все тот же свернувшийся хищник, но композиционная схема, построенная в соответствии с каноном, вероятно, оказалась несколько нарушенной (смещаются хвост и задняя лапа) из-за отверстия-кольца, помещенного в центр изображения. Еще более нарушенной оказалась схема изображения хищника на костяном навершии лука из погр. 8 кург. 7 у с. Новоалександровка [39, рис. 6, *2*], свернувшегося вокруг глаза хищной птицы.

Столь же канонически завершенными являются и самые ранние «восточные» изображения. Это и самое архаичное изображение из Аржана, несмотря на оригинальность и уникальность его композиционной схемы, и другие изображения, среди которых выделяется несколько устойчивых серий. Основные из них отличаются между собой только различными комбинациями двух вариантов расположения лап (параллельно друг другу и так, что их кисти находятся рядом) и двух вариантов расположения хвоста (перед или над мордой). Наибольший интерес представляет серия изображений, на которых лапы расположены параллельно, а хвост находится над мордой. Находки свернувшихся хищников, имеющих подобную схему и объединенных целым рядом общих признаков группы Б, происходят из различных регионов: Волго-Камья (Ст. Ахмыловский могильник, п. 926 [40, табл. 130, *1и*], Ирьякское городище [41, рис. 38 на с. 126]), Восточного Зауралья (оз. Иртяш, рис. 1,*1*)[10], Нарымского края [42, рис. на с. 188] и, наконец, Приаралья (Уйгарак, кург. 33 [9, табл. IX, *15*]). Вероятно, их распространение на столь огромной территории связано с активной военной и хозяйственной деятельностью каких-то групп кочевников, обитавших в Казахстане во второй половине VII — начале VI в. до н. э. Не исключено, что по той же причине здесь появляются изображения, в которых с чисто «восточными» признаками сочетаются чисто «западные» (Измайловка, Золотой курган, Сибирская коллекция Петра I). Причем все они обнаружены на значительном расстоянии от пределов западной «провинции» (например, Золотой курган находился на крайнем востоке Казахстана).

С этой же части восточной «провинции» происходят два ранних изображения, имеющих оригинальную композиционную схему: передняя лапа вытянута к внешнему контуру изображения, согнутая задняя ей параллельна, длинный хвост

---

[8] По А. И. Шкурко: хищник передан «в очень компактной схеме» [2, с. 32].

[9] На примере этого изображения мы наблюдаем определенный отход от традиции: ему придана круглая форма.

[10] ГИМ, шифр К-32/14а. Выражаю глубокую благодарность С. В. Кузьминых за предоставленную возможность опубликовать это изображение.

вытянут к морде, форма изображения овальная (Уйгарак, кург. 82 [9, табл. I,*6*], Тагискен, кург. 45 [43, рис. 17,*9,10*]). Подобную схему имеет целая серия «западных» изображений второй половины VI в. до н. э., которые в остальном совершенно отличны от «восточных», поэтому установить какую-либо связь между ними невозможно.

Отличен от описанных выше «восточных» основной массив ранних тагарских изображений, композиционная схема которых такова: кисть передней лапы находится под мордой, кисть задней — под локтем, хвост — перед мордой; передняя часть тела, как правило, удлинена; форма изображения круглая. Однако расположением лап эти изображения близки весьма далеким от них «западным» свернувшимся хищникам.

В целом же композиционные схемы наиболее ранних изображений, происходящих с западных и восточных регионов скифского мира, значительно различаются. Это говорит о том, что либо зарождение изобразительной схемы свернувшегося хищника происходило независимо в двух «провинциях» скифского «звериного стиля», либо об очень сложных путях его распространения в случае, если изображения изначально появляются в каком-то одном регионе. Решить этот вопрос возможно только на широком фоне происхождения всего скифского «звериного стиля», что значительно выходит за рамки данной работы, и поэтому мы ограничимся только его постановкой.

Необычным среди ранних изображений является изображение на бутероли из Кармир-Блура (рис. 1, *7*). Мастер, очевидно, не владея секретом составления схемы свернувшегося хищника, подошел к решению задачи довольно своеобразно: лапы изобразил в той же позиции, что и у лежащих хищников (хищников «на корточках»), а эффекта свернутости зверя достиг благодаря гипертрофированному увеличению размеров головы. Возможно, аналогичный прием был применен и при изображении свернувшегося хищника на бутероли из курганов в уроч. Дарьевка. Однако у нас нет никаких оснований считать их «переходными» изображениями, как это предлагает А. И. Шкурко [2, с. 34]. Скорее всего, подобный вариант составления схемы изображения был лишь частным случаем, исключением из общего правила.

Из общей картины развития мотива свернувшегося хищника в раннее время выпадает изображение на золотом навершии меча из Зивие [44, фото на с. 24], имеющее такую композиционную схему: лапы расположены параллельно друг другу, хвост перед мордой, схема построена по принципу овала. В результате многочисленных исследований установлено, что все предметы, выполненные в скифском «зверином стиле» и найденные в Передней Азии, тесным образом связаны с западной «провинцией» (см. работы В. А. Ильинской, А. И. Шкурко, В. Г. Луконина и др.). Это подтверждает и анализ изображений свернувшегося хищника (уже упоминавшиеся изображения из Сард и Ирана). Аналогию же композиционной схеме изображения из Зивие среди ранних скифских материалов можно найти только в восточной «провинции» (Майэмир). Объяснение этому феномену может быть разное. Но если мы имеем дело с подлинным образцом симбиозного скифо-переднеазиатского искусства, датирующимся раннескифским временем, то налицо оригинальное решение мастера, незнакомого с канонами скифского изобразительного искусства. И тогда мы имеем еще один факт, подтверждающий отсутствие этапа становления изображения свернувшегося хищника и появление его сразу в полностью оформившемся виде.

В дальнейшем процесс развития мотива в обеих «провинциях» скифского искусства проходил также различно (см. рис. 4 и 5).

В западной «провинции» в VI в. до н. э. происходит полное изменение композиционной схемы изображения свернувшегося хищника. Это прежде всего выразилось в том, что исчезает подтреугольность формы изображений и соответственно изменяется принцип построения схемы. Изображения становятся овальными или круглыми, как это было принято в раннее время только в восточной «провинции». Но вряд ли этот факт можно связать с каким-то восточным

влиянием, так как во всем остальном появляющиеся новые каноны были вполне оригинальны и самостоятельны. Исчезновение подтреугольности, вероятнее всего, было связано с какими-то изменениями религиозно-культового характера, так как в это время наблюдаются значительные изменения во всем облике «звериного стиля», распространенного в западных регионах скифского мира (см., например: [7, с. 78]). Изменение формы изображения, а следовательно, и принципа построения схемы, повлекло за собой изменение всей композиционной схемы. И во второй половине VI — начале V в. до н. э. появляются как минимум три новых композиционных схемы. Одна из них была следующей: хвост расположен на некотором расстоянии от морды, передняя лапа вытянута и выходит к внешнему контуру изображения, задняя согнута таким образом, что голень параллельна передней лапе, а кисть находится «под мышкой»; тело хищника слабо свернуто; схема построена по принципу круга — изображения из погр. 16 (1910 г.) некрополя Ольвии [29, табл. 18], кург. 482 у с. Басовки [45, табл. 25,*2,4*] и др. Эти изображения весьма оригинальны и не имеют определенных истоков в предшествующем времени (за исключением схожести их композиционных схем со схемами уже упоминавшихся изображений из Уйгарака (кург. 82) и Тагискена (кург. 45)). Тем не менее, их появление вряд ли можно связать с влиянием греческого искусства, как это предполагают некоторые исследователи [2, с. 38; 30, с. 173—178, 46, с. 33—35 и др.]. Приемы стилизации рассматриваемой группы изображений совершенно чужды греческой изобразительной традиции (равно как и сам образ свернувшегося хищника) и, хотя не имеют прямых аналогов в местной скифской традиции предшествующего времени, вполне соответствуют логике ее развития и являются органичными для скифского «звериного стиля».

Параллельно с существованием этой композиционной схемы появляется и широко распространяется совершенно иная: кончик вытянутого хвоста находится перед мордой, лапы расположены параллельно друг другу, задняя часть тела значительно удлинена, схема построена по принципу круга (овала), изображения имеют чаще овальную форму. Это была самая популярная схема изображений свернувшегося хищника во всем скифском мире (о чем уже говорилось выше), возможно, в силу своей технической и изобразительной простоты (см. [31, с. 69]. Не исключено, что именно поэтому данная схема и была положена в основу изображения свернувшегося хищника из Зивие). Следовательно, можно предположить, что появление ее в западных регионах скифского мира в VI—V вв. до н. э. не связано с влиянием восточной «провинции», где эта схема существует с самого раннего времени (например, изображения из Майэмира), а является результатом развития местной изобразительной традиции. Тем более, что на уровне признаков группы Б «западные» и «восточные» изображения совершенно различны. Однако и «западные» изображения, несмотря на единство композиционной схемы, по внешним признакам весьма различны и, как правило, не образуют устойчивых серий. Пожалуй, единственным исключением является серия изображений типа кург. Кулаковского — кург. 499 у с. Басовки [2, с. 36—39; 7, с. 83, 84; 47]. Появляется она, очевидно, в западной части степного Северного Причерноморья, откуда происходят более ранние изображения этой серии (из кург. Кулаковского [29, табл. 61][11] и погр. 7 кург. 2 у с. Новые Раскайцы [48, рис. 15,*7*]), и в первой половине V в. до н. э. широко распространяется в лесостепной Скифии [47].

Своеобразным вариантом рассмотренной композиционной схемы является схема, отличающаяся от предыдущей только лишь положением лап хищников. Отличие состоит в том, что кисти лап загнуты к центру изображения и соприкасаются

[11] Схема расположения лап хищника из этого комплекса построена, скорее всего, еще по старым канонам: кисть передней лапы находится под мордой, а кисть задней — на локте, что также говорит о местном происхождении данной серии изображений.

кончиками друг с другом (рис. 1,*3*) (Острая Могила) [49, табл. 62], Ак-Бурун [29, табл. 92] и др.).

Из описанной схемы развития «западных» изображений совершенно выпадает хищник, обнаруженный Д. Я. Самоквасовым в кург. 2 у с. Яблоновка [50, с. 76, табл. VI, *9*]. Изображение полностью соответствует архаичному канону (лапы расположены под углом друг к другу, кольчатый конец хвоста закрывает пасть, схема построена по принципу треугольника), но комплекс, в котором оно обнаружено, датируется исследователями ранним V в. [50, с. 77] или первой половиной V в. до н. э. [51, с. 92, 93]. Такое несоответствие не позволило включить его в выстроенную схему. В данном случае мы имеем дело либо с интересным явлением бытования архаичных вещей в значительно более позднее время, либо с некоторой путаницей, возникшей во время раскопок (см. подобные ситуации в отношении комплексов из Острой [50, с. 71, 72] и Старшей Могилы [52, с. 209, 210], также раскапывавшихся Д. Я. Самоквасовым).

В восточной «провинции» в VI—IV вв. до н. э. продолжают бытовать прежние композиционные схемы, хотя и происходят определенные изменения. Постепенно выходят из употребления такие элементы, как расположение хвоста над мордой и расположение кисти задней лапы на локте передней (самый характерный элемент ранних тагарских изображений). Используемые схемы становятся более унифицированными.

Таким образом, можно сказать, что развитие мотива свернувшегося хищника в западной «провинции» в отличие от восточной происходило дискретно. Изобразительная схема и признаки группы Б каждой новой серии изображений являлись оригинальными и не имели определенных истоков ни в предшествующее время, ни на соседних территориях. С чем связано подобное явление, сказать пока не представляется возможным. В восточной же «провинции» процесс развития шел, как правило, эволюционным путем, основываясь на архаичных канонах.

Мотив свернувшегося хищника как определенная иконографическая схема окончательно исчезает где-то в IV в. до н. э. (лишь в Центральной Азии он, вероятно, продолжает существовать еще какое-то время), практически одновременно с исчезновением самого скифского «звериного стиля». Между тем идея или образ, воплощенный в изображении свернувшегося хищника в скифском искусстве, вероятно, продолжали существовать и в последующее время. Так, в I в. до н. э. — II в. н. э. распространяются изображения так называемого сарматского «свернувшегося хищника», которые иконографически значительно отличаются от скифских [53]. А одной из самых поздних реплик мотива свернувшегося зверя в изобразительной традиции североиранских народов, по всей видимости, является изображение свернувшегося змееподобного существа, обнаруженное в комплексе IV — V вв. н. э. у хут. Октябрьский в Северной Осетии [54, рис. 3,*7*, *5*].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Переводчикова Е. Б.* О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы//Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1980.
2. *Шкурко А. И.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии//СА. 1969. № 1.
3. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
4. *Чежина Е. Ф.* Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
5. *Баркова Л. П.* Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира//АСГЭ. 1983. Вып. 24.
6. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
7. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве//СА. 1971. № 2.
8. *Чежина Е. Ф.* О возможных применениях методов искусствознания в исследованиях звериного стиля//АСГЭ. 1980. Вып. 30.
9. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII — V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.

10. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 1952. № 28.
11. *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
12. *Кадырбаев М. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
13. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов)//АСГЭ. 1983. Вып. 24.
14. *Виноградов В. Б.* Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии//СА. 1974. № 4.
15. *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.)//Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
16. *Синицын И. В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени//Тр. Саратов. обл. музея краеведения. Саратов, 1956.
17. *Яблонский Л. Т.* Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья//СА. 1991. № 1.
18. *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М.: Наука, 1965.
19. *Оборин В. А., Чагин Г. Н.* Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988.
20. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII — VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980.
21. *Сорокин С. С.* Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры//Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
22. *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I//САИ. 1962. Вып. Д3—9.
23. *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля)//Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
24. *Переводчикова Е. В.* К интерпретации местных особенностей раннего скифского звериного стиля//Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Ч. 2. Кировоград, 1987.
25. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Л.: Аврора, 1970.
26. *Бобринский А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии//ИАК. 1905. Вып. 14.
27. *Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства//СА. 1968. № 4.
28. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
29. Scythian Art. L.: Aurora, 1986.
30. *Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии//МИА. 1956. № 50.
31. *Минасян Р. Л.* Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен//АСГЭ. 1990. Вып. 30.
32. *Раевский Д. С.* От киммерийского орнамента к скифскому звериному стилю//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
33. *Переводчикова Е. В.* О сюжетах изображений на бутеролях акинаков ахеменидского времени//ВДИ. 1983. № 3.
34. *Либеров П. Д.* Курган у с. Константиновка//КСИИМК. 1951. Вып. 27.
35. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII — IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
36. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
37. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985.
38. *Ермолаева А. С.* Исследования на левом берегу Иртыша в Восточном Казахстане//АО — 1983. М., 1985.
39. *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона//СА. 1982. № 3.
40. *Патрушев Б. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982.
41. *Петровых Ф. И.* Бляха с Ирьякского городища//КСИИМК. 1951. Вып. 29.
42. *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины угорских народов//По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954.
43. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи (По материалам Тагискена)//СА. 1966. № 2.
44. *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
45. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)//САИ. 1978. Вып. Д1—33.
46. *Граков Б. Н.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приураллям в архаічну та классичну епохи//Археологія. 1947. Т. 1.
47. *Полидович Ю. Б.* Об одной серии изображений свернувшегося хищника V в. до н. э.//Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Тез. докл. Киев, 1991.
48. *Яровой Е. В.* Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинев: Штиинца, 1990.
49. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия, Л.: Советский художник, 1961.
50. *Граков Б. Н.* Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова//Тр. секции археологии Российской ассоциации НИИ общественных наук. 1928. Вып. II.
51. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1—4.

52. *Іллінська В. А.* Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії//Археологія. 1951. Т. V.
53. *Засецкая И. П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве//СА. 1979. № 1.
54. *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии//СА. 1975. № 1.

Донецкий областной краеведческий
музей

POLIDOVICH J. B.

CONCERNING A CURLED-UP BEAST MOTIF IN THE SCYTHIAN „ANIMAL STYLE"

Summary

The article deals with the composition of a curled-up beast motif, one of the most popular in the Scythian „Animal Style". The composition has a number of peculiarities connected with each other. These are: 1 — position of paws (fig. 1); 2 — position of tale (fig. 2); 3 — proportions of body parts (fig. 6-7); 4 — degree of curling; 5 — principal of the composition (fig. 8) and the shape. Two first peculiarities form together a composition basis. The carried composition analyses let find out the main periods of the motif existence. The first pictures of a curled-up beast had a completely developed shape and reflected certain beliefs of the Scythian world peoples. The earliest pictures made in the western and eastern „provinces" of the Scythian „Animal Style" are different. It was tte 5th century that saw the uniformity of the motif. Nevertheless both the „western" and the „eastern" motifs had to a considerable extent their own routes of development. The development of the „western" motif was uneven, and that one of the „eastern" was evolutional. Images of a curled-up beast disappeared together with the Scythian Animal Style. Lately there were images of the other iconography, but probably of the similar meaning.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

О РАЗОРЕНИИ ГРЕЧЕСКИХ И СКИФСКИХ МОГИЛ В ДРЕВНОСТИ

Часто попадающиеся археологам при раскопках памятников различных культур разрушенные погребения вызывают не только досаду, но и стремление ответить на вопрос: кто, когда и с какими целями разорял и грабил древние могилы?

В отношении скифских курганов этот вопрос был рассмотрен в специальной статье [1], авторы которой А. М. Хазанов и Е. В. Черненко, располагая о разорителях могил косвенными данными, строят на них логические заключения. Неоднократно зафиксированные при раскопках скифских курганов случаи нерасчлененности скелетов к моменту разорения погребений и в то же время нетронутость тайников с наиболее ценными дарами покойным, свидетельствующая о неполном знании ритуала разорителями, позволяют авторам утверждать, что акции совершались не сразу после похорон, но через какое-то непродолжительное время. Состояние инвентаря этих погребений свидетельствует об ограблении. Допуская, что грабителями были сами скифы, авторы полагают, что по отношению к умершим это были представители чужих семей, родов или племен [1, с. 25]. В других же случаях, как отмечал Б. Н. Граков, в царских курганах точность грабительских лазов удивительна и доказывает, что грабители присутствовали на похоронах царя. Это были, по его мнению, знатные люди из других скифских номов или же других племен [2, с. 71]. В своей статье А. М. Хазанов и Е. В. Черненко обращают внимание на то, что причины разорения могил в разных обществах могли быть не обязательно корыстными, но и такими, как страх перед умершим, месть, желание разорвать магические связи предшественников с занимаемой территорией и проч.

Интересные данные о разрушении могил в черняховскую эпоху собрал Э. А. Сымонович. Он пришел к выводу, что массовое полное или неполное разрушение ранних ингумационных черняховских могил (II—IV вв. н. э.) производилось с магическими целями, чтобы уберечь живых от влияния умерших, населением, близким по времени и, видимо, этнически родственным, от которого до нас дошли непотревоженные погребения. Характер же разрушения позднескифских и сарматских могил, как отмечает исследователь, непосредственно знакомый с некрополями Неаполя, Золотой Балки и Николаевки, совершенно иной и свидетельствует о грабеже [3, с. 57, 59]. Определить, кем и когда эти могилы были ограблены, не представлялось возможным.

Сейчас мы располагаем целым рядом фактов, позволяющих в некоторых случаях конкретно ответить на эти вопросы, показать новые их аспекты как для поздних скифов, так и для греков, причем иногда — во взаимосвязи.

Разорение греческих могил самими же греками засвидетельствовано еще в V в. до н. э. Фукидид сообщает, что при Фемистокле, когда афиняне срочно укрепляли Пирей, в стену было уложено много надгробных стел, так как весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало [4, I, 93, 2]. Археологическое подтверждение этому дали раскопки стены у Дипилонских ворот [5, с. 84; 6, с. 56]. Подобные факты известны в метрополии также для эллинистического и римского времени: Пагас в Фессалии [5, с. 84; 7, с. 260], Верия в Македонии [8, с. 150].

© О. Д. Дашевская, 1994 г.

Разорение греками могил своих предков прослеживается и в Северном Причерноморье. Так, в Херсонесе в первой половине II в. до н. э. были сняты стелы с некрополя IV—III вв. до н. э., расколоты на куски и использованы как строительный материал для внутренней облицовки башни XVII («башни Зенона»). Из обнаруженных там фрагментов составилось 45 надгробий с архитектурным оформлением, полихромной росписью, рельефными изображениями, надписями [9, 10]. Это открытие принято объяснять тем, что угроза нападения скифов якобы заставила греков спешно хватать «священные» памятники с могил и в экстренном порядке проводить фортификационные работы [6, с. 55, 76; 9, с. 26; 11, с. 73, 74; 12, с. 50]. Однако систематический характер кладки башни XVII исключает возможность поспешного строительства, на что обратила внимание И. А. Антонова. Ее последующие раскопки показали, что при расширении территории города был застроен участок некрополя IV—III вв. до н. э., с этого участка и были взяты в большом количестве надгробные памятники и использованы в кладке возводимых оборонительных сооружений — всех куртин и башен так называемой цитадели [13, с. 94]. В античном Херсонесе имеются примеры и более позднего времени, когда многочисленные надгробия рубежа эр (наряду со стелами IV—III вв. до н. э.) послужили строительным материалом для протейхизмы II—III вв. н. э. [14, с. 271].

В некрополе у Песочной бухты подставки от антропоморфных надгробий IV—III вв. до н. э. были обнаружены в обкладке двух могил III в. до н. э. [15, с. 109]. Подобная подставка, вторично использованная в греческой же конструкции, найдена на городище Беляус [16, рис. 9, *8*]. В Керкинитиде фрагмент надгробной стелы второй половины IV в. до н. э. был включен в обкладку греческой могилы [17, с. 175]. На городских и сельских некрополях Боспора (Пантикапей — неоднократно, Кыз-Аул, Фронтовое II, Золотое) надгробные стелы с рельефами и надписями встречены в перекрытиях греческих же могил, более поздних, но хронологически не выходящих за пределы существования соответствующих поселений [18; 19, с. 28, 29].

Подобные случаи нельзя объяснить экстремальными обстоятельствами, как это утвердилось в литературе относительно башни Зенона. Они показывают, что по прошествии времени порядка столетия для греков могилы предков уже не являлись святыней. Разорение некрополей, выражавшееся в застройке их, снятии надгробных памятников с целью вторичного использования, было вполне обычным явлением и совершалось даже в государственных масштабах.

Эпиграфические данные позволяют сделать вывод, что в греческом обществе случалось и опустошение склепов для новых, посторонних, захоронений. В пантикапейском склепе III в. н. э. на стене обнаружена надпись, сделанная судебным исполнителем Сораком сыном Сорака, который сообщает, что он построил данный склеп, не выбросив ни одной чужой кости, и заклинает не тревожить и не выбрасывать его кости [20, № 731]. Многочисленные надписи-проклятия известны и в ряде государств Малой Азии (Фригия, Ликия, Кария, Лидия) начиная с эпохи эллинизма по III в. н. э. [21, с. 45—51]. Их задачей было уберечь могилу от ограбления или от опустошения для новых похорон. Эти действия были настолько типичны, что во многих областях Малой Азии общиной был предусмотрен штраф, налагаемый на осквернителей могил. Для обозначения грабителей могил существовал специальный греческий термин τυμβωρύχοζ. Во Фригии среди широко распространенных надписей, содержащих угрозы-проклятия разорителям могил, имеются надписи как на фригийском языке, так и на греческом, и даже билингвы, наверняка понятные всем [21, с. 45].

В. Н. Корпусова, учитывая такого рода факты, высказала предположение, что известные на Боспоре монументальные склепы с многократными захоронениями не всегда являлись усыпальницами одной семьи, а могли быть узурпированы чужими [19, с. 86].

В Северо-Западном Крыму, где благодаря широко ведущимся последние три десятилетия раскопкам установлена смена во II в. до н. э. греческого населения

скифским, накоплены многочисленные факты разорения поздними скифами греческих могил. Определяются и цели подобных действий.

Одной из целей было вторичное использование греческих надгробий, обычно — антропоморфных, представляющих собой изображение головы, типа, бытовавшего в Херсонесе в IV—III вв. до н. э. [22]. Подставки от них упоминались выше. На городище Чайка антропоморфное надгробие употреблено как обычный камень в кладке скифской стены II в. до н. э. [23, с. 254, 255]. На городище Беляус аналогичные изваяния трижды попадались в завалах стен. На Панском некрополе такие находки зафиксированы в облицовке варварских могил-кенотафов в кургане, который датирован III в. до н. э., т. е. временем еще до скифского вторжения [24]. На Беляусском некрополе антропоморфное надгробие найдено в забутовке входного колодца скифского детского земляного склепа № 16, датируемого концом II — началом I в. до н. э. [25, с. 277, 278]. Своеобразный комплекс был раскопан нами на Кульчукском могильнике: здесь в забутовке четырех позднескифских кенотафов, имитирующих входные колодцы склепов, наряду с обычными камнями встречены шесть греческих антропоморфных надгробий и их фрагментов, три подставки для них, а также верхняя половина воинской надгробной стелы, датированной концом IV в. до н. э. по греческой надписи и изображению оружия [26, 27].

Другой целью, ради которой поздние скифы разоряли греческие могилы, было вторичное использование самих погребальных сооружений для новых захоронений. Во всех известных мне случаях это были каменные склепы с уступчатыми перекрытиями, построенные в IV—III вв. до н. э. Сама архитектура таких склепов требовала насыпки курганов.

Один такой подкурганный склеп исследован в г. Евпатории и относится к некрополю Керкинитиды [28]. К сожалению, он был потревожен не только скифами, но и современными строителями. Тем не менее, благодаря стараниям археологов, удалось восстановить типичную для поздних скифов картину многократных захоронений (их было семь), собрать в камере столь же типичный для них разнообразный инвентарь конца II—I в. до н. э., а также обнаружить вне склепа монету Керкинитиды и обломки античной керамики IV—III вв. до н. э., связанные с бывшими здесь до скифов греческими погребениями.

Аналогичные случаи зафиксированы на некрополе греко-скифского городища Чайка, где в одном греческом склепе оказалось не менее 10 скифских скелетов, датированных по инвентарю I в. до н. э.— I в. н. э. [29, с. 378, 379], в другом — 22 скелета I в. н. э. [30].

Более сложная история прослеживается на Беляусском некрополе. Здесь нами раскопаны четыре греческих каменных склепа с остатками скифских многократных погребений I в. н. э. В склепе № 4 насчитывается 22 костяка, в склепе № 2 — свыше 16, в склепе № 3 — 8 [31, 32]. Впоследствии кости и предметы погребального инвентаря скифов были разломаны и разбросаны по камерам склепов. Судя по собранным нами и реставрированным из фрагментов краснолаковым и другим сосудам, не они интересовали грабителей, а скорее почти не дошедшие до нас украшения, которые, видимо, были относительно богатыми, о чем свидетельствуют 11 уцелевших золотых бляшек в склепе № 3. Раскопки склепа № 1 дали нам редчайшую возможность опознать разорителей могильника. Здесь, после полного удаления скифских скелетов и вещей (лишь мелкие фрагменты их встречены в засыпи), грабителями вдоль восточной стенки склепа были сняты каменные плиты, которыми греки вымостили дно камеры, в этом месте выкопана узкая яма и в ней захоронен мальчик лет 13—15 с монголоидными чертами и признаками искусственной деформации черепа, сопровождаемый типичным для гуннского времени, конца IV — начала V в. н. э., инвентарем [33]. У колена покойника оказалась золотая обкладка от деревянной фигурки лошади или осла. Деревянные украшения, покрытые золотой фольгой, А. П. Смирнов считал показательными для выделения собственно гуннских комплексов среди памятников других одновременных им племен [34, с. 325]. Поверх могилы, засыпанной землей и

перекрытой плитами той же вымостки, была положена шкура коня (обнаружены череп и кости ног с копытами), что считается свойственным и гуннскому погребальному обряду [35].

Поскольку удалось установить, что разорителями каменных склепов Беляусского некрополя были гунны, можно подозревать их и в разграблении скифских земляных склепов там же. Всего таких склепов, или катакомб, с погребениями второй половины II в. до н. э.— I в. н. э. было 58, из них разграблено 10. В последних состояние костей и инвентаря дает ту же картину, что и в каменных склепах. Случаев нерасчлененности скелетов там ни разу не наблюдалось. О том, что грабителями не могли быть сами скифы, говорят следующие факты. Во всех склепах были многократные захоронения, до 20, а в одном случае — 30 человек в камере, совершавшиеся большей частью в течение 100—200 лет [36]. После нескольких захоронений, когда в камере становилось тесно, каждый раз, чтобы освободить место для очередного покойника, предыдущего сдвигали к стенке вместе с его вещами. Среди этих больших скоплений сдвинутых костяков мы постоянно находили в целости и сохранности все категории погребального инвентаря [37]. Следовательно, в течение достаточно долгого периода, пока на поселении, которому принадлежал некрополь, жили скифы, ограбление могил не практиковалось.

Могилы, надо полагать, были отмечены на поверхности кучами камней, завершавшими забутовку входных колодцев. Кстати, по нашим данным, входные колодцы заваливались камнями не после прекращения захоронений в той или иной камере ввиду ее заполнения, как иногда думают, а после каждого захоронения. Забутованными оказались и колодцы склепов с наименьшим числом погребений (два-три), где еще оставалось много свободного места. По кучам камней и родственники, и затем грабители могли легко найти могилу [38, с. 28]. Ограбленными оказались земляные склепы из числа наиболее крупных и тем самым — наиболее перспективных для наживы. Об их размерах, видимо, заранее можно было судить по длине каменных куч поверх колодцев, пропорциональных размерам камер. Для проникновения в камеру обычно освобождали от камня место перед входом в нее, а потом отваливали закладные плиты. Как исключение встречается грабительский лаз через свод камеры около входа. Те же варианты отмечены и на других позднескифских могильниках [3, с. 57].

Рассмотренные выше факты разорения скифских погребений в каменных склепах Беляуса гуннами и предположения, касающиеся земляных склепов того же некрополя, согласуются с мнением других исследователей, что и на нашем Юге, и в Европе разграбление могил приобретает массовый характер в период межплеменных столкновений, завоеваний [1, с. 28; 2, с. 71], и особенно — в эпоху «великого переселения народов» [39, с. 777, 778].

В связи с этим надо вспомнить ситуацию, наблюдавшуюся в скифском Неаполе в последний период его существования. На южной окраине городища, около ворот, было разорено погребение скифа, относящееся, судя по немногим уцелевшим в могильной яме вещам (браслет, фибула), к I — началу II в. н. э. Затем в этой могиле похоронили сармато-аланского военачальника с коротким мечом, необычным железным уздечным убором (псалии с умбоновидными концами, налобник с парами лошадиных голов вверху и внизу и проч.), 38 различной формы бронзовыми выпуклыми бляхами, обтянутыми золотой фольгой (от попоны?); в изголовье лежала светлоглиняная узкогорлая амфора [40, с. 170—172; 41, с. 83, 84; 42, с. 76, рис. 9, 16*а*; 43, с. 263, 264; 44, с. 202, 203, рис. 94]. На небольшом расстоянии от погребения воина обнаружена могила ребенка с золотой подвеской в виде палицы Геракла со вставками из цветного стекла [42, рис. 9] и захоронения четырех коней, составлявшие все вместе один погребальный комплекс.

А. Н. Карасев и П. Н. Шульц датировали эти поздние погребения II—III вв. н. э., а Т. Н. Высотская — началом II в. н. э., исходя прежде всего из передатировки амфоры, которая, впрочем, не являлась самой поздней вещью в комплексе и

даже могла быть оставлена от первичного погребения. Аналогии бляхам имеются в погребениях близ Анапы [45, с. IV], Керчи [46, с. 271—292, табл. А,А—2,Б] и в сарматском Поволжье [47, с. 295, 298, рис. 33, *14*, *15*], датируют их первыми веками нашей эры. Подвески же в виде палицы Геракла известны в Херсонесе [48, с. 223, рис. 9, *7*] и на широкой территории Европы, где датированы III в. н. э. [49, с. 177, рис. 1, *4*, *10*, *12*; табл. 2, *3*, *4*]. Так или иначе, перед нами случай разорения позднескифских могил, связанный с завоевательными походами других племен, но не гуннских, как на Беляусе, а сарматских.

Кем были разграблены все вырубленные в скале склепы Неаполя и некоторые земляные там же, определить невозможно, нельзя исключать готов и гуннов. Во всяком случае, земляной склеп с росписью, раскопанный в 1949 г., был разорен не ранее III в. н. э., о чем свидетельствует найденная в нем монета — денарий Септимия Севера [50].

Наконец, рассмотрим еще один недавно установленный нашими раскопками факт. На городище Беляус в кладке стены скифского помещения второй половины II в. до н. э. было обнаружено скифское изваяние («каменная баба»), изображающее скифа с гривной и ритоном [51, с. 325]. Оно, несомненно, было унесено с одного из соседних курганов. При раскопках в 1987 г. ближайшего к городищу Беляусского кургана в самой его вершине нами найдена в разграбленной могиле база от скифского изваяния вместе с наконечниками бронзовых стрел IV в. до н. э.

Из приведенных данных следует, что если поздние скифы не грабили фамильные усыпальницы на своих кладбищах, то с курганами скифов, кочевавших ранее в тех же степях (или, вернее, в бывшей там лесостепи), поступали так же бесцеремонно, как и с могилами греков.

Отношение к могилам своих предков, как и к могилам других народов, характеризует идеологические и религиозные представления общества. А. М. Хазанов и Е. В. Черненко высказали мнение, что в Скифии отсутствовало представление о святости могил предков для всего этноса и это соответствовало неразвитости самосознания скифов; священными же для каждого коллектива были только свои могилы или могилы родственных коллективов [1, с. 25]. Наши наблюдения позволяют распространить это положение и на поздних скифов. Вместе с тем мы видим, что и в античном обществе, стоявшем на более высокой ступени развития, отношение к могилам предков было не лучшим, чем у варваров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хазанов А. М., Черненко Э. В.* Час и мотиви пограбування скіфських курганів//Археологія. 1979. № 30.
2. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: МГУ, 1971.
3. *Сымонович Э. А.* Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху//СА. 1963. № 1.
4. *Фукидид.* История. Л.: Наука, 1981.
5. *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л.: Наука, 1961.
6. *Соломоник Э. И.* Памятники с надписями//СХМ. 1969. Вып. IV.
7. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1979.
8. *Маринович Л. П.* Археологические открытия в Греции в 1960—1961 гг.//ВДИ. 1962. № 4.
9. *Стржелецкий С. Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона)//СХМ. 1969. Вып. IV.
10. *Даниленко В. Н.* Надгробные стелы//СХМ. 1969. Вып. IV.
11. *Даниленко В. Н., Токарева Р. Н.* Башня Зенона. Симферополь: Таврия, 1974.
12. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи//АСГЭ. 1978. Вып. 13.
13. *Соломоник Э. И., Антонова И. А.* Надгробия врачей из античного Херсонеса//ВДИ. 1974. № 1.
14. *Антонова И. А., Аркадова Л. А.* Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе//АО — 1970. М., 1971.
15. *Щеглов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса//КСИА. 1975. Вып. 143.
16. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
17. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории//ИАК. 1907. Вып. 25.
18. *Корпусова В. Н.* Надгробные стелы некрополей сельских поселений Боспора//Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
19. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983.
20. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965.
21. *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М.: Наука, 1977.

22. *Колесникова Л. Г.* Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса//СА. 1977. № 2.
23. *Яценко И. В.* Исследование городища у санатория «Чайка» в Евпатории//АО — 1969. М., 1970.
24. *Щеглов А. Н.* Курган-кенотаф у Ярылгачской бухты//КСИА. 1972. Вып. 130.
25. *Дашевская О. Д.* Раскопки городища и могильника Беляус//АО — 1972. М., 1973.
26. *Голенцов А. С., Дашевская О. Д.* Надгробие воина с херсонесской хоры//ВДИ. 1981. № 2.
27. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С.* Кульчукский курган-кенотаф//КСИА. 1982. Вып. 170.
28. *Михлин Б. Ю., Бирюков А. С.* Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды//Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
29. *Яценко И. В.* Исследования в окрестностях Евпатории//АО — 1983. М., 1985.
30. *Яценко И. В.* Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории//Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1978. № 6.
31. *Дашевская О. Д.* Два склепа Беляусского могильника//КСИА. 1969. Вып. 119.
32. *Дашевская О. Д.* Каменные склепы Беляусского могильника//КСИА. 1976. Вып. 145.
33. *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма//МИА. 1969. № 169.
34. *Смирнов А. П.* Кочевники IV—VII вв.//История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М.: Наука, 1966.
35. *Засецкая И. П.* Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья//АСГЭ. 1971. Вып. 13.
36. *Михлин Б. Ю.* О характере позднескифской семьи//СА. 1987. № 2.
37. *Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника//СА. 1983. № 3.
38. *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка. 1983.
39. *Benninger E.* Leichenzerstückelung als vor- und frühgeschichtliche Bestattungssitte//Anthropos. Wien, 1931. Bd XXVI, 5—6.
40. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя скифского//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
41. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя скифского в 1950 г.//КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
42. *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.)//История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
43. *Шульц П. М.* Пам'ятки пізньоскіфської культури в Криму//Археологія Української РСР. Т. II. Київ: Наук. думка, 1971.
44. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
45. ОАК за 1881 г. СПб., 1882.
46. *Штерн Э. Р.* Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи//ЗООИД. 1898. Т. XXI.
47. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское//МИА. 1959. № 60.
48. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя//Херсонесский сборник. 1927. Вып. 2.
49. *Werner J.* Herkuleskeule und Donar-Amulett//Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz, 1964. Bd 11.
50. *Дашевская О. Д.* Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя скифского//ВДИ. 1951. № 2.
51. *Дашевская О. Д.* Раскопки на Беляусе и у оз. Донузлав//АО — 1985. М., 1987.

Институт археологии РАН,
Москва

DASHEVSKAYA O. D.

CONCERNING A DESTRUCTION OF THE GREEK AND SCYTHIAN BURIALS IN THE ANCIENT TIMES

Summary

Sometimes it is possible to find out who, when and why destroyed the ancient burials. Grakov B. N., then Khazanov A. M. and Tchernenko E. V. analyzed the indirect data and came to a conclusion that the distruction of the Scythian barrows had been made by the Scythians of the other kins or tribes soon after the funerals. New fact testifies that after about one hundred years the ancestors' graves stopped to be sacred for the Scythians and Greeks. It was established that the Greeks destroyed their ancestors' graves, used the tomb stones in the new buildings and the vaults themselves for the new burials. The late Scythians in the rural area of Chersonesus (the North-Western Crimea) occupied by them in the 2nd century BC had done the same things to the Greek burials and the Scythian statues on the neighbour barrows. Nevertheless they had never destroyed the burials in their own necropolises. It was the Sarmato-Alans in Naples Scythian and the Huns in the north-western Crimea who destroyed the late Scythian burials. Treatment of both ancestors' graves and the other peoples graves shows the ideological and religious views of a society.

К. А. СМИРНОВ

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ГОРОДЕЦКОЙ И ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУР

Проблема датирования и периодизации является одной из важнейших в археологии. Особенно велико ее значение при изучении культур, существовавших длительное время по сравнению с соседними. В лесной полосе Восточной Европы среди культур эпохи раннего железа своей продолжительностью выделяются городецкая и дьяковская. Проблема их датирования и периодизации не раз привлекала внимание ученых.

Обобщая материалы первых исследований городищ дьякова типа, А. А. Спицын на основании аналогий в Кошибеевском могильнике время их расцвета отнес к VI—VIII вв. [1, с. 113]. При этом он отметил, что если будут найдены более ранние памятники, то они не будут относиться к городищам дьякова типа.

В. А. Городцов, анализируя материалы Огубского городища, вышел за хронологические рамки, определенные А. А. Спицыным, и датировал памятник I—IV вв. н. э., допуская, что жизнь на поселении могла быть несколько ранее и позднее [2, с. 122]. При исследовании Старшего Каширского городища В. А. Городцов использовал для датирования скифские синие глазчатые бусы и костяные копии скифских бронзовых наконечников стрел. Время жизни на поселении он определил с VII—VI по IV в. до н. э. [3, с. 24, 45]. Позднее Б. Н. Граков отмечал большую роль скифских и сарматских вещей и их местных копий при датировании памятников лесной полосы и подчеркивал правомерность таких сопоставлений [4, с. 140].

В. А. Городцов не ставил перед собой задачу выделения отдельных хронологических этапов, хотя после исследования Огубского и Старшего Каширского городищ материал для этого уже был. После работ Городцова время существования дьяковской культуры невероятно растянулось. Вместе с тем несомненно, что материальная культура Старшего Каширского и Дьякова городищ под Москвой имеет много общих черт, позволяющих отнести их к одной культуре.

Первую попытку выделить отдельные этапы сделал П. Н. Третьяков [5, с. 43, 44]. В основу периодизации были положены материалы раскопок городища у с. Городища около г. Калязина. По мнению исследователя, это совершенно исключительный по своей стратиграфии памятник с культурным слоем, достигающим местами 3 м. По его мнению, из всех известных в то время городищ на верхней Волге это единственное, на котором люди жили без перерыва в продолжении почти полутора тысяч лет. При выработке периодизации Третьяков наряду с материалами этого городища использовал находки со всех известных к тому времени памятников верхней Волги, средней Оки и Волго-Окского междуречья [6, с. 64].

П. Н. Третьяков выделил четыре стадии. Время первой, древнейшей, он условно отнес к середине или даже первой половине I тыс. до н. э. По его мнению, культура «дьяковских городищ» в это время еще не сложилась и в материале много элементов, свойственных эпохе бронзы.

Вторая стадия относится ко времени III в. до н. э.— началу н. э. Для нее характерна аккуратная сетчатая керамика плохого обжига. Третья стадия охватывает период с начала нашей эры по III в. и характеризуется более грубой

© К. А. Смирнов, 1994 г.

сетчатой керамикой хорошего обжига. По мнению исследователя, именно вторая и третья стадии — это собственно дьяковская культура. Четвертая стадия относится ко времени IV—VI вв. н. э. Для этого времени характерна грубая посуда без «сетки». П. Н. Третьяков считал, что для этого времени укрепленные поселения на верхней Волге уже потеряли свое значение. Для определения абсолютных дат он использовал вещи, имеющие аналогии в скифских и сарматских памятниках. Однако исследователь не сделал попыток сопоставить выделенные стадии с культурами на соседних территориях, хотя и отметил наличие вещей, имеющих аналогии в скифских, сарматских, ананьинских и пьяноборских памятниках.

В 1950—1960-е годы коллективом исследователей под руководством А. Ф. Дубынина было проведено исследование ряда памятников в бассейне р. Москвы, среди которых выделим многослойные с хорошей стратиграфией: Троицкое городище (1956—1960 гг.), Щербинское (1961—1964 гг.), Кузнечики (1965 г.). После раскопок этих памятников количество материала увеличилось в несколько раз и это открыло перед исследователями новые возможности.

Работая с этим материалом, я попытался выделить этапы и сопоставить их с другими культурами [7, с. 78]. Время существования дьяковской культуры было разделено на три этапа.

Первый этап — древний, относится ко времени от VII—VI по III в. до н. э. и синхронен скифскому периоду на юге. Второй этап — средний, относится ко времени с III—II вв. до н. э. по II в. н. э. и соответствует сарматскому периоду. Третий этап — поздний, охватывает период с II—III по V—VI вв.

И. Г. Розенфельдт на основе тех же материалов разработала другую периодизацию [8, с. 189]. Первый этап — VIII—IV вв. до н. э.; второй этап — IV в. до н. э.— III в. н. э.; третий — III—V вв. н. э. и четвертый этап — VI—VIII вв. Принципиальное отличие рассматриваемой периодизации от предыдущей в наличии четвертого этапа, охватывающего вторую половину I тыс. и позволяющего подвести дьяковскую культуру к славянскому времени. Позднее И. Г. Розенфельдт обосновала правомерность выделения этого этапа в специальной монографии, где она довела его время до IX в. [9].

Х. И. Крис, исследуя материалы ранних городищ нижнего течения Москвы-реки — Боршевского и Селецкого — и принимая VIII в. до н. э. за древнейшую дату, выделила три периода: первый — VIII—VII вв. до н. э., второй — VI—V вв. до н. э. и третий — IV—III вв. до н. э. [10, с. 131].

Н. А. Кренке склонен делить дьяковские памятники в бассейне р. Москвы на два этапа: раннедьяковский и позднедьяковский. При этом он отмечал, что возможно и более дробное членение [11, с. 48].

В «Археологическом словаре» У. Брейя и Д. Трампа дьяковская культура делится на два периода. Первый период охватывает время с VII по III вв. до н. э., второй — с II в. до н. э. по VII в. н. э. [12, с. 9].

Делались попытки выработать периодизацию городецких древностей. Так, В. В. Гольмстен рассмотрела материалы погребений к западу от Волги и к югу от Оки, относящиеся ко времени с III по XVIII в., и выделила четыре этапа. При этом она руководствовалась привозными вещами. Первый этап охватывает III—VII вв. и характеризуется римскими провинциальными фибулами и сарматскими вещами [13].

Более дробную периодизацию материалов окских могильников разработал П. П. Ефименко [14]. Хотя исследователь и учитывал привозные вещи, он основывался на изменениях погребального комплекса. Было выделено пять стадий. Позднее периодизация была им уточнена и удревнена, после чего она охватывала время с конца I по первую половину VII в. [15].

Материалы поселений городецкой культуры Н. В. Трубникова предлагала разделить на два этапа: первый — с VII в. до н. э. по I—II вв. н. э.— и второй — с I—II вв. н. э. по IV—V вв. н. э. [16, с. 66].

Коснувшись проблемы деления материалов городецкой культуры на этапы, А. Л. Монгайт, отметив, что он следует за предшественниками, разделил материал

на три стадии. Первая стадия — с VII в. до н. э. по I в. н. э., вторая стадия — с I по V в. н. э. Но в отличие от Н. В. Трубниковой Монгайт не заканчивает городецкую культуру V в. н. э. и отмечает, что в V в. жизнь на городищах не прекращается и городецкая культура непосредственно перерастает в культуру поселений VI—X вв., что и составляет третью стадию [17, с. 32].

Этим ограничиваются попытки разделить материалы городецкой и дьяковской культур на этапы. Они показывают, что количество накопленного материала и степень его изученности позволяют приступить к решению этой важной проблемы.

Культура эпохи раннего железа в Волго-Окском междуречье, на верхней Волге и на средней и нижней Оке сложилась на базе культуры поздней бронзы. Из элементов материальной культуры предшествовавшей эпохи в культуру памятников раннего железа вошли «сетчатая керамика» и костяные орудия некоторых форм.

Поселения эпохи раннего железа в лесной полосе в отличие от памятников поздней бронзы обычно располагаются на высоких участках берега, и большая их часть имеет укрепления.

По-видимому, перенос поселений на высокие участки берега был обусловлен требованиями производящего хозяйства и понижением значения рыболовства. Вместе с тем в это время происходит изменение климата, выразившееся в похолодании, увеличении влажности и подъеме уровня водоемов [18, с. 13]. Создание укреплений было вызвано необходимостью защитить стада от диких животных и врагов. Несомненно, производящая экономика в значительной мере сформировалась у населения стоянок, и на определенной стадии это вызвало перенос поселений на новые места. Пока на стоянках ни в одном случае не найдены остатки укреплений. Это позволяет предположить, что первоначально поселения на новом месте не имели укреплений. Это подтверждают данные раскопок.

В. И. Сизов при исследовании Дьякова городища под Москвой обнаружил под валом толстый слой культурных отложений и на основании этого сделал совершенно закономерный вывод, что вал был насыпан спустя длительное время после основания поселения [19, с. 257]. Аналогичные наблюдения были сделаны при исследовании городищ Успенского [20, с. 102], Санниковского [21, с. 98], Пекуновского [21, с. 115] и ряда других. При раскопках на Мамоновом городище было установлено, что вал перекрывал жилище VI—V вв. до н. э. [22, с. 20]. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что первоначально поселки укреплений не имели.

Интересную картину расположения вещей некоторых типов в слое Старшего Каширского городища рисуют полевые дневники В. А. Городцова, опубликованные как приложение к работе «Старшее Каширское городище». Не следует переоценивать значение дневников, однако это единственный путь восстановить стратиграфическое положение находок. Согласно дневнику, материал располагается в семи штыках (пластах). Находки размещаются следующим образом: основная масса грузиков «дьякова типа» находится в трех верхних штыках. Ниже, в пятом штыке, был найден один грузик, роговой. Второй, аналогичный, находился в третьем штыке. Роговые уплощенные грузики, судя по всему, относятся к числу ранних. Во втором и третьем штыках были найдены шпорцовые наконечники стрел, которые В. А. Городцов сравнивал с бронзовыми скифскими образцами. В третьем штыке был найден один костяной однокрылый наконечник и еще один — в пятом. Однокрылые наконечники В. А. Городцов также сопоставлял со скифскими прототипами. Конические пулевидные втульчатые наконечники стрел найдены один в третьем штыке и два — в четвертом. В третьем штыке были найдены синие глазчатые бусы и керамическая модель скифского котла. Таким образом, основная масса предметов, которые датируются на основании аналогий в скифских памятниках и характерны для раннедьяковского времени, располагаются во втором и третьем штыках. Ниже находятся многозубые наконечники гарпунов и одношипные наконечники стрел. Они относятся ко времени более раннему, чем то, которое устанавливается по костяным наконечникам, являющимся подражанием скифским образцам VII—VI вв. до н. э.

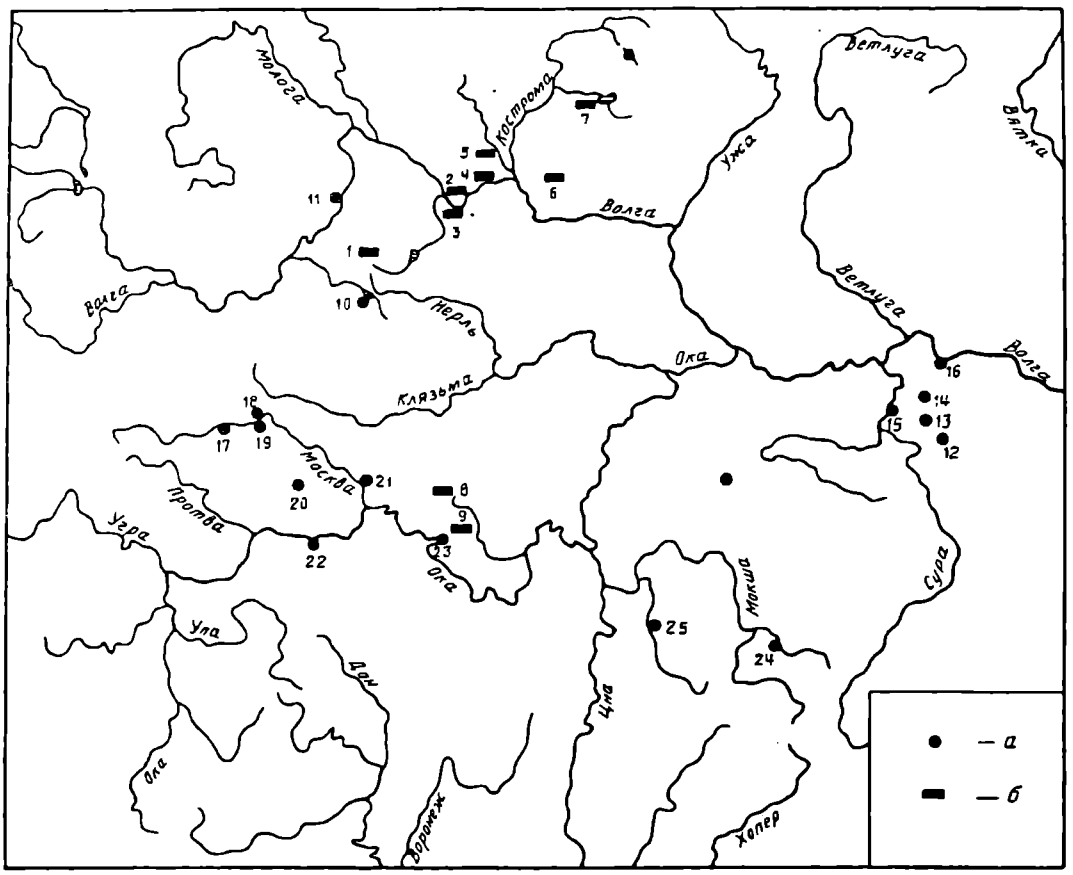


Рис. 1. Переходный этап (*а* — городища, *б* — стоянки). Стоянки: *1* — Торговище, *2* — Ворокса; *3* — Сокольское II; *4* — Борань; *5* — Шунга; *6* — Ватажка; *7* — Быки; *8* — Коренец, *9* — Тюков городок. Городища: *10* — Веськово; *11* — Калязинское; *12* — Укся-сют; *13* — Тиханкино; *14* — Пичке-Сарче; *15* — Ножа-Вар; *16* — Малахай; *17* — Успенское; *18* — Дьяково; *19* — Мамоновское; *20* — Щербинское; *21* — Селецкое; *22* — Старшее Каширское; *23* — Городецкое; *24* — Казна-Панда, *25* — Каргашинское

И. Г. Розенфельдт не исключала, что Щербинское городище возникло в VIII в. до н. э. Для датирования она использовала костяные втульчатые наконечники стрел, имеющие аналогии в памятниках с VIII по IV в. до н. э. [8, с. 99]. Но, конечно, решающую роль играл керамический материал, весьма архаичный по своему облику. Наличие слоев VIII в. до н. э. И. Г. Розенфельдт допускала кроме Щербинского на Старшем Каширском и на Мамоновом городищах.

П. Н. Третьяков на Калязинском городище выделил древнейший слой, относящийся ко времени, когда культура городищ, строго говоря, еще не сформировалась. Элементы прошлой эпохи он усматривал в форме некоторых сосудов, сохранивших черты эпохи бронзы [5, с. 43].

Х. И. Крис выделила ранний слой на Селецком городище в низовьях р. Москвы. Для него характерна керамика, близкая материалу эпохи поздней бронзы и раннего железа средней Оки.

Аналогичные наблюдения были сделаны на памятниках, расположенных южнее Оки. В. А. Городцов отмечал, что на Городецком городище были слои более ранние, чем укрепления [23, с. 191]. Ранние слои под укреплениями были найдены при исследовании городищ «Укся сют» [24, с. 215], Ножа-Вар [25, с. 119, 151] и на ряде других.

Переходный этап. Как свидетельствуют изложенные факты, в настоящее время накоплено достаточно данных, позволяющих выделить переходный этап (рис. 1) — время перехода населения со стоянок, расположенных на дюнах, на высокие участки берега. Первоначально устройство новых поселений мало отличалось от стоянок. Надо отметить, что хорошо этот этап выделяется всего на нескольких памятниках с достаточно мощным слоем и четкой стратиграфией.

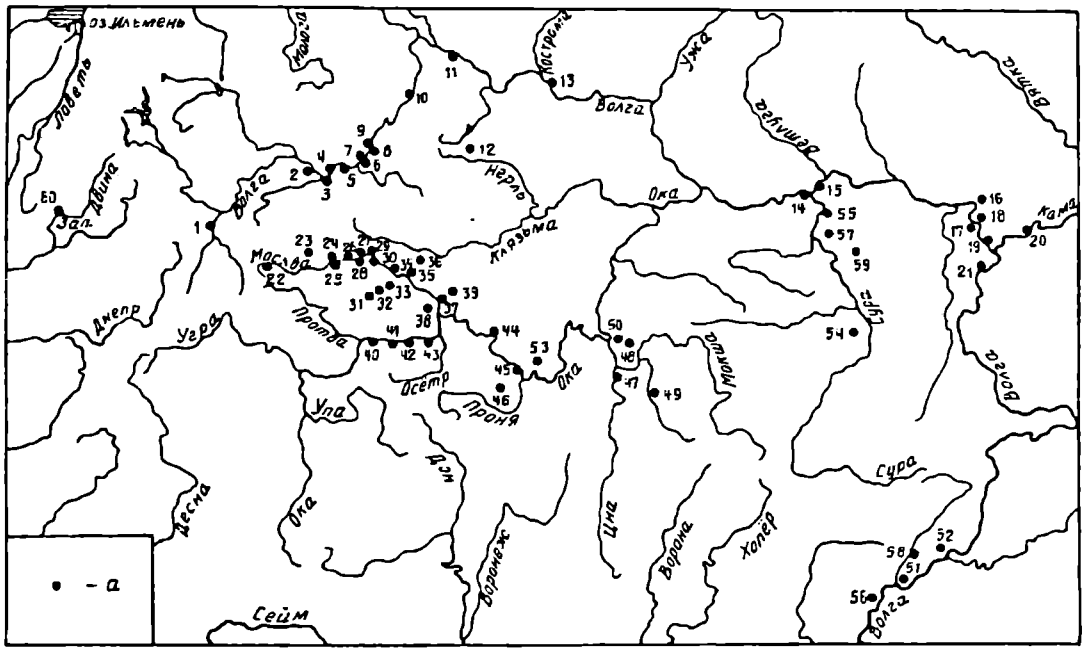


Рис. 2. Древний этап (*а* — городища).

1 — Лесничино; *2* — Корчевское; *3* — Топорок, *4* — Сапниковское; *5* — Иваньковское; *6* — Прислон; *7* — Пекуновское; *8* — Дьяков Лоб; *9* — Графская гора; *10* — Калязинское; *11* — Березняки; *12* — Кубринское I; *13* — Минское; *14* — Второе Васильсурское; *15* — Конань; *16* — Казанка I; *17* — Нижнеуслонское; *18* — II Маклашеевское; *19* — Курган; *20* — Гремячий ключ; *21* — Антоновское; *22* — Троицкое; *23* — Михайловское; *24* — V Саввино-Сторож. мон.; *25* — Успенское; *26* — Барвихинское; *27* — Дьяково; *28* — Мамоново; *29* — Сетуньское; *30* — Кунцевское; *31* — Щербинское; *32* — Борисоглебское; *33* — Кузнечики; *34* — Боровский курган; *35* — Круглица; *36* — Соколовая гора; *37* — Боршевское; *38* — Мячково; *39* — Селецкое; *40* — Подмоклово; *41* — Мутенковское; *42* — Старшее Каширское; *43* — Кропотовское; *44* — Городецкое; *45* — Льговское; *46* — Вышгородское; *47* — Бастаново; *48* — Теньгушевское; *49* — Каргашинское; *50* — Алексеевское; *51* — Березняковское; *52* — Вольское; *53* — Карцевское; *54* — Ош-панда; *55* — Пичке-Сарче; *56* — Танавское; *57* — Тиханкино; *58* — Чардымское; *59* — Укся-сют, *60* — Подгай

Для этого этапа характерными находками являются сетчатая керамика, а из костяных орудий наконечники одношипных стрел и многозубые гарпуны. Жилище было обнаружено всего 1 раз на Мамоновом городище. Оно имело в плане форму, близкую к кругу. Стены представляли плетень, обмазанный глиной. В этих слоях ни разу не были найдены предметы, имеющие короткий период бытования. На основании того, что эти слои лежат ниже слоев, содержащих предметы VII—VI вв. до н. э., по моему мнению, их можно датировать VIII—VII вв. до н. э., а может быть даже раньше. Этот этап может быть сопоставлен с киммерийским периодом на юге и с ранисананьинским в Приуралье. Об экономике в это время можно судить только по косвенным данным. По-видимому, она включала скотоводство, охоту, рыболовство, земледелие, собирательство.

Древний этап (рис. 2). Основным признаком, позволяющим отделить поселения древнего этапа от переходного, является наличие укреплений, которые на большинстве памятников скрыты под толщей более поздних отложений и могут быть обнаружены только при раскопках. Хотя каждое поселение обладает своими характерными чертами, все они могут быть сведены к нескольким типам. Имеется различие в расположении поселений на местности. Обычно для поселка выбирался участок высокого берега между рекой и ручьем, иногда поселение располагалось на останце. Многие городища расположены таким образом, что господствуют над местностью и видны на большом расстоянии. Это касается главным образом памятников на верхней Волге и в верхнем течении Москвы-реки. Другие городища располагались так, что соседние возвышенности скрывали их. Такое расположение характерно для памятников нижнего течения Москвы-реки, средней Оки и к юго-востоку от Оки.

Укрепления этого времени были еще очень просты. Строго говоря, они

представляли собой загон для скота, вдоль стен которого с внутренней стороны были расположены помещения для людей, куда зимой, вероятно, укрывался и молодняк. Эти сооружения были рассчитаны не столько на отражение нападения врагов, сколько на защиту скота от диких животных. Однако, несмотря на простоту, выделяются разные типы укреплений. Один из них «жилые стены» — сооружение, являвшееся одновременно жилищем и укреплением. Оно имело в плане форму овала и представляло собой длинный сарай, окружающий свободную центральную площадку, на которую были выходы из отдельных камер. Задняя стена постройки была внешней стеной поселка. Со стороны поля был выкопан небольшой ров. Такие сооружения пока были открыты 2 раза: более раннее на городище Лесничино [26] и более совершенное на Троицком городище [27]. Аналогичные сооружения известны западнее и юго-западнее.

Более распространенное укрепление представляло собой тын, установленный по краю поселка и не связанный с жилищами. Со стороны поля имелся небольшой ров и вал. Такие сооружения известны как к северу, так и к югу от Оки.

Как пример можно указать укрепления городищ Старшего Каширского [3, с. 8] и Щербинского [28]. Однако надо отметить, что известны укрепления иного устройства. Так, на Мамоновом городище они представляли собой два ряда плетня с заполнением из песка и камней [22, с. 18, 19].

Для этого времени известны жилища нескольких типов. Надо отметить названные выше «жилые стены», являвшиеся одновременно и жилищем и укреплением. Близки по устройству были многокамерные постройки — длинные дома. Их принципиальное отличие от «жилых стен» в том, что они не были связаны с укреплениями. К северу от Оки известны наземные длинные дома (городища Кузнечики, Щербинское, Дьяково и др.), к югу — длинные дома с углубленным полом (городища Теньгушевское, Городецкое и др.). В каждой постройке было обнаружено по нескольку очагов.

Городцов при исследовании Старшего Каширского городища обнаружил круглые постройки, которые он назвал землянками. Правильнее было бы назвать их круглыми постройками с углубленным полом. Аналогичные сооружения были найдены к северу и к югу от Оки.

Наряду с перечисленными известны дома прямоугольной формы столбовой или срубной конструкции, часто двухкамерные. В связи с этим надо отметить, что сооружения из дерева, открытые В. А. Городцовым на Старшем Каширском городище и определенные им как культовые, вероятно, были жилищами более поздними, чем круглые, но относящимися еще к древнему этапу. На некоторых памятниках прямоугольные жилища имеют углубленный пол [29, с. 106].

Основным материалом для изготовления предметов вооружения и орудий труда была кость. Наиболее распространенным оружием для ведения войны и охоты были лук и стрелы, о которых можно судить по наконечникам, основная масса которых была из кости и только ничтожная часть представлена металлическими образцами, занесенными с юга. Среди орудий охоты надо отметить костяные наконечники гарпунов, отличные от многозубых, характерных для более раннего времени. Характеризуя костяные предметы в целом, надо отметить, что для этой группы находок характерно большое разнообразие типов и тщательность изготовления отдельных вещей. О ножах в значительной степени можно судить по роговым ручкам, среди которых преобладали грибовидные. Для этого этапа характерны серповидные ножи. К югу от Оки известна серия скифских мечей и кинжалов, найденных вне поселений [30]. Среди орудий труда надо упомянуть топоры-кельты. По-видимому, малое количество железных предметов среди находок следует объяснить не редкостью их в обиходе, а ценностью металла. Сломанные и износившиеся вещи использовались как сырье. Особую группу находок составляют псалии и удила скифских типов, свидетельствующие о том, что конь уже использовался для верховой езды.

Керамический комплекс древнего этапа для верхней Волги и средней Оки был различен. Бассейн р. Москвы занимает промежуточное положение. Именно в керамике наиболее четко проявляется то, что культура эпохи раннего железа

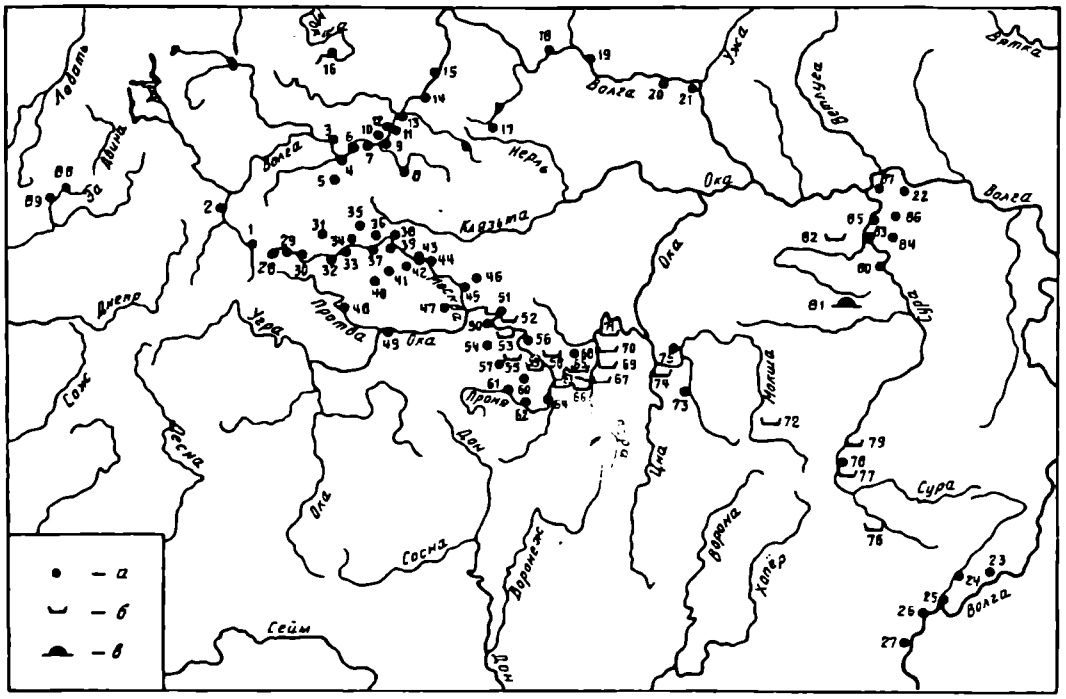


Рис. 3. Средний этап (*а* — городища, *б* — грунтовые могильники, *в* — курганы).

1 — Савики; *2* — Лесничино; *3* — Черная гора; *4* — Топорок; *5* — Синьковское; *6* — Сапниковское; *7* — Иваньковское; *8* — Кикинское; *9* — Прислон; *10* — Пекуновское; *11* — Дьяков Лоб; *12* — Графская гора; *13* — у Белого городка; *14* — Городок; *15* — Калязинское; *16* — у с. Загородье; *17* — Кубринское; *18* — Борань; *19* — Минское; *20* — Серюпитинское; *21* — Юрьевецкое; *22* — Копань; *23* — Вольское; *24* — Чардымское; *25* — Березняковское; *26* — Танавское; *27* — Алексеевское; *28* — Троицкое; *29* — Бородинское; *30* — Тетеринское; *31* — Михайловское; *32* — Бушаринское; *33* — Успенское; *34* — Барвихинское; *35* — Дятлова поляна; *36* — Дьяково; *37* — Мамоново; *38* — Сетуньское; *39* — Кунцевское; *40* — Щербинское; *41* — Борисоглебское; *42* — Кузнечики; *43* — Боровский курган; *44* — Круглица; *45* — Боршевское; *46* — Селецкое; *47* — Мячково; *48* — Огубское; *49* — Подмоклово; *50* — Полецкое; *51* — Новоселковское; *52* — Кузьминский мог.; *53* — Вахинский мог., *54* — Недостоевское; *55* — Конищевский мог.; *56* — Сумбуловское; *57* — Конищевское; *58* — Дубровичский мог.; *59* — Борковский мог.; *60* — Льговское; *61* — Польновское II; *62* — Вышгородское; *63* — Польновский мог.; *64* — Троице-Пеленицкое; *65* — Дегтянный мог.; *66* — Шатрищенский мог.; *67* — Дубровский мог.; *68* — Карцевское; *69* — Кулаковский мог.; *70* — Тырновский мог.; *71* — Курманский мог.; *72* — Ражкинский мог.; *73* — Каргашинское; *74* — Кошибеевские мог.; *75* — Теньгушевское; *76* — Шемышейкинский мог.; *77* — могильник у г. Пензы; *78* — Ахунское; *79* — Старший Селиксенский мог.; *80* — Адьбай; *81* — Андреевский курган; *82* — Сергачский мог.; *83* — Ножа-Вар; *84* — Тиханкино; *85* — Сареевское; *86* — Пичке-Сарче; *87* — Арату; *88* — Подгай; *89* — Михайловское (на Зап. Двине)

в этом регионе складывалась на разной основе. На памятниках верхней Волги преобладает сетчатая керамика с оттиском штампа и с богатой орнаментацией. Ее процент относительно всего материала высок. На памятниках, расположенных на Оке и к югу от нее, преобладает сетчатая керамика с оттиском ткани и скромной орнаментацией. Ее процент относительно всего материала низок.

Во второй четверти или середине I тыс. до н. э. на памятниках к северу от Оки появляются «грузики дьякова типа», которые могут быть сопоставлены с культом предков. Они встречаются до третьей четверти I тыс. н. э. и позволяют провести границу между поселениями Городецкой и дьяковской культур.

Основу экономики составляло хорошо развитое скотоводство. Имевшая пушную направленность охота, несомненно, играла большую роль. Находки зерен на памятниках свидетельствуют о том, что земледелие было известно. Несомненно, существовало и рыболовство.

Время древнего этапа определяется на основании находок предметов, имеющих аналогии в памятниках с хорошо разработанной хронологией. Это главным образом вещи скифского производства и местные подражания им, а также вещи, имеющие параллели в ананьинских памятниках. Система датировок, построенная на основании аналогий А. Ф. Дубининым и К. А. Смирновым [7, с. 76], была

проверена и получила подтверждение при помощи методов естественных наук при раскопках Н. А. Кренке на Дьяковом городище [31, с. 39]. Продолжительность дневного этапа определяется с VII—VI вв. до III—II вв. до н. э. Он одновременен скифскому периоду на юге и ананьинской культуре на востоке.

Средний этап (рис. 3) был временем наибольшего расцвета культуры эпохи раннего железа в Волго-Окском междуречье и к юго-востоку от Оки. К нему относится наибольшее количество материала с городищ, как по количеству предметов, так и по числу типов. Вместе с тем в отношении некоторых групп находок наблюдается некоторая унификация, и количество форм уменьшается. За начало среднего этапа принимается время изменения планировки поселений, что привело к увеличению их площади в 1,5—2 раза, и постройки новой системы укреплений на городищах верхней Волги и в верхнем течении Москвы-реки. Этот процесс проходил в III—II вв. до н. э., а позднее валы многократно подсыпались.

Это свидетельствует о том, что в руках коллективов накопились большие богатства, которые надо было защищать, а также о том, что они располагали средствами, необходимыми для проведения таких грандиозных по тому времени строительных работ. Новые укрепления были более унифицированы и, по-видимому, в полной мере соответствовали требованиям своего времени. Они представляли два, а иногда три кольца валов, на гребне которых помещались деревянные сооружения. Внешний вал спускался с возвышенности и опоясывал поселок у подножья. Внутренний вал проходил по склону. На некоторых городищах его остатки прослеживаются на склоне в виде уступа. Третья линия — тын проходила по краю площадки. Известны городища с тремя валами. На нижней Москве-реке и средней Оке укрепления имели другую конструкцию. Они состояли из одного вала, который многократно подсыпался. В то же время к югу и востоку от Оки известны городища с двумя и тремя валами. Постройка укреплений свидетельствует о напряженной межплеменной обстановке.

Новым укреплениям соответствуют определенные типы жилищ. При раскопках Троицкого городища в верховьях Москвы-реки была исследована серия построек, позволяющая проследить эволюцию жилища. Наблюдается тенденция к уменьшению площади постройки. Наряду с наземными, главным образом к югу от Оки, были найдены постройки, частично углубленные, и даже землянки. По-видимому, происходил переход от многокамерного дома к жилищу, рассчитанному на одну семью. Наряду с этим имеются жилища, сохраняющие архаичные черты.

Среди находок имеются предметы, имеющие аналогии в памятниках с хорошо разработанной хронологией, в частности, в сарматских памятниках. Со времени около рубежа н. э. появляются предметы, которые могут быть связаны с римским влиянием — прежде всего фибулы и монеты. Хотя северная граница Римской империи проходила значительно юго-западнее, Римское государство наложило сильный отпечаток на культуру Восточной Европы в первых веках н. э. Среди находок римского происхождения большую группу составляют монеты.

Окончание среднего этапа должно быть сопоставлено с выходом из употребления сетчатой керамики в начале III в. н. э. В это время появляется посуда с лощеной поверхностью, и эти два явления, по-видимому, связаны. В слоях среднего этапа найдено огромное количество различных предметов. Вначале кость сохраняет свое значение как материал для изготовления наконечников. Однако к рубежу н. э. ее значение уменьшается.

Для среднего этапа характерны ножи с горбатой спинкой. Из орудий земледелия в большом количестве найдены серпы. Для обработки дерева служили кельты.

К этому времени относится большое количество деталей костюма, главным образом булавок и пряжек. Интересно, что в Волго-Окском междуречье, севернее Оки, многие предметы, которые на соседней территории делали из бронзы, изготовлены из железа. Вероятно, это обусловлено недостатком бронзы.

Керамика среднего этапа представлена большим количеством форм. Продолжает существовать сетчатая посуда. Однако в III—II вв. до н. э. ее процент понижается, а орнаментация становится менее сложной. В пределах Волго-Окского

междуречья она исчезает в III в. н. э. Вместе с тем в Эстонии и в Вологодской обл. она встречается до середины I тыс. Преобладающей в это время становится гладкая керамика, т. е. лишенная «сетки» или «штриховки», часто богато орнаментированная.

Экономика племен, живших в Волго-Окском междуречье и к югу от Оки, в это время была комплексная. Основную роль, по-видимому, играло скотоводство. К сожалению, в 50-х годах костный материал с городищ не брался по слоям, а определялся целиком. Поэтому не ясно, как менялся видовой состав стада. На разных памятниках соотношение домашних животных колеблется. На памятниках верхней Волги процент костей свиньи ниже, чем на городищах Москворечья и средней Оки. По мнению В. И. Цалкина, лошадь разводилась прежде всего для пищевых целей. Однако находки удил и псалий свидетельствуют о том, что начиная со второй четверти I тыс. до н. э. она использовалась для верховой езды [32, с. 54].

Большую роль продолжала играть охота. О занятии населения рыбной ловлей свидетельствуют находки грузил от сетей и кости рыб. Интересно отметить, что, судя по количеству костей, роль рыболовства в более позднее время возрастает [33, с. 104]. О земледелии можно судить по находкам серпов и злаков.

Обработкой цветного и черного металла жители, судя по находкам, занимались с глубокой древности, а со времени около рубежа н. э. это ремесло получило широкое распространение.

В I—II вв. н. э. появляются первые могильники, одна группа которых расположена в пойме средней Оки, главным образом на ее правом берегу, а вторая — в верховьях р. Суры. Могильники просуществовали несколько столетий, некоторые до середины VII в.

Особое место занимает Андреевский курган, находящийся в нижней части бассейна р. Суры. Он представляет собой два самостоятельных некрополя. Первоначально были произведены захоронения в грунтовых могилах, и над ними насыпан низкий курган. Для них характерно большое количество сарматского оружия. Позднее насыпь кургана была использована для могильника городецкого времени. Находки, в частности вещи римского происхождения, позволяют датировать его в пределах I—II вв.

Южными соседями лесных племен были сарматы. Как раньше скифы, после III в. до н. э. сарматы оказывали влияние на все народы, населявшие Восточную Европу, включая лесную зону. Начиная с I в. н. э., ощущается римское влияние. В Приуралье среднему этапу одновременна пьяноборская культура.

Поздний этап (рис. 4). За начало древнего этапа принята постройка древнейших укреплений, а за начало среднего их реконструкция. Начало позднего этапа не может быть сопоставлено с большими строительными работами на поселениях. Его, по-видимому, следует относить к началу или первой половине III в. н. э., когда после прохождения готов из Прибалтики в Северное Причерноморье часть балтских племен продвинулась на восток, что привело к изменениям в культуре населения Волго-Окского междуречья. Поход готов по своему значению вполне сопоставим с движением сармат или гуннов. Иордан отмечал их жестокость («сражались всегда с звериной лютостью») и, в частности, человеческие жертвоприношения [34, с. 70, 73].

Подавляющая часть населения жила в существующих поселках с мощной фортификацией, построенной в III—II вв. до н. э. Валы на некоторых городищах подсыпались 2—3 раза, но время подсыпок пока не определено. Вместе с тем известно несколько поселений, существовавших в середине I тыс. и практически не имевших ранних слоев. К их числу относится городище Березняки, укрепления которого состояли из одной линии сооружений. Относительная слабость укреплений свидетельствует о том, что во второй четверти — середине I тыс. межплеменная обстановка в лесной полосе стала менее напряженной. Интересно, что в это время наблюдается большее разнообразие типов построек, чем ранее. При раскопках городища «Орлов городок» были найдены остатки сооружений

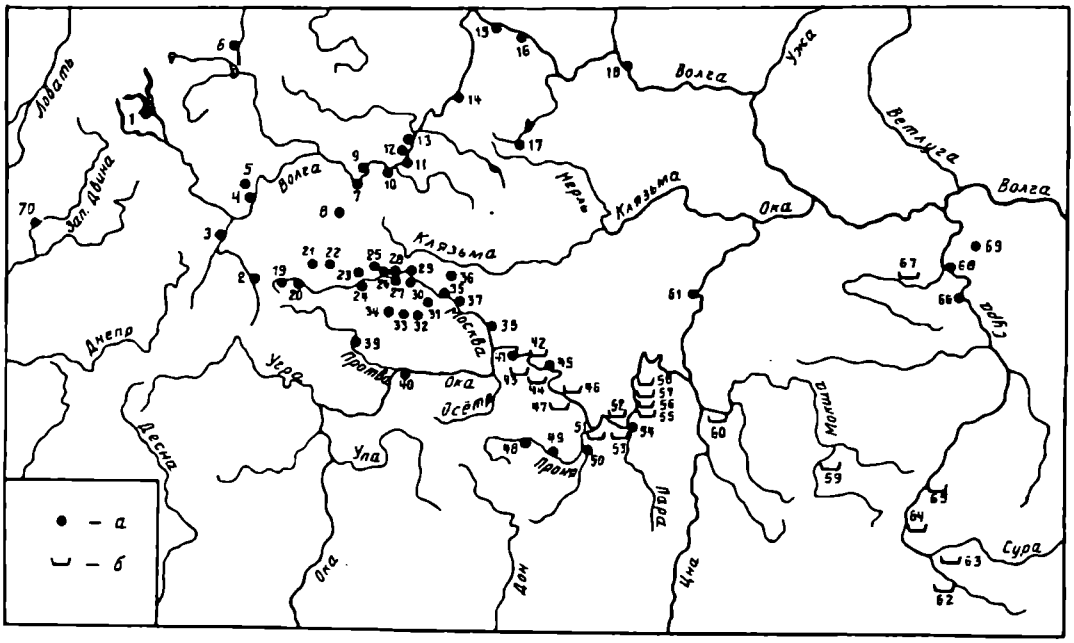


Рис. 4. Поздний этап (*а* — городища, *б* — грунтовые могильники).

1 — Никола-Рожок; *2* — Савики; *3* — Лесничино; *4* — Отмичи; *5* — Орлов городок; *6* — Кафтинское; *7* — Топорок; *8* — Синьковское; *9* — Санниковское; *10* — Иваньковское; *11* — Прислон; *12* — Пекуновское; *13* — Графская гора; *14* — городище у Грехова ручья; *15* — Березняки; *16* — Попадьинское селище; *17* — Кубринское; *18* — Минское; *19* — Троицкое; *20* — Бородинское; *21* — Пеждинское; *22* — Михайловское; *23* — у Саввино-Сторожевского монастыря; *24* — Успенское; *25* — Барвихинское; *26* — Жуковское селище; *27* — Нижние котлы; *28* — Дьяково; *29* — Сетуньское; *30* — Кунцевское; *31* — Кузнечики; *32* — Щербинское; *33* — Борисоглебское; *34* — Луковня; *35* — Боровский курган; *36* — Соколовая гора; *37* — Круглица; *38* — Боршевское; *39* — Огубское; *40* — Подмоклово; *41* — Полецкое; *42* — Кузьминский мог.; *43* — Вахинский мог.; *44* — Конищевский мог.; *45* — Казарское; *46* — Дубровичский мог.; *47* — Борковский мог.; *48* — Вуколов Бугор; *49* — Вышгородское; *50* — Троице-Пеленицкое; *51* — Пальновский мог.; *52* — Дегтянский мог.; *53* — Шатрищенский мог.; *54* — Старая Рязань; *55* — Дубровский мог.; *56* — Кулаковский мог.; *57* — Тырновский мог.; *58* — Курманский мог.; *59* — Ражкинский мог.; *60* — Кошибеевский мог.; *61* — нахождение у Мурома; *62* — Шемышейкинский мог.; *63* — Армиевский мог.; *64* — могильник у Пензы; *65* — Старший Селиксенский мог.; *66* — Адобай; *67* — Сергачский мог.; *68* — Пожа-Вар; *69* — Пичке-Сарче, *70* — Михайловское (на Зап. Двине)

середины I тыс., которые одновременно являлись и укреплениями, и жилищами [35, с. 66]. Они заставляют вспомнить постройки, исследованные П. Н. Третьяковым в бассейне р. Сож.

Жилища представлены рядом типов. Помимо «жилых стен», прослеженных на «Орловом городке», известны длинные многокамерные дома и небольшие, квадратные или прямоугольные в плане сооружения. По-видимому, по своему назначению постройки делились на жилые и производственные. При исследовании городищ Березняки, Троицкое и Попадьинское селище была изучена планировка.

Таким образом, для позднего этапа по сравнению с предшествующей эпохой наблюдается большее многообразие типов жилищ, что следует связывать с приходом на эту территорию групп нового населения.

Находки характеризуют богатую материальную культуру. По сравнению с более ранним временем роль южных параллелей для датирования понижается, и ведущими становятся вещи, имеющие аналогии в памятниках Прибалтики и в могильниках лесной полосы. Вероятно, за признак, по которому можно определять начало позднего этапа, может быть принято исчезновение сетчатой керамики и появление лощеной, что было связано с продвижением балтов на восток. Это произошло в начале — середине III в. Завершение этапа относится к концу VI или началу VII в. Примерно в это время прекращается интенсивная жизнь на городищах. Хотя люди на них продолжают жить, былой роли они уже не играют. К югу от Оки в это время перестают функционировать могильники,

возникшие в начале тысячелетия. Все это отражает важные изменения в жизни населения.

Комплекс находок обладает особенностями по сравнению с более ранними этапами. Почти исчезают из употребления костяные орудия труда и вооружения, и на смену им пришли железные. Важнейшим бытовым предметом и инструментом был нож. Были распространены ножи с горбатой спинкой, а в середине тысячелетия их сменили прямые. Из орудий земледелия надо отметить серпы и косы-горбуши. Из инструментов для обработки дерева известны кельты и проушной массивный топор. О существовании кузнечного и литейного производства свидетельствует находка остатков кузнечной мастерской на Щербинском городище и литейной на Троицком. По-видимому, на территории к северу от Оки во второй — третьей четверти I тыс. обработка цветного металла была на высоком уровне. Однако из-за отсутствия некрополей эта территория представлена относительно небольшим количеством находок.

Для рассматриваемого времени была характерна гладкая, т. е. несетчатая и нештрихованная посуда. Велик процент сосудов, лишенных орнаментации. Лощеная керамика встречается в верхних слоях некоторых городищ в небольшом количестве.

Экономической базой общества было комплексное хозяйство. Как и раньше, большую роль играло скотоводство. Охота сохраняла свое значение. Ее главная направленность — добыча мехов. О наличии рыболовства свидетельствуют находки грузил от сетей, крюков и рыбьих костей. Продолжало развиваться земледелие.

Южнее Оки в рассматриваемое время продолжают существовать могильники, возникшие в начале I тыс. Они перестают функционировать в конце VI — начале VII в., что обусловлено переселением населения на новые участки в связи с развитием земледелия. Севернее Оки в Волго-Окском междуречье погребальные сооружения найдены всего 2 раза на городищах Березняки и у Саввино-Сторожевского монастыря. В обоих случаях это наземный домик, в котором помещены трупосожжения. Это семейная усыпальница. На городище у Саввино-Сторожевского монастыря прах был в урнах, на городище Березняки захоронения безурновые. Однако главным отличием является то, что в погребальном сооружении на городище Березняки были найдены кельты примерно по числу погребенных. У Саввино-Сторожевского монастыря их не было [36]. В Вологодской области на р. Суда А. Н. Башенькин исследовал два наземных погребальных сооружения, содержащих остатки кремаций. В отличие от вышеупомянутых, они были огромны и служили, по-видимому, для помещения праха жителей нескольких поселков [11, 37].

Заключительный этап (рис. 5) охватывает время от конца VI — начала VII до начала IX в., был выделен И. Г. Розенфельдт [9]. До этого дьяковскую культуру заканчивали V или VI в. и существовало мнение, что в это время жители покидали городища и переселялись на селища. Однако материалы, накопленные с конца 1940—1950-х годов, показали, что, с одной стороны, селища существовали параллельно с городищами с глубокой древности, с другой — что на городищах есть вещи позже VI в. Поэтому выделение заключительного этапа вполне закономерно. Слои этого времени бедны находками и часто сильно повреждены природными процессами и деятельностью человека. В это время на одних городищах население резко сократилось, другие были покинуты совсем. Все это свидетельствует о том, что укрепления потеряли свое значение.

Комплекс находок близок к набору предыдущего этапа. Экономика была комплексная. По-видимому, центральное место на этом этапе занимало земледелие. На втором месте было скотоводство. Охота была направлена главным образом на добычу пушного зверя; существовало и рыболовство.

Проникновение славян на рассматриваемую территорию происходит в VIII—IX вв. Однако отдельные группы переселялись сюда и раньше. Неоднократно отмечалось, что нет фактов, свидетельствующих о контактах местного финно-угорского населения со славянским. Но ряд косвенных данных свидетельствует о длительном

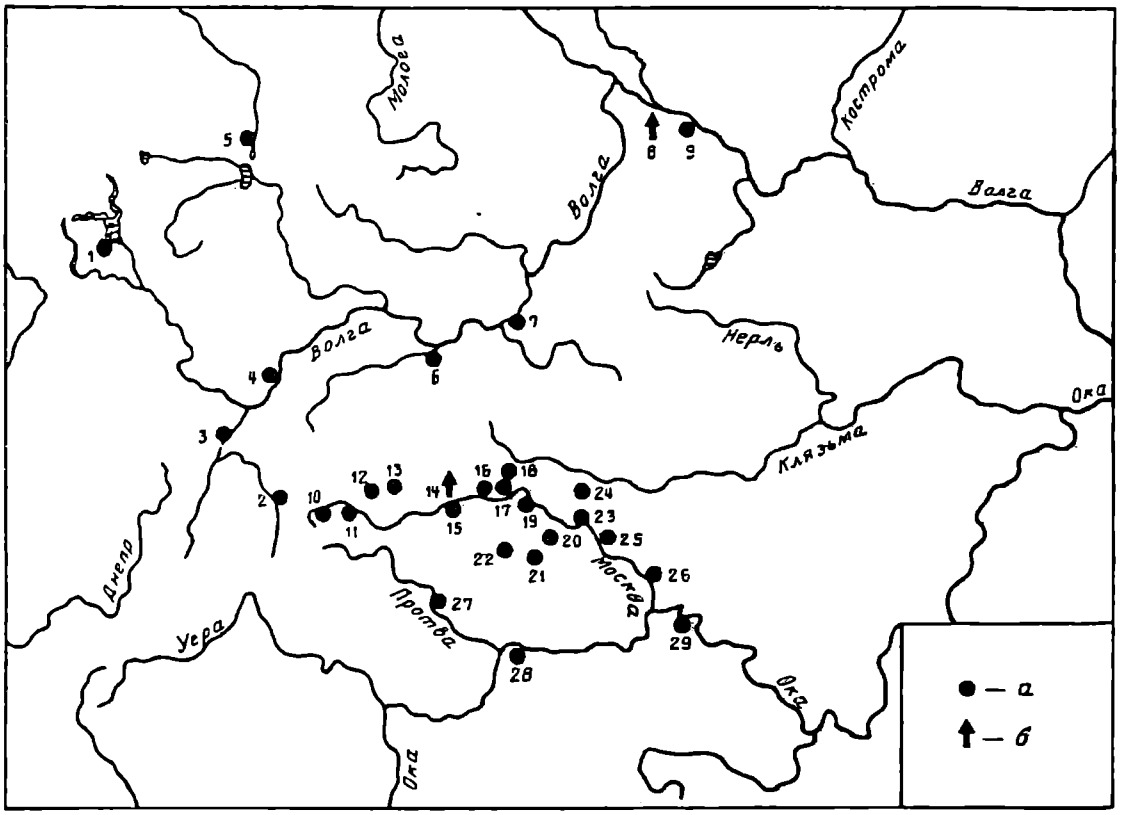


Рис. 5. Заключительный этап (*а* — городища, *б* — наземные погребения).

1 — Никола-Рожок; *2* — Савики; *3* — Лесничино; *4* — Отмичи; *5* — Кафтинское; *6* — Топорок; *7* — Прислон; *8* — Березняки; *9* — Попадьинское сел.; *10* — Троицкое; *11* — Бородинское; *12* — Неждинское; *13* — Михайловское; *14* — у Саввино-Сторожевского мон.; *15* — Успенское; *16* — Барвихинское; *17* — Жуковское селище; *18* — Дьяково; *19* — Кунцевское; *20* — Кузнечики; *21* — Щербинское; *22* — Луковня; *23* — Боровский курган; *24* — Соколовая гора; *25* — Круглица; *26* — Боршевское; *27* — Огубское; *28* — Подмоклово; *29* — Полецкое

совместном проживании финно-угорского и славянского населения. К ним относятся антропологические данные, фольклор, сведения в письменных источниках, данные гидронимики. Отсутствие археологических свидетельств совместного проживания в известной мере, вероятно, обусловлено тем, что основная часть населения уже перешла на селища, а их исследование только начинается.

По-видимому, часть аборигенного населения осталась на исконной территории и восприняла от пришельцев более совершенные приемы земледелия. Другая часть, стремясь сохранить традиционную экономику, переселилась на север и на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спицын А. А.* Городища дьякова типа//ЗОРСА. 1903. Т. V. Вып. I.
2. *Городцов В. А.* Болотное Огубское городище//Тр. ГИМ. 1926. Вып. I.
3. *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище//ИГАИМК. 1933. Вып. 85.
4. *Граков Б. Н.* Бронзовая рукоять меча из-под Мурома//СА. 1961. № 4.
5. *Третьяков П. Н.* К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.//МИА. 1941. № 5.
6. *Третьяков П. Н.* Древнейшие городища верхнего Поволжья//СА. 1947. IX.
7. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
8. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
9. *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
10. *Крис Х. Н., Чернай И. Л., Данильченко В. П.* О раннем периоде дьяковских городищ//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
11. *Кренке Н. А.* Периодизация дьяковских памятников в бассейне Москвы-реки//КСИА. 1988. № 194.
12. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.

13. *Гольмстен В. В.* Хронологическое значение эволюции древних форм. Самара, 1923.
14. *Ефименко П. П.* Рязанские могильники//МЭ. 1926. Т. III. Вып. I.
15. *Ефименко П. П.* К истории западного Поволжья в первом тысячелетии нашей эры по археологическим источникам//СА. 1937. Т. II.
16. *Трубникова Н. В.* Племена городецкой культуры//Тр. ГИМ. 1953. Вып. XXII.
17. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
18. *Хотинский Н. А.* Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны европейской части СССР//КСИА. 1978. Вып. 153.
19. *Сизов В. И.* Дьяково городище близ Москвы//Тр. IX Археологического съезда. Т. II. М., 1887.
20. *Краснов Ю. А.* Раскопки на Успенском городище в 1961—1962 гг.//КСИА. 1962. Вып. 102.
21. *Бадер О. Н.* Древние городища на верхней Волге//МИА. 1950. № 13.
22. *Качанова В. И.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище//Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954.
23. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований 1898 года, проведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губернии//Археологические известия и заметки 1899 г.
24. *Трубникова Н. В.* Городище «Укся Сют» у деревни Малые Яуши в Чувашии//СА. 1970. № 4.
25. *Трубникова Н. В.* Раскопки на городище Пожа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 гг.//Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары, 1964.
26. *Смирнов К. А.* Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе//СА. 1992. № 1.
27. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища//Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970.
28. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище//Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
29. *Смирнов К. А.* Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э.//Матер. VI междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.: Наука, 1989.
30. *Гуляев В. И.* К вопросу о связях городецких племен с югом в VII—IV вв. до н. э.//Историко-археологический сборник. М., 1962.
31. *Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища//КСИА. 1988. Вып. 194.
32. *Смирнов К. А.* Развитие производящего хозяйства у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э.//Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992.
33. *Кренке Н. А., Цепкин Е. А.* Рыболовство на Москве-реке с V в. до н. э. по VII в. н. э.//СА. 1991. № 1.
34. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
35. *Максимов А. Д.* Раскопки городища Орлов городок//АО-1982. М., 1984.
36. *Смирнов К. А.* Погребальный обряд дьяковской культуры//СА. 1990. № 2.
37. *Башенькин А. Н., Иванищев А. М., Кондакова Н. В.* Работы северо-русской экспедиции//АО-1986. М., 1988.

Институт археологии РАН,
Москва

SMIRNOV K. A.

SYSTEM OF PERIODS IN THE HISTORY OF THE GORODETZ DYAKOVO CULTURES

Summary

The author analyses the stratigraphy and the artifacts of the Gorodetz and Dyakovo cultures existed more than 1500 years and marks out five periods of their development. 8-7th centuries BC — the transitional period, the population moves from the sites to the high river banks. This period cultural layers were found on several fortified settlements. Tools are made of bone. 7-6th — 3-2nd centuries BC — the ancient period begins with the building of the primitive fortifications. The dwellings belong to different types that probably testifies that different ethnic groups take part in the culture's forming. Bone arms and tools prevail, but there are metal ones. The netted ceramics prevails in the upper Volga river region and makes up only 30% in the middle Oka region and to the South of it. 3rd century BC — 2-3rd centuries AD — the middle period is the culture's golden age; it begins with the building of the new fortifications. The bone tools are still prevail, but their number lessens at the turn of the eras and many iron objects appear. The number of the netted ceramics lessens. This time sees a certain Roman influence, especially to the South of the Oka river. 3rd century — beginning of the 7th centuries AD — the late period: the fortifications remain the same, iron tools prevail, the netted ceramics disappears and the plane ceramics prevails. Beginning of the 7th century — beginning of the 9th century AD the final period saw the Slavonic migration to the territory; the population is partially changed.

С. Б. БОЛЕЛОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среди погребальных памятников, датируемых в пределах первой половины I тыс. н. э., раскопанных на территории Средней Азии, обращают на себя внимание захоронения, совершенные по обряду кремации, которые датируются III—V вв. Эти погребения немногочисленны, поэтому целесообразно привести их краткое описание.

Во время раскопок могильников кушанского времени в Бишкентской долине на юге Таджикистана А. М. Мандельштам раскопал четыре кургана, относящиеся к более позднему времени, чем все остальные, содержащие остатки трупосожжения. Одно погребение раскопано в Тулхарском могильнике (кург. 1,48), два погребения у городища Хан-Газа и одно — несколько севернее Коккумского могильника. Все четыре погребения характеризуются несомненным единством обряда при одном и том же типе погребального сооружения. Во всех случаях это полное трупосожжение, совершенное где-то на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей в небольшой грунтовой яме. Последняя неизменно овальной формы, причем вытянута всегда с севера на юг, размеры ямы небольшие: 0,6—0,8 × 0,55—0,65 и глубина 0,3—0,4 м. Судя по чертежу, скопление кальцинированных костей и золы располагалось в северной части ямы. Ямы заполнялись камнями и перекрывались каменной выкладкой из одного слоя камней, близкой по форме к квадрату (рис. 1). Находки в погребениях крайне немногочисленны, судя по всему в каждой могиле был только один предмет. В кург. 1,48 Тулхарского могильника найден железный кинжал без перекрестья и навершия, а в яме под каменной насыпью-выкладкой № 1 у городища Хан-Газа обнаружена бронзовая монета плохой сохранности [1, с. 88—93], предположительно относящаяся к сасанидо-кушанской группе [2, с. 265]. По находкам исследователь памятников А. М. Мандельштам датировал погребения концом IV или началом V в. н. э. [1, с. 91].

В 1973 г. к северу от г. Шерабад Сурхандарьинской обл. Узбекистана был открыт могильник Лоилган. Он состоит из овальных, круглых, прямоугольных или квадратных оград, раскопано семь из них. Отсутствие могильных ям и наличие пепла на древнем горизонте позволили предположить здесь трупосожжение. По немногочисленному вещевому материалу из погребений (железный наконечник стрелы с узкой головкой и вырезом при переходе к длинному черешку и немногочисленные фрагменты керамики) могильник был ориентировочно датирован тюркским временем (VI—VII вв. н. э.) [3, с. 76], однако нельзя исключить и возможности некоторого удревнения его даты [4, с. 134]. Любопытно отметить, что наконечник стрелы и керамика находят аналогии в Приаралье [3, с. 76].

В 1947 г. во время Устюртского маршрута Хорезмской экспедиции на одном из мысов плато Устюрт было открыто обширное курганное поле длиной 6 км при ширине 2,5 км [5, с. 151]. В 1963 г. одним из отрядов Хорезмской экспедиции на могильнике были проведены археологические работы. Всего было вскрыто девять курганов, почти все они имеют грабительские воронки, вследствие чего первоначальная стратиграфия была нарушена. Под насыпями семи курганов

© С. Б. Болелов, 1994 г.

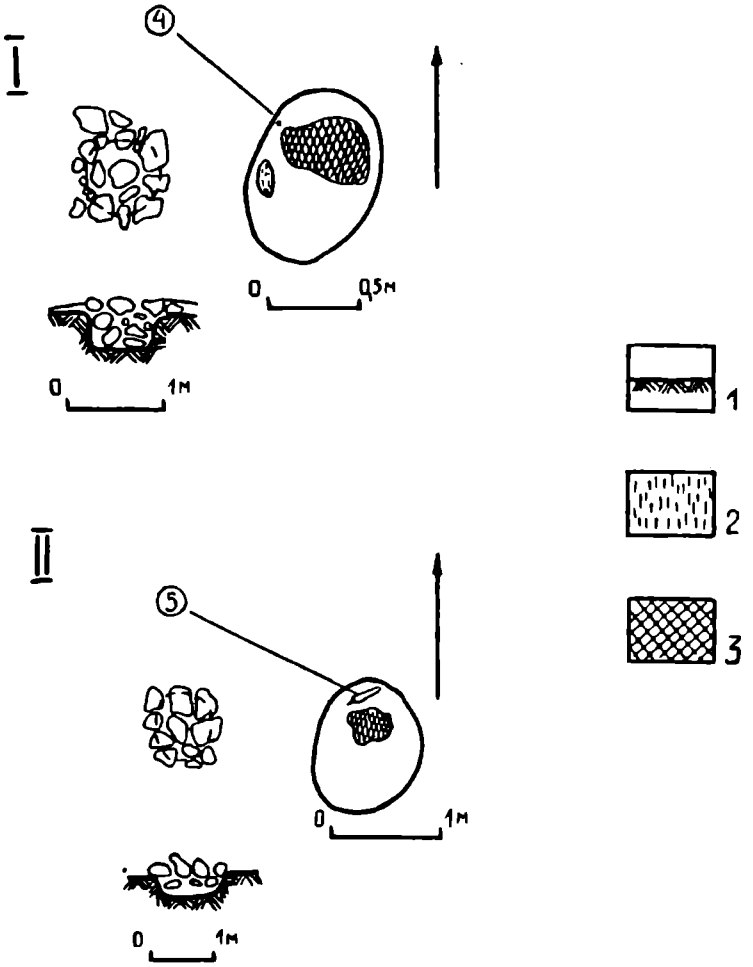


Рис. 1. I. Каменная насыпь-выкладка у городища Хан-Газа. II. Погребение в кург. 1,48 Тулхарский могильник (по А. М. Мандельштаму).

1 — материк; *2* — скопление древесного тлена; *3* — скопление кальцинированных костей; *4* — бронзовая монета; *5* — кинжал

оказались такырные прямоугольные площадки, окруженные прямоугольными неглубокими ровиками. В выбросах грабительских воронок, а иногда непосредственно на поверхности такырной площадки зафиксированы угольки и углисто-золистые слои. В одном случае часть кострища уцелела на месте — в северо-восточной части площадки. Это узкая (до 35 см) полоса метровой длины с золой и углями. По предположению исследователей могильника на площадку были перенесены еще горячие угли погребального костра, расположенного в другом месте. В этом слое была найдена пряжка, которая достаточно прочно датируется IV — началом V в. н. э. [5, с. 158]. Насыпи двух других курганов скрывали под собой отличные от остальных конструкции.

В одном случае (кург. № 2) это каменный склеп прямоугольной формы, который был заполнен песком. Пол погребальной камеры в отдельных местах прокален, обожжены и стены. В заполнении камеры обнаружены трубчатые кости, по мнению исследователей памятника попавшие туда после разграбления позднего впускного погребения. Чаш-тепинский склеп очень напоминает наземные сложенные из камня склепы древних скотоводов Узбоя [6, с. 97—114] и некоторые курумы Северной Ферганы [7, с. 137—178].

Под насыпью кург. № 4 могильника Чаш-тепе оказалась прямоугольная в плане (6,75 × 5,6 м) каменная ограда высотой от уровня современного такыра 0,3—0,4 м. Сложена из того же материала, что и склеп — прямоугольные каменные плитки. Уровень пола внутри ограды зафиксирован на 15 см ниже

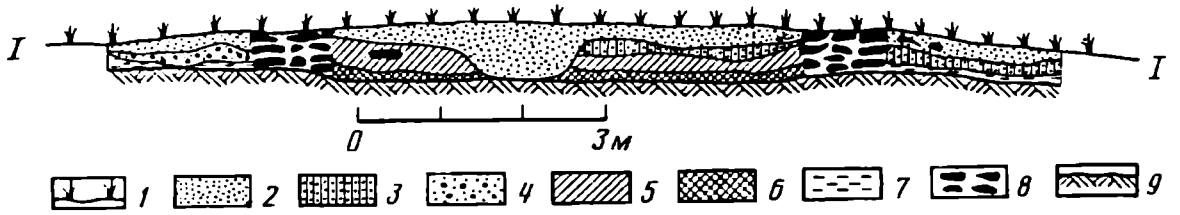


Рис. 2. Могильник Чаш-тепе, кург. 4 разрез *I—I*.

1 — современная дневная поверхность; *2* — слой надувного песка серого цвета; *3* — плотный слой песка коричневого цвета; *4* — слой рыхлого песка с комочками глины; *5* — слой плотного суглинка; *6* — культурный слой (угли, зола); *7* — перегнивший камыш; *8* — известняковые плитки; *9* — материк

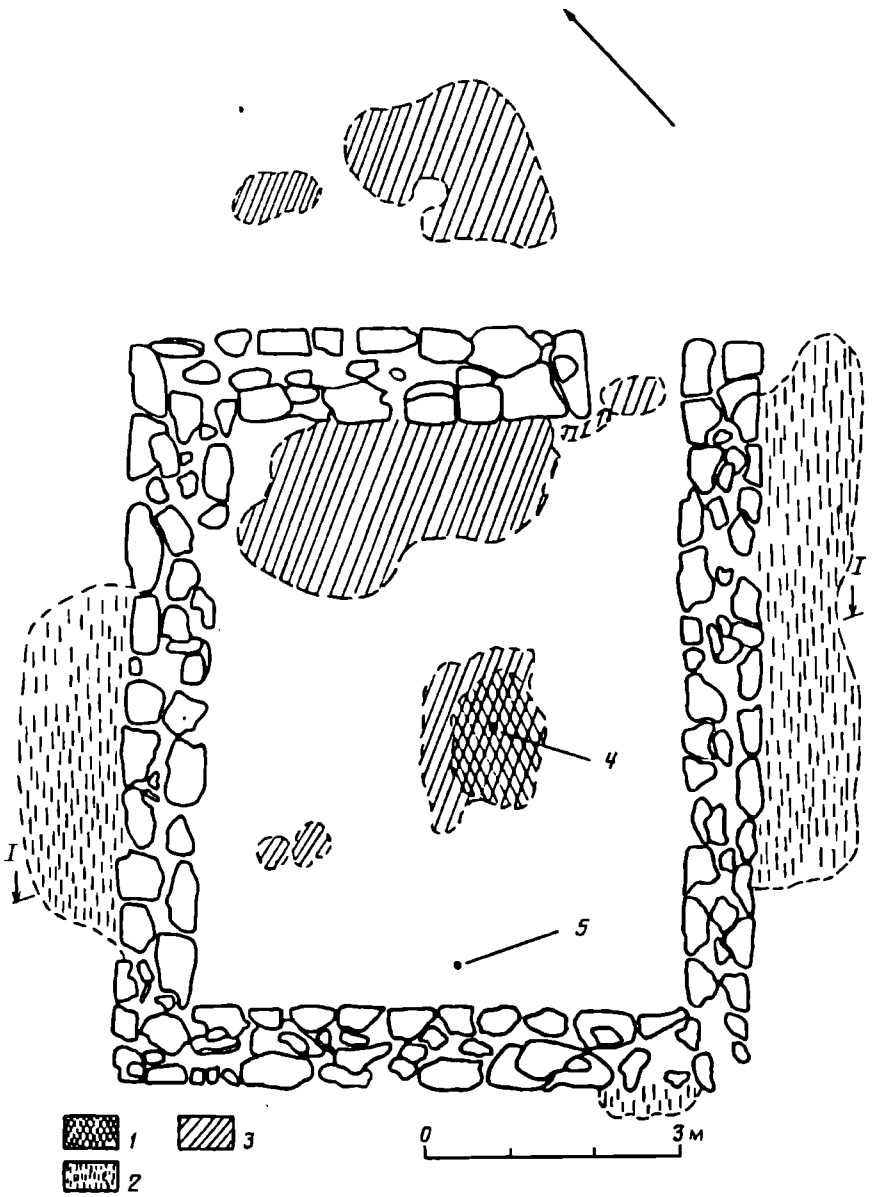


Рис. 3. Могильник Чаш-тепе, кург. 4, план. *I—I* — линия разреза;

1 — следы интенсивного горения, угли, зола; *2* — участки древней поверхности с перегнившим камышом; *3* — следы горения, зола; *4* — каменное точило; *5* — обломки предмета из кости

уровня древнего такыра (рис. 2). Во многих местах пол сильно прокален, а в центре камеры следы от большого кострища. Прокаленные участки зафиксированы и за пределами камеры (рис. 3) [5, с. 162]. По единичным находкам раскопанные на Чаш-тепе курганы можно, по всей видимости, датировать III—V вв. Полученные на Чаш-тепе данные не позволили исследователям более или менее точно определить обряд, по которому совершались погребения в могильнике. Однако есть основания полагать, что это была кремация с захоронением праха неподалеку от погребального кострища [5, с. 164, 165].

В 1970 г. на возвышенности Шахсенем-гыр в левобережном Хорезме был открыт крупный курганный могильник, включающий в себя до тысячи курганов, как отдельных, так и сосредоточенных в курганные группы [8, с. 169]. В дальнейшем работы на могильнике проводились отрядом археологов Института истории АН Туркменистана под руководством Х. Ю. Юсупова. Всего на Шахсенемском гыре раскопан 81 курган, среди них 2 кургана (№ 3 и 59) содержали трупосожжения [9, с. 128—139; 10, с. 69].

В кург. № 3 на древней поверхности обнаружено скопление спекшихся от огня и окисленных металлических предметов. Среди них найдено семь бронзовых пряжек с круглым щитком и подвижным язычком, с вытянутым щитком и просто круглых с подвижным язычком, серповидный нож или кинжал с широким лезвием, серьги или подвески в виде тяжелых колец с сомкнутыми концами [8, с. 170].

Кург. № 59 дал небольшую и неглубокую овальную яму (глубина 0,2—0,25 м, размеры 1,25 × 0,7 м), заполненную углями и золой. Здесь были найдены бронзовое зеркало, железные ножницы, несколько бусин, пряслице и бронзовый перстень [10, с. 69]. По вещам, найденным в погребениях, все раскопанные курганы датируются III—V вв [8, с. 170].

Необходимо отметить сходство между погребальными сооружениями могильника Лоилган и погребальным сооружением № 4 могильника Чаш-тепе. В обоих случаях участок древней дневной поверхности или такыра ограничивается каменной оградкой, внутри которых непосредственно на поверхности производится захоронение или, как на Чаш-тепе, фиксируется зольник. В обоих случаях невысокая прямоугольная ограда возведена из каменных плиток, положенных плашмя, причем, вероятнее всего, и в том и в другом случае не было курганной насыпи. Внутри оград отмечены следы горения — зола и пепел. Аналогичные погребальные сооружения больше нигде на территории Средней Азии не встречаются. Вместе с тем необходимо отметить, что каменные оградки различной формы хорошо известны в погребениях сарматского типа, например на Устюрте, однако здесь внутри оградок или под каменной выкладкой находилось чаще всего погребение в яме по обряду трупоположения [11, с. 193].

Внутри ограды Чаш-тепе (кург. № 4) отмечены следы интенсивного горения, на могильнике Лоилган это не зафиксировано, не исключено, что в последнем случае сожжение совершалось на стороне. И в том и в другом случае находки в погребениях единичны, но при этом обращает на себя внимание тот факт, что немногочисленные формы сосудов из могильника Лоилган находят себе аналогии среди керамических форм раннесредневекового Хорезма.

В некоторой степени близки между собой погребения в Бишкентской долине и курганы с остатками трупосожжений в могильнике Шах-Сенем, особенно это касается кург. № 59, где так же, как и в Северной Бактрии, захоронение совершено в небольшой и неглубокой яме.

Таким образом, в настоящее время на территории Средней Азии известно 22 кургана III—V вв. н. э., в которых совершено захоронение кремированных останков. Все они расположены на территории Северной Бактрии и Левобережного Хорезма. Следует заметить, что и в той и в другой области в это время безусловно преобладает обряд ингумации или захоронение предварительно очищенных костей. Все описанные выше погребения по типу погребального сооружения подразделяются на три основных группы. 1. Захоронения в неглубоких овальных ямах

под каменной выкладкой или курганной насыпью (курганы Бишкентской долины и курганы на возвышенности Шах-Сенем — шесть курганов). 2. Захоронения на уровне древнего горизонта на прямоугольной такырной площадке под курганной насыпью (могильник Чаш-тепе — семь курганов). 3. Захоронения на уровне древнего горизонта внутри невысокой каменной ограды (могильник Лоилган и кург. № 4 могильника Чаш-тепе — всего восемь курганов).

Несколько особняком стоит каменный склеп (кург. № 2 могильника Чаш-тепе). Исследователи памятника считают, что он имел плоское перекрытие и не был заполнен грунтом. Нельзя также с полной уверенностью говорить и о характере захоронения в склепе. Возможно, это была кремация — на полу и на стенах зафиксированы следы прокаленности, однако нельзя исключать и наземного трупоположения. В пользу последнего свидетельствует находка необожженных костей человека, правда во вторичном залегании, и не исключено, что они остались от относительно позднего впускного захоронения. Выше уже отмечалось, что по конструкции Чаш-тепинский склеп близок погребальным сооружениям населения Узбоя и курумам Западной Ферганы, однако следы огня в склепе позволяют предполагать здесь несколько отличный обряд захоронения. В курганах первой и второй групп захоронены остатки кремации, совершенной где-то на стороне, т. е. вне могилы. Возможно, зола переносилась на место захоронения еще горячей, во всяком случае при раскопках Чаш-тепе это установлено точно [5, с. 157].

Несколько сложнее обстоит дело с реконструкцией обряда захоронения останков в курганах третьей группы. К сожалению, результаты раскопок на могильнике Лоилган полностью не опубликованы и невозможно сейчас сказать, совершалась ли здесь кремация непосредственно на месте или же на стороне. Исследователи могильника Чаш-тепе лишь предполагают, что кремация совершалась внутри ограды. В пользу этого предположения свидетельствуют следы интенсивного горения в центре камеры. Вполне возможно, что кремация производилась внутри ограды неоднократно [5, с. 162].

Обряд кремации был достаточно широко распространен на территории Южного Приаралья в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Достаточно вспомнить могильники, расположенные в области древней дельты Сырдарьи: Тагискен [12, с. 81—83], Уйгарак [13, с. 65, 66], Южный Тагискен [12, с. 185], погребения в «шлаковых» курганах на той же территории [14, с. 178—190]. Обряд кремации известен на этой территории и в более позднее время. Следы трупосожжения зафиксированы в погребальных памятниках в бассейне Жанадарьи, таких как Чирик-рабат 2, Чагырлы 2, Баланды 2 и ряде других [12, с. 178, 179]. Все эти погребальные памятники имеют дату не позднее III в. до н. э. На территории Левобережного Хорезма известны курганы, содержащие трупосожжения, совершенные непосредственно на месте, иногда в специальных постройках, но всегда захоронение производилось на уровне древнего горизонта или в ямах [15, с. 33; 16, с. 455]. Кроме того, на этой же территории раскопано несколько курганов, содержащих остатки трупосожжения, совершенного на стороне (могильник Тарым-кая 1, кург. № 30). Наиболее поздние подкурганные захоронения по обряду кремации, выявленные в южной группе могильника Туз-гыр в Левобережном Хорезме, датируются не позднее VI—IV вв. до н. э. [8, с. 167]. Таким образом, наиболее поздние захоронения, совершенные по обряду кремации на территории Южного и Юго-Восточного Приаралья, датируются III в. до н. э. Позднее, вплоть до III в. н. э., в низовьях Сырдарьи абсолютно господствует обряд ингумации, а на территории Древнего Хорезма довольно широко в это время был распространен обряд захоронения предварительно очищенных костей.

На территории Северной Бактрии обряд кремации до III в. н. э. вообще неизвестен. Здесь начиная с эпохи бронзы господствовал обряд ингумации, а в последующие периоды достаточно широко был распространен обряд захоронения предварительно очищенных костей. Любопытно отметить, что обряд кремации совершенно неизвестен здесь и в более позднее время, а именно в эпоху раннего средневековья [17, с. 157—165].

Некоторые детали устройства погребальных сооружений Чаш-тепе (курганы второй группы по нашей классификации), по мнению исследователей могильника, находят определенные соответствия с сакскими курганами низовий Сырдарьи. Однако, как совершенно справедливо отмечают Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, это мало что дает из-за большого хронологического разрыва между сопоставляемыми памятниками [5, с. 166]. Действительно большой временной промежуток — не менее шести веков — не позволяет нам связывать посткушанские погребения по обряду кремации непосредственно с трупосожжениями сакского времени на территории Приаралья.

Все эти факты дают основание предполагать, что обряд трупосожжения, вновь появившийся на территории Средней Азии в III—IV вв. н. э., был привнесен на территорию Левобережного Хорезма и Северной Бактрии извне. Еще более, на наш взгляд, подтверждает это предположение и тот факт, что в других областях Средней Азии обряд кремации в это время совершенно неизвестен.

Курганы с трупосожжениями отсутствуют на территории Азиатской Сарматии. Хотя, по мнению К. Ф. Смирнова, культ огня и солнца особенно четко проявляется в различных формах присутствия огня в погребениях: сожжение надмогильных сооружений (перекрытий), засыпка могил остатками костра, сопровождавшиеся иногда частичным обожжением покойников. Тем не менее, как отмечает тот же автор, «трупосожжение совершенно чуждо сарматам» [18, с. 158; 19, с. 169—202], более того, позднее культовый огонь постепенно заменяется в сарматских погребениях белым веществом (кусками мела и его порошком). Следы огня отмечаются и в отдельных курганах на плато Устюрт, которые по устройству погребального сооружения и погребальному обряду обнаруживают значительную близость с погребальными памятниками сарматского круга нижнего Поволжья и Северного Казахстана [11, с. 194—196].

Погребения, содержащие остатки трупосожжения, довольно часто встречаются в некрополях юго-западного Крыма, причем известны захоронения кальцинированных костей как в амфорах, так и просто в небольших ямках [20, с. 75, 99; 21, с. 157]. По чисто формальным признакам последние отдаленно напоминают погребения по обряду кремации в Бишкентской долине на юге Таджикистана (Бактрия), однако, как нам представляется, они не связаны между собой и имеют совершенно самостоятельные линии развития. Трупосожжения, раскопанные в Крыму, как считают многие исследователи, генетически связаны с погребальным обрядом местных римских колоний [20, с. 99], и вряд ли трупосожжения, известные на юге Таджикистана, даже чисто гипотетически, можно было бы связывать с влиянием римского погребального обряда.

Более близки среднеазиатским, как представляется сейчас, погребения кремированных останков, распространенные на территории Южной Сибири — в Минусинской котловине и на территории Забайкалья в первой половине I тыс. н. э.

На территории Тувы, на позднем этапе Шурмакской культуры, наряду с трупоположением появляются курганы с трупосожжениями под каменными насыпями. Кремация совершалась на стороне, угли переносились еще не остывшими на место погребения, захоронение совершалось на уровне древней дневной поверхности [22, с. 114, 115]. Кроме курганов, содержащих остатки трупосожжения на горизонте, к позднешурмакскому периоду относятся курганы, под которыми содержатся погребения в гробницах из каменных плит, опущенных в грунтовые ямы, в которых обнаружены погребения кремированных останков, а также трупоположения по старому обряду [22, с. 115]. Несмотря на географически отдаленную аналогию, отметим некоторое сходство отдельных курганов с трупосожжениями на территории Средней Азии с позднешурмакскими именно в обряде захоронения останков. Это прежде всего касается кург. № 3 могильника Шах-Сенем, где кремация также совершена на стороне и захоронение было произведено на уровне древнего горизонта. В меньшей степени близки позднешурмакским курганам с трупосожжением на древнем горизонте курганы в Бишкентской долине, где захоронение производилось в неглубокой яме под каменной

насыпью-выкладкой. С другой стороны, курганы Бишкентской долины в какой-то степени близки позднешурмакским курганам с трупосожжениями в «гробницах», которые по существу являются небольшими ямами, стенки которых обложены камнями. Так, например, «гробница» с трупосожжением, впущенная в кург. № 53 в Кокэле, имеет размеры 1,2 × 0,7—0,4 м. В этом кургане были найдены кусочки железа, обломок точила и миниатюрный ножик. Характерной чертой, отличающей среднеазиатские курганы, является полное отсутствие в погребениях керамики, тогда как в позднешурмакских курганах, во всяком случае с трупосожжениями на горизонте, керамика обязательно присутствует [22, с. 112—115].

На территории Тувы в долине Хачы-Хову была раскопана группа погребений, содержащих, по мнению А. Д. Грача, трупосожжения [23, с. 207—213]. Воздерживаясь от этнических определений, отметим, однако, некоторое сходство раскопанных в Хачы-Хову кольцевых каменных выкладок с курганами Бишкентской долины. В центре каждой из выкладок были обнаружены ямки глубиной до 0,5 м, заполненные золой, в которой зафиксированы обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях, что особенно следует отметить, ямки перекрыты каменными плитками [23, с. 209, 210].

Обряд кремации преобладает на территории Хакасско-Минусинской котловины в Таштыкскую эпоху, особенно на последних ее этапах. Для нас особый интерес представляют погребения под подквадратными каменными выкладками и оградами камешковского переходного этапа. В этот период захоронения совершались в небольших и не очень глубоких ямах квадратной или прямоугольной формы, причем стенки ям в большинстве своем не укреплены [24, с. 28—33]. Обращает на себя внимание конструкция надмогильных сооружений, чаще всего это невысокая каменная ограда, причем иногда довольно больших размеров. Например, ограда кургана у р. Быстрая, относящаяся, по мнению Л. Р. Кызласова, к самому началу формирования новых форм надмогильного сооружения, имела достаточно внушительные размеры 11,6 × 9 м, где было обнаружено 34 трупосожжения. Наконец, нельзя не отметить еще одну любопытную деталь — каменные ограды камешковского этапа возводились самым тщательным образом из каменных плиток, не исключено, что первоначально они скреплялись глиняным раствором. Напомним в связи с этим, что ограда кург. № 4 могильника Чаш-тепе также сложена из прямоугольных известняковых плиток на глиняном растворе. Уровень пола внутри каменной ограды был немного ниже уровня древнего такыра, не исключено, что углубление было сделано искусственно. В свою очередь курганы в Бишкентской долине и кург. № 59 могильника Шак-Сенем имели овальные неглубокие ямы, в которые помещались остатки трупосожжения, и кроме того, курганы в Северной Бактрии были перекрыты прямоугольной каменной выкладкой, что является характерной чертой курганов камешковского периода в Минусинской котловине. Все приведенные выше параллели и аналогии кажутся неслучайными. Во всяком случае другие, даже отдаленные, аналогии среднеазиатским трупосожжениям нам не известны. Все эти данные позволяют нам предположить, что одним из направлений культурных и этнических связей Средней Азии в III—V вв. были отдельные области Южной Сибири, а именно Хакасско-Минусинская котловина и территория современной Тувы.

Это предположение уже высказывалось в литературе Е. Е. Неразик на основе материалов, полученных при раскопках городища Куня-Уаз и Канга-калы, и касалось прежде всего Левобережного Хорезма [25, с. 197—200]. Эти выводы подкрепляются данными антропологии, полученными также на территории Левобережного Хорезма. Т. А. Трофимова относила черепа из Канга-калы и Куня-Уаза к метисным формам, образовавшимся от смешения населения северо/китайского или близкого к нему типов с европеоидными восточно-средиземноморским или каспийским, кроме того, она же отметила некоторые черты сходства с уральским (ханты, манси) и северо/азиатскими типами [26, с. 679—683]. Интересно, что, по мнению Г. Ф. Дебеца, монголоидные черепа из минусинской котловины также обнаруживают сходство с черепами хантов [27, с. 129]. На

территории Северной Бактрии в краниологических сериях, относящихся к середине I тыс. н. э., монголоидность не ярко выражена, однако, по мнению Т. К. Ходжайова, в серии черепов IV—V вв. из Старого Термеза можно усмотреть наличие монголоидной примеси [28, с. 140]. Все приведенные выше факты позволяют нам сделать некоторые предварительные выводы, соответствующие сегодняшнему уровню изученности проблемы.

В посткушанское время (III—V вв. н. э.) в древнеземледельческих оазисах Средней Азии археологически зафиксировано проникновение инородных, возможно, кочевнических групп населения с севера, связанное, вероятнее всего, с продвижением гуннов на запад. Наиболее ярко это проявляется на северо-западных границах Хорезмского оазиса и в меньшей степени — на территории Северной Бактрии. Среди прочих в этих областях раскопаны погребения по обряду кремации, которые обнаруживают достаточно близкие аналогии между собой и, кроме того, с погребениями по обряду трупосожжения на территории Южной Сибири. По археологическим и антропологическим данным можно предполагать, что в середине I тыс. н. э. (III—V вв. н. э.) на территорию Средней Азии проникают отдельные группы населения из областей Южной Сибири (Минусинская котловина и территория современной Тувы). Наиболее вероятно, что вначале они проникли на территорию Левобережного Хорезма, а затем уже какая-то их часть — на территорию Северной Бактрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам А. М.* Послекушанские погребения в Северной Бактрии.//КСИА. 1963. Вып. 94.
2. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
3. *Дуке Х.* Новый могильник тюрского времени в Южном Узбекистане.//Успехи среднеазиатской археологии. 1973. Вып. 3.
4. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
5. *Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А.* Курганы возвышенности Чаш-тепе//Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
6. *Юсупов Х. Ю.* Древности Узбоя. М., 1986.
7. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
8. *Вайнберг Б. И.* Курганные могильники Северной Туркмении//Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
9. *Юсупов Х. Ю.* Курганы Шахсенем-кыра//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
10. *Юсупов Х. Ю.* Новые данные о курганах Шахсенем-кыр//Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад, 1984.
11. *Югодин В. Н.* Памятники кочевых племен древности и средневековья//Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
12. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
13. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII—V вв. до н. э. М., 1973.
14. *Левина Л. М.* Поселения VII—V вв. до н. э. и шлаковые курганы южных районов Сырдарьинской дельты//Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
15. *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры//Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
16. *Яблонский Л. Т.* Раскопки курганов в Северной Туркмении//АО — 1984. М., 1986.
17. *Соловьев В. С.* Погребальный обряд раннесредневекового Тохаристана//Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
18. *Смирнов К. Ф.* Сарматы — огнепоклонники//Археология Северной и Центральной Азии. М., 1975.
19. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
20. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972.
21. *Мыц В. Л.* Могильник III—V вв. на склоне Чатырдага//Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
22. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.
23. *Грач А. Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
24. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
25. *Неразик Е. Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV—VIII вв.//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
26. *Трофимова Т. А.* Материалы по палеоантропологии Древнего Хорезма.//Тр. ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
27. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
28. *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

BOLELOV S. B.

CREMATION BURIALS IN THE MIDDLE ASIA

Summary

The author generalizes all the materials about the cremations in the Middle Asia. 22 barrows dated to the ist millennium AD were excavated in this region. All of them were situated in the left-bank Khorezm and Bactria. All the burials have certain common features and are divided intol Sea region. The large time gap of not less than five centuries three groups according to the type of the burial and under-grave constructions. The author gives a short review of the earlier cremation burials (the late Bronze — the early Iron Age) situated in the southern and south-eastern Ara es hinder time cremation burials inspite of some common features in the burial to connect the cremations of the 3—5 centuries AD directly with the Sacs constructions. Let draw a conclusion that the cremation rite was brought here from outside. The most close analogies are the cremation burials Both this fact and the absence of the cremations in the other Middle Asia region of the late Shurmak time (3—5 centuries AD) situated on the modern Tuva territory and the late Tashtyk barrows excavated near Minusinsk. The author analyzes the materials and suggests that some Northern Siberia groups of population migrated to the Middle Asia, first of all to the left-bank Khorezm and than to the Northern Bactria. It can be connected with the Hunnish tribes migration to the West.

В. Е. НАХАПЕТЯН

ОБРАЗ МИРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ХАЗАРИИ

Материалы по изобразительному искусству Хазарского каганата, особенно его донских земель, достигли той критической массы, когда отдельные сюжеты и даже композиции начинают повторяться, встречаться в различных сочетаниях, что открывает возможность проследить их взаимосвязь. Наряду с такими уникальными произведениями, как коцкий ковш или чирюртовские седельные накладки, образцами высокохудожественной гравировки и торевтики, обслуживавшей запросы высших слоев общества, открыты целые серии изображений, созданных простыми людьми для их собственных нужд. Эти рисунки, процарапанные на различных строительных материалах и предметах повседневного спроса, так же как и бронзовые амулеты,— наиболее объективный источник для изучения мировоззрения населявших каганат народов.

Одной из первых задач на пути реконструкции мировоззрения должна стать разработка иконографии образов рисунка и пластики. Иконографический метод работы с археологическими материалами почти неизвестной по письменным памятникам культуры неизбежно уводит в область иконологии, определения значения элементов изобразительности и к попытке реконструкции предания на основе параллелей в известных мифологиях. В хазароведении задача несколько облегчена опытами подобных разработок в отечественной школе, в частности в скифологии. Определены основные принципы подхода к источнику и методика постепенного продвижения от общего к частному с корректировкой выводов на разных уровнях исследования [1, 2]. Уровень интерпретации, выводящий на религиозные верования конкретных культурно-исторических общностей, признан крайне сложным даже для гораздо более полных источников по мировоззрению скифов [3]. Задача определить распространенность и вес того или иного предания в этнически пестром Хазарском каганате пока представляется просто неразрешимой. Поэтому при попытке связать некоторые образы хазарского искусства с известными мифологическими сюжетами, которая предпринята в данной статье, я буду придерживаться первого, самого общего уровня интерпретации. Кроме того, такие особенности мифологических и соответствующих им изобразительных образов, как полиморфизм, вариативность количественных и качественных характеристик, парциальность, способность к инверсии и трансформации, не позволяющие механически отождествлять морфологически близкие образы разных культурных и хронологических пластов [1, 4, 5], делают целесообразным начинать анализ изображений не с пантеона сверхъестественных существ, а с наиболее общих сюжетов. Таковым и является образ мифологической вселенной.

Исходной посылкой вычленения схем, принятых у населения Хазарского каганата для передачи образа мира, стал общепризнанный факт, что как в индоиранской, так и в тюркской и финно-угорской мифологии существовало представление о вселенной, имеющей четырехчастную горизонтальную и трехчастную вертикальную структуру (без учета последующих градаций). При этом вертикальная ось как в вербальных, так и в изобразительных текстах представлена как дерево, шест с солярным знаком наверху, коновязь, ступени, лестница, веревка. Структурированный по горизонтали мир представлялся как четыре стороны, квадрат [2, с. 30; 6].

© В. Е. Нахапетян, 1994 г.

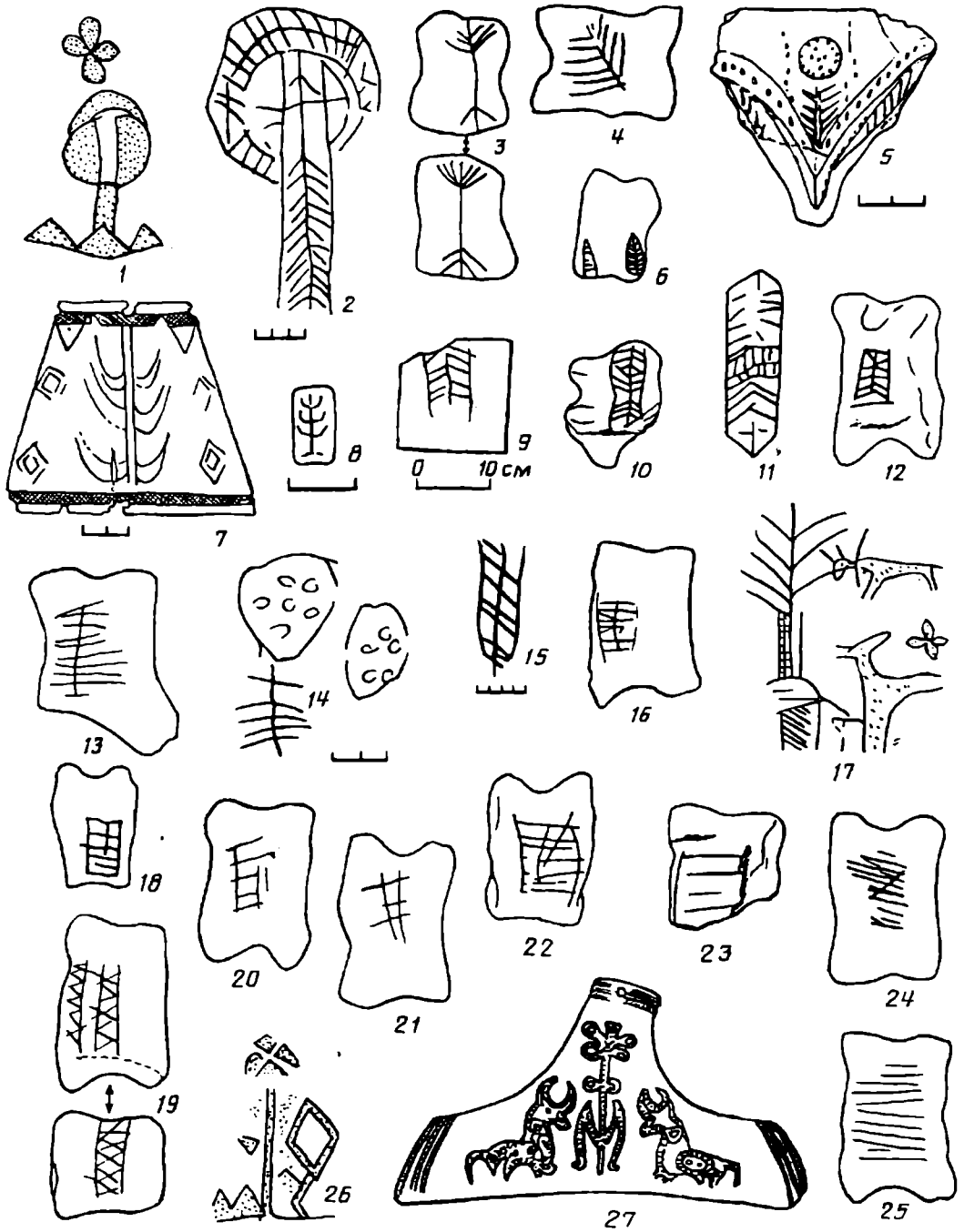


Рис. 1. Изображения мировой вертикали: *1—4*, *13*, *16*, *19—21*, *25* — рисунок на костяном сосудике и астрагалы, Саркел; *2*, *14* — граффити на камне, Подунавье; *5* — глиняный ритончик, Керчь [42]; *6*, *10*, *11*, *18* — фрагмент гравировки на костяном сосудике и астрагалы, среднее течение Северского Донца [42а]; *7* — фрагмент декора костяного сосудика с городища Маяки; *8* — рисунок на щитке перстня, Дмитриевский могильник; *9* — кирпич, Саркел; *12*, *23* — астрагалы, Правобережное Цимлянское городище; *15* — граффити на камне, Маяцкое городище; *17*, *27* — костяные сосудики, Подунавье [43, рис. 122]; *22*, *24* — астрагалы, Верхнее Салтово; *26* — гравировка на костяном сосудике, Волжская Болгария [44, с. 26]

Пытаясь избежать излишней произвольности при отборе материала, я руководствовалась следующими критериями: 1) изображение найдено в контексте, позволяющем раскрыть его семантическую нагрузку; 2) замещаемость образов, гипотетически относимых к одному семантическому ряду, на предметах одной категории (чаще всего это астрагалы) при их неоднократной фиксации; особенно ценны случаи замещаемости образа в композиции с близким контекстом; 3) совмещенность двух образов в одном; в определенных случаях такая миксоморфность

может не запутать, а, наоборот, прояснить ситуацию; 4) повторяемость сюжета на разных памятниках культуры; 5) бытование сюжета в изобразительном искусстве родственных синхронных культур; последние два положения свидетельствуют о канонизации образа в искусстве, что даже при его невыясненной семантике позволяет разрабатывать иконографию; 6) соотносимость сюжета с известными мифологическими образами; при этом опираться следует на контекст изучаемой культуры, корректируя выводы в первую очередь с ним.

В салтово-маяцкой культуре изображения, гипотетически соотносимые с мировой вертикалью и отвечающие вышеперечисленным требованиям отбора материала, представлены следующими схемами.

1. Дерево с округлой кроной и солярным знаком четырехлистника наверху (рис. 1, *1*). Аналогичное изображение имеется в Болгарии [7, № 309], где оно совмещено с «елочкой» (рис. 1, *2*).

2. Более схематичное изображение дерева с отходящими от ствола под углом прямыми линиями-ветвями. Ветви могут быть опущены или подняты вверх, а также обведены контуром, очерчивающим крону (рис. 1, *3—6*). Такие схемы встречаются в орнаментальных мотивах на чернолощеной керамике [8, рис. 5, 21; 9], что наряду с аналогиями в Волжской Болгарии [10] и Первом Болгарском царстве [11] свидетельствует об устойчивости схемы.

3. Близкая схема, но выделяемая особо из-за возможных противоречий в трактовке: ствол с отходящими попарно шестью изогнутыми вверх ветвями (рис, 1, *7*, *8*). Ее изображение мы видим на костяном предмете с городища Маяки [12, рис. 20, *15*] и на перстне-печатке из Дмитриевского могильника [13, рис. 61]. Нет особых оснований приписывать этот образ исключительно влиянию иудейской религии и отождествлять его с семисвечником, хотя последний и был известен в Хазарии [14, с. 277]. Помимо общего сакрального значения числа семь эта иконографическая особенность могла быть вызвана повсеместным распространением образа мирового дерева именно с семью ветвями [6, с. 27]. Он, в частности, был известен в венгерском фольклоре, где семи ветвям соответствуют семь богородиц. Есть он и в Индии: «Катха Упанишада» упоминает дерево материального проявления с семью ветвями, которым соответствуют земля, огонь, воздух, эфир, ум, разум и эго.

4. Та же схема с отходящими под углом ветвями, но ограниченная по бокам двумя вертикалями. Есть случаи, когда контур полностью замкнут. Тогда изображение как бы совмещает в себе образ дерева и столба (рис. 1, *9—12*).

5. Вертикальный ствол, пересекающий горизонтальные прямые линии-ветви (рис. 1, *13*). Аналогичное известным в Подонье изображение, но увенчанное солярным знаком, найдено в Болгарии [7, № 305].

6. Та же схема, но ограниченная по бокам двумя вертикалями, что придает ей сходство с лестницей. «Лесенка» такой конфигурации совмещена со стволом реалистически выполненного дерева, изображенного на костяном сосудике из Мокрина [15, рис. 39] (рис. 1, *15—18*).

7. Разнотипные «лесенки» с двумя вертикалями по бокам (рис. 1, *19—23*).

8. Одни «ступени» без вертикалей, представленные сериями параллельных черточек (рис. 1, *24*, *25*). Аналогичным образом передавались ступени на небо на шаманских бубнах и менгирах [16].

9. Помимо восьми перечисленных схем, найденных на различных артефактах салтово-маяцкой культуры неоднократно, можно ожидать обнаружение схемы в виде шеста с солярным знаком наверху, известной по изображениям на раннесредневековых изделиях Поволжья и Подунавья (рис. 1, *26*, *27*).

Вышеперечисленные схемы имеют широкий ареал, охватывающий степной и лесостепной варианты салтово-маяцкой культуры, а также Волжскую Болгарию и Первое Болгарское царство; есть аналогии и на раннеславянских памятниках. Характерно замещение в сходных контекстах более реалистичных 1-й — 3-й схем более условными 4-й — 9-й. Такая «свобода перехода от фигуративного изображения к условному, а затем вновь к фигуративному», по мнению Е. В. Антоновой [4,

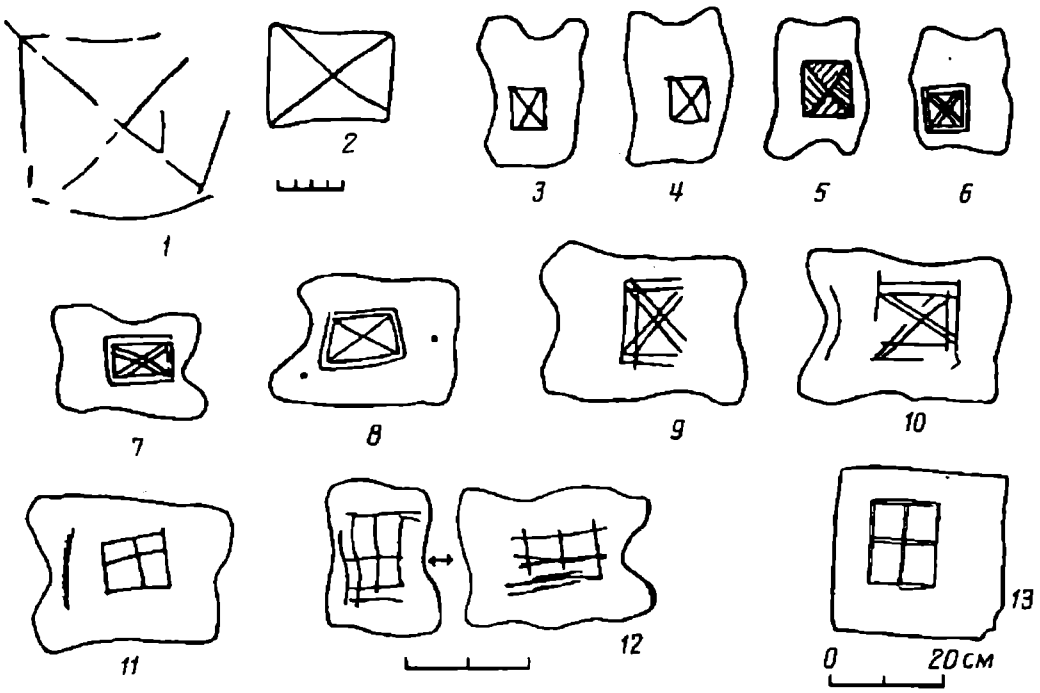


Рис. 2. Горизонтальный план мира: *1*, *2* — граффити на камне, Маяцкое городище; *3—12* — астрагалы, среднее течение Северского Донца [42а], Верхнее Салтово, Саркел; *13* — кирпич, Саркел

с. 53], является свидетельством устойчивости семантики. Наиболее реалистичные схемы входят в композиции на костяных коробочках-реликвариях. О связи этих композиций с идеей трехчленного деления мира уже говорилось [17, 18], поэтому не буду подробно повторять аргументацию, построенную, в частности, и на том положении, что на них изображались маркирующие сферы животные: птицы для верхней, рыбы для нижней, копытные и хищники для средней. Связь рыб и птиц с мировым древом особенно четко прослеживается в иранской мифологии. Дерево всех семян сторожит чудесная рыба Кара, на дереве живет «царь птиц» Сэнмурв, птица Камрош относит семена к источнику, откуда они попадают на землю. Сложнее обстоит дело с животными классификаторами среднего мира. Но они ввиду малочисленности находок реалистически выполненных композиций в салтово-маяцких древностях присутствуют только в трех сценах, именно там, где нет образа мировой вертикали, и при отсутствии классификаторов четко показывающей связь миров.

Переходя к горизонтальному плану, отметим, что выделить среди известных изображений салтовской культуры те, которые, подходя под данный архетип, имели бы в плане круг, не представляется возможным. Здесь не получили распространения схемы типа мандалы: квадрат, вписанный в круг, нет и обратного сочетания. Символы в виде креста и креста, вписанного в круг, напротив, были широко известны, но они амбивалентны и скорее могут быть соотнесены с солярными знаками, поскольку встречаются на территории Хазарии преимущественно в качестве клейм, употреблявшихся связанными со стихией огня гончарами и в наборах солярных амулетов. Наиболее часто замещают «лесенки», «ступени» и «елочки» на астрагалах знаки четырехугольной формы, которая олицетворяла организованную, в отличие от природной округлой, вселенную.

Подквадратная горизонтальная модель мира была известна и скифам, и осетинам [2; 19; 20, с. 108]. Последние сохранили сказание о сватовстве Сослана к дочери солнца. Калым, востребованный за невесту, представлял собой четырехугольный дворец с посаженными по углам листьями дерева из подземного мира и заселенный 300 зверей. Появиться он должен был в обведенном кольцом Сатаны круге. Очень четко сформулирована идея об округлой природной и четырехугольной человеческой вселенной в китайской традиции [21, с. 66, 73].

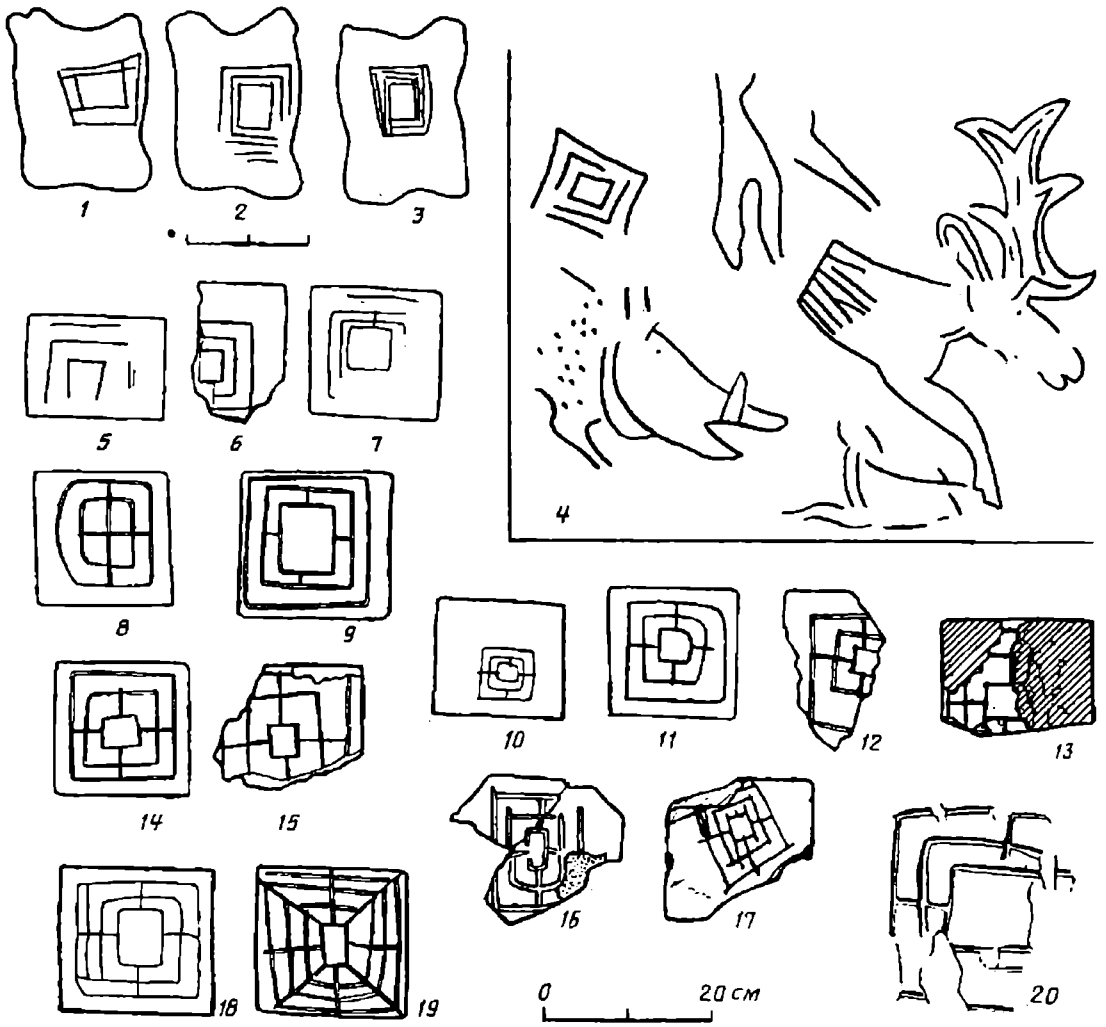


Рис. 3. «Вавилоны»: *1—3* — астрагалы, Саркел; *4* — сцена «небесной охоты», Подунавье; *5—20* — кирпич, Саркел

Но при всей бесспорности существования образа прямоугольной модели мира в изобразительном искусстве могут быть подвохи. Например, известен случай, когда квадрат, явно связанный с религиозной практикой, поскольку был изображен на бубне шамана, обозначал не вселенную, а «рукописание белого Ульгеня». «Рукописание» обозначали два зигзага внутри квадрата [22, с. 139]. Основным маркирующим признаком для горизонтальной схемы мирового древа должно быть наличие центра [6]. Выделение центра могло достигаться нанесением осей симметрии, которые одновременно или ограничивали сектора сторон света, или указывали на них (рис. 2).

Связь известных в салтово-маяцкой культуре квадратов с осями симметрии как с изображениями мировой вертикали, так и с животными-классификаторами прослеживается иконографически только по принципу замещения. Это вполне закономерно, так как, по справедливому замечанию И. М. Дьяконова, трехчленность мира и наличие четырех сторон света вряд ли можно отнести к однопорядковым явлениям [5, с. 221].

Теперь я позволю себе продолжить эту же цитату, в которой в связи с проблемой семичастности мира приводится мнение Я. В. Василькова о существовании контекста, совмещающего эти параметры: «В архаическом обряде ваджапея древнеиндийский царь поднимается по трем ступеням лестницы на вершину столба (прочно ассоциировавшегося в сознании индийцев с трехчастным вертикальным делением мира при его сотворении — „тремя шагами Вишну“) и там обращал лицо последовательно к четырем сторонам света. В эпическом повест-

вовании, имплицитно отражающем подобный же обряд (Махабхарата III, 39—45), герой Арджуна, последовательно поклонившись божествам сторон света, возносится затем в небесный мир Индры» [5, с. 221 сл.].

Иконографически подобный архетип был вполне выражен в схеме, породившей много споров в литературе, так называемом «вавилоне» или «мельнице» (рис. 3). В своей основе она совпадает с иконографией горы Сумеру в ламаизме, несомненно восходящей к только что упомянутому представлению. Понятие о вписанных друг в друга прямоугольниках уже само по себе входило в структурирование мира по горизонтали [6, с. 15]. Здесь я снова обращусь к далекому Китаю и приведу еще одну цитату, из «Люйши Чуньцю» (17, 6) (цит. по [21, с. 157]). «В древности те, кто приобрел власть [над миром], избрали центр Поднебесной для того, чтобы заложить стольный град, центр града — чтобы заложить дворец, центр дворца — чтобы заложить храм предков. Участок земли Поднебесной со стороной квадрата в 1000 ли считался царством-градом, ибо именно такие размеры позволяли достигнуть максимального порядка и исполнения закона». Кроме того, существовал еще внешний квадрат, ограничивающий цивилизованные государства от мира варваров [21, с. 158]. Заметим две существенные для нас детали: во-первых, это вариативность числа квадратов в разных текстах одной культуры, что мы и наблюдаем в салтово-маяцкой графике, и, во-вторых, все большая сакрализация пространства по направлению к центру, где помещался престол. Эта иерархия пространств от священной особы царя или не менее божественной пустоты (в контрклассике) до хаотического состояния, в котором пребывают народы за последней чертой квадратного мира, позволяет вытянуть данную схему по вертикали.

«Вавилоны» хорошо известны в Первом Болгарском царстве и в Волжской Болгарии. Анализируя последние, Г. М. Давлетшин, опираясь на исследования Б. А. Рыбакова [23, с. 83—112], считает их своего рода логарифмической линейкой строителей и предпринимает поиск математических закономерностей в их пропорциях [24, с. 125, 126]. На мой взгляд, поиски пропорций для «вавилонов» известных на болгарских памятниках, малоперспективны. Не очень убедительно высчитывать соотношение сторон и диагоналей по схемам, где диагонали практически никогда не наносились. На всех «вавилонах», известных в Подонье, Подунавье, на Тамани, Северном Кавказе, в Древней Руси, изображены лишь оси симметрии, идущие через центр сторон. Они были совершенно бесполезны при замерах иррациональных соотношений сторон и диагоналей, тогда как в иконографическом плане эти линии имеют смысл при сопоставлении схемы с образом вселенной, поскольку часто упоминаемым элементом в текстах о сотворении мира являются четыре реки, потекшие в этот момент из первоначального холма [25, с. 158]. То же самое — четыре реки в библейском рае (Быт., 2, *10—14*). Кроме того, в такой крупной серии знаков, как «вавилоны» на кирпичах Саркела, несомненно, связанной со строительными работами, нет ни одного знака, где квадраты были бы соразмерны. Им свойственна плохая центровка, постоянные вариации от квадрата к прямоугольнику внутри одной фигуры, скругленность углов и скошенность сторон, сбои в очередности линий (рис. 3, *5—19*). Иными словами, прослеживается стремление к изображению не определенной геометрической фигуры, а некой схемы, всегда стабильной в основе, но различающиеся в деталях даже на одном памятнике культуры. Нельзя не согласиться с мнением сторонников «математической» теории, что эти фигуры были не только связаны самым непосредственным образом со строительством [1], но и отражали идеи того времени о гармонии (опять отсылаю к цитате из «Люйши Чуньцю»). Г. М. Давлетшин отмечает, что по принципу «вавилона», из вписанных прямоугольников, построены стены города Биляра: внешние укрепления, внутренние укрепления, цитадель [24, с. 126]. По тому же принципу

[1] В этом отношении интересен случай находки знака «вавилон» на могильной плите, позволивший интерпретировать его как знак причастности к клану архитекторов [26].

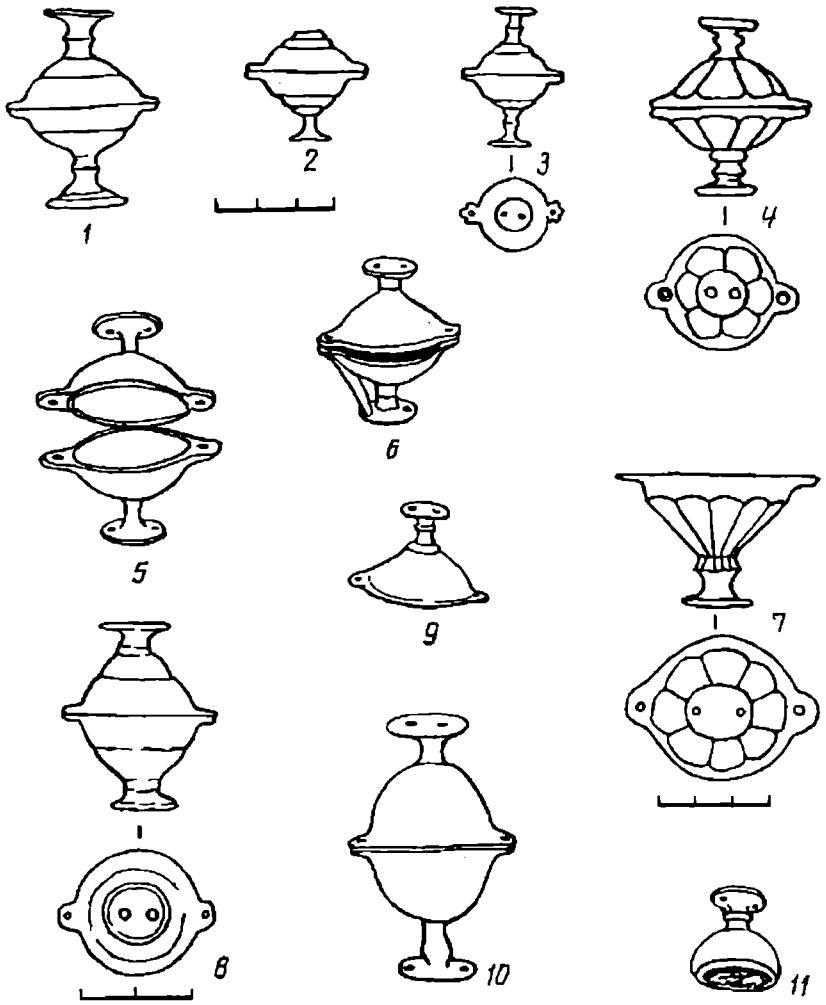


Рис. 4. «Самоварчики»: *1—4* — Дмитриевский могильник [13, 36]; *5*, *6* — Верхнесалтовский могильник [14, с. 297]; *7* — Родаковский могильник [45]; *8* — Крымский могильник [8, рис. 7]; *9* — Правобережное Цимлянское городище [14, с. 322]; *10* — Волжская Болгария [44]; *11* — Средняя Азия, Пенджикент

возведены укрепления Плиски и святилища на Маяцком и Хумаринском городищах и в Болгарии, где также известен жертвенник, повторяющий форму «вавилона» [27, 28]. Идея применения «вавилонов» при расчетах вполне могла возникнуть в среде интеллектуальной элиты, в которой постоянно прослеживается тенденция математически обосновать древние символы, но материал хазарских памятников не позволяет говорить о ее распространенности на уровне рядового населения, употреблявшего этот знак наряду с менее сложными фигурами и рисунками.

Связь фигур в виде вписанных прямоугольников с контекстом иконографических образов слабая, в основном по принципу замещения. В одном изобразительном сюжете, связанном, по мнению Дм. Овчарова, с темой небесной охоты [29, рис. 7], данный символ присутствует рядом с фигурами животных, замещая в аналогичной композиции на мокринском сосудике изображение дерева (рис. 1, *17*; 3, *4*).

Помимо вышеописанных графических схем, достаточно широко распространенных, существует более специфичный для VIII—IX вв. и с менее широким ареалом образ, соотносимый с представлением о вселенной, имеющимся в мифологических текстах. Это так называемые «самоварчики», тип амулета, известный на памятниках как лесостепного аланского (рис. 4, *1—6*), так и степного болгарского варианта салтово-маяцкой культуры (рис. 4, *7—9*). Аналогии есть в Большетарханском могильнике (рис. 4, *10*), более отдаленные — в Средней

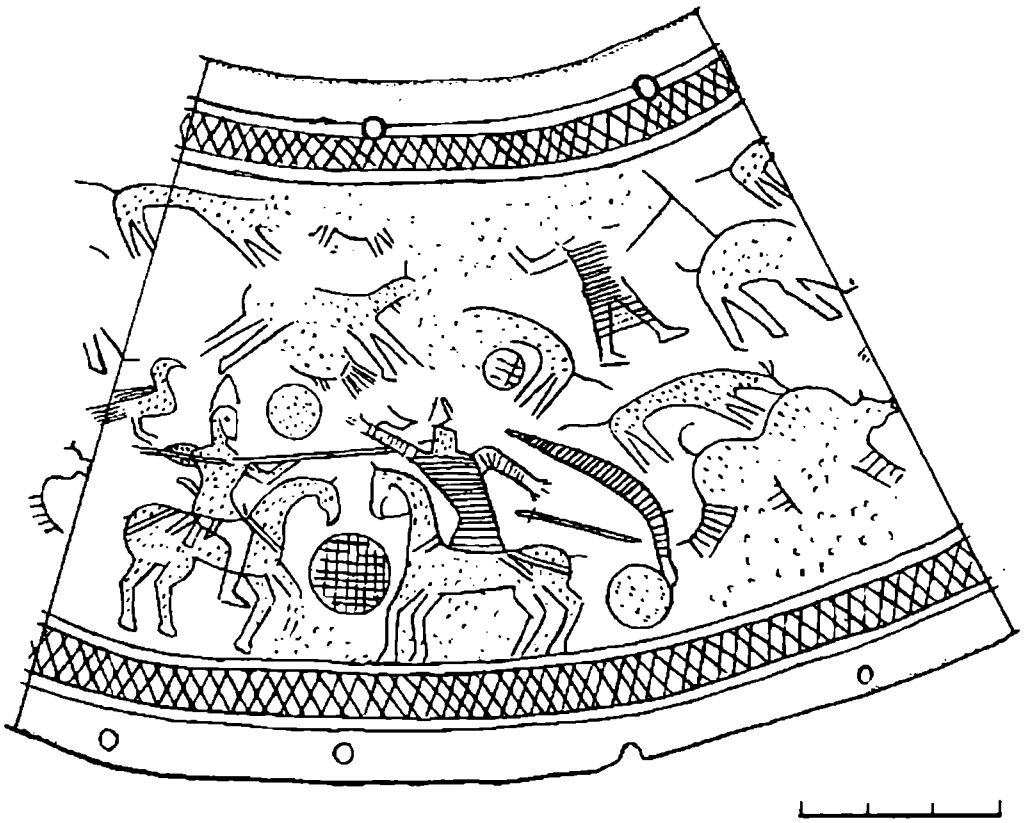


Рис. 5. Развертка изображения на костяном сосудике из района городища Маяки (Славянский краеведческий музей)

Азии [30, рис. 5, *1*] (рис. 4, *11*). Представление о вселенной, состоящей из двух чаш, символизирующих небо и землю, реконструируемое по материалам «Ригведы» и «Авесты», достаточно полно разобрано [25, с. 119; 31, с. 131—134]. Образ земли и неба, соприкасающихся или то и дело стукающихся краями, существовал также у саяно-алтайских тюрок, в якутском эпосе и у монголов [32, с. 538, 539]. Не исключено, что представленная схема является динамической и, как это свойственно древнему искусству, совмещает два времени: образы дневной и ночной вселенной. В ведийской космогонии первоначальные воды, существующие как бы заключенными в земле, в ночное время находятся в перевернутом положении: нижний мир превращается в небесный океан («бочка, перевернутая отверстием вниз»), и таким образом осуществляется питание земли живительной влагой [25, с. 156—162].

В связи с проблемой сакрализации динамических аксессуаров вселенной хочу подробно остановиться на одной очень любопытной в этом отношении композиции (рис. 5). Это гравировка на костяном изделии хазарского времени из района городища Маяки [18]. На первый взгляд может показаться, что изображена иллюстрация к складывающемуся богатырскому эпосу: единоборство богатырей и сопутствующая ему героическая охота, подобная композиции на ковше с Коцкого городка. Но некоторые элементы заставляют предполагать более архаический смысл сюжета, что и было предложено при публикации. Сюжет восходит к космогоническому акту, отраженному во многих мифологиях. В этот момент происходит высвобождение космических вод, сопровождаемое победой над змеем, и создание организованной вселенной, разделенной на верхний и нижний миры. Необычные для повествовательного сюжета элементы — это четыре круга в композиции, змея и рыба. Интересной и, видимо, неслучайной является семичастность композиции, состоящей из следующих сцен: 1 — битва всадников; 2 — рыба с кругом; 3 — терзание хищником оленя; 4 — змея с кругом; 5 — погоня собаки за маленьким зверьком; 6 — охотник, убивающий вепря; 7 — собака,

вцепившаяся в медведя. Основу композиции составляют центральные четыре сцены с солярными знаками, кругами. Поскольку четырехчастность свойственна народному календарю, рассмотрим изображенные сюжеты с этой точки зрения.

Центральная сцена с большим кругом между дерущимися всадниками, если принять гипотезу о ее соответствии космогоническому акту типа победы Индры над змеем Вритрой, в календарном цикле должна быть привязана или к зимнему солнцестоянию, или к весеннему равноденствию. Более оправданно принять второй вариант, поскольку мотив ежегодной битвы двух жеребцов, позднее антропоморфизированных, известный в иранской и в дозороастрийской среднеазиатской мифологии, равно как и весь комплекс связанных с ней событий, символизировавших победу светлого начала, относится к весеннему равноденствию [33; 34, с. 14].

Далее будем двигаться посолонь, ориентируясь на круги. Следующий круг находится рядом с рыбой. Сцена должна соответствовать летнему солнцестоянию. Действительно, именно летний комплекс праздников связан с представлениями о союзе солнца и воды. Они нашли отражение в обрядности восточных славян на Ивана Купала, Ярилин и Петров день. Солнце в это время погружается в воду, купается, отчего вода приобретает особую силу [35, с. 228—261]. Древние прототипы сюжета — влага и Солнце, освобожденные после поражения змея.

Третья сцена — терзание оленя хищным животным с солнцем, заключенным между ними. Сцены терзания возводятся к древним переднеазиатским представлениям о весеннем времени, когда созвездие Льва перекрывает «звезду» Быка и Оленя» (Плеяды и Кассиопея). Но уже в скифском искусстве смысл сюжета становится достаточно неясным [1, с. 61], происходит замена образов, а возможно, и инверсия смысловой нагрузки. То, что в салтово-маяцкой культуре олень и конь были олицетворением солнца, достаточно очевидно вытекает из анализа амулетов [36, с. 176—178]. Тогда смысл сцены становится прямо противоположным своему далекому прототипу: светлое начало подвергается нападению и терпит поражение от хтонического хищника-поглотителя. Каноничность сцены и ее выпадение из ряда охотничьих сюжетов следует не только из многочисленности прототипов, но и подтверждается наличием аналогичной композиции на предмете той же категории из Салтовского могильника. Здесь хищник терзает коня [37]. В календарном цикле такой эпизод может соответствовать только времени осеннего равноденствия, началу господства в средней полосе темного времени суток.

Четвертая сцена с кругом: солнце рядом со змеей. Нет несоответствия в том, что в одной композиции находится персонаж типа змéя Вритры и реалистический образ змеи. Хотя для первого и характерно сходство со змеей: безногость и безрукость, отсутствие плеч (в данном случае за его безногость трудно поручиться из-за поврежденности поверхности на этом месте), изображение змеи могло не только дублировать противника бога-победителя, но и, что более вероятно, нести самостоятельные функции. Фиксируется разница в восприятии образа змеи и дракона в древнем искусстве и мифологии [38]. Змея могла быть не только похитительницей воды, но и хранительницей подземных вод в зимний период. Оппозиция вод небесных и вод подземных, как видно и на примере с «самоварчиками»,— мнимая. Мы обычно руководствуемся тем, что «создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт., 1, 7), тогда как воды в зависимости от времени суток или года могли менять позицию, перемещаясь из верхнего в нижний мир, как это делали некоторые боги. Например, господствующий летом на земле дух полудня Рапитвана иранского пантеона зимой удалялся под землю, чтобы лелеять там источники вод и корни растений. Противопоставление рыбы и змеи в композиции по смыслу близко противопоставлению сосудов с космической влагой. Но если в сутках это противопоставление дня и ночи, то в годовом цикле — лета и зимы.

Если правомерна реконструкция содержания четырех центральных сцен как связанных с четырьмя сезонами и, следовательно, с четырьмя периодами суток и четырьмя сторонами света, то тогда эти сцены отражают горизонтальный пласт мироздания, а остальные три должны соответствовать трем вертикальным мирам.

Начнем со средней сцены, так как верхняя повреждена и не дает видовой характеристики второго животного. Средняя сцена — охота на кабана — гипотетически может быть соотнесена с героем типа Триты, Траэтаоны, Феридуна, Таргитая [19], поскольку распространен сюжет о поражении этим героем демона в образе кабана. Образ данного персонажа увязывается прежде всего с символом власти над средним миром. Местоположение сцены относительно двух других также соответствует этому образу.

Тогда закономерно, что действующего в среднем мире антропоморфного героя в двух других заменяют его помощники, собаки. Образ медведя как животного, связанного с нижним миром, хорошо прослеживается в шаманизме, где он часто служит ездовым для черных шаманов. Кроме того, отмечается сближение или даже отождествление медведя с Велесом, противником бога-громовержца, персонажем одного порядка с Варуной и как божество плодородия связанного с подземным миром [39]. Тогда верхняя сцена должна быть соотнесена с верхним миром по методу исключения и по своему расположению в композиции.

Несмотря на то что сюжет интерпретируется на основе общеиндоевропейского космогонического мифа, нет достаточных оснований приписывать его принадлежность исключительно аланскому компоненту салтово-маяцкой культуры. Во-первых, мифологические темы, связанные с таким общечеловеческим переживанием, как смена времен суток, времен года и периодов вегетации растений, этнически не локализуются, тем более на том общем уровне, который на настоящей стадии изучения можно предложить. Во-вторых, костяной сосудик, на котором выгравировано изображение, найден в ареале болгарского варианта культуры и, в-третьих, для индоевропейцев более характерно помещение востока и верхнего мира с правой стороны, а запада и нижнего мира — с левой [6, с. 26; 25, с. 104—106], тогда как в композиции все персонажи, которые можно соотнести с благими силами, находятся слева. Такая ориентация по движению солнца более свойственна тюркским народам. Вверху или с левой стороны находятся всадник-победитель, его сокол (фарн?), рыба, олень, собаки-помощники. Сцена гона в верхнем мире также смещена влево, а в нижнем мире — вправо. Внизу или справа изображены темные, хтонические существа: воин с занавешенным лицом, хищник-поглотитель, змея, кабан, медведь [2]. Рассматривая вопрос о правой и левой стороне композиции, следует учитывать, правда, возможную инверсию, отмечаемую для древнего искусства, при которой левая и правая сторона оцениваются с точки зрения изображаемого персонажа [40] или человека, носящего предмет с изображением на себе [2, с. 198]. Рассматриваемое изделие с гравированной на нем сценой имело отверстия для подвешивания, но дело осложнено еще и тем, что гравировка шла непрерывно по всей поверхности и на том ее участке, который был обращен при ношении к телу, правое и левое опять менялись местами.

Несмотря на запутанность вопроса о благоприятной и неблагоприятной сторонах, тем не менее, данный предмет интересен как возможное свидетельство распространенности среди раннетюркского населения каганата мифологической системы, близкой к общеиндоевропейской. С подобной ситуацией сталкивается и этнография при изучении духовной культуры кумандинцев [41], имеющей много общих элементов с иранским миром, в том числе четырехсезонный календарь, начинающийся с весеннего равноденствия, и миф о постоянстве борьбы света с тьмою, в которой, в частности, участвует всадник Пайне. Но в нашем случае еще труднее строить предположения относительно того, был ли данный сюжет свойствен древнеболгарскому населению генетически или, напротив, являлся привнесением.

В целом структура композиции наводит на мысль, что подданные Хазарского каганата считали равномерное движение солнца по небу основой обеспечения

[2] При этом маленький зверек в сцене гона, вероятнее всего, может быть зайцем, если принять за аналогии близкие параллели в скифском искусстве [2, с. 59—64, 290].

мирового порядка. Отсюда, видимо, происходит и почитание амулетов в виде круга с четырьмя птичьими головками [36, с. 175, 176]. Аналогичная схема широко известна в скифском искусстве и соответствует образу солнечной колесницы, влекомой четверкой коней или птиц по небу [1, с. 60, 61].

Вопросом остается отсутствие в изобразительных сюжетах мотивов, продуцированных известными в Хазарии мировыми религиями, в то время как в народном искусстве Первого Болгарского царства пласт христианской символики прослеживается вполне определенно. Пока приходится констатировать, что по крайней мере до X в. н. э. структура верований носителей салтово-маяцкой культуры, говоря словами К. Маркса, «не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» (Соч., 2-е изд., т. 23, с. 371). Архаические мифы о сотворении и устройстве мира были живы в сознании людей. Связанные с ними символы и персонажи не были рудиментами в искусстве Хазарии. Они активно употреблялись как самостоятельные сюжеты, а в случае их включения в композицию были вплетены в жесткий каркас единого и тщательно продуманного замысла, основанного на неразрывной связи обряда и предания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
2. *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н. э. М.: Наука, 1985.
3. *Лелеков А. А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры//Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
4. *Антонова Е. В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986.
5. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990.
6. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире. Общий взгляд//Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982.
7. *Аспарухов М.* Средновековни графити от северозападна България. София, 1984.
8. *Савченко Е. И.* Крымский могильник//Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 1986.
9. *Флёров В. С.* Орнаменты салтово-маяцкой лощеной керамики//Из истории области. Вып. 2. Пенза, 1990.
10. *Хузин Ф. Ш.* Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Билярского городища)//Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
11. *Рашев Р., Станилов С.* Старобългарското укрепено селище при с. Хума, Разградски окръг//Разкопки и проучвания. 1987. Кн. XVII.
12. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
13. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. М.: Наука, 1989.
14. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
15. *László G.* Études arch'éologiques sur l'histoire de la société des Avars//AH. 1955. XXXIV.
16. *Кызласов И. Л.* Воплощения вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии)// Историко-астрономические исследования. Минувшее. Современность. Прогнозы. М.: Наука, 1989.
17. *Нахапетян В. Е.* О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура)//Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
18. *Нахапетян В. Е., Шамрай А. В.* Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието//Археология. 1990. Кн. 2.
19. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977.
20. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
21. *Ткаченко Г. А.* Космос, музыка, ритуал. М.: Наука, 1990.
22. Мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989.
23. *Рыбаков Б. А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих//СА. 1957. № 1.
24. *Давлетшин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. Казань, 1990.
25. *Кейпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986.
26. *Логвин Г. Н., Тимощук Б. А.* Белокаменный храм XII в. в с. Василеве//Памятники культуры СССР. Исследования и реставрация. Вып. 3. М., 1961.
27. *Аладжов Ж.* Символ на свете в някои прабългарски паметници//Археология. 1980. Кн. 1.
28. *Стойнев А.* О духовной культуре праболгар//Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.
29. *Ovčarov D.* Sujets cosmoginique chez certains monuments provenant de la région du Danube Bas et Moyen//Bulgarian Historical Review. 1988. № 4.
30. *Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пянджикенте//КСИИМК. 1954. Вып. 55.

31. *Запороженко А. В., Черемисин Д. В.* Мифологический сюжет на сосуде из Надь Сент-Миклош//Семантика древних образов. Новосибирск: Наука, 1990.
32. *Потапов Л. П.* Мифология саяно-алтайских тюркоязычных народов//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
33. *Дьяконов М. М.* Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии//КСИИМК. 1951. Вып. XL.
34. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1987.
35. *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979.
36. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
37. *Семенов-Зусер С. А.* Дослідження Салтівського могильника//Археологічні пам'ятки УРСР. 1952. Т. III.
38. *Сарианиди В. И.* Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы//Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986.
39. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Медведь//Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988.
40. *Успенский В. А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении//Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
41. *Славин В. Д.* Архаика в духовной культуре кумандинцев: вселенная и человек, время и календарь//Методы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1991.
42. *Плетнева С. А.* Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани//СА. 1987. № 1.
42a. *Красильников К. И.* Изделия из кости салтовской культуры//СА. 1979. № 2.
43. *Ковачевић I.* Аварски каганат. Београд, 1977.
44. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
45. *Михеев В. К.* Нові пам'ятки салтівської культури в басейні Сіверського Дінця//Вісн. ХДУ. 1974. № 104. Історія. Вип. 8.

Институт археологии РАН,
Москва

V. E. NAKHAPETYAN

IMAGE OF THE WORLD IN THE KHAZAR ART

Summary

The article deals with the images of the world in the Khazar drawing and plastic arts reflecting a mythological model of the world typical to the early medieval population lived in the Eastern Europe steppes and forest-steppes. The most numerous are the pictures which can be correlated with the vertical model of the world. They look like both realistic pictures of a tree with the solar symbols above it, and some primitive schematic drawings. A horisontal plan looks like a square with a marked centre. "Babilon" figure unites both vertical and horizontal plans of the world tree. The idea compairing the sky and the earth with a vessel full of water was reflected in one of the Saltovo culture amulets. One of the Khazar engravings shows a realistic and detailed mythological picture of a seven-member universe creation. Analysing the pictures we can draw a conclusion that the pictures and symbols connected with the ancient archaic myths were widely spread among the Khazar population.

А. А. ЮШКО

ФОРМИРОВАНИЕ УДЕЛА МОСКОВСКИХ ЗВЕНИГОРОДСКИХ КНЯЗЕЙ В XIV — XV ВВ.

Развитие московской удельной системы мы можем изучать только начиная с духовной грамоты Ивана Калиты (ок. 1336 г.). До этого, как полагает Ю. Г. Алексеев, особых письменных распоряжений не составляли, а наследование осуществлялось на основе устного «ряда» [1, с. 94, 95].

Основной принцип московской удельной системы базируется на военно-политическом союзе между князьями, но в то же время провозглашается неприкосновенность уделов («мне в твоем уделе сел не купити») и особые права старшего брата [1, с. 98, 99].

Впервые термин «удел» применительно к московской территории употреблен в докончальной грамоте вел. кн. Семена Ивановича с младшими братьями — Иваном и Андреем (1350—1351 гг.), согласно которой удел — это владение одного из договаривающихся князей («а нам в твой удел не слати...») [2, с. 12]. В предшествующей этому документу по времени духовной грамоте Ивана Калиты для обозначения территориальных единиц употреблены термины «уезд» и «волость», причем, как справедливо подметил С. М. Каштанов, понятие «волость» означало не только определенную территорию, но и ряд пошлин [3, с. 176]. Смысл понятия «уезд» не вполне ясен. В духовной Калиты он употреблен дважды. Сначала упомянуто «село на Северьсце в Похрянском уезде» [2, с. 7, 9]. Однако чуть выше в этом же уделе князя Семена имеется упоминание волости «Похряне». Получается, что понятие «уезд» как бы идентично понятию «волость». В другом случае в разделе о наследовании доходов сказано: «... тако же и мыты, который в котором оуезде, то тому» [2, с. 8, 10]. Здесь понятие «уезда» кажется идентичным понятию удела. К такому же заключению склоняет нас и употребление этого термина в духовной грамоте вел. кн. Ивана Ивановича (ок. 1358 г.), где читаем: «А братанич мои, князь Володимеръ, ведает оуезд отца своего» [2, с. 15]. Не исключено, что понятие «уезда» в начальный период его бытования на Московской земле было многозначным.

Так или иначе предметом нашего рассмотрения является комплекс звенигородских волостей, достававшихся представителям московского великокняжеского дома на протяжении XIV — первой трети XV в.

Судьбу удела, а также формирование его территории позволяет проследить целый ряд духовных и докончальных грамот XIV — XV вв., причем сведения о территориальных единицах, его составляющих, содержатся лишь в четырех грамотах: духовной Ивана Калиты (ок. 1336 г.), духовной Ивана Ивановича (ок. 1358 г.), духовной Дмитрия Ивановича (1389 г.) и духовной Юрия Дмитриевича (ок. 1433 г.). Задачей статьи является локализация и картографирование волостей и сел удела с привлечением круга письменных источников, топонимики, когда это возможно, данных археологии, анализ полученной карты, а также сопоставление ее с картой археологических памятников этого региона. Для решения этой задачи были использованы также работы ряда предшествующих исследователей по этой теме, таких, как В. Н. Дебольский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье и др.

Для удобства сведем все сведения вышеуказанных духовных грамот в таблицу,

© А. А. Юшко, 1994 г.

Удел звенигородских князей по духовным грамотам великих князей московских

Дух. Ивана Калиты (ок. 1336 г.)	Дух. Ивана Ивановича (ок. 1358 г.)	Дух. Дмитрия Ивановича (1389 г.)	Дух. Юрия Дмитриевича (ок. 1433 г.)
Звенигород	*Звенигород*	Звенигород	*Звенигород*
Андреевское	Андреевское	Вышгород	Вышгород
Белжинское	Выславское	Дмитриева слободка	Дмитриева слободка
Великая слобода	*Домантовское*	*Домантовское*	*Домантовское*
Вяземское	*Замошская слобода*	Замошская слобода	*Замошье*
Домантовское	Истерва	*Кремична*	*Кремична*
Замошская слобода	Каменьское	Луг Ходынский	Микифоровское
Каменичьское	Каринъское	Михалевськое	Михайловськое
Кремична	Козловское	*Негуча*	Михалевськое
Максимовское	*Кремична*	Оугож	*Негуча*
Негуча	*Кремична*	Плесть	Оугожа
Окатьева слободка	Кузьминское	*Ростовцы*	Плесть
Оугож	Максимовское	*Руза-городок*	*Ростовци*
Ростовци	Милцинское	Скирманово с Белми	*Руза*
Руза	Михалевськое	Сурожик	Смоляная
Гузское	*Негуча*	*Негуча*	Скирманово с Белми
Гюховское	*Ростовцы*	*Тростна*	Суходол с Ыстьею и Истервою
Село в Замошской слободе	*Руза*	*Фоминское*	Сущевское
Семьцинское	Рюховское	Юрьева слобода	*Тросна*
Скирмановское	Сводъка		*Фоминское*
Суходол	Село на Репне в Боровсце		Ондреевское
Тростна	Село в Замошской слободе		Юрьева слобода
Фоминское	Суходол		
	Тростна		
	Фоминское		

выделив повторяющиеся пункты (в таблице даны курсивом) и разместив их в алфавитном порядке.

Начнем с духовной Ивана Калиты, где Звенигород с волостями отдается второму его сыну — князю Ивану. В документе содержится упоминание о 23 территориальных единицах.

Андреевское. Видимо, современное с. Андреевское близ г. Звенигорода, у оз. Глубокое (рис. 1). Эта локализация впервые была сделана В. Н. Дебольским [4, с. 151]. М. К. Любавский помещал село на р. Истре [5], что вызывает возражения, поскольку бассейн р. Истры входил в состав удела княгини с меньшими детьми. Село фигурирует в духовных и договорных грамотах ряда последующих князей [2, с. 15, 18, 34 и т. д.]. Известно оно и писцовой книге 1592—1593 гг. [6, с. 687]. Наши археологические обследования этого пункта позволили выявить в восточной части ныне существующего села селище XIV — XVII вв., площадь которого около 48 тыс. м^2 [7].

Белжинское. Вопросам локализации этого села посвящена специальная статья автора и С. З. Чернова, в которой на основании данных плана окрестностей Саввина монастыря Авраама Свиязева 1664 г., данных микротопонимики и

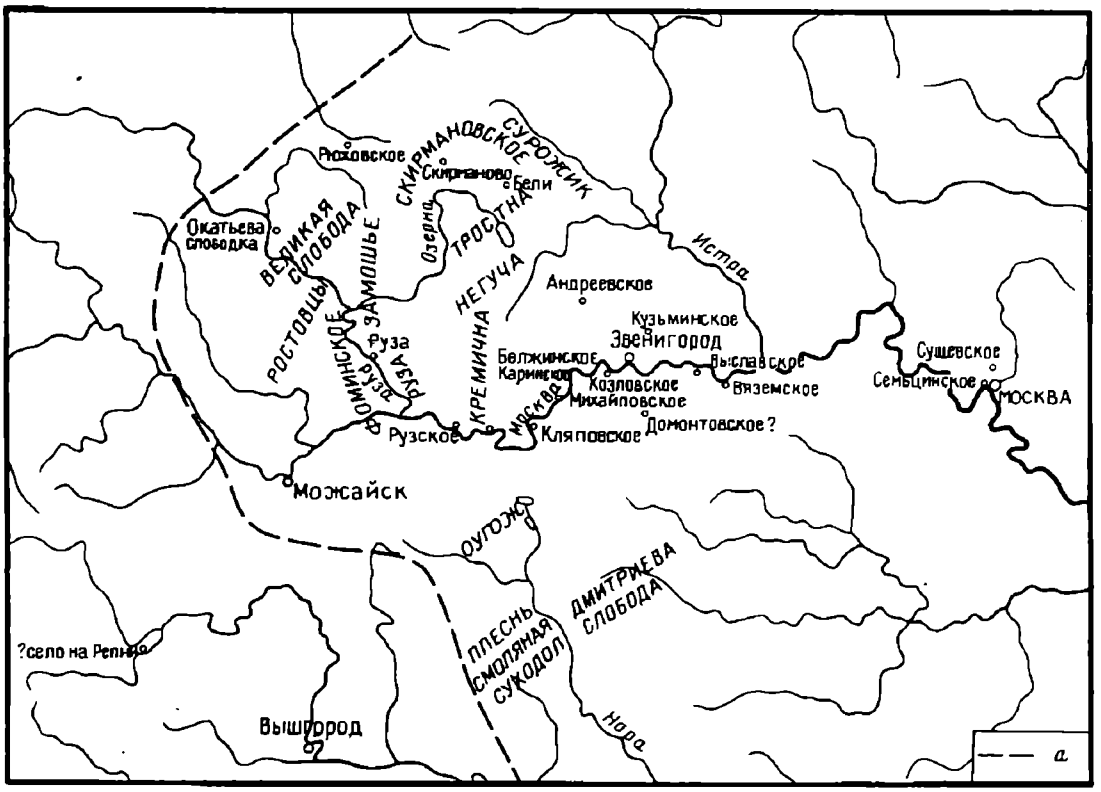


Рис. 1. Удел звенигородских князей по духовным грамотам московских великих князей (*а* — граница Московского княжества 30-х годов XIV в.)

археологии удается локализовать это село на территории подмонастырской Саввинской слободы [8, с. 117, 118].

Великая слобода. В. Н. Дебольский [4, с. 148] и М. К. Любавский [5, с. 34] помещают ее по левому берегу среднего течения р. Рузы. Актовый материал XVI в. [9, с. 37, 65, 259, 260, 378] дает большой перечень сел, располагавшихся на территории Великой Юрьевой слободы. Картографирование сохранившейся части этих пунктов показывает, что территория этой слободы распространялась и на правобережье р. Рузы, доходя на севере до верховьев р. Ламы и на востоке до Тростянского озера (рис. 1). В. А. Кучкин, проследив по духовным грамотам последующих московских князей трансформацию названия Великой слободы в Юрьеву, связывает ее происхождение с именем московского князя Юрия Даниловича [10, с. 177, 178].

Вяземское. В. Н. Дебольский верно помещает это село, пользуясь данными писцовых книг, на р. Москве, ниже устья р. Вяземки [4, с. 151]. Село фигурирует также в Разъезжей 1504 г. (село Вяземеск) [2, с. 381].

В археологической литературе существует мнение о переносе этого села с места Успенского городища, расположенного выше по р. Вяземке, на территорию ныне сохранившегося с. Успенского (левый берег р. Большая Вяземка) [11, с. 122]. Действительно, наши археологические обследования территории с. Успенского выявили здесь, близ церкви Успения Богородицы и западного порядка домов, селище XIV — XVII вв. площадью около 30 тыс. м^2 [12]. В культурном слое присутствует и материал эпохи железного века.

Домонтовское. В. Н. Дебольский помещает это село между притоками р. Москвы — Нахабной и Вяземкой [4, с. 152]. Домантовская волость и Домантовские пожни, согласно Разъезжей 1504 г. находились где-то вблизи Можайской дороги и верховьев р. Нахабны (ее не следует путать с р. Нахабинкой — притоком Истры) [2, с. 381].

Замошская слобода. М. К. Любавский помещает ее по рекам Озерне и Вейне, к северо-западу от г. Рузы [5, с. 34]. В Сотной грамоте (1569 г.) указан ряд пунктов, расположенных на территории Замошской слободы XVI в. Это сельцо

Харланово и д. Максимовка на р. Вейне. К селу «тянули» деревни Воронино и Семеково [9, с. 385, 386], которые удается локализовать. Для нас здесь важно указание на р. Вейну.

Учитывая эти данные, древнюю Замошскую слободу можно локализовать на небольшой сравнительно территории по течению р. Вейны и среднему течению р. Озерны (рис. 1). Интересно отметить, что на этой территории, по левому берегу р. Озерны, имеется деревня с названием Слобода. Здесь, при впадении в р. Озерну ручья Студенец, на высокой надпойменной террасе близ деревни обнаружено селище XIV — XVII вв. [13]. Возможно, что это центр древней Замошской слободы.

Каменичьское. Местоположение этого села с определенностью указать трудно. Следует отметить, что в духовной Ивана Ивановича оно названо Каменьским [2, с. 15]. Б. Л. Альтшуллер полагает, что это село можно отождествить с с. Каменским в низовьях Нары, в котором сохранилась церковь Николы второй половины XIV в. [14, с. 22], с чем согласиться нельзя, поскольку низовья р. Нары входили в удел князя Андрея.

Кремична. В. Н. Дебольский отождествляет центр этой волости с погостом Кремична на территории Рузского уезда [4, с. 147]. М. К. Любавский вслед за ним помещает волость по левому берегу р. Москвы до р. Озерны [5, с. 34]. По данным Г. П. Смолицкой, где-то здесь, между реками Рузой и Пехоркой в р. Москву слева впадает р. Кремичня [15, с. 105], по которой волость, очевидно, и получила свое название.

Нами были произведены археологические обследования территории погоста Кремична, расположенного на левом берегу р. Москвы, в 2 км к северо-западу от д. Игнатьево. Здесь выявлены руины поздней церкви и кладбище при ней. Древних могильных плит так же, как и следов древнего культурного слоя, на территории погоста не выявлено [16].

Позже Р. Л. Розенфельдт выявил в 200 м к юго-западу от погоста Кремична городище XIV — XVII вв., расположенное между двух оврагов. Площадь его около 11,2 тыс. м^2. По периметру городище окружено кольцевым валом [17]. Возможно, что именно оно было центром волости Кремична.

Максимовское. М. К. Любавский помещает это село на р. Истре [5, с. 34], исходя, видимо, из данных современной топонимики. Вызывает, однако, возражение то обстоятельство, что верхнее течение р. Истры, выше Лучинского, куда попадает и с. Максимово, находилось во владении княгини с меньшими детьми.

Изучение актового материала приводит нас к выводу о том, что на территории Рузского уезда существовало еще одно с. Максимовское. Впервые оно упомянуто в духовной кн. Андрея Федоровича Голенина (конец XVII в. [9, с. 18]). Местоположения ни самого села, ни трех деревень, которые к нему тянули, обнаружить не удалось. Однако в другом акте — Данной кн. Андрея Андреевича Голенина (1508 — 1515 гг.) [9, с. 42] — перечислен помимо Максимовского ряд близко расположенных от него сел, таких как Спасское, Никольское-Шуйгино, Пречистое-Скирманово, и оговорено их местоположение — в Скирмановском стане Рузского уезда. Местоположение всех этих сел, кроме Максимовского, ясно. Село Спасское — видимо, Спасское-Бели, согласно духовной А. Ф. Голенина — в верховьях р. Тростны; Никольское-Шуйгино существует и поныне в верховьях р. Озерны, к северо-западу от Тростянского озера [18, № 5194], Пречистое-Скирманово — центр Скирмановской волости. Все эти села расположены к северу от Тростянского озера. Видимо, где-то здесь, на окраине Скирмановской волости XIV в., располагалось и с. Максимовское. К 1569 г. оно превратилось уже в деревню («деревня Максимово, что было сельцо»), состоящую из шести дворов, «да пять дворов пустых» [9, с. 382]. Затем оно исчезает совсем, так что восстановить его местоположение сейчас очень трудно.

Негуча. Волость располагалась, видимо, в бассейне р. Негучи, впадающей слева в Малую Истру [15, с. 107] (рис. 1).

Окатьева слободка. Пункт ни в одной из последующих духовных грамот больше не упомянут. Центром слободки была, видимо, современная д. Акатово, располагающаяся на левобережьи р. Рузы (рис. 1). Верность этой локализации подтверждается и нашими археологическими обследованиями этого пункта, в результате которых на одной из окраин его зафиксировано селище XIV в.

Оугож. В. Н. Дебольский помещает волость, исходя из данных писцовых книг, в верхнем течении р. Нары [4, с. 149], М. К. Любавский — в верховьях Нары и ее притока — Тарусы [5, с. 34]. Разъезжая 1504 г. подтверждает, что Угожская волость действительно размещалась по р. Тарусе и верховьям р. Нары [2, с. 396, 405, 406].

Ростовцы. В. Н. Дебольский, основываясь на данных Разъезжей 1504 г., помещает волость на р. Педне — правом притоке р. Рузы [4, с. 150], М. К. Любавский — там же [5, с. 34]. Территория ее оставалась неизменной и в XVII в. [19, с. 47].

Руза. Местоположение этой волости определяется по ее центру — существующему поныне г. Рузе, расположенному на левом берегу р. Рузы (рис. 1). В XVII в. это была территория Городского стана, который простирался от г. Рузы по левобережью одноименной реки до р. Москвы [19, с. 46]. Первое летописное упоминание города относится к 1382 г., когда в связи с походом Тохтомыша он был взят татарами [20, с. 76]. Городище г. Рузы хорошо сохранилось на левом берегу р. Рузы, при впадении в нее р. Городенки, окруженное кольцевым высоким валом. Площадь городища около 15 тыс. м^2 (рис. 2). Проводившая здесь раскопки Л. А. Голубева установила, что город возник в XIII в. [21, с. 141, 142].

Рузское. Местоположение этого села определяется с помощью археологических данных в современной Старой Рузе, где на левом берегу р. Москвы, при впадении в нее ручья, имеется раннее (XI — XII вв.) городище, значительно уступающее по площади городищу г. Рузы. Площадка его занята сейчас кладбищем (рис. 3). Культурный слой XIV — XV вв. распространяется на большой площади вокруг маленькой площадки городища. Именно эта территория и является с. Рузским XIV в.

Бесспорно, что центром Рузской волости было городище г. Рузы. Город позже становится уездным центром. Село Рузьское либо совсем не входило в древнюю волость, либо находилось на ее окраине, поэтому и было оговорено специально.

В отношении этих двух пунктов в литературе имеется некоторая путаница. Так, в монографии Л. В. Черепнина, в подтверждение тезиса о перерастании сел в города, приводится пример с. Рузского, которое в позднейших духовных фигурирует как «городок» [22, с. 34]. В действительности, как видим, это два разных пункта.

Рюховское. Село сохранилось до наших дней и располагается на верхнем левобережье р. Ламы (рис. 1). Это наиболее удаленный северо-западный пункт удела. В начале XVI в. село оказывается во владении волоцкого князя Федора Борисовича [2, с. 97]. Наши археологические обследования этого пункта позволили выявить на территории села обширное селище площадью около 114 тыс. м^2.

Село в Замошской слободе. Местоположение этого села определить трудно, поскольку отсутствует точное название села. М. К. Любавский на непонятном основании помещает село на р. Рузе [5, с. 34]. Территория Замошской волости на р. Рузу не распространялась.

Семьцинское. Село располагалось на территории г. Москвы в районе Остоженки [23, с. 113].

Скирмановское. В. Н. Дебольский, пользуясь только данными Разъезжей 1504 г., не совсем точно помещает волость на правом берегу р. Молодильни [4, с. 150], М. К. Любавский — по р. Озерне и ее притокам — Гряде и Развадне (Россохе? — *А. Юшко*) [5, с. 34]. В числе владений Троице-Сергиева монастыря по писцовой книге Рузского уезда 1593—1594 гг. в Скирмановском стане располагались пункты по верхнему течению р. Россохи (Росхи), а также пункты на западном побережье Тростянского озера (пустошь Глинково) [6, с. 658]. Актовый материал XV — XVI вв. выявляет очень обширную территорию Скир-

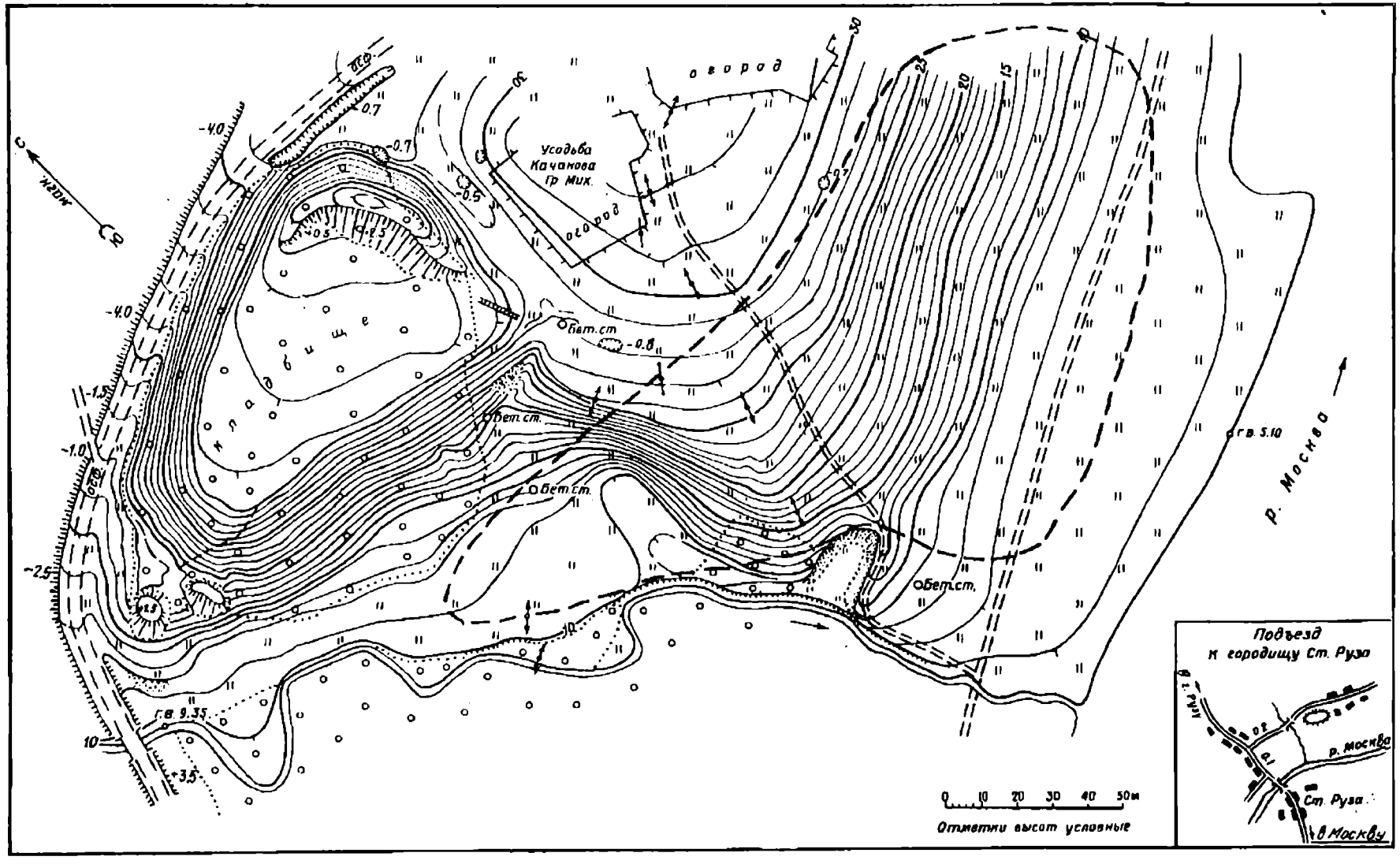
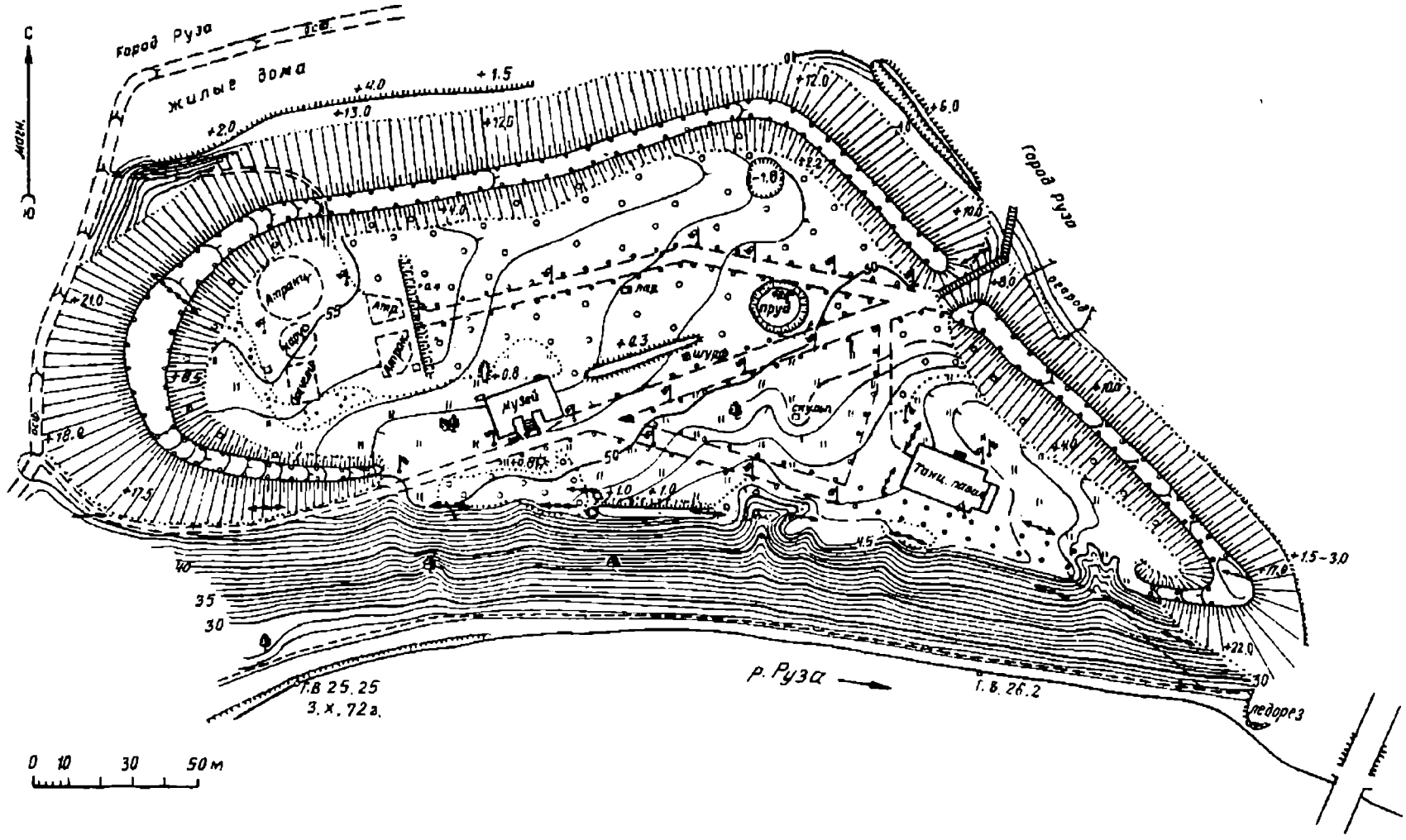


Рис. 2. Городище г. Рузы. План


С
Магн.
Город Руза
жилые дома
Город Руза
р. Руза
Г.В 25.25
3.х.72а.
Г.В. 26.2
Музей
Пруд
Томц. павил.
Шурф
Шурф
Шурф

мановского стана. На северо-западе она включала течение р. Россохи (Скирманово) [9, с. 42], деревни Кокирево, Станок, Колоколово [9, с. 379], на севере — существующее поныне с. Мамошино [9, с. 379] и пункты по р. Тростенке (Бели, Татарское, Павлово) [9, с. 381, 382]. На востоке границей стана служило течение р. Молодильни [2, с. 385]. На юг его территория распространялась почти до нижнего течения р. М. Истры (д. Шеино) [9, с. 380].

Думается, что в XIV в. территория волости была значительно меньше. Она ограничивалась землями, примыкающими к с. Скирманову на восток до течения р. Тростны, где располагалась волость Тростна (рис. 1). Что же касается территории к югу от Тростянского озера, то она принадлежала волости Негуча.

Суходол. В. Н. Дебольский, исходя из данных Разъезжей 1504 г., помещает волость в бассейне р. Иневки — левого притока р. Нары [4, с. 148], М. К. Любавский — «по правой стороне Нары и левой Протвы, к северу от Боровска» [5, с. 34]. Суходольский стан XVII в. размещался «по линии Московско-Брянской ж. д. от ст. Наро-Фоминская до ст. Болобаново» [19, с. 6].

Актовый материал XV и XVI вв. также подтверждает, что Суходольская волость в это время находилась в междуречье Протвы и Нары. В Жалованной грамоте вел. кн. Василия Васильевича (1456—1462 гг.) есть указание на с. Климятинское с д. Столыпинской Суходольской волости [24, с. 74]. И. А. Голубцов предлагает отождествить указанное в акте с. Климятинское с известным в современной топонимике с. Климкиным к северо-востоку от Боровска [24, с. 487]. Это отождествление подтверждается другим актом — выпиской из Жалованной грамоты царя Бориса Федоровича Годунова (1601 г.), где указано суходольское с. Климетино и ряд близлежащих сел — Каменское на р. Наре, Михайловское, Ермолино и др. [24, с. 77]. Указанные села действительно имеются вблизи современной д. Климкино, в междуречье Протвы и Нары, что дает возможность предположить местоположение древней волости Суходол именно здесь (рис. 1).

Тростна. В. Н. Дебольский по данным писцовых книг помещает волость у оз. Тростянского и у р. Озерны [4, с. 150], М. К. Любавский — по р. Тростне и около оз. Тростянского [5, с. 34]. По писцовой книге 1592—1593 гг. Тростянский стан занимал довольно большую территорию, включающую верховья Озерны, течение Тростны, частично Молодильни, а также территорию, примыкающую к оз. Глубокому [6, с. 695—708]. Уже в Разъезжей 1504 г. имеется указание на то, что даже левобережье р. Тростянки в начале XVI в. в значительной мере было занято территорией Сурожикского стана и в районе сельца Круглого и прилегающих деревень граница между Тростянской волостью и Сурожиком шла по р. Тросне (Тростенке) [2, с. 385]. Это дает основание полагать, что волость XIV в. располагалась на небольшой территории к северу от Тростянского озера, занимая междуречье рек Озерны и Тростны, возможно с включением устьев обеих рек (рис. 1).

Фоминское. У В. Н. Дебольского местоположение волости не определено. М. К. Любавский помещает ее к югу от Рузской волости [5, с. 34]. Ю. В. Готье помещает Фоминский стан XVII в. «к югу от г. Рузы, до древней Можайской границы и р. Москвы» [19, с. 47].

Единственный источник для локализации Фоминской волости — Разъезжая 1504 г., где указана южная граница этой волости. Граница между Можайскими станами и волостями и Фоминской Рузской волостью шла, согласно Разъезжей, от «деревни Брюхово Олексинского села» к с. Юрикову [2, с. 397]. Села Алексино и Юриково (Юрково) расположены на правом берегу р. Москвы, несколько севернее шоссе на Можайск. Далее граница выходила к Можайской дороге и поворачивала к Вышегородской дороге (Вышгород на Протве). Таким образом, бесспорно, что в начале XVI в. территория Фоминской волости распространялась и на правобережье р. Москвы (рис. 1).

Следующее по времени духовное завещание принадлежит Семену Гордому (1353 г.). Уделами своих братьев — Ивана и Андрея — Семен Гордый не распоряжался. Оба его сына скончались незадолго до его смерти. Вследствие этих

обстоятельств Семен Иванович и весь свой удел и имущество завещал княгине — жене.

Вследствие этого переходим к духовной Ивана Ивановича. Это завещание содержит наибольшее число территориальных единиц (25), составивших удел второго его сына — князя Ивана. Остановимся на тех из них, которые оказались вновь приобретенными.

Выславское. Это село фигурирует только в духовной Ивана Ивановича. Оно может быть отождествлено с современным с. Иславским, расположенным на правом берегу р. Москвы, выше устья р. Вяземки (рис. 1). Сведений об этом селе в письменных источниках отыскать не удалось, но археологические данные засвидетельствовали на восточной окраине современного села, близ церкви, селище, содержащее как слои железного века, так и XI — XVII вв. [25, 26].

Истерва. В. Н. Дебольский помещает волость близ Суходола и р. Истьи, поскольку в более поздних грамотах упоминается Суходол с Истьею и Истервой [4, с. 160]. С этим следует согласиться.

Кариньское. Село расположено на левом берегу р. Москвы, выше Звенигорода, близ устья Молодильни. Село фигурирует в Жалованной грамоте вел. кн. Василия Васильевича Саввино-Сторожевского монастыря иг. Евфросиану (1454 г.) [24. с. 82, 83].

В 1978 г. нами совместно с С. З. Черновым территория поныне существующего с. Коринского была обследована. Селище XIV — XVII вв. локализовано в юго-западной части села, в 120 м от реки, при вхождении в ее пойму оврага. Площадь поселения ок. 33 тыс. м^2.

Козловское. По сведениям В. и Г. Холмогоровых, базирующихся на данных писцовой книги 1624 г., село располагалось на посаде г. Звенигорода [27, с. 124].

Кузьминское. В современной топонимике с. Кузьмино известно в 8—9 км к северу от Звенигорода. Никакими другими данными верность локализации подтвердить не удается.

Милцинское. Село точно локализовано быть не может. В. Н. Дебольский предположительно отождествляет его с современной д. Мильцевой близ Клина [4, с. 160], с чем едва ли можно согласиться, поскольку пункт слишком удален от основного массива удела.

Михалевьское. Село фигурирует в последующих завещаниях — Дмитрия Ивановича и Юрия Дмитриевича, но локализовать его затруднительно в связи с распространенностью названия.

Сводъка. Волость локализовать не удалось.

Село на Репне в Боровске. В. Н. Дебольский идентифицирует его с современным с. Репниковым на р. Репинке в юго-западной части Можайского уезда [4, с. 160]. Если с этой локализацией согласиться, то тогда следует признать, что село это было отделено от основной части звенигородских волостей землями, не входившими в состав удела (рис. 1).

Духовное завещание Дмитрия Ивановича (1389 г.) содержит наименьшее количество территориальных единиц (19), составивших удел второго его сына — князя Юрия. За период с 1358 по 1389 г. в состав владений, составлявших удел звенигородских князей, вошел Вышгород на Протве и, видимо, его округа. Земли по р. Протве были включены в состав Московского княжества в 70—80-е годы XIV в. [28, с. 70]. Впервые вхождение Вышгорода Верейского в состав удела великого князя фиксирует докончальная грамота вел. кн. Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (ок. 1374—1375 гг.) [2, с. 23].

Археологически городище древнего Вышгорода локализуется на восточной окраине современного города, на правом берегу р. Протвы, между двух оврагов. Площадь его около 15 тыс. м^2. Имеется напольный вал высотой 3 м и фрагментарные остатки кольцевого вала.

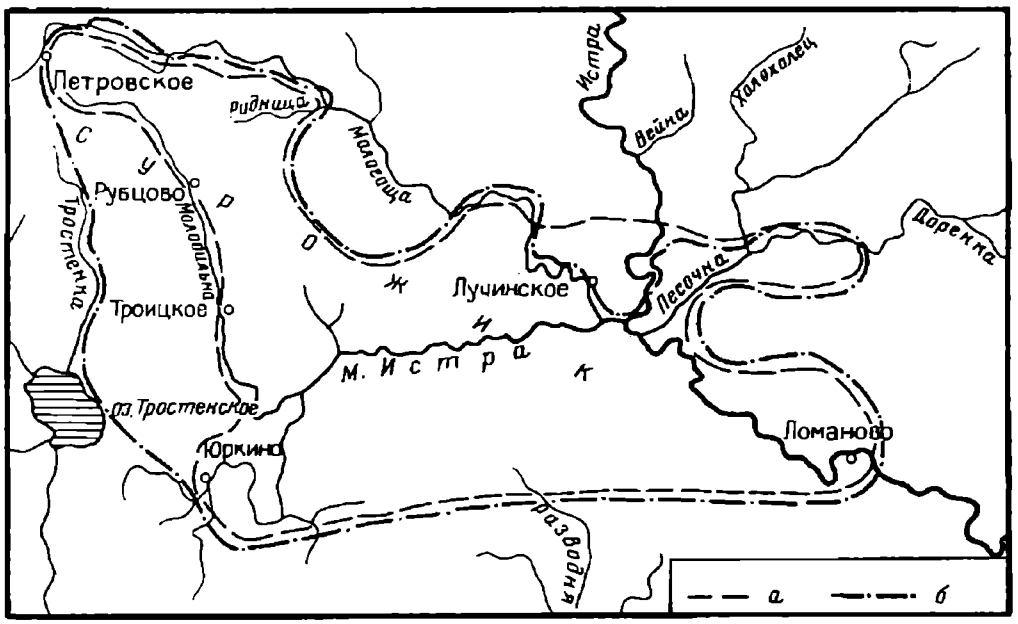


Рис. 4. Территория волости Сурожик (*а* — по данным писцовой книги 1585—1586 гг.; *б* — по данным Разъезжей 1504 г.)

Дмитриева слободка. В. Н. Дебольский локализует эту волость на основании Разъезжей 1504 г. на границе Верейского и Подольского уездов, у рек Верхней Пахры, Черной и Березовки [4, с. 164] (рис. 1).

Луг Ходынский. Очевидно, это Ходынское поле в черте современного г. Москвы.

Плеснь. Волость располагалась, видимо, по р. Плесни, притоку р. Нары в восточной части Верейского уезда, где еще в начале века было с. Плесенское [4, с. 164].

Сурожик. Волость эта впервые фигурирует в духовной Ивана Калиты, где она показана в уделе княгини Ульяны и ее маленьких дочерей. По духовной Ивана Ивановича она продолжала оставаться за вдовой Ивана Калиты, но указано, что «по ее животе» сыновья Ивана Красного должны будут отдать Сурожик ее дочери [2, с. 16]. Тем не менее мы видим, что согласно духовной старшего сына Ивана Красного — Дмитрия Ивановича волость оказалась в его уделе. Возможно, правда, что переход волости к нему был следствием смерти его младшей сестры.

Попытаемся ретроспективно проанализировать данные источников в отношении местоположения этой волости. Писцовая книга 1585—1586 гг. помещает Сурожский стан на следующей территории: западной границей стана было течение р. Молодильни (ряд пунктов по ее левому берегу: с. Троицкое, Рубцово) [6, с. 101, 108]. На северо-западе она проходила через с. Петровское (треть с. Петровского) в верховьях р. Магощи [6, с. 101, 108] и шла по течению этой реки (рис. 4). В территорию стана попадала основная часть течения р. Истрицы (Малой Истры) [6, с. 97, 98]. На востоке в нее включался ряд пунктов по нижнему течению р. Песочны и ее притока р. Доренки, впадающей слева в р. Истру [6, с. 106, 109, 110], а также часть среднего течения р. Б. Истры [6, с. 104] до пустоши Ломаново [6, с. 116].

Разъезжая 1504 г. дает возможность проследить некоторые изменения против границ стана конца XVI в. Южная граница, по-видимому, оставалась неизменной — она начиналась у р. Истры от указанной в писцовых книгах д. Ломаново [2, с. 382] и шла также до верховьев р. М. Истрицы с включением с. Юркино на ее правобережьи. Причем, согласно Разъезжей, волость включала также верховье р. Разводни [2, с. 383]. Западная граница существенно меняется. Волость начала XVI в. доходила до Тростянского озера и частично шла по р. Тростенке, гранича с Тростянской волостью [2, с. 385], затем выходила к р. Молодильне и шла

вверх, до истоков Мологощи. Крайним северо-западным пунктом остается по-прежнему с. Петровское, но волость включала уже не треть, как в писцовых книгах, а половину этого села [2, с. 386]. На севере Сурожика образуется Лучинская волость, включающая с. Лучинское с прилегающими деревнями [2, с. 387] в междуречье низовьев рек Малогощи и Истры.

Упомянутое выше с. Петровское с пустошами «в Сурожице» фигурирует в акте 1468—1472 гг. [29, с. 278].

Учитывая все эти данные, надо признать, что территория древней волости Сурожик располагалась от р. Молодильни и частично Тростянского озера на западе до низовьев Малогощи и р. Истры на востоке, течения р. Малогощи на севере и верховьев р. Разводни на юге (рис. 4).

Духовная грамота Юрия Дмитриевича (1433 г.), который прожил в удельной столице 36 лет, свидетельствует, что звенигородский князь не только сохранил за собой основной костяк волостей и сел, но и присоединил к своим владениям ряд новых.

Микифоровское. Точно локализовать село не удается. По данным Разъезжей 1504 г. д. Микифоровское размещалась на территории волости Сурожик [2, с. 384].

Михайловское. Село можно идентифицировать с современным с. Михайловским, расположенным на левом берегу р. Москвы, выше Звенигорода. В 1978 г. нами были произведены обследования его территории. В селе стоит каменная церковь архангела Михаила постройки XIX в. Древний культурный слой размещался к западу от церкви, в старой части села, где дома вытянуты двумя порядками параллельно берегу р. Москвы. Площадь распространения культурного слоя 47 тыс. м^2. Среди подъемного материала на усадьбе одного из домов найдена свинцовая торговая пломба, по определению В. Л. Янина, западного происхождения.

Смоляная. Волость локализуется В. Н. Дебольским на левобережьи р. Нары, ниже Плесни (рис. 1).

Сущевское. Село размещалось на территории современной Москвы, в районе Сущевских улиц.

Таким образом, удел звенигородских князей 30-х годов XV в. был достаточно обширным. Он простирался от р. Исконы на западе до верхнего течения р. Истры на востоке, от верховьев р. Нары на юге до верховьев р. Ламы на севере (рис. 1).

Попытаемся проанализировать полученную карту. Мы видим, что на территории удела звенигородских князей прослеживаются те же закономерности, которые свойственны и всей Московской земле: княжеские села, как правило, размещаются в ближайших к удельной столице окрестностях, в то время как волости — на периферии удела. Объяснение этого явления можно искать лишь в специфике структуры натурального хозяйства: окрестные села, расположенные вблизи столицы, призваны были обеспечивать сырьем, продуктами и фуражом городское княжеское феодальное хозяйство, в то время как удаленные волости были основой богатства и экономики, доход с которых шел на обогащение княжеской казны.

Интересно проследить те тенденции в территориальном развитии удела, которые намечаются за почти 100-летний период его истории. Оказывается, что количество волостей, входящих в состав удела, имеет устойчивую тенденцию к росту (за 97 лет их число увеличивается на 8), в то время как количество сел, наоборот, имеет тенденцию к уменьшению (так же на 8 за 97 лет). Надо попытаться найти объяснение этому явлению. Для заключений по этому поводу привлечем сведения археологической карты Звенигородья, на которую нанесены памятники XI — XIV вв. (рис. 5). Из сопоставления обеих карт видно, что сложение волостей, основной массив которых падает на северо-запад удела, происходило в регионах, почти совсем не освоенных населением в предшествующее время. Таким образом, напрашивается вывод о том, что образование и сложение волостей — это своеобразная форма освоения новых земель в XIV в., не занятых ранее свободным общинным населением. Именно поэтому намечается тенденция

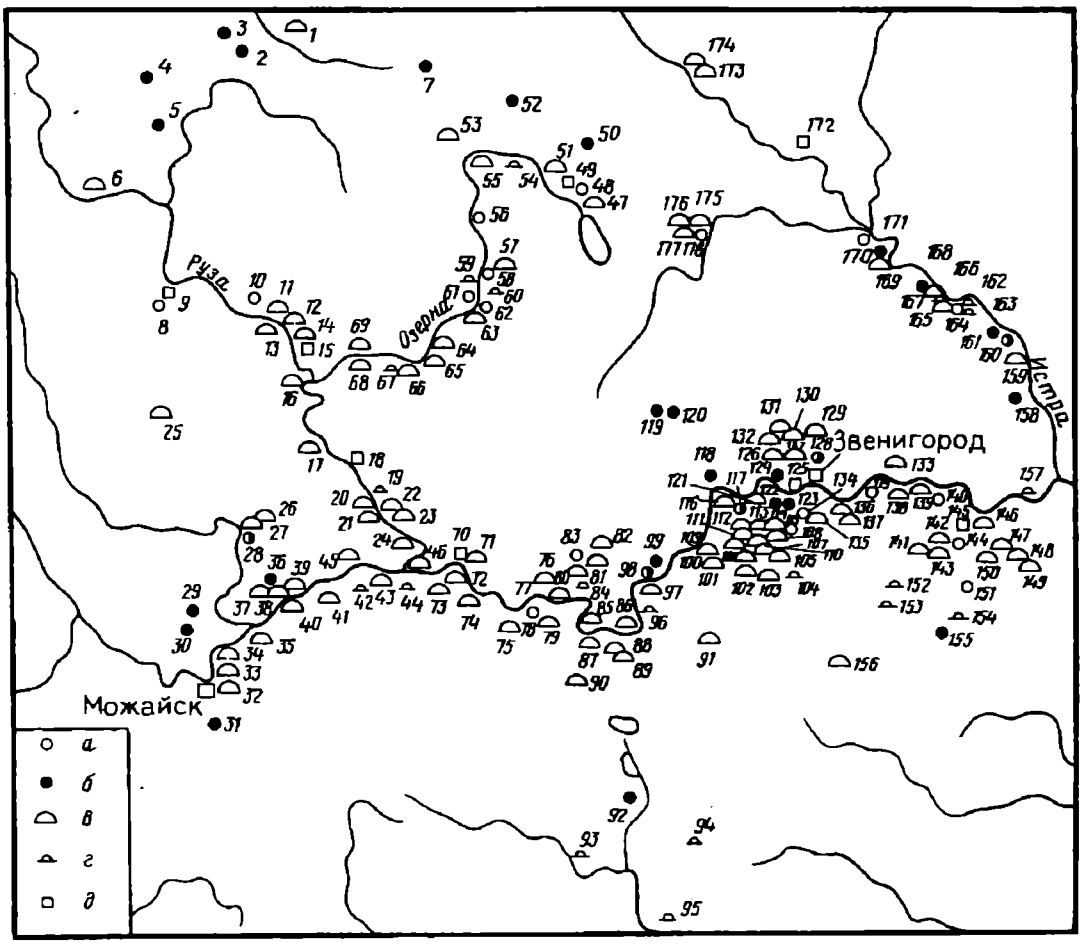


Рис. 5. Археологическая карта Звенигородья (*а* — селища домонгольские; *б* — селища XIV в.; *в* — курганные группы; *г* — одиночные курганы; *д* — городища)

к их увеличению, связанная с освоением окраинных регионов. В то же время княжеские села XIV в. зафиксированы в районах, где плотность населения предшествующей поры наивысшая. Следует, однако, при этом отметить, что во всех без исключения случаях, когда эти села были обследованы археологически, оказалось, что это новообразования XIV в. Слоев предшествующего времени они не содержат. В силу этих обстоятельств напрашивается вывод о том, что внедрение форм княжеского, а также кстати и боярского землевладения в общинную среду было сильно осложнено сопротивлением местного населения, обжившего ранее эти земли. Видимо, феодалам было проще и спокойнее ставить свои села вдали или в крайнем случае по соседству с селами свободных общинников.

Эта закономерность характерна и для всей территории Московской земли.

К сожалению, состояние источников последующей поры позволяет проследить лишь общую судьбу удела. Сведениями о территориальных единицах, его составляющих, мы не располагаем.

После смерти Юрия Дмитриевича (1434 г.) Звенигород «с волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортми, и с селы, и со всеми пошлинами» достается Василию Косому [2, с. 73]. Однако уже в 1436 г. вел. кн. Василий Васильевич «взял собе» крамольный удел [2, с. 90]. В 50-х годах XV в. он отдает его князю серпуховскому и боровскому Василию Ярославичу [2, с. 180]. Эта грамота — единственный из поздних источников, содержащих некоторые сведения о составе удела. Великий князь передает его в сильно урезанном виде. Из звенигородских волостей перечислены лишь «Оугожа, Тростна, Негучь, Ондреевское, Дмитриева слободка да Кляповское». Село Кляповское размещалось на правом берегу р. Москвы выше Звенигорода (рис. 1). Однако уже в начале 60-х годов XIV в. Звенигород

с волостьми снова оказывается во владении великого князя и согласно его завещанию отдается его сыну Андрею [2, с. 195].

В 1492 г. углицкий князь Андрей Васильевич, за которым был Звенигород, «впал в крамолу» к вел. кн. Ивану Васильевичу. Связавшись с литовским королем Казимиром и ордынским царем Ахметом, он готовил измену великому князю, за что был сурово наказан [30, с. 231] и, видимо, лишился всех своих вотчин, в том числе и Звенигорода. Во всяком случае по духовной вел. кн. Ивана Васильевича мы видим Звенигород вновь за великим князем, и отдается он его сыну Юрию [2, с. 359], причем Звенигород все еще остается уделом с волостьми, селами и т. д. (1504 г.).

Лишь в 1566 г. источники впервые фиксируют превращение Звенигорода в центр уезда и образование вокруг него Городского стана [2, с. 423].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы//ВИД. 1987. Вып. XVIII.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XV вв. М.; Л., 1950.
3. *Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот//Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
4. *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей XIV — XVI вв. как историко-географический источник//ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. I, II. Кн. 5.
5. *Любавский М. К.* Образование основной территории великорусской народности. Л., 1929.
6. Писцовые книги Московского государства XVI в. Отд. I. СПб., 1872.
7. *Юшко А. А.* Отчет об археологических разведках на территории Московской области в 1978 г.// Архив ИА. Р.—1. Д. 7991.
8. *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии Московской земли//СА. 1980. № 2.
9. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв. Ч. 2. М., 1956.
10. *Кучкин В. А.* Из истории средневековой топонимии Поочья (названия древних московских волостей). Саранск, 1976.
11. *Успенская А. В.* Успенское городище//КСИИМК. 1957. Вып. 68.
12. *Юшко А. А.* Отчет о работе Разведочного Подмосковного отряда в 1981 г.//Архив ИА. Р.—1. Д. 8658.
13. *Юшко А. А.* Отчет о работе в Московской и Смоленской областях в 1972 г.//Архив ИА. Р.—1. Д. 5077.
14. *Альтшуллер Б. Л.* Новые исследования Никольской церкви села Каменского//Архитектурное наследство. 1972. № 2.
15. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
16. *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г.//Архив ИА. Р.—1. Д. 6200.
17. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1980 г.//Архив ИА. Р.—1. Д. 8116.
18. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Т. XXIV. Спб, 1862.
19. *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937.
20. ПСРЛ. Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.
21. *Голубева Л. А.* Раскопки в г. Рузе//Тр. ГИМ. 1953. Вып. 22.
22. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. М., 1960.
23. *Фехнер М. В.* Москва и ее ближайшие окрестности//МИА. 1949. № 12.
24. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964.
25. *Успенская А. В.* Отчет о работах в Звенигородском районе в 1954 г.//Архив ИА. Р—1. Д. 991.
26. *Краснов Ю. А.* Отчет об археологических разведках в Звенигородском, Рузском и Истринском районах Московской области в 1957 г.//Архив ИА. Р—1. Д. 1432.
27. *Холмогоров В., Холмогоров Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI — XVIII ст. Вып. 2. Звенигородская десятина. М., 1882.
28. *Юшко А. А.* Московская земля IX — XIV вв. М., 1991.
29. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. I. М., 1952.
30. Патриаршая или Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XII. М., 1965.

Институт археологии РАН,
Москва

JUSHKO A. A.

FORMING OF THE MOSCOW ZVENIGOROD PRINCES APPANAGE IN THE 14-15 CENTURIES

Summary

The article deals with the development of the Zvenigorod princes' appanage during 150 years. The author analyzed the first Moscow princes testaments and localized the volosts (small rural districts) and villages. The results were compared with Zvenigorod district archaeological map that helps to investigate the introduction of the feudal land ownership into the community life.

Публикации

И. А. СЕМЕНЧУК

КОСТЯНОЙ НАКОНЕЧНИК ДРОТИКА ИЗ ПОДНЕПРОВЬЯ

Костяной наконечник дротика был найден на берегу Днепра, в песке, в районе гидромеханизации Днепродзержинской гидроэлектростанции (г. Днепродзержинск Днепропетровской области). Хранится дротик в Днепропетровском историческом музее (КП-14 8970, А-12 046).

Изготовлен дротик из трубчатой кости очень крупного животного (рисунок). Структура кости пористая. Поверхность покрыта черной «патиной». Сечение дротика удлиненно-овальное (веретенообразное). Основание слегка уплощенное. Верхняя часть — заостренная и более плоская по сравнению с основанием. Ребра имеют пазы для кремневых вкладышей. Первоначально бороздка для паза намечалась резцом, а затем, видимо, прямой тонкой пластиной пропиливался паз от основания к острию наконечника. Продольные следы от работы резца хорошо видны. Косые насечки прорезаны резцом. Об этом свидетельствует некоторая извилистость линий и следы срывов резца. Горизонтальные линии сделаны пропилами. Штриховка сделана резцом [1]. Поверхность дротика покрыта орнаментом, состоящим из удлиненно-ромбовидных фигур (картушей), разделенных внутри параллельными горизонтальными линиями, между которыми имеются косые насечки и точечные вмятины. Исключением являются два картуша с узором, представляющим собой цепочку из овальных звеньев и точечных вмятин. На лицевой стороне имеется 10 картушей, на спинке — 1. Картуши расположены в следующей последовательности: 3, 2, 3, 2.

Первый ряд (нижний) орнамента состоит из 3 картушей. Центральный картуш разделен 12 горизонтальными линиями на 7 секций, причем между 3 секциями нет промежутков. Косых насечек 24 с учетом 1 укороченной в третьей секции. В нижней части картуш не заканчивается треугольным мыском. Это объясняется, вероятно, тем, что основание дротика прикреплялось к древку и не было смысла ни удлинять, ни заканчивать картуш. По обе стороны данного картуша имеются 2 с узором из овальных звеньев. По центру звеньев правого картуша нанесено 6 точек и 6 — на каждой из сторон (в общей сложности 18 точек). По центру звеньев левого картуша нанесено 7 точек и по 7 точек на каждой из сторон (всего 21 точка).

Второй ряд орнамента. Картуш справа не имеет косых насечек, только горизонтальные линии. Их 17. Картуш слева разделен 16 горизонтальными линиями на 8 секций. Косых насечек 33.

Третий ряд. Центральный картуш разделен на 7 секций 14 горизонтальными линиями. В каждой секции по 4 косых насечки. Всего — 28. Картуш справа от центрального состоит из 1 половины, далее идет боковой паз. В этом картуше

[1] Автор приносит искреннюю благодарность д-ру ист. наук А. К. Филиппову, сотруднику Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) за помощь, оказанную при описании техники изготовления дротика.

© И. А. Семенчук, 1994 г.

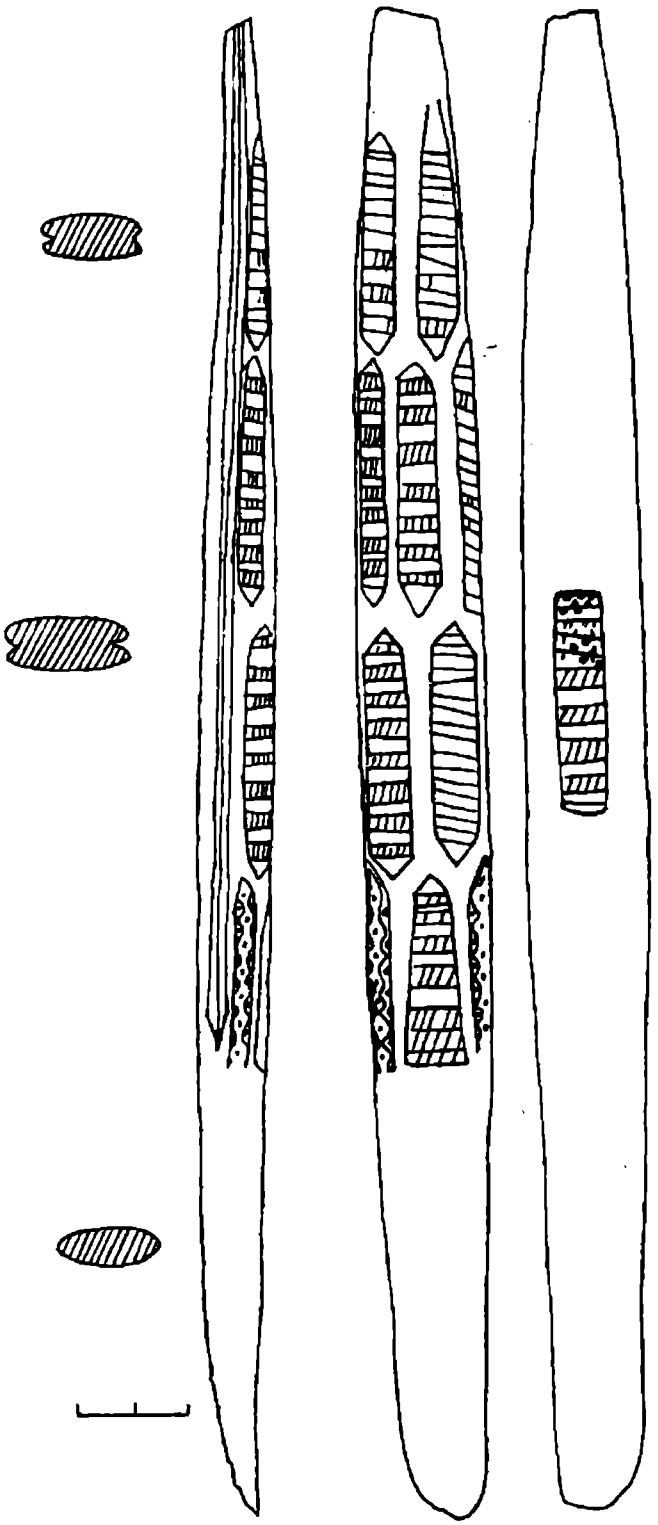


Рисунок. Костяной наконечник дротика из Днепродзержинска

17 горизонтальных линий. Насечки просматриваются частично. Их 5. Картуш слева имеет 16 горизонтальных линий, которые делят картуш на 8 секций. Косых насечек 25.

Четвертый ряд орнамента. К сожалению, в этом месте дротик имеет повреждения, поэтому трудно дать полное описание картушей. В правом просматривается 15 горизонтальных линий, в левом 13. Косые насечки в левом картуше просматриваются частично. Их 18.

Картуш на обратной стороне не заканчивается треугольными мысками. Разделен на 14 секций 15 горизонтальными линиями. В 4 секциях нанесено 16 косых насечек, по 4 в каждой секции. В остальных секциях этого картуша узор просматривается нечетко.

Датировать дротик сложно по двум причинам. Во-первых, это случайная находка. Во-вторых, полных аналогов дротику не обнаружено. Наиболее близкая находка происходит из пещеры Машицка (Польша) [1, рис. 2, *2*]. Более отдаленную аналогию можно найти в материалах пещеры ля Мадлен во Франции [2, табл. 28, 29, 45, 46].

На основании существующих аналогий наконечник дротика можно датировать приблизительно верхним палеолитом.

Особенности изображений на поверхности дротика, их характер говорят о сложных магико-числовых представлениях этой эпохи. О существовании сложного счета в верхнем палеолите говорят В. А. Фролов [3], А. Маршак [4], В. Е. Ларичев [5], О. Н. Бадер [6]. Авторами объясняется число 7 и производные — 14, 18, 21, 28 (числа, встречающиеся в картушах дротика) — как числа, носящие календарный характер. На территории Восточной Европы эта находка является уникальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *J. K. Kozlowski.* Le Magdalenien en Colonge. Le Magdalenien in Europe. Liege, 1987.
2. *A. Sieveking.* Catalogue of Palaeolithic Art in the British Museum. London. 1987.
3. *Фролов В. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.
4. *A. Marshack.* The Roots of Civilization. The cognitive beginnings of man's first art, symbol and notation. Mc. Grow-Hill Bock Company. N. Y., 1972.
5. *Ларичев В. Е.* Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества//Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985.
6. *Бадер О. Н.* О возникновении арифметического счета в палеолите//Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Днепропетровский исторический музей

SEMENTCHUK I. A.

BONE DART-HEAD FROM THE DNIEPER REGION

Summary

The bone dart-head was found on the bank of the Dnieper-river in the city of Dneprodzerzhinsk, Dnepropetrovsk area. It has an ornament of horizontal and vertical cuts in cartouches. The dart-head has no direct analogies, nevertheless some similar objects let date it to the Upper Palaeolithic. The find is unique for the Eastern Europe.

В. А. БОРЗУНОВ, В. М. МОРОЗОВ

К ИЗУЧЕНИЮ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ (городище УФА VI)

Данная статья продолжает серию публикаций об укрепленных поселениях финно-угров Урала и Западной Сибири. Объектом анализа является типичное для Южного Урала мысовое городище, внешне фиксируемое как трехплощадочное.

До недавнего времени раскопки уральских городищ проводились, как правило, малоинформативными и изживающими себя методами вскрытия небольших участков поселенческой площадки и разреза фортификаций одной-двумя поперечными траншеями. Упор делался на охват наибольшего количества памятников, а не на углубленное изучение их особенностей, в том числе оборонительных систем. Это приводило к поспешным и даже парадоксальным выводам об отсутствии оборонительных стен на валах, исключительной слабости фортификаций [1, с. 35—37; 2, с. 111]. Исследования же городищ большими площадями позволяют установить для лесных уральских поселений не только наличие оборонительных стен, но и выявить конкретные типы и дополнительные элементы обороны — бастионы, башни, укрепленные входы, крепиды валов и др. [3, с. 44; 4, с. 33—37; 5, с. 137]. Крупномасштабные полевые работы доказывают, что формально включаемые в классификации многоплощадочные мысовые городища первоначально представляли собой разновременные одно- и двухплощадочные укрепления, иногда с ранними наслоениями. Это подтвердили и раскопки городища Уфа VI.

Памятник открыт в 1977 г. разведочной группой экспедиции Челябинского университета под руководством А. Д. Таирова при обследовании зоны строительства Долгобродского водохранилища в верховьях р. Уфы [1]. Он находится в 28 км к северо-западу от с. Терегусты (Большие Егусты) Кыштымского района Челябинской области, на левом берегу р. Уфы. В 1,5 км вниз по течению реки от этого места, близ устья р. Большой Егусты прослеживаются остатки снесенной д. Уфы. Поселение занимало верхнюю площадку узкого вытянутого мыса высотой 13—14 м. Размеры площадки 15—30 × 50—55 м. Близ оконечности, в центре и у основания она перегорожена остатками трех дуговидных расплывшихся валов шириной 1—3 м, удаленных друг от друга на 11—12 м. Общая площадь памятника составляет около 1000 м^2, однако до трети ее приходится на неудобные для заселения крутые склоны (рис. 1, *а*).

В 1978—1979 гг. Горно-Уральским отрядом экспедиции Уральского университета под руководством В. А. Борзунова исследована наименее заселенная северо-западная часть мыса. Раскоп площадью 452 м^2 охватил основные участки поселенческих площадок и фортификаций. Из-за незначительной общей мощности культурных слоев (20—60 см) вскрытие велось зачистками по 5—7 см с точной фиксацией залегания всех находок по глубине и на плане.

Стратиграфия памятника достаточно проста. Под дерном толщиной 3—5 см залегал темно-серый подзол мощностью от 4 до 25 см, перекрывавший на первой и второй от оконечности мыса площадках слой серого суглинка (до 25 см), на

[1] Выражаем благодарность А. Д. Таирову за возможность использования в статье материалов разведки.

© В. А. Борзунов, В. М. Морозов, 1994 г.

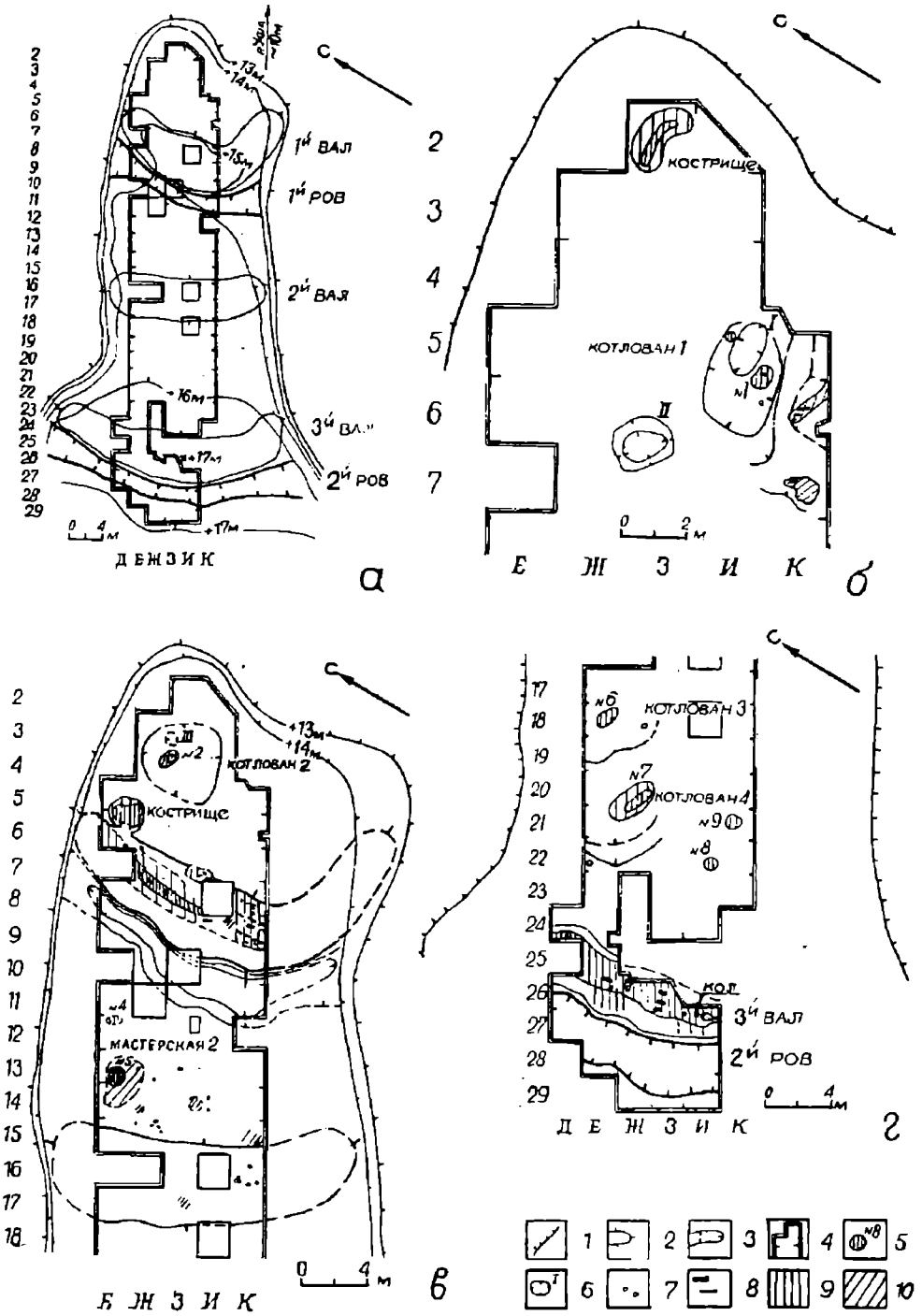


Рис. 1. Городище Уфа VI. Планы памятника и раскопа: *а* — топографический план; *б* — липчинская энеолитическая стоянка; *в* — гамаюнское городище раннего железного века; *г* — объекты раннего средневековья. *1* — край верхней площадки мыса; *2* — вал; *3* — ров; *4* — границы раскопа; *5* — очаг; *6* — хозяйственная яма; *7* — ямки от столбов и кольев; *8* — обугленное дерево; *9* — прокал; *10* — углистый слой

третьей — темный погребенный подзол (до 30 см). На разных уровнях серого суглинка встречались черные углистые пятна, а также красные и желтые прокалы. Валы фиксировались по наслоениям бурого либо светло-серого суглинка с мелким щебнем мощностью от 10 до 40 см. Под всеми слоями на отдельных участках у оконечности мыса и под валами сохранился горизонт темно-серого суглинка (5—25 см). Культурные слои на мысу подстилал плотный желто-серый суглинок.

Культурные остатки принадлежат основным четырем периодам: энеолиту, поздней бронзе, началу железного века и раннему средневековью. Не исключено

Таблица 1

Хронология и пространственное распределение типов керамики городища Уфа VI

№№ п.п.	Тип керамики	Хронология	Количество сосудов	Количество орнаментированных фрагментов	Средняя глубина залегания фрагментов (в см)	Распределение фрагментов керамики на мысу		
						оконечность мыса (1-я площадка и вал)	центр мыса (2-я площадка и вал)	основание мыса (3-я площадка мыса и вал)
1	Энеолитическая липчинская	Вторая половина III — рубеж III—II тыс. до н. э.	Не определено	16	19,4	14	1	1
2	Южноуральская поздней бронзы — раннего железного века	Около IX—VII вв. до н. э.	3—5	20	29,6	—	19	1
3	Северная крестовая поздней бронзы	Около IX—VII вв. до н. э.	2	6	15,5	6	—	—
4	Гамаюнская	Около VIII—VI вв. до н. э.	15	88	23,7	69	11	8
5	Раннего средневековья	Около II—III — V—VI вв. н. э.	46	210	14,4	62	45	103
6	Поздняя и неопределенная	I—II тыс н. э.	Не определено	7	13,2	1	4	2
	Итого	Вторая половина III тыс. до н. э. — II тыс. н. э.	Не определено	347	17,8	152	80	115

Таблица 2

Пространственное распределение керамики раннего средневековья городища Уфа VI

№№ п.п.	Часть мыса (площадка), группа керамики	Оконечность мыса (1-я площадка)	Центр мыса (2-я площадка)	Основание мыса (3-я площадка)	Всего
1	Первая группа	8(2)	4(1)	14(2)	23(3)
2	Вторая группа	9(6)	9(5)	13(3)	23(8)
	Итого	17(8)	13(6)	27(6)	26(11)

Примечание. В скобках указано количество сосудов, фрагменты которых найдены на двух и трех площадках.

хронологическое смыкание материалов конца бронзового и начала железного веков. Остатки энеолита концентрировались у оконечности мыса в темно-сером суглинке, периода поздней бронзы — на отдельных участках в центре и у основания мыса в нижней части серого суглинка, раннего железного века — на оконечности и в центральной части мыса в сером суглинке. Орнаментированная

керамика раннего средневековья залегала в подзоле по всему мысу, однако половина ее и остатки всех сооружений этого периода зафиксированы у основания мыса (табл. 1, 2; рис. 1, *г*).

Энеолитическая стоянка площадью не более 150 м^2 находилась у оконечности мыса. Значительная часть ее слоя была разрушена при строительстве гамаюнского укрепленного поселения. Судя по стратиграфии и распределению находок, с энеолитом связаны остатки кострища, двух ям (I, II) и слабо фиксируемого котлована 1 (рис. 1, *б*).

Кострище, открытое на участке З/2, слабоуглубленное подковообразное, размером 2,1 × 0,7 м. В красном прокаленном суглинке очага и близ него обнаружены многочисленные кальцинированные кости животных (по-видимому, косули) [2], а также мелкие обломки липчинских сосудов с примесью толченого талька в глине (рис. 2, *1—10*). Орнаменты на посуде в виде взаимопроникающих заштрихованных геометрических зон, выполненных характерной для энеолита лесного Зауралья техникой «отступающей палочки» [6, с. 9].

Котлован неправильный овальный, слабоуглубленный (4,4 × 3 × 0,3—0,4 м), с неровным дном (уч. И-К/5—6), выкопан в материке и ориентирован почти продольно мысу (ЗЮЗ—ВСВ). Заполнен темно-серым и углистым суглинками. В восточной части углубления находились овальная хозяйственная яма I (1,6 × × 0,8 × 0,4 м) и выстланный тонким слоем прокаленного суглинка чашевидный очаг 1 (0,85 × 0,6 × 0,2—0,3 м). В южной части расчищена ямка от столба диаметром 0,15, глубиной 0,2 м. В заполнении котлована найдены кремневые отщепы, керамика энеолита и раннего железного века. Не исключено, что данный объект являлся центральной частью легкого наземного энеолитического жилища. В 0,7 м к западу от котлована находилась большая овальная яма II (1,6 × 1,2 × × 0,32 м) без находок.

Открытая на мысу энеолитическая стоянка относится к немногочисленным стационарно исследованным памятникам липчинской культуры III — начала II тыс. до н. э. Наряду с энеолитическим слоем городища Серный Ключ [3] и Нязепетровской II стоянкой [4] на р. Уфе она фиксирует юго-западную границу данной культуры.

Материалы конца бронзового — начала железного веков представлены местными южноуральскими, западносибирскими крестовыми и гамаюнскими керамическими комплексами, а также остатками гамаюнских оборонительных, жилых и производственных сооружений, орудиями труда, оружием и костями животных.

Южноуральская керамика залегала на отдельных участках в центре и у основания мыса (уч. И/11, 13; Ж/15; К/17; Ж/20). Это остатки трех — пяти лепных горшечных сосудов с примесью толченого талька в глине. Венчики их округлые, шейки дуговидные, слабо отогнутые, плавно переходящие в раздутые тулова. Найден фрагмент плоского дна. Шейки и плечики горшков украшены резными линиями, зигзагами, заштрихованными треугольниками, рядами коротких наклонных насечек (рис. 2, *11—13*). А. Ф. Шорин считает данную посуду переходной от позднебронзовой (межовской) к иткульской, Г. В. Бельтикова — иткульской [5]. Нам близка первая точка зрения: орнаментальные сюжеты керамики поселения Уфа VI достаточно сходны с позднебронзовыми лесостепными, хотя в целом посуда памятника отличается от эталонной черкаскульской, межовской [7, с. 85] и иткульской [8, с. 121—122; рис. 1, 2].

Обломки двух горшков западносибирского облика найдены на первой площадке городища. Первый сосуд тонкостенный, светло-желтого цвета, с примесью песка. Диаметр по венчику 15 см. Венчик приостренно-округлый, шейка дуговидная, вогнутая. На венчике нанесен ряд насечек. Шейка украшена поясками круглых ямок, выстроенных парами, зигзагами из штампованных косых крестиков, раз-

---

[2] Видовое определение костных остатков памятника выполнено сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН П. А. Косинцевым.

[3] Раскопки В. А. Борзунова 1989—1992 гг.

[4] Разведка В. А. Борзунова, С. Э. Бабинцева, Н. Н. Новиченкова 1983 г.

[5] Выражаем признательность А. Ф. Шорину и Г. В. Бельтиковой за консультацию.

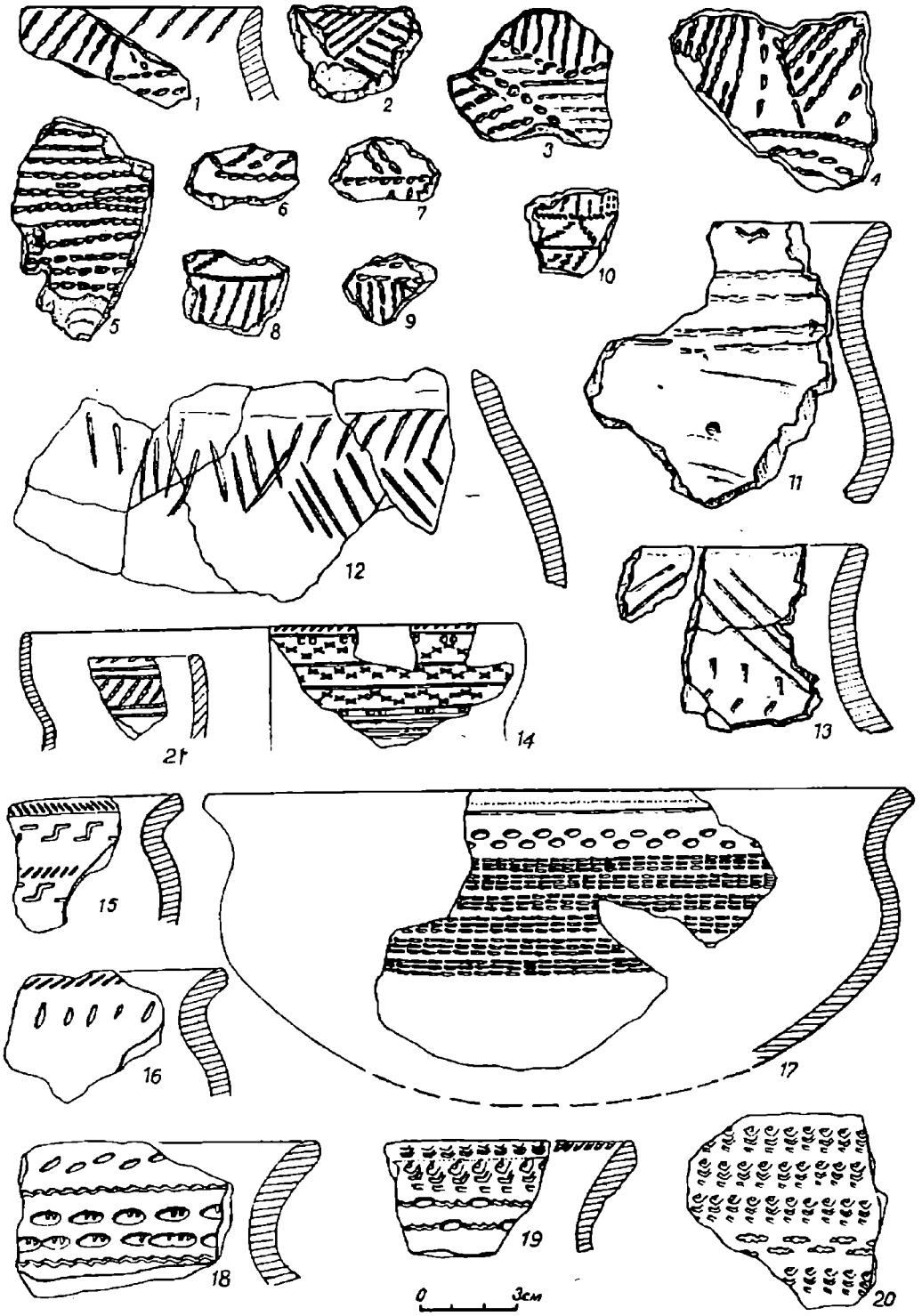


Рис. 2. Городище Уфа VI. Керамика энеолита (*1—5*), поздней бронзы (*11—14*, *21*) и раннего железного века (*15—20*)

деленными концентрическими прочерченными линиями. В основании шейки нанесены такие же линии (рис. 2, *14*). Морфология, примеси к глине, прочерченная техника орнаментации и расположение ямок отличают данный сосуд от гамаюнских. Второй сосуд западносибирского типа — с тонкой, слабо вогнутой внутрь шейкой и плоским венчиком — орнаментирован мелкогребенчатым штампом. В глине примесь песка и талька (рис. 2, *21*). Ближайшим аналогом им являются позднеатлымские горшки Нижнего и Сургутского Приобья X—VIII вв. до н. э. [9, с. 8—11, рис. 3, *3*, *4*; 10, с. 52, 53, рис. 2, *5*; 11, с. 110—111, рис. 4, *14*],

красноозерские Среднего Прииртышья IX—VII вв. до н. э. [12, рис. 2, *5*; 13, с. 92—96].

Ориентировочная хронология южноуральской и западносибирской крестовой керамики эпохи поздней бронзы городища Уфа VI—IX—VII вв. до н. э.

Гамаюнское укрепленное поселение двухплощадочное, площадью 480 м², занимало северо-восточную и центральную части мыса (рис. 1, *в*). Площадки городища подпрямоугольные, ограничены с напольной стороны двумя поперечными фортификациями. Полезная площадь первой — 150 (с обороной — 290) м², второй — 130 (с обороной — 190) м². Раскопом площадью 295 м² вскрыты остатки оборонительных систем, жилых и производственных построек.

Остатками первой фортификации являлись дуговидные вал и ров длиной 23 м. Вал невысокий, расплывшийся, в разрезе сегментовидный (0,4—0,5 × 4—5,6 м). Сложен бурым суглинком со щебнем, насыпанным поверх энеолитического слоя. Первоначально насыпь была несколько выше и у́же. В основании вала, вдоль центральной оси, прослеживалась полоса интенсивного ярко-красного прокала шириной 1,2—2 м, мощностью 0,1—0,15 м. В пределах этой полосы продольно валу, на различных уровнях, иногда в несколько рядов залегали обломки обугленных бревен и жердей диаметром 10—17 см. С внешней стороны к насыпи примыкал мелкий (0,2—0,4 м) ровик, расширявшийся в центре (до 3,3 м) и сужавшийся по краям (1,1—1,6 м).

По-видимому, общая система обороны поселения была замкнутой, так как укрепления требовали не только напольная сторона́, но и покатые невысокие склоны мыса. Оборонительная бревенчатая стена, как нам представляется, опоясывала всю первую площадку. С напольной стороны и отчасти вдоль южного края мыса она была возведена поверх вала. Последний служил фундаментом стены, а также укреплял ее основание и увеличивал высоту всей фортификации с наиболее уязвимой, напольной стороны городища. По всей вероятности, бревна оборонительной стены укладывались в один или два ряда по принципу заплота, т. е. горизонтально, друг на друга и укреплялись вертикально вкопанными кольями-столбами. Ямка от подобного столба зафиксирована в валу на уч. Ж/7. Не исключено, что стены в двурядных системах соединялись какими-то вертикальными поперечными стенками, а также горизонтальными настилами или надстройками. Судя по незначительной глубине и ширине, ровик практически не имел оборонительного значения. Он возник в результате забора грунта при строительстве вала и служил главным образом водоотводом, предохранявшим вал и стену от размывания. Сходные фортификации вскрыты на синхронном мысовом Зотинском IV и других гамаюнских городищах [4, с. 36, табл. 1].

Второй вал городища Уфа VI удален от первого на 11—12 м. Он сложен светло-серым суглинком, насыпанным поверх темно-серого. Восточная пола насыпи перекрыта серым суглинком — основным слоем раннего железного века, весь вал — поздним черным подзолом. В отличие от первого вала второй почти прямой, но меньших размеров (18 × 5 × 0,3 м) и сильно деформированный. Остатков бревенчатой стены в нем не обнаружено, однако расчищено несколько неглубоких ямок от крепежных кольев диаметром 7—16 см (уч. К/16). Оборонительная стена, вероятно, была и примыкала к первой, шла вдоль краев мыса и по валу. Ровик отсутствовал. В целом система была менее мощной, чем первая.

На первой площадке расчищены остатки жилища с расположенными в нем меднолитейной и камнеобрабатывающей мастерскими, а также большое открытое кострище и два углистых пятна. На второй площадке обнаружены следы еще одной камнеобрабатывающей мастерской (рис. 1, *в*).

Жилище раннего железного века наземное, с неглубоким овальным котлованом 2 в центре, размером 4,6 × 4,4 × 0,3 м, ориентировано перпендикулярно мысу (уч. Ж-И/3—5). В северной половине котлована находились слабоуглубленный овальный очаг 2 (0,85 × 0,65 × 0,26) и округлая хозяйственная яма III (0,68 × × 0,2 м) с обожженными костями животных и отщепами. В очаге и близ него найдены обломки гамаюнского чашевидного сосуда со следами плавки меди

волго-камской химической группы (рис. 2, *17*) [6]. По всему помещению были разбросаны орудия и отходы камнеобрабатывающего производства. Одновременно следует отметить, что наличие домашних мастерских является характерным признаком гамаюнских поселений [7, *Б*; 10, 14, с. 48, рис. 6].

Кострище находилось в западном углу первой площадки, близ вала и края мыса (уч. Е-Ж/5—6). Оно сложено ярко-красным и бурым прокаленными суглинками, частично перекрыто расплывшимся валом. В плане кострище овальное, в разрезе — двояковыпуклое (1,7 × 1,3 × 0,3 м). В заполнении и близ очага встречались обломки гамаюнских и западносибирского крестового сосудов, отщепы, обожженные камни и кости косули. Поверх западного края кострища на глубине 0,15—0,2 м залегали обломки обугленных жердей. Возможно, это остатки сгоревшей оборонительной стены.

Первое углистое пятно овальное, размером 1 × 0,7 м (уч. К/7). В заполнении и близ него найдены отщепы, фрагмент гамаюнского сосуда и обугленное дерево. Второе пятно вытянутое, его вскрытая часть имела размеры 1,6 × 0,35 м (уч. К/6); в заполнении пятна также обнаружено обугленное дерево. По-видимому, первое пятно являлось остатками открытого очажка 3, второе — следами сгоревшей плахи. Не исключена связь данных остатков с предполагаемыми объектами на неисследованном южном крае первой площадки (рис. 1, *б*).

Вторая камнеобрабатывающая мастерская находилась близ северо-западного края мыса, в легкой наземной каркасной постройке, обогревавшейся одним-двумя очагами (4 и 5). Очаги овальные, углубленные. Основная масса гамаюнской керамики, изделий и отходов камнеобработки концентрировалась в большом углистом пятне (3,4 × 1,6 × 0,2 м), расположенном вокруг очага 5. Предполагаемые размеры постройки: 5—7 × 3,5—4 м. К югу от нее гамаюнских объектов не обнаружено. Возможно, эта часть второй площадки в период раннего железа оставалась свободной.

С гамаюнским поселением связаны остатки не менее 15 сосудов: 1 чашевидного и 14 горшечных (табл. 1). Гамаюнская керамика с примесью толченого талька, иногда обильной. Венчики сосудов плоские со скосом наружу, шейки дуговидные, слабо и сильно отогнутые, плечики выпуклые, придонные части резко зауженные, днища уплощенные. Орнаментированы все шейки, почти все венчики (93%), плечики и стенки, у половины сосудов — обратные стороны шеек под венчиками. Придонные части, как правило, не украшались. Орнамент на большинстве сосудов сплошной, с примыкающими, реже раздельными зонами (на шейке, плечиках, стенках и днищах). Из четырех основных типов гамаюнской керамики, выделенных по орнаментации [15, с. 99; 14, с. 57], на городище Уфа VI представлены только два: с ямочно-волнистопрокатанной орнаментацией (12 сосудов; рис. 2, *17—20*) и с ямочно-насечковой (3 сосуда; рис. 2, *15, 16*). Последняя группа близка иткульской посуде II типа [8, с. 120—125]. Сосуды украшены поясками ямок и насечек-вдавлений, иногда выстроенных в шахматном порядке, а также широкими горизонтальными и наклонными взаимопроникающими лентами, заполненными прокатанными волнистыми узорами. На днищах горшков мелкими ямками и наколами изображена многолучевая фигура в круге. Вероятно, это крест в круге — орнамент, типичный для гамаюнской посуды. В целом на гамаюнской керамике городище Уфа VI преобладают крупноволнистые прокатанные узоры (57%) и насечки-вдавления (30,9%), нанесенные комбинированными глиняными штампами в форме сердечек [ср.: 14, рис. 24, *1—10*]. Реже встречаются ямочно-накольчатые узоры (10,5%), единично — глубокая фигурная уточка и насечки гладким штампом (1,1 и 0,5%).

В целом от усредненной характеристики гамаюнской керамики [14, с. 54—57, рис. 11—13] посуда городища Уфа VI при общем сходстве отличается наличием сосуда чашевидной формы, отсутствием крестового орнамента и относительно

[6] Анализ металла выполнен Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых в лаборатории ИА РАН (шифр: ИА-30239).

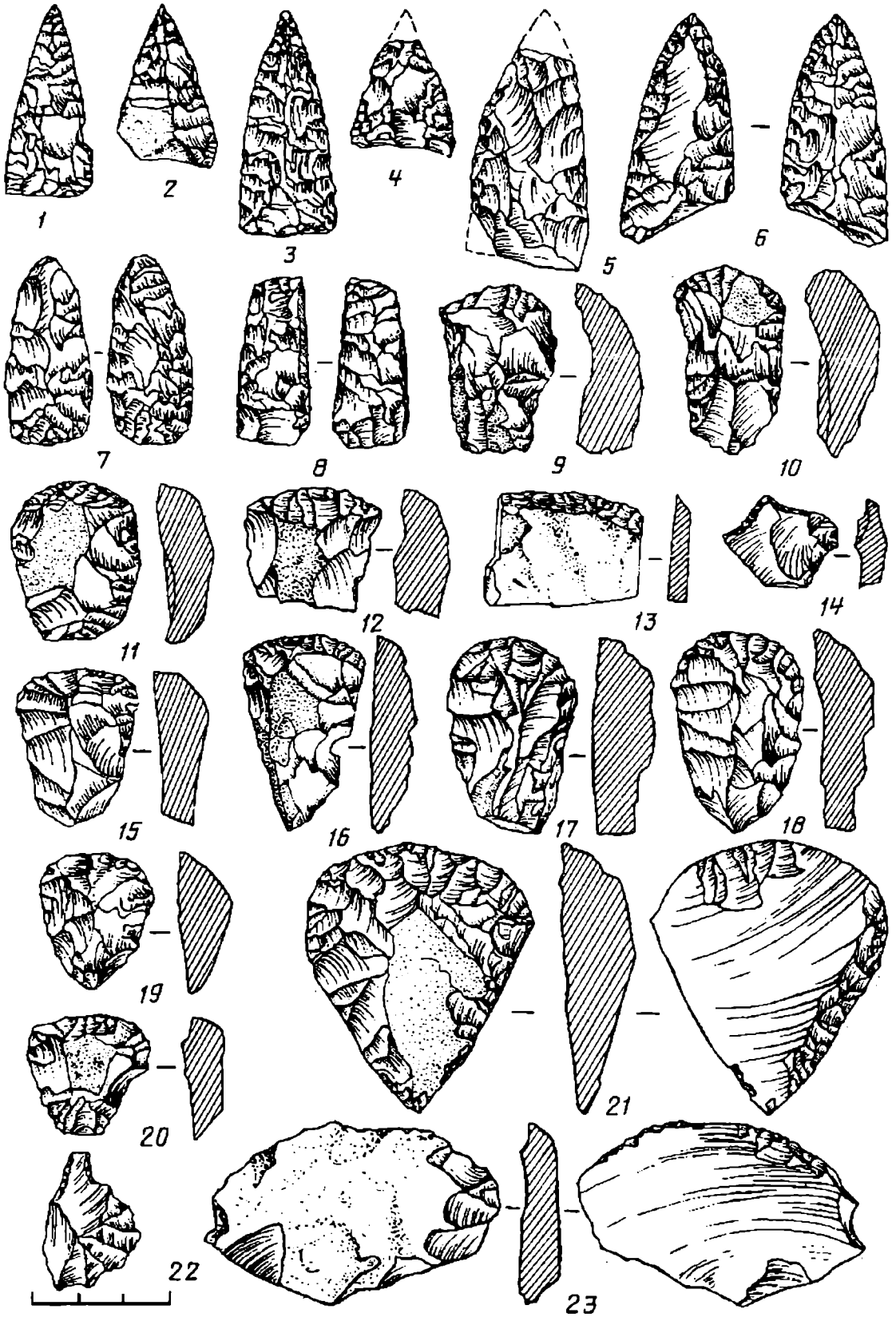


Рис. 3. Городище Уфа VI. Гамаюнские изделия из камня: *1—7* — наконечники стрел; *8* — заготовка наконечника стрелы или ножа; *9, 10* — скобели; *11, 12* — скобели-скребки; *13* — скребок-нож; *14* — скобелек; *15—21* — скребки; *22* — провертка (острие); *23* — скребло

значительным количеством волнисто-прокатанных узоров. По элементам и соотношению приемов орнаментации она наиболее сходна с гамаюнской керамикой городищ Серный Ключ, Миасского I и у оз. Мелкого.

Металлических орудий на городище нет, что характерно для гамаюнской культуры. Все 32 экз. орудий изготовлены из камня (рис. 3). Исходной заготовкой во всех случаях являлся отщеп. Сырьем служил кремень различных оттенков (преимущественно серых) (87,5%), реже — сургучная яшма (9,4%) и зеленоватая кремнистая порода (3,1%). Изделия большей частью монофункциональные: скребки (17 экз.), наконечники стрел (7), скобели и скобельки (3), острие-провертка (1). Кроме того, в коллекции имеется заготовка наконечника стрелы или ножа (рис. 3, *8*). Полифункциональные орудия единичны: 2 скобеля-скребка, 1 скребок-нож и 1 скобель-скребло [7].

Основной морфологический тип скребка и скобеля — изделие с округлым и дуговидным лезвием, вытянутой подтреугольной или подтрапециевидной хвостовой частью, подтесанным брюшком и сохраненным ударным бугорком (рис. 3, *9—11*, *15—21*). Очень редко изготовлялись скребки прямоугольной формы (рис. 3, *12*, *13*). Наконечники стрел трех типов: треугольные с прямыми и сводчатыми гранями, овальный со сводчатыми гранями (рис, 3, *1—7*).

Орудия и отходы камнеобрабатывающего производства составляют соответственно 24 и 76%. Предполагается, что часть отщепов использовалась в качестве мясных ножей.

Такой состав каменного инвентаря свидетельствует прежде всего о том, что производились, совершенствовались и типизировались главным образом орудия, связанные с основными видами хозяйственной деятельности — охотой, обработкой шкур и дерева. При этом вторичная обработка камня проводилась прямо на поселении.

Каменные орудия Уфы VI аналогичны гамаюнским изделиям поселения на мысу Еловом, Туманских и Шайдурихинского укрепленных жилищ, городищ Оськинского I, Серный Ключ, Зотинских II, IV и инвентарю позднебронзового поселения Балакино под г. Нижним Тагилом [15, с. 105, 108; 16, с. 97—99; 17, рис. 5; 14, рис. 20, 21].

В коллекции с памятника имеются также два обломка круглых пряслиц диаметром 4 и 6,2 см, изготовленных из обломков сосудов.

Судя по планиграфии и стратиграфическому распределению гамаюнских объектов и находок, ранним являлось поселение у оконечности мыса (первая площадка), укрепленное более мощной первой фортификацией. С этим укреплением связан период наиболее интенсивной жизнедеятельности. Позднее за первой стеной были возведены помещение второй камнеобрабатывающей мастерской и вторая линия обороны. Однако вторая площадка оставалась менее обжитой, чем первая.

Датирующих вещей на городище не найдено, поэтому время гамаюнского памятника устанавливается косвенно: по каменному инвентарю, размерам оборонительной системы, хронологии южноуральских гамаюнских памятников и отчасти — по позднебронзовой керамике. Единичные гамаюнские памятники в Южном Зауралье появились на рубеже бронзового и железного веков, около IX—VII вв. до н. э., синхронно с поздними межовскими и бархатовскими (находки керамики на городище Миасское I, поселении Ново-Шадрино II и др.) [14, с. 91]. Основная масса гамаюнских городищ основана в начале железного века, в момент генезиса иткульской культуры (VIII—VII вв. до н. э.), и существовала до конца гамаюнской (около IV в. до н. э.). Как нам представляется, городище Уфа VI является одним из ранних южноуральских гамаюнских памятников. Об этом свидетельствуют представительный набор каменных орудий, малые размеры первой укрепленной площадки [4, с. 38, табл. 2], отсутствие широко распространенных

[7] Трасологический анализ выполнен сотрудником археологической лаборатории УрГУ Н. А. Алексашенко.

иткульских изделий VI—III вв. до н. э. Кроме того, не исключена связь западносибирской крестовой керамики и позднебронзовой южноуральской с периодом функционирования раннего городища. Отсюда вероятная дата гамаюнского памятника — VIII—VI вв. до н. э., в том числе первой укрепленной площадки — около VIII—VII вв. до н. э.

Для ранних и более северных гамаюнских укреплений X—VI вв. до н. э. характерны глубокие рвы, одноплощадочность, привязка к малым холмам и своеобразные простейшие кольцевые фортификации, а также бревенчато-глинобитные одиночные укрепленные поселения-жилища [4, с. 32—39; 17; 14, с. 34—42]. Городище Уфа VI фиксирует трансформацию рва в водоотвод, появление поперечных валов, формирование нового типа укреплений, связанных с освоением гамаюнским населением коренных мысов, и кроме того — процесс перерастания одноплощадочного поселения в двухплощадочное.

Городище раннего средневековья занимало весь мыс, т. е. площадь порядка 1000 м^2 (рис. 1, *г*). К этому времени гамаюнские укрепления уже были разрушены. Единственная площадка позднего поселения была защищена с напольной стороны валом с бревенчатой стеной, а по краям, вероятно, только стеной. Остатки последней прослежены в третьем валу в виде полосы ярко-красного прокаленного суглинка шириной до 2 м, мощностью 0,2—0,36 м, углистых пятен и обломков обугленных бревен и жердей, залегавших продольно насыпи. Вал длиной 27 м и шириной 6 м сложен плотным светло-серым суглинком мощностью 0,35 м, насыпанным поверх темно-серого суглинка. Грунт для насыпи взят при сооружении ровика-водоотвода. Последний был широким и мелким (2—2,5 × × 0,2—0,3 м).

В процессе функционирования позднего городища гамаюнские насыпи были деформированы, причем вторая — в большей степени. Это, а также распределение керамики (табл. 1) показывает, что центром жизнедеятельности в период раннего средневековья являлась ранее не обжитая, но наиболее удобная для заселения площадка у основания мыса. С ней же связаны все выявленные объекты средневековья: остатки двух котлованов (3,4) и четырех очагов (6—9).

Котлованы вскрыты частично. Они были выкопаны близ северо-западного края площадки в нижней части подзола, в темно-сером суглинке и частично в материке. У котлована 3 наиболее отчетливо прослеживалась юго-западная стенка, у котлована 4 — юго-западная и южная. Стенки пологие, деформированные. Котлованы первоначально были, по-видимому, овальные, глубиной до 0,2 м. Размеры их около 5,5—7 × 5—5,5 м. В центре котлованов находились овальные слабоуглубленные очаги (6,7). Два костра — округлый и овальный (8 и 9) — располагались в центре площадки, в 2,2 м друг от друга (уч. К/21, И/22). Размеры очагов варьируют от 0,7 × 0,55 м (8) до 2,5 × 0,7 м (7). В котлованах и вокруг очагов концентрировалась керамика позднего железа, близ очага 6 — куски талька и ямки от столбов. Все эти объекты, по всей вероятности, являются остатками двух наземных построек с легкими каркасными конструкциями типа шалашей или чумов, обогревавшимися слабоуглубленными очагами. Площади жилищ около 30—40 м^2. Некоторые из очагов располагались за пределами построек на открытой площадке.

Находки периода раннего средневековья представлены керамикой и бусиной. Бусина круглая, диаметром 5 мм, пастовая, голубая, со сквозным отверстием. Кроме того, на третьей площадке найден железный четырехгранный стержень размером 11,5 × 1,2 × 1,2 см. Вероятно, он относится к более позднему времени.

Комплекс средневековой посуды городища Уфа VI достаточно представителен и разнообразен (рис. 4). По 339 орнаментированным обломкам шеек выделено 46 сосудов, подразделяющихся на две группы. Сосуды первой группы чашевидные (11), горшечные (7) и один котловидный; для четырех форма не определена (рис. 4, *1—20*). При производстве этого типа керамики в глину добавляли шамот, немного талька, слюды, дресвы и органики. Венчики сосудов плоские, скошенные внутрь (11), плоские горизнтальные (2), округлые (3) и приостренный (1).

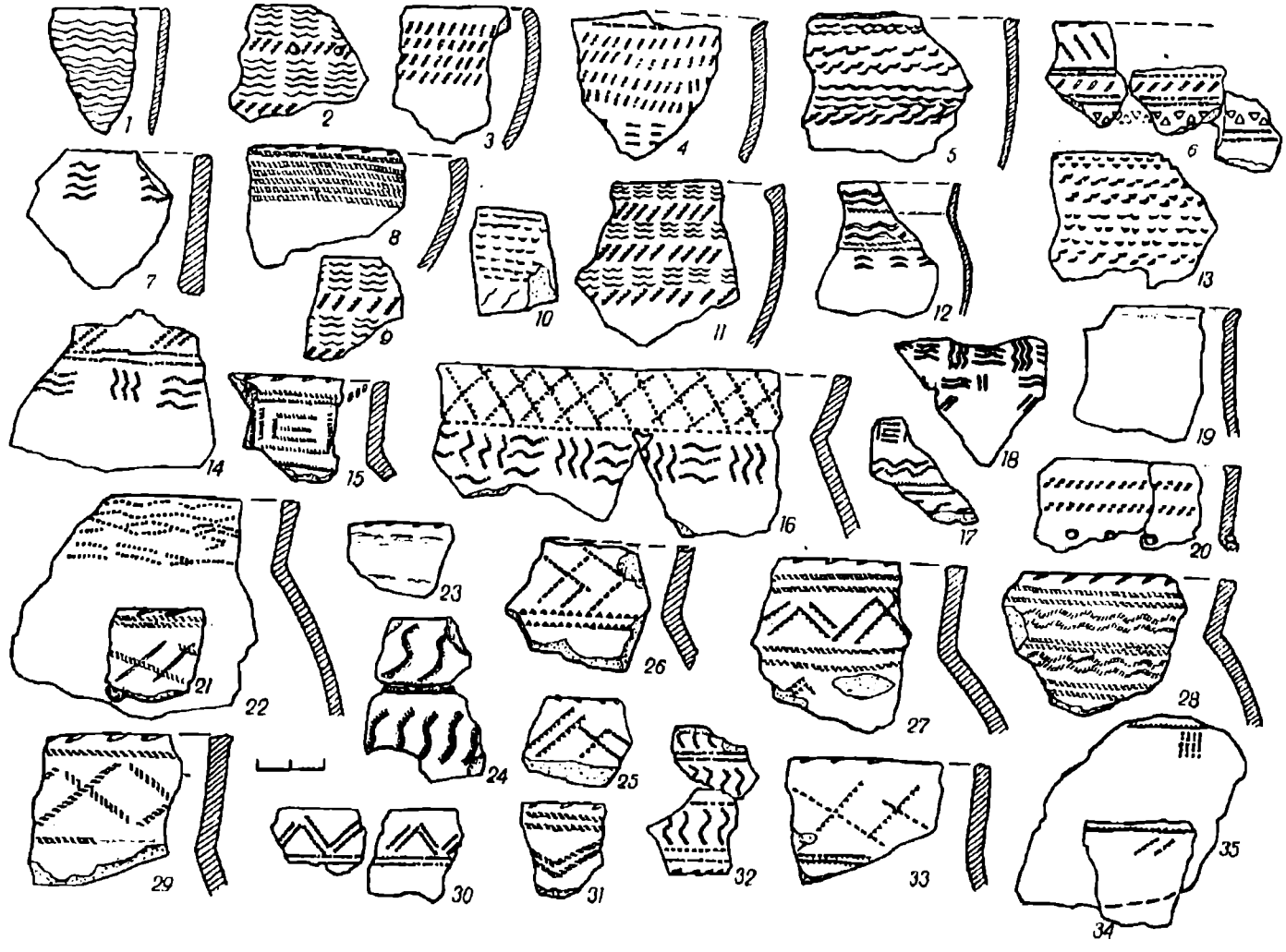


Рис. 4. Городище Уфа VI. Керамика раннего средневековья: *1—20* — первая («северная», лесная) группа; *21—35* — вторая («южная», лесостепная) группа

Шейки горшков невысокие — до 3,5 см, прямые вертикальные или слабо отогнутые наружу, резко переходящие в выпуклые плечики. Днища, возможно, округлые, так как плоских не обнаружено. У данной группы посуды орнаментированы верхняя треть, чаще (82,3%) — верхние две трети высоты сосуда, т. е. все плечики и верхние части стенок, почти все венчики (76,5%) и шейки (94,1%). В орнаментации преобладают концентрические гребенчатые линии, пояски насечек и наклонных оттисков короткого гребенчатого и змейчатого (прокатанно-струйчатого) штампов. Изредка встречаются отпечатки многорядового шнура и наклонные оттиски гладкого штампа. Основными являются гребенчатая, прокатанно-струйчатая и фигурно-штампованная техника орнаментации (соответственно: на 87; 34,8 и 26,1% сосудов; 35; 11,1 и 33,3% орнаментов). Другие приемы орнаментации редки.

Сосуды второй группы горшечные (15) и чашевидные (2); для шести форма не определена (рис. 4, *21—34*). В глине примесь толченого талька, а также незначительные добавки шамота, слюды, органики, дресвы и песка. Венчики плоские, скошенные внутрь емкости (13), плоские горизонтальные (5) и округлые (2). Шейки и, вероятно, донышки такие же, как у сосудов первой группы. Толщина стенок 3,4—8,3 мм, в среднем — 6,2 мм. Орнаментированы все венчики, почти все шейки (90,5%), у половины сосудов — плечики и стенки (54,5%). Элементы орнамента на посуде этого типа более сложные: гребенчатая ромбическая сетка, гребенчатые и ложношнуровые концентрические линии, одно- и двурядовый зигзаг, насечки, пояски и фестоны наклонных оттисков S-овидного фигурного гребенчатого штампа, образующие некое подобие плетенки. Основная техника орнаментации гребенчатая и насечки гладким штампом (соответственно: на 80 и 78,2% сосудов; 64,1 и 29,5% орнаментов). Очень редка ямочная и фигурно-гребенчатая орнаментация (3,8 и 2,6%).

Поиск аналогий керамике обеих групп уводит нас в более северные и восточные районы: Среднее Зауралье, Притоболье и даже Приобье первой половины I тыс. н. э. Формы венчиков и шеек средневековых сосудов городища Уфа VI такие же, как у лесостепной зауральской посуды раннего железного века и средневековья (речкинской, кашинской, прыговской), отчасти лесной зауральской раннего железа (синдейской). Котловидные и чашевидные формы близки горно-уральской петрогромской керамике (гора Петрогром, могильники Аятский и Исетский XIII А). Гребенчатая ромбическая сетка достаточно часто встречается на лесостепной посуде Зауралья и Притоболья раннего железного века (воробьевская, саргатская) и средневековья (петрогромская, бакальская). Многорядный гребенчатый зигзаг обычен на посуде конца раннего железа и начала средневековья лесной и лесостепной зон Зауралья (гора Петрогром, селище Тыня, поселение Кашинское, городище Юдинское). Фигурные штампы в основном характерны для лесных культур Зауралья (синдейской, туманской), Нижнего и Среднего Приобья. В целом в керамике первой группы, на наш взгляд, преобладают северные, лесные, а второй группы — южные, лесостепные элементы.

Судя по представительности средневекового комплекса и примеси толченого талька, сосуды обеих групп были изготовлены на месте. Несмотря на определенные отличия группы керамики относительно близки. Более того, не наблюдается существенного различия и в их распределении на поселении (табл. 2). По всей вероятности, данный керамический комплекс оставлен одной пришлой группой населения, синтезировавшей две различные орнаментальные традиции — лесную и лесостепную. Время оформления этого комплекса ориентировочно определяется в пределах II—VI вв. н. э.

Памятники с подобной керамикой в горно-лесном Зауралье и примыкающей лесостепи пока единичны и в силу этого достаточно важны (находки на городищах у оз. Мелкого, Иткульском I, поселении Иткуль XV) [8]. Изучение их только начинается.

---

[8] Раскопки В. А. Борзунова и Г. В. Бельтиковой в 1979—1983 гг., В. М. Морозова и Л. Н. Коряковой в 1985—1986 гг.

Раскопки городища Уфа VI дали новые материалы для анализа развития мысовых поселений Урала. Освоение малых коренных озерных и речных мысов в данном регионе произошло достаточно рано — в конце ашеля — мустье [18, с. 135—142]. В качестве мест постоянного обитания они использовались до средневековья. Лишь в позднейшее время мысы утратили эту функцию, и почти все поселения переместились на края береговых террас.

Освоение коренных мысов активизировалось в периоды наибольшего увлажнения: в энеолите, конце бронзового — начале железного веков и раннем средневековье. Поэтому не случайна постоянная взаимовстречаемость материалов данных эпох на высоких мысах (в том числе на городище Уфа VI) при отсутствии иных, в первую очередь относящихся к эпохе развитой бронзы, когда большая часть поселений располагалась в поймах рек и озер.

На примере данного памятника, как и многих других, можно наблюдать процесс постепенного освоения всей площади мыса и перемещения центра поселения от оконечности к основанию мыса. Как правило, это связано с ростом населения и более свободным размещением жилищ и хозяйственных построек.

Укрепления на невысоких мысах в Среднем Зауралье (Полуденка) и Нижнем Приобье (Амня I) появляются в конце неолита [19, 20], но затем надолго исчезают, возрождаясь лишь на рубеже бронзового и железного веков [4; 21; 14, с. 33—42]. Для Южного Урала мысовое городище является одним из древнейших типов укрепленных поселений. Это иллюстрируют бархатовско-гамаюнское городище Миасское I (14, с. 36—38, 91; 22] и гамаюнское укрепление Уфа VI (первая-вторая площадки). Вместе с тем для гамаюнской культуры это относительно поздний тип поселения. Наиболее ранним для нее, как и для всей общности западносибирских культур крестовой керамики XII—VI вв. до н. э., можно считать простейшее укрепленное поселение на малом холме, хотя часть таких укреплений располагалась на слабовыступающих изгибах низких речных террас (Капочское, Усть-Вагильское) либо на выступах коренных террас и имела поперечные валы и рвы (Фунтусовское, у оз. Мелкого). С продвижением гамаюнских групп к югу появляются мысовые городища с валами и ровиками разных конфигураций, замкнутыми одно- и двурядными бревенчатыми стенами (Миасское I, Зотинские IV, II — 1-я фортификация, Уфа VI — 1-я площадка), которые существовали с VIII—VII до IV вв. до н. э. На позднем этапе развития культуры, в VI—IV вв. до н. э., они дополняются городищами переходного типа — от мысовых к береговым (Каменогорское, Боевское, Колпаковское). Со временем система обороны поселений видоизменяется и совершенствуется. Появляются двухплощадочные мысовые укрепления (Уфа VI, Усть-Караболкское II). Площадь их возрастает до 1000 м^2. Всего гамаюнских городищ с прямыми поперечными, дуговидными и подпрямоугольными валами и рвами на коренных мысах 7, на мысовидных выступах — 5 из 23 известных [4, с. 32—40].

У других зауральских культур раннего железного века мысовые городища также не являются единственным типом укрепленных поселений. Из 12 открытых иткульских укреплений мысовыми являются только 3 (Серный Ключ, Зотинское III, иткульско-гамаюнское Красный Камень), из 17 воробьевских и гороховских — 6 (воробьевские Никитинское, Зотинское II — 2-я фортификация, гороховские Ипатовское, Малое Казакбаевское, горховско-воробьевские Ячменевское I, Долматовское «Белое»). При этом одно из них — Малое Казакбаевское — имеет не поперечные, как обычно, а замкнутые в виде удлиненного многоугольника фигурные вал и ровик. Данные мысовые городища аборигенных культур Зауралья сооружаются позднее самых первых гамаюнских — в VI—III или VI—II вв. до н. э. Им предшествуют и сопутствуют разнообразные укрепления VII—II вв. до н. э., расположенные у краев коренных озерных и речных террас, на высоких скалистых и низких озерных возвышенностях, низких островах среди болот, а также на мысовидных участках островов, берегов рек и скалистых холмов [8, с. 126—127; 21, с. 96—99].

В лесостепном и лесном Приуралье мысовая традиция строительства городищ

изначальная и господствующая. Зарождение ее связано с продвижением в VI в. до н. э. ананьинских племен с Волги и низовьев Камы, а дальнейшее развитие — с генетической преемственностью культур раннего железного века данного региона. Отклонения от этой традиции незначительны. Только 3 из 85 известных авторам ананьинских городищ, 8 из 45 пьяноборских, 5 из 14 кара-абызских и гафурийских построены по иному топографическому принципу. В отдельных случаях это можно связать с приходом нового населения из Зауралья. Гляденовские и айские фортификации все возведены на мысах [1, с. 104—108; 23; 24, с. 41—67; 21, с. 90—95, 99—101].

Несколько замечаний общего порядка о генезисе укрепленного поселения, проблеме выделения и характеристики зауральских культур переходного периода от раннего железного века к средневековью.

Изучение генезиса и развития простейших укрепленных поселений доклассовых обществ финно-угров Урала начато сравнительно недавно. Тем не менее уже сейчас можно подвести его первые итоги [4, с. 27—40; 17, с. 104; 23; 25; 21, с. 88—103; 14, с. 41—42].

Укрепления в лесной зоне Урала и Западной Сибири единично появляются на третьем этапе общего процесса распространения городищ — в конце неолитической эпохи (конец IV — начало III тыс. до н. э.) — и как массовое явление возникают на пятом этапе — накануне и в начале железного века (начало I тыс. до н. э.). Первым этапом, на наш взгляд, является неолит Ближнего и Среднего Востока (VIII—VI тыс. до н. э.), вторым — в северном направлении — энеолит юга Средней Азии, Кавказа, Причерноморья, Юго-Восточной Европы (VI—IV тыс. до н. э.), четвертым — бронзовый век степей Евразии, включая урало-казахстанские (XVII—XIV вв. до н. э.), пятым — рубеж бронзового и железного веков севера Евразии (конец II — начало I тыс. до н. э.). При этом, несмотря на различие археологических эпох и абсолютной хронологии, во всех регионах Старого Света первые фортификации, с точки зрения общеисторической периодизации, возникают относительно одновременно — на этапе позднепервобытной общины — и достигают расцвета в период соседской [25, с. 120—125].

Формирование первобытных крепостей — стадиальное и общеисторическое явление. Оно определено динамикой социально-экономического развития конкретных обществ: резкими качественными изменениями в экономике и социальной организации первобытных общин, в конечном счете изменившими характер межобщинных отношений. В большинстве случаев первым толчком явился переход к производящему (воспроизводящему) хозяйству и полученный благодаря этому устойчивый прибавочный (избыточный) продукт. Появление последнего усилило неравенство общин и племен, а его постоянное накопление создало потенциальную и постоянную возможность отчуждения со стороны более сильных соседей. Наряду со взаимовыгодным межобщинным и межплеменным обменом возникла тенденция подрыва экономического благосостояния соседей, а с ней и постоянная военная напряженность. Со временем появились и начали усиливаться конфликты из-за расширения производственных сельскохозяйственных территорий. Обозначенные тенденции реализовались в форме военной конфронтации и грабительских войн, причем наиболее полно и постоянно — в эпоху разложения первобытного общества. Таким образом, укрепленные поселения возникли тогда, когда вооруженные столкновения и военная напряженность стали системой и превратились в один из основных типов межобщинных и межплеменных отношений (формационный подход).

Зародившись на Ближнем Востоке, идея укрепленного поселения в близлежащих и более отдаленных регионах распространялась в ходе культурного обмена и непосредственного переселения ранних земледельцев-скотоводов в Юго-Восточную Европу, на Кавказ, юг Средней Азии, в долину Инда, а впоследствии — в более северные и западные районы. Одним из конечных звеньев этой цепи являются фортификации древних ариев евразийских степей, корнями уходящие в цивилизации Ближнего Востока (Анатолии) и, возможно, юга Средней Азии.

Параллельно с этим наблюдается конвергентное зарождение укрепленных поселений в Китае, на севере Евразии, в Андах, Мезоамерике и других регионах.

Пока трудно установить, каким образом вписываются в эту систему древнейшие укрепления Урала и Западной Сибири второй половины IV — начала III тыс. до н. э. (поселение Полуденка близ г. Нижнего Тагила [19], городище Амня I на р. Казым [20], возможно, неолитические поселки Удмуртии с оградками вокруг одного или нескольких жилищ [26, с. 16]), иными словами, раскрыть механизм и непосредственные предпосылки их формирования, обозначить роль передовых обществ Юга в этом процессе.

Значительно более поздние фортификации раннего железного века финно-угров Урала возникают, скорее всего, независимо от арийских укреплений эпохи бронзы урало-казахстанских степей (петровских, абашевских, алакульских и др.). Они отделены от последних полутысячелетним интервалом и выявляют полное несходство в общих типах, конструкциях, планировке, привязке на местности. Укрепленные поселения урало-казахстанских степей характеризуются абсолютным преобладанием искусственной укрепленности над естественной (природной); для них характерны прямоугольные, реже правильные кольцевые (в том числе многорядные) фортификации на низких речных террасах, как исключение — прямые или слегка изогнутые поперечные валы и рвы на мысах, глинобитные и дерево-земляные стены с укрепленными входами, контрфорсами, иногда глинобитные фундаменты стен, как правило, глубокие ступенчатые рвы, регулярная (квартальная, концентрическая, кольцевая, уличная, рядная) планировка поселка и т. д. [27, с. 17—23; 28, с. 97—105; 29, с. 61—68; 30, с. 51—53; 31, с. 10—13; 32, с. 4; 33, с. 147; 34]. Все это достаточно отлично от характеристики финно-угорских укреплений. В связи с этим также требует проверки гипотеза А. Х. Халикова о заимствовании финно-пермским (ананьинским) населением Волго-Камья эпохи раннего железа идеи строительства укрепленных поселений у предшествующего индоиранского (срубного, абашевского) эпохи бронзы [35, с. 17—18].

Начало массового распространения крепостей в Зауралье связано с миграцией на юг гамаюнских племен и внедрением их в инородную культурную среду (межовская, бархатовская, иткульская и другие культуры). Гамаюнское население, в свою очередь, являлось наследником более северных — кондинских лозьвинских и нижнеобских атлымских — племен эпохи поздней бронзы [14, с. 135—140]. При этом идея укрепленного поселения не является продуктом только гамаюнской культуры. Она присуща всей общности фигурно-штампованной керамики, в которую помимо гамаюнской входили атлымская, белоярская, лозьвинская, красноозерская, молчановская, завьяловская и другие культуры. Более того, как показали последние исследования, формирование самого раннего типа гамаюнских городищ — укрепленного поселения-жилища на малом холме и мысовидном выступе коренной террасы (Туманские нижнее и верхнее, Усть-Вагильское, Капочское и др.) — является одним из звеньев развития домостроительства эпохи бронзы Нижнего Приобья и Кондинской низменности. По всей вероятности, оно начинается с возведения больших неолитических жилищ типа открытых на Чес-Тый-яге одиночных поселений-жилищ, окруженных песчаной обваловкой и глубокими рвами (Волвонча I, Пашкин Бор I), и наследуется лозьвинским населением (поселения Олымья 3, 4, Денисово 1 и др.) — предками гамаюнских племен [14, с. 41—42, 140—141; 36, с. 41—42].

В целом становление укреплений у аборигенов Зауралья, по-видимому, сочетало оба пути: конвергентного зарождения и определенного заимствования (предполагаемое воздействие гамаюнского фортификационного строительства на иткульское, а среднеазиатского — на гороховское). Вместе с тем надо признать распространение городищ в лесостепной и лесной зонах Евразии в начале эпохи железа общим явлением. В ананьинскую среду идея укрепленности поселений могла прийти и из ираноязычной среды, но не обязательно в эпоху бронзы. Более существенно для ананьинской культуры и ее восточных соседей было

влияние, на наш взгляд, современного им скифского мира, интенсивно контактировавшего с городскими и протогородскими цивилизациями Причерноморья, Кавказа, Балкан и отчасти Ближнего Востока.

Различие городищ Приуралья и Зауралья достаточно значительно. Как уже отмечалось, в раннем железном веке на Каме и Белой, где ананьинская культура сменяется генетически близкими ей пьяноборской, гляденовской и кара-абызской (при участии пришлого зауральского гафурийского населения), наблюдается относительно консервативная линия развития мысовых городищ, огражденных, по-видимому, замкнутыми стенами и незамкнутыми валами и рвами. Зауралье же отличается разнообразием типов и разновидностей укреплений, что, по всей вероятности, определялось различием строительных традиций достаточно разнородного зауральского населения.

Здесь мысовой тип поселений — один из многих. Различия проявляются также в деталях и функции основных элементов обороны (стен, валов, рвов), наличии или отсутствии дополнительных элементов (крепид, бастионов, укрепленных входов и др.). Общее для всех лесных и лесостепных уральских культур: взаимозависимость естественной (природной) и искусственной укрепленности, определяющая общий тип городища и его фортификаций, особая роль укрепленности естественной, дерево-земляные укрепления, замкнутая система обороны, бревенчатые стены по периметру поселения как ведущий элемент обороны (с напольной стороны они возводились на валах), а также рвы-водоотводы [21, с. 100].

В заключение — несколько слов о миграциях и формировании раннесредневековых культур в Зауралье. Раскопки и анализ материалов городища Уфа VI подтвердили ранее высказанное предположение [37, с. 135] о миграциях северного — зауральского и отчасти приобского — населения на Южный Урал в начале I тыс. до н. э. и в первой половине I тыс. н. э.

Можно предположить, что формирование новых этнических групп (с керамикой типа позднего комплекса городища Уфа VI и аналогичных ему — городища у оз. Мелкого и поселения Иткуль XV) произошло в первой половине I тыс. н. э. на границе лесного и лесостепного Зауралья. Вероятно, это было связано с переселением на юг части таежного населения, смешением его со скотоводами лесостепи, т. е. со всем комплексом процессов, обусловленных Великим переселением народов. Сходство отдельных элементов орнаментации керамики вышеупомянутых памятников с узорами на средневековой посуде городищ Зотинского IV, Большого Бакальского, Старо-Лыбаевского намечает один из путей решения проблемы генезиса бакальской культуры лесостепного Зауралья в плане поиска ее местных корней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов В. А.* У подножия Рифейских гор. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982.
2. *Иванов В. А., Останина Т. И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений)//Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1983.
3. *Романова М. В., Сухина Л. В.* Городища № 5 и № 7 раннего железного века на Андреевском озере//Из истории Сибири. 1974. Вып. 15.
4. *Борзунов В. А., Стоянов В. Е.* Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ)//Вопросы археологии Урала. 1981. Вып. 15.
5. *Борзунов В. А.* Раскопки на трассе нефтепровода Сургут—Полоцк//АО-1981. М., 1982.
6. *Ковалева В. Т.* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979.
7. *Шорин А. Ф.* Черкаскульская керамика поселений Аргазинского водохранилища//Вопросы археологии Урала. 1981. Вып. 15.
8. *Бальтикова Г. В.* Иткульские поселения//Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1977.
9. *Васильев Е. А.* Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников)//Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
10. *Чемякин Ю. П., Коротаев В. П.* Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации

археологических памятников в Сургутском Приобье)//Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1976.
11. *Елькина М. В.* Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье//Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1977.
12. *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье//Из истории Сибири. 1974. Вып. 15.
13. *Абрамова М. Б., Стефанов В. И.* Памятники инберенского типа (о своеобразии перехода к железному веку в лесостепном Прииртышье//Вопросы археологии Урала. 1981. Вып. 15.
14. *Борзунов В. А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1992.
15. *Борзунов В. А.* Гамаюнская культура (основные характеристики)//Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1982.
16. *Халяев П. К.* Каменный инвентарь поселения Балакино I//Вопросы археологии Урала. 1981. Вып. 15.
17. *Борзунов В. А., Липский В. И.* Туманские укрепленные поселения — жилища//Поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1984.
18. *Бадер О. Н., Матюшин Г. Н.* Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале//СА. 1973. № 4.
19. *Морозов В. М., Стефанов В. И.* Исследования в бассейне реки Казым//Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО АН СССР, 1989.
20. *Бадер О. Н.* Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ г. Тагила//КСИИМК. 1948. Вып. 16.
21. *Борзунов В. А., Новиченков Н. Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1988.
22. *Иванов В. А., Пшеничнюк А. Х.* Городище финальной бронзы на р. Миасс//СА. 1978. № 4.
23. *Борзунов В. А.* Ранние Уральские городища//Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тез. докл. по разделам: М. П. Грязнов и его место в археологии. Теория и методология археологии. Каменный и бронзовый века. Скифская проблема. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1987.
24. *Иванов В. А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984.
25. *Борзунов В. А.* Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения//Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1989.
26. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1981.
27. *Викторов В. П., Борзунов В. А.* Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше//Из истории Сибири. 1974. Вып. 15.
28. *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол//КСИА. 1976. № 147.
29. *Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I (раскопки 1970 г.)//Из истории Сибири. 1974. Вып. 15.
30. *Зданович Г. Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры)//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкирск. ун-та, 1983.
31. *Зданович Г. Б.* Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей// Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челябинск. ун-та, 1984.
32. *Зданович Г. Б.* На пути к цивилизации//Наука Урала. 1988. № 1 (351).
33. *Зданович Г. Б., Генинг В. В.* Оборонительные сооружения поселения Синташа//АО-1983. М., 1984.
34. *Зданович Г. Б.* Архитектура поселения Аркаим//Маргулановские чтения. 1990. Сб. материалов конференции. Ч. 1. М.: Изд-во Ин-та археологии АН Республики Казахстан, 1992.
35. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
36. *Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф.* Поселение бронзового века на р. Конде//СА. 1988. № 3.
37. *Борзунов В. А.* Раскопки городищ Уфа VI и у оз. Мелкого//АО-1979. М., 1980.

Уральский государственный университет,
Екатеринбург

BORZUNOV V. A., MOROZOV V. M.

INVESTIGATIONS OF THE FORTIFIED SETTLEMENTS SITUATED IN THE MOUNTAIN-FOREST REGION BEHIND THE URALS

Summary

Ufa VI fortified settlement is situated in the mountain-forest region of the Southern Urals. Its excavations showed that it contained the Liptchinskoye culture Eneolithic site remains (3rd — beginning of the 2nd millennium BC), the Gamajun culture settlement with two lines of fortification (about 8-6 centuries BC),

and the early medieval fortress (4-6 centuries AD). The global process of the fortified settlements building began in the Near and Middle East in the 8-6 millenniums BC; the Urals fortified settlements were a part of it. The process consisted probably of two ways in the Urals-Siberia region: the idea appeared among the groups of the taiga hunters and fishers; the local foreststeppes population borrowed the certain methods of the fortification building from the southern and northern neighbour tribes. In the Neolithic (end of the 4th — beginning of the 3rd millenniums BC) the Urals and the low Ob-river region saw the appearance of the fortified settlements which spread widely at the end of the Bronze — at the beginning of the Iron Age (lst half of the lst millennium BC). This complicated process was a result of a dynamic social and economic development of the local groups of population, migrations of the taiga tribes from the Ob-river area, Konda and the Northern Urals to the forest-steppes region, their settling among the hunters, fishers, metallurgists and cattle-breeders. It can be also explained by the necessary defense from the Eurasia nomads, and by the influence of the Middle Asia and some other southern urban building traditions.

Н. И. ВИНОКУРОВ

РЫБОЗАСОЛОЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ХОРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

В 1987 г. на городище Салачик и в 1990 г. на городище Золотое (на Азовском побережье Керченского полуострова (рис. 1) раскопками Восточно-Крымской археологической экспедиции под руководством канд. ист. наук А. А. Масленникова обнаружены остатки двух рыбоперерабатывающих хозяйств [1]. До этого времени в Восточном Крыму были известны рыбоперерабатывающие городские комплексы, состоящие из 2, 3, 4, 5, 8, 16 цистерн различной емкости, м^3: 4,3; 5,2; 11—13, а также и значительно меньшей кубатуры [1, с. 20 и сл.; 2, с. 46, 47; 3, с. 93—95; 4, с. 94 и сл.; 5, с. 30—33, 46, 48—49, 57—61, 133; 6, с. 204 и сл.; 7, с. 166 и сл.; с. 173 и сл.]. Они сооружены в различной строительной технике с применением бутового камня или известняковых плит. В качестве соединительного раствора использовалась глина или цемянка. Все цистерны имели многослойную цемяночную облицовку, порой сохранялось и гематитовое покрытие [8, с. 211]. Описываемые ниже сельские рыбозасолочные комплексы в целом подобны городским, хотя и отличаются от них большими параметрами цистерн.

Лучше всего сохранилось найденное в прибрежной, северо-западной части городища Золотое (рис. 1, *II*) рыбозасолочное хозяйство II в. н. э., состоящее из четырех ванн, хранилища и подсобного помещения (рис. 2) [2].

В северо-западном направлении от места расположения рыбозасолочного производства вытянута узкая известняковая гряда древнего мшанкового рифа. Она имеет длину ~100 м, высоту 15—17 м и заканчивается незначительно выступающим в море мысом [3].

---

[1] Автор глубоко признателен А. А. Масленникову за разрешение опубликовать данный материал и за помощь, оказанную в подготовке работы, а также А. А. Клюкину, доценту географического факультета Симферопольского университета, разработавшему геоморфологическое обоснование причин разрушения рыбозасолочного комплекса.

[2] Поселение Золотое расположено на 0,6 км южнее мыса Чегене, севернее пансионата Керченского рыбколхоза, на окраине с. Золотое. Его открыла И. Т. Кругликова в 1953 г. [9, с. 3, рис. 91, 92]. Под ее руководством в северо-западной части поселения зачищена траншея времени Великой Отечественной войны и прослежена стратиграфия культурных напластований в северной части бухты. Дальнейшее изучение памятника продолжила В. Н. Корпусова, раскопавшая участок площадью 100 м^2 с остатками домов II—III вв. н. э. [10, с. 10]. Культурный слой с западной приморской стороны поселения стал размываться за последние 3—4 года особенно быстрыми темпами, прогрессировали оползневые явления, уступы размыва увеличились до высоты 2,5—3,8 м, в обрыве выявилось значительное по площади производственное сооружение в виде торцевых частей массивных стен, пластов розовой цемянки, развалов сырцовых и каменных кладок [10, с. 10]. Дальнейшая береговая эрозия могла привести к полному разрушению данного объекта, в силу чего возникла необходимость в проведении в этом районе незамедлительных охранных работ.

[3] Для побережья в районе мыса Чегене типичен мелкоизрезанный, вытянутый в субмеридиональном направлении абразионно-аккумулятивный берег с выступающими в море мысами разной длины и высоты. На мысах этого берега происходит абразия, а в бухтах — аккумуляция песчано-ракушечных морских отложений [11].

© Н. И. Винокуров, 1994 г.

В синхронное цистернам и хранилищу время мыс более сильно выдвигался в море [4].

По всей видимости, в древности между рыбозасолочным комплексом и морем не существовало других построек, а число цистерн не превышало четырех. В противном случае северный мыс мог не уберечь сооружение от размыва. Ближе к морю могли располагаться только невысокие дюны и пляж.

Рыбозасолочный комплекс построен на искусственной террасе, вырезанной в насыпном грунте античного времени, в северной части небольшой (длина 150—160 м) бухты, слабо вдающейся в сушу. Строительный и бытовой мусор сбрасывался на протяжении долгого времени с верхних террас центральной части городища под вертикальный абразионный береговой уступ — клиф высотой ~10 м, сложенный крепкими мшанковыми известняками меотического яруса. Основанием под мусорную свалку послужил пляж, дюна или небольшой известняковый обвал, характерные для этих мест под береговыми обрывами. На чем конкретно лежат эти насыпные грунты и их самые древние отложения, пока не ясно, так как подошва клифа раскопом не вскрыта.

Сбрасываемый под клиф мусорный грунт, судя по падению слоев в южном борту раскопа, образовал сравнительно высокий, до 5—7 м, вертикальный искусственный откос, постепенно понижающийся к морю, имевший в длину, по всей видимости, не менее 15—22 м. Исходя из ширины сохранившихся строительных остатков, можно полагать, что море срезало здесь не менее 5—6 м искусственного берегового уступа. По этой причине не удалось выяснить ширину котлована, выкопанного в насыпи для рыбозасолочных цистерн и хранилища, однако его длина известна — она в зависимости от выходов мшанкового известняка колеблется в пределах 11,67—16,2 м. Ширина котлована превышала ширину цистерн. Его дно врезалось в сильноуплотненные пласты слоя 1 с обломками

---

[4] В настоящее время мыс срезает активный клиф, высотой около 10—15 м. Под ним нет хорошего абразива — гравия и гальки, которые при накате волн быстрее истирают прибрежные скалы, чем более легкие песок и ракуша. По этой причине здесь отсутствуют заметные волноприбойные ниши, подготавливающие обвалы и способствующие более быстрому разрушению мшанкового рифа. В этих условиях у отмелых берегов клифы отступают медленно и за прошедшие две тысячи лет они вряд ли отодвинулись более, чем на 3—4 м. Однако даже такая незначительная подвижка при близком к современному уровню моря существенно повлияла на процессы перемещения и отложения наносов в данной бухте, вызвав размывание насыпных грунтов и сокращение пляжа до 20—22 м.

Динамика этих изменений хорошо прослеживается в соседней северной бухте. Там под прикрытием северного мыса — абразионного останца — кекура из мшанкового известняка, образовалась коса, длиной 70 м, шириной 1—10 м, вытянутая с северо-запада на юго-восток. От пляжа ее отделяет лагуна, шириной до 20 м, глубиной до 1 м. В лагуну заходят, скрываясь от непогоды, рыбачьи лодки. Хотя форма и параметры косы в северной бухте находятся постоянно в динамике в зависимости от направления и энергии волн, она существует продолжительное время. Это констатируют местные жители и подтверждает снимок столетней давности, приведенный в работе академика Н. И. Андрусова [12, с. 395—540, рис. 23]. По его описанию, коса в 1890 г. полностью перегораживала бухту, а на карте конца прошлого века масштаба 1 : 4200, она показана длиннее раза в три. Сравнение старого снимка с современной ситуацией свидетельствует о сокращении береговой линии в северной части бухты на 30 м.

Направление и сила действия волн и соответственно темпы разрушения береговой кромки зависели от господствующих направлений ветра. По мнению А. А. Клюкина распределение ветров по румбам в древности подчинялось той же закономерности, что и сейчас. Об этом свидетельствует ориентировка старых, хорошо заросших, прислоненных дюн, высота которых в бухтах побережья между селами Золотое и Курортное достигает 10—20 м. В старых дюнах, вскрытых карьерами, встречаются горизонты погребенных почв с фрагментами керамики эллинистического и особенно римского времени. Чаще всего прислоненные дюны отмечаются в тех углах бухт, которые открыты к северо-востоку и востоку, гораздо реже — к северо-западу и северу.

Таким образом, есть основания полагать, что береговая линия в I—III вв. находилась мористее современной на 30—35 м, а сам рыбозасолочный комплекс оказывался под достаточно надежной защитой от господствующих в этом районе и, как правило, более продолжительных ветров и штормов северо-восточных и восточных румбов.

Постройка рыбозасолочного комплекса под прикрытием северного мыса свидетельствует не только о дефиците строительных площадей на городище во II в. н. э., но и о потенциальной возможности повреждения комплекса штормовыми волнами в южной части бухты, где ширина пляжа могла быть менее 30—40 м (см. рис. 1, *II*).

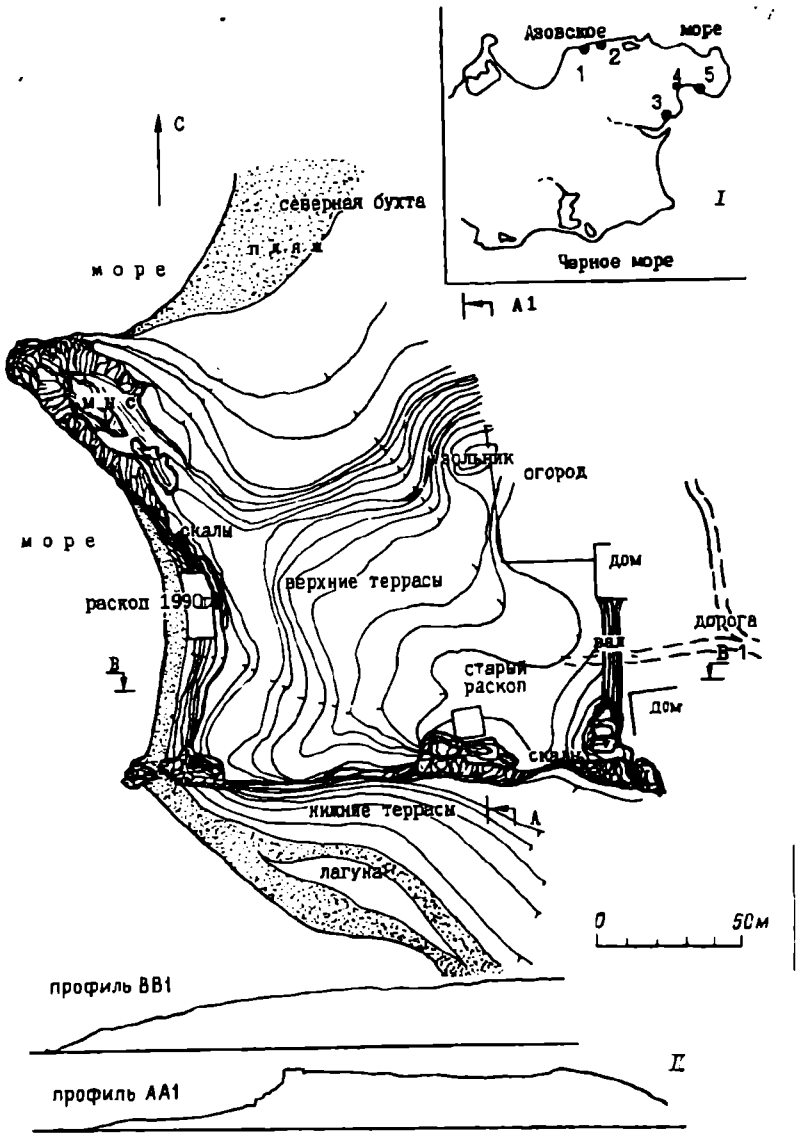


Рис. 1. *I* — находки рыбозасолочных комплексов на территории Керченского полуострова (*1* — Золотое; *2* — Салачик; *3* — Тиритака; *4* — Пантикапей; *5* — Мирмекий); *II* — схематический план городища Золотое

керамики V—II вв. до н. э. и рубежа н. э. (рис. 3, *1—22*). Значительное количество глины в этих пластах и прослоек ракуши не потребовало дополнительного слоя бута и глины под цистерны, как это было принято в Мирмекии и Тиритаке [1, с. 22, рис. 17; 8, с. 211]. Максимальной глубины (3,5—4 м) котлован достигал у подножья клифа, минимальной — ближе к морю. Пространство между бортами котлована и внешними стенами комплекса заполнены мусорным слоем с керамическим материалом I в. до н. э.— II в. н. э. (рис. 3, *23—27*). Отметим находки на скальном основании восточной стены горла светлоглиняной узкогорлой амфоры II в. н. э. типа «С» [13, с. 17], рыболовецких грузил, изготовленных из амфорных ручек (рис. 3, *29—34*).

Сравнительно рыхлые и склонные к подвижкам слои насыпного грунта, образовавшие борта котлована, обусловили необходимость сооружения рыбозасолочных цистерн внутри двух продольных стен и отходящих от них под прямым углом трех поперечных контрофорсов. Образуемый таким образом прямоугольник со сторонами 11,3 × 9,66 м (сохранилось 4,83 м), был вытянут по оси север—юг. Общая восстанавливаемая площадь сооружения около 109,16 м^2, сохранившаяся — 54,58 м^2. Стены представляют собой двухлицевые, иррегулярные, бутовые, трех-

слойные кладки (рис. 2; 4). В качестве скрепляющего раствора использовалась желтая глина. Нижние цокольные ряды сложены по однорядной системе из подобранных друг к другу, выровненных по слою грубо околотых камней, иногда немного выступающих за линию фасада. При сооружении стен употреблялся плотный, слегка околотый известняк — камни крупных и средних размеров (0,58 × × 0,3 × 0,14; 0,46 × 0,29 × 0,20; 0,62 × 0,5 × 0,21 м). Для подравнивания крупных камней и в качестве забутовочного материала использовался мелкий полигональный бутовый камень (0,29 × 0,17 × 0,09 м; 0,25 × 0,13 × 0,10 м). Для переплета углов применялись хорошо подобранные подчетырехугольные блоки.

Цистерны прямоугольной формы (рис. 2 и 5) располагались вдоль подпорных продольных стен и торцевой частью упирались в контрофорсы. Днища трех цистерн А, С и Д находились на одном уровне, дно цистерны В было выше на 0,20 м. Днища цистерн располагались выше современного уровня моря на 2,8—3,0 м, от дневной поверхности их отделял насыпной грунт толщиной от 0,96 до 2,21 м. Борта цистерн вплотную примыкали к подпорным стенам, но в отличие от кладки последних они сложены из более мелкого бутового камня по одно-двухслойной однолицевой постелистой системе. В качестве скрепляющего раствора использована розового цвета цемянка, в состав которой входила известь, морской песок, значительное количество толченой керамики. Швы между стенами и бортами цистерн полностью заполнены раствором. Также тщательно промазаны швы между камнями бортов.

Восточная подпорная стена 2 комплекса сохранилась полностью, перпендикулярные ей контрофорсы 3—5 — наполовину, а западная стенка оказалась совершенно уничтоженной морем.

Длина стены 2—10,08 м, при толщине 0,77—0,92 м. Максимально сохранившаяся высота (от дна цистерны А) достигала в северной части 3,04 м, а в южной — только 1,17 м. Северная половина стены покоится на скальном основании, а южная — на насыпных грунтах.

Северная часть кладки, длиной 4,38 м, имеет заметный прогиб в восточную сторону, вызванный смещением к юго-западу скального массива, к которому был пристроен северный торец кладки стены 2. Как представляется, разрушение комплекса произошло именно в результате сползания скального массива (рис. 5, *1*) в юго-западном направлении, что повлекло за собой деформацию стен и разрушение бортов цистерн. Интересно, что направление падения верхней части стены 3 совпадает с осью этого смещения. Однако не ясно, чем оно было вызвано. Вероятно, это — следствие тектонической деятельности, а не просто результат строительных просчетов, допущенных при возведении рыбозасолочного сооружения.

Скальные выходы не позволили строителям соединить северную и восточную стены впереплет, поэтому они построены встык. Стена 3 являлась одновременно стеной хранилища и не была укреплена, как остальные внешние кладки, грунтовой насыпью. Этим обстоятельством объясняется ее значительная толщина (до 1,10 м). В высоту она уцелела на 3,56 м, в длину — на 5,12 м. На востоке она продолжалась за линию стены 2 и ограждала с севера подсобное помещение (рис. 2; 5, *1*). Параллельная ей стена 4, отделяющая друг от друга пары цистерн (А—Д от В—С), имела длину 4,24 м, высоту 0,58—2,00 м, ширину 0,83—0,96 м. Южная контрофорсная стена 5, длиной 3,79 м, шириной 0,91—0,96 м, сохранилась в высоту от 0,25 до 1,33 м (рис. 4, *2*; 5, *2*).

Ниже ее подошвы найдены фрагментированные донца чернолаковых чаш с насечками на внутренней поверхности, одно из них имело граффити (рис. 3, *10*). Они датируются IV—III вв. до н. э. [14, с. 132, рис. 51, *4*] Здесь же обнаружена медная монета первой половины — середины II в. до н. э. [15, № 95, 97].

Из выявленных четырех цистерн сооружения хорошо сохранились только две — А и Б, от цистерн С и Д уцелели лишь прилегающие к продольной перегородке небольшие по площади (0,26—0,3 м^2) участки днищ; от обмазки восточных

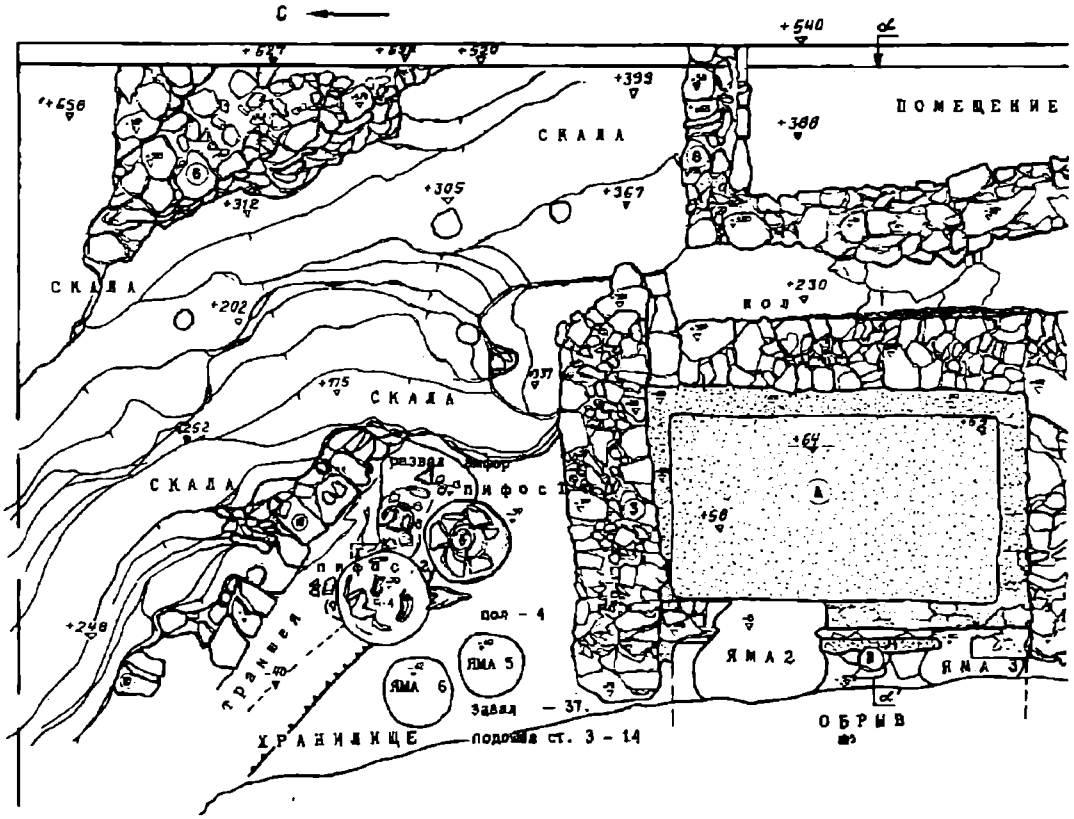


Рис. 2. План раскопа 1990 г. на городище Золотое *А—Д* — цистерны рыбозасолочного хозяйства

бортов сохранились слои цемянки высотой до 0,37 м. Судя по оставшимся фрагментам днищ и бортов, конструкция цистерн С и Д напоминала устройство цистерны А. К сожалению, плохая сохранность не позволила установить их размеры. Северо-восточная цистерна А, длиной 3,79 м, шириной 2,17—2,21 м, имела глубину не менее 2,83 м (от дна цистерны до верхней части стены 2). Дно ее ровное, с незначительным уклоном к западу (рис. 4). Общая площадь ~8,22—8,37 м^2, объем не менее 23,27—23,70 м^3. Наибольшая сохранившаяся высота южного и восточного бортов 1,71 м, северного и западного — 0,29—0,56 м. Толщина их колеблется в пределах 0,25—0,28 м. Смежный с цистерной Д борт частично разрушен ямами III в. н. э. № 2 и 3. Заполнение цистерны двухслойное; ее дно покрывал слой ярко-желтой глины толщиной 0,2—0,26 м, не имеющей практически посторонних включений, за исключением нескольких лепных и амфорных стенок, две из которых с остатками граффити (рис. 6, *18,19*) и ножи амфоры с воронкообразным горлом II в. н. э. Этот слой, по-видимому, образовался в результате разрушения и оплыва на дно ванны глины из упавших в нее строительных конструкций. Его перекрывал слой сухого золистого грунта толщиной 1,2—1,6 м серого цвета, с большим количеством бутового камня. Керамический материал, собранный в заполнении цистерны, не отличался разнообразием и выразительностью. В основном это были фрагменты амфорных стенок. По имеющимся профильным частям данный слой датируется II—III вв. н. э.

Меньших размеров юго-восточная цистерна В. Длина ее 3,33 м, ширина 2,08 м, глубина на 0,2 м меньше, чем цистерны А, т. е., очевидно, составляла 2,55—2,75 м. В настоящее время она разрушена больше, чем цистерна А; ее самый высокий восточный борт достигает высоты 1,5 м, а остальные много ниже — от 0,30 до 0,40 м (3, *1*; 6, *3*). Предполагаемый объем ее, при площади основания 6,93 м^2, мог составлять не менее 17,671—19,057 м^3. Цистерна В отличалась от цистерны

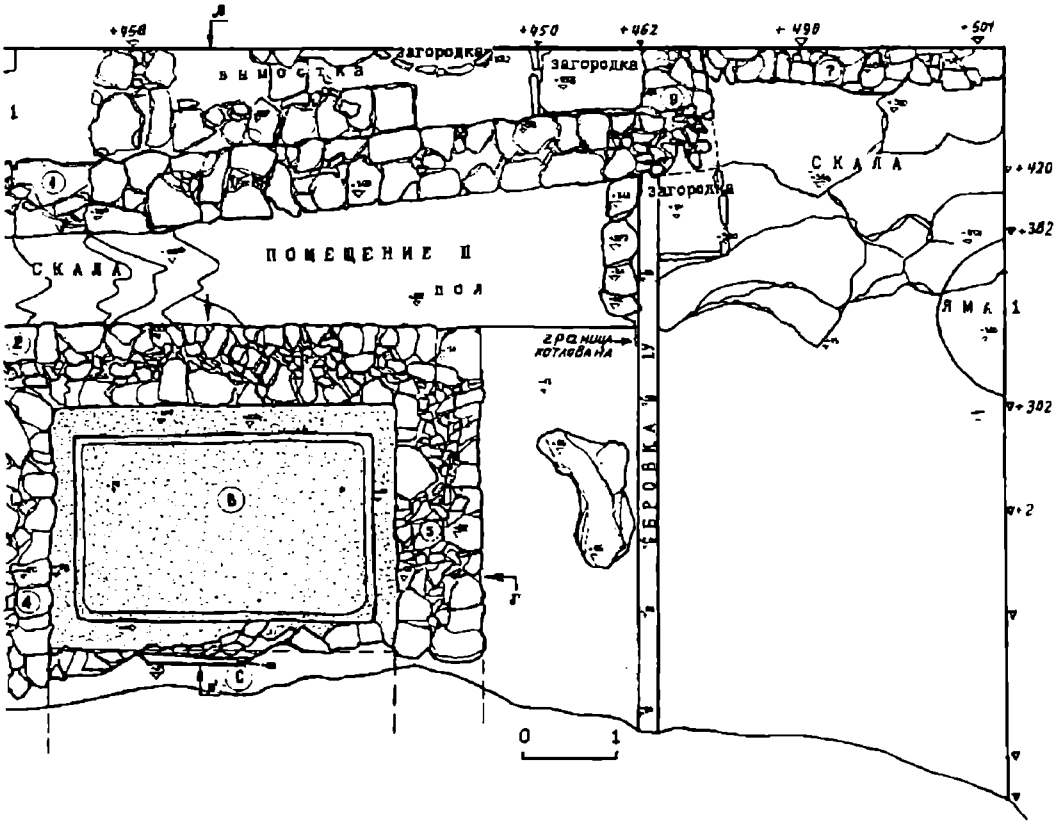


Рис. 2 (продолжение)

А не только размерами, но и своеобразным «тяговым» оформлением сопряжений вертикальных и горизонтальных поверхностей, как в винодельнях эллинистического времени [16, с. 368, с. 379]. В цистерне А «тяги» только намечены, а в цистерне В они достигают по углам высоты 0,45—0,60 м, а по периметру дна — 0,16—0,18 м, ширина 0,15—0,20 м. В основание «тяг» положены черепки,

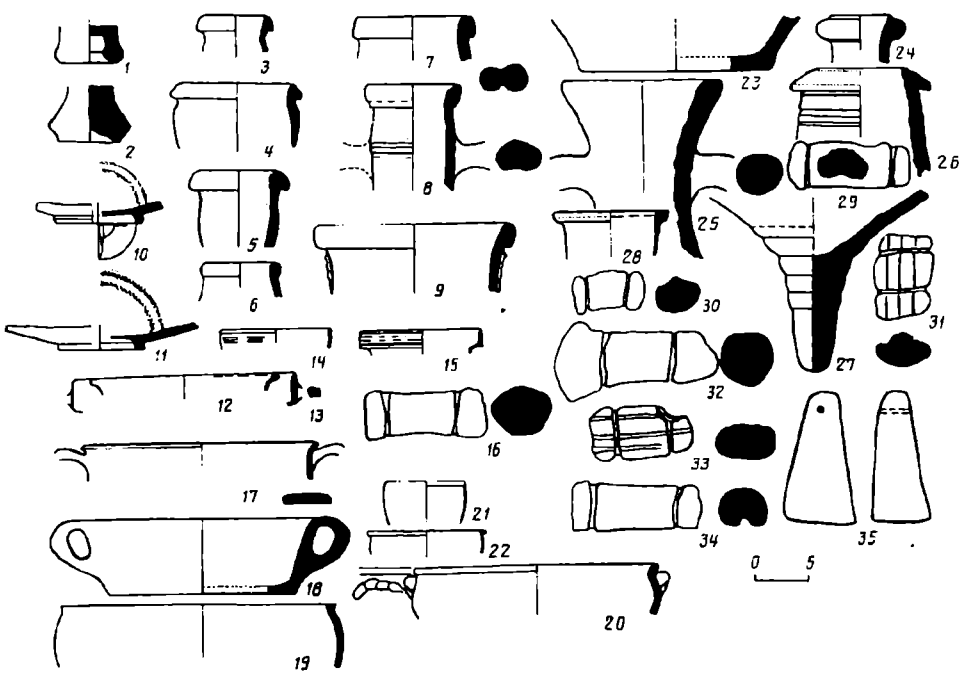


Рис. 3. Керамические находки из слоев ниже уровня подошвы рыбозасолочного комплекса (1—22), а также из засыпи котлована для цистерн (*23—35*)

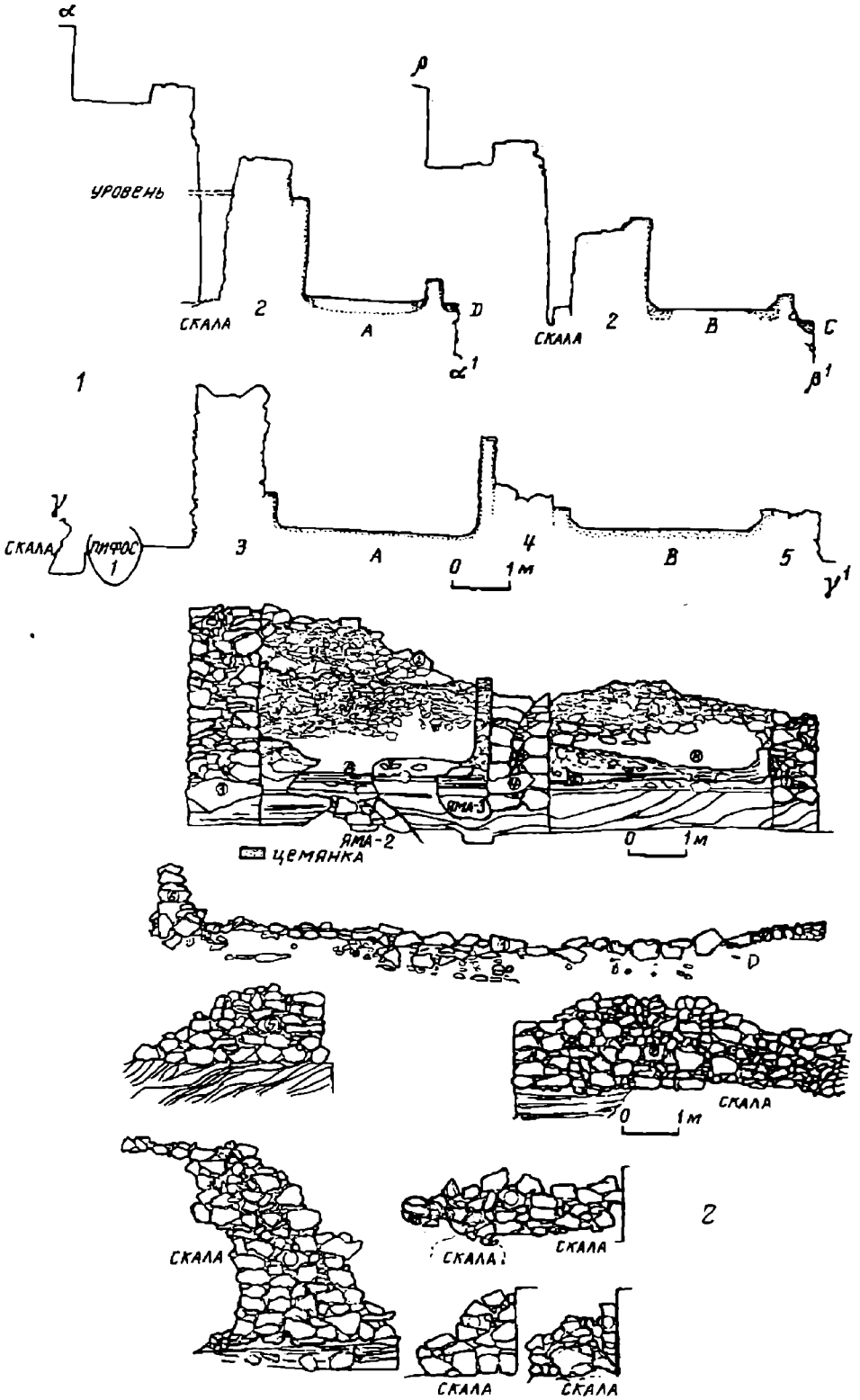


Рис. 4. *1* — разрезы рыбозасолочного комплекса городища Золотое по осям АА1, ВВ1, ГГ1; *2* — вид на рыбозасолочный комплекс со стороны моря (с запада). Фасы стен 1—9

обмазанные толстым слоем цемяночного раствора, которому придан уклон 45° по отношению ко дну цистерны. Разрушения комплекса отразились и на состоянии дна резервуара В: в южной части дно покрыто глубокими трещинами, а юго-западный угол немного провален. В целом же оно ровное, без заметного уклона. По-видимому, заполнение цистерны произошло одновременно: в нее рухнула,

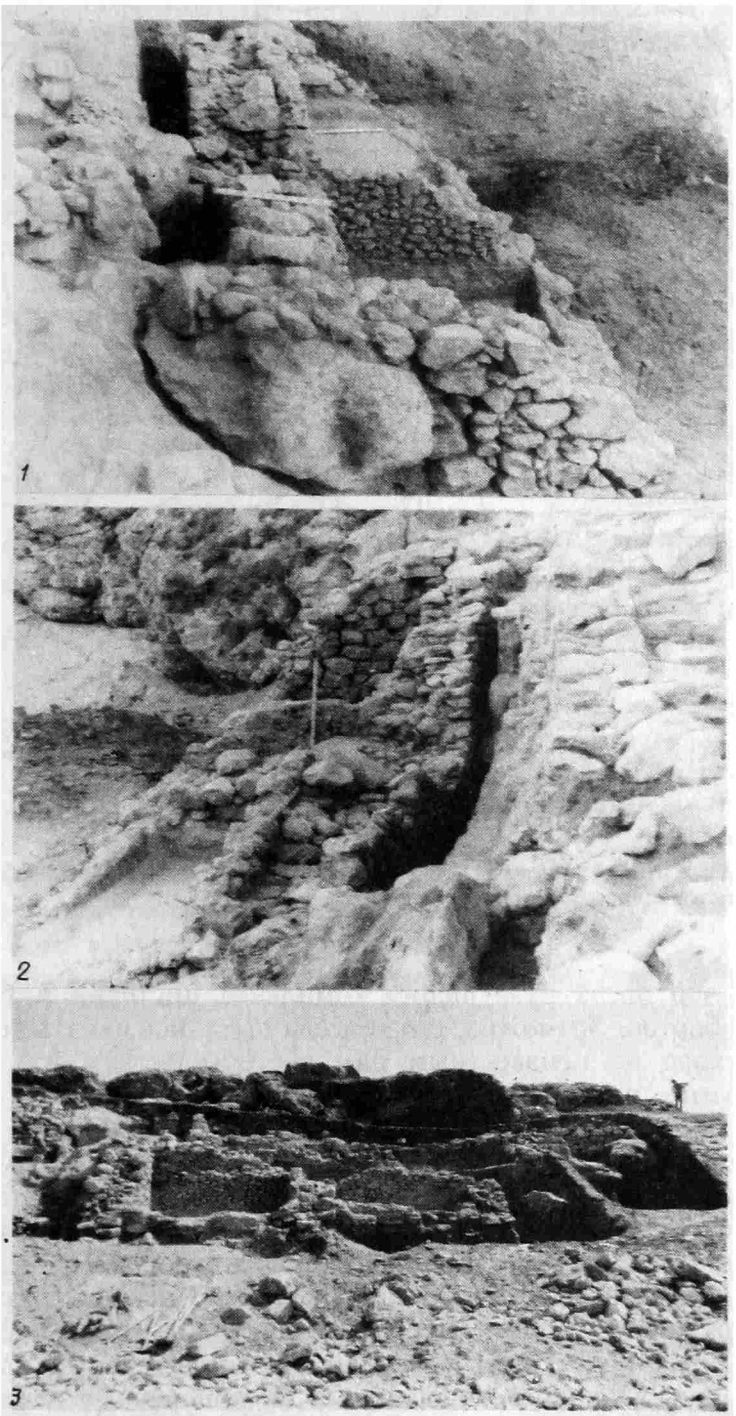


Рис. 5. *1* — вид на рыбозасолочный комплекс с севера. На переднем плане откоповшийся фрагмент скалы с вырубленными пазами для установки опорных столбов навеса; *2* — вид на рыбозасолочный комплекс с юго-востока; *3* — рыбозасолочный комплекс с западной стороны

сохранив порядок кладки, верхняя часть стены 4, обвалив при этом и борта ванны. Цистерна оказалась плотно забитой большими камнями, под которыми находились разрушенные борта, пласты цемяночной обмазки и небольшое количество морского песка [2, с. 47]. Находок, датирующих завал, не было. Выделим только фрагментированное граффити на амфорном черепке (рис. 6, *16*). Однако не вызывает сомнений факт одновременного разрушения всего комплекса. Разница в составе заполнения (в цистерне А совершенно отсутствовали обломки цемянки, тогда как в резервуаре их было очень много) наводит на

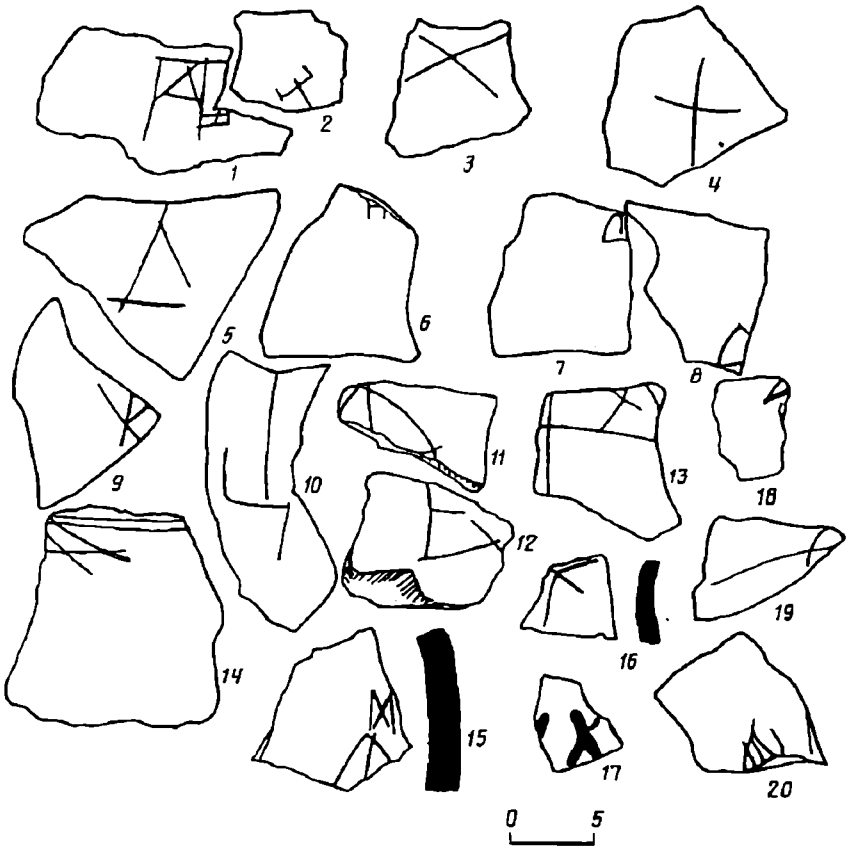


Рис. 6. Графити и дипинти, найденные при раскопках рыбоперерабатывающего хозяйства городища Золотое

мысль о том, что после разрушения комплекса цистерна А была очищена от завалов стен и бортов. Возможно, его хозяева пытались начать восстановительные работы, но вскоре по неизвестным нам обстоятельствам их прекратили. Они успели освободить цистерну А от строительных остатков и подровняли для последующей перекладки незначительные по протяженности фрагменты стен, при этом заполнение соседней цистерны осталось нетронутым. В дальнейшем рыбозасолочный комплекс был окончательно заброшен и его остатки скрыл насыпной грунт, попавший сюда в результате сбросов строительного мусора (развалов сырца) и керамического боя с центральной части городища.

Опираясь на стратиграфические данные, можно реконструировать последовательность сооружения данного перерабатывающего хозяйства: после выборки котлована, в его днище, были выкопаны дополнительные траншеи глубиной 0,42—0,79 м под подпорные продольные и поперечные стены. Сами борта, по-видимому, выкладывались после возведения подпорных стен. Одновременно с выведением первых рядов кладки бортов, несколько выше их подошвы, заливались на предварительно посыпанную известковой крошкой снивелированную поверхность дна котлована первые, наиболее толстые, донные слои цемяночного раствора (толщиной от 0,07—0,15 м). После их застывания достраивались борта цистерн бутовым камнем и доводились, очевидно, до высоты подпорных стен. Промежутки между камнями тщательно заполнялись цемяночным раствором и только затем окончательно оформлялись борта и днища резервуаров с использованием битых черепков, цемянки и гематита. Места сопряжений бортовых и донных швов укреплялись крупными черепками и хорошо промазывались раствором. Во время облицовки стен в штукатурку также добавлялись фрагменты амфорных стенок. Такой прием использовался и при строительстве винодельческих сооружений [17, с. 80]. Таким образом достигалась большая прочность цемя-

ночного покрытия за счет «перевязки» черепками разных слоев раствора. Толщина днищ цистерн составляла 0,28—0,33 м и насчитывала до 8—12 слоев интенсивно розового цвета; бортовая штукатурка была значительно тоньше — 0,02—0,05 м и состояла из 3—4, а в отдельных местах — 1—2 слоев раствора. На поверхности цистерн А и Б прослежены два перекрывающих друг друга тонких (0,003—0,006 м) слоя цемянки с остатками красно-бурой краски (гематита), что говорит о несомненных следах подновления внутреннего покрытия резервуаров. Покрытие гематитом предохраняло цемянку от воздействия тузлука, который по своей разрушающей способности, надо полагать, не отличался от сусла. Гематит к тому же повышал влагонепроницаемость штукатурки [6, с. 189, 190].

С севера к комплексу рыбозасолочных ванн примыкало хранилище, расположенное в промежутке между скальным основанием однолицевой подпорной иррегулярной двухслойной бутовой стены 10, сложенной по тычково-ложковой системе из грубо околотых средних и мелких камней (0,5 × 0,37 × 0,46 м; 0,29 × 0,18 × 0,08 м) и стеной 3 (рис. 2). Длина сохранившейся части кладки стены 10—4,16 м, ширина — 0,63—1,17 м, высота — 0,42—1,46 м. Она построена двумя уступами: западный — на насыпном грунте, восточный — на скале. Стена сильно разрушена.

От хранилища уцелел трапециевидной формы участок пола площадью ~12,76 м^2, широкой стороной обращенный к обрыву. С восточной стороны его ограничивала скала с древней волноприбойной нишей; ее верхняя часть имела выраженные следы подтески и вырубленные ниши, пригодные для установки в них сосудов. Эти сосуды при разрушении крыши упали на пол хранилища и раздавлены камнями рухнувших стен. Пол находился на 0,08—0,10 м выше уровня подошвы стены 3, на глубине 0,62—0,65 м от поверхности дна цистерны А. Он представлял собой плотный, толщиной до 0,08 м, слой зеленовато-серой глины с большим количеством мелкотолченых раковин мидий и морского песка. При промывках проб грунта, взятого с пола помещения, получено значительное количество костей, чешуи и остатков голов мелкой рыбы.

В полу помещения выкопаны четыре ямы для установки крупных сосудов, в одной из них in situ находился растрескавшийся красноглиняный пифос емкостью ~1 тыс. л (рис. 7) с упавшей внутрь верхней частью. Его дно вкопано на глубине 0,65 м от пола хранилища, следовательно, пифос наполовину возвышался над уровнем пола. На его бортах отмечены граффити: сложная монограмма (имя владельца?), фрагмент тамгообразного знака и «косой крест» (рис. 6, *1—3*). Нижнюю часть сосуда заполнял темно-желтый влажный сравнительно рыхлый суглинок, содержавший большое количество керамических стенок, кусочки углей. На самом дне находилась темно-желтая, однородная рыхлая прослойка толщиной 0,15—0,25 м, представляющая собой остатки мелкой рыбы (сельди?): чешуя, кости, головы. В верхнем заполнении пифоса помимо его верхней части найден обломок массивного треугольного венчика от другого пифоса (рис. 7, *В*), обломки стенок амфор, небольшое количество мелких костей птицы и животных.

С северо-западной стороны, рядом с пифосом 1, находилась яма 4 диаметром 1,08 м, глубиной 0,64 м, предназначенная для пифоса 2, от которого в яме остались лишь небольшие фрагменты (рис. 7, *А*), с граффити (рис. 6, *4*, *5*). Основная масса обломков сосуда сместилась в сторону стены 3. Западнее ямы 4, на 0,60—0,80 м, располагались полусферические в разрезе и округлые в плане ямы 5 и 6, диаметром 0,7 м, глубиной 0,36—0,38 м. Обе ямы в момент гибели хранилища пустовали, поэтому с целью предохранения их бортов от оползней грунта и для удобства передвижения в хранилище они были засыпаны стерильным морским песком.

Точно таким же образом была законсервирована расположенная севернее ям траншея. Она выкопана в плотном глинистом насыпном грунте с мешанным материалом эллинистического времени и рубежа н. э. вдоль каменного основания стены 10 на глубине до 0,77 м от пола. От траншеи уцелел участок длиной 4,58 м, ориентированный по оси северо-запад — юго-восток. У дна она имела

Рис. 7. Пифос из хранилища. Профильные части двух других пифосов, найденные на полу хранилища

Рис. 8. Амфорный керамический комплекс из хранилища рыбозасолочного хозяйства

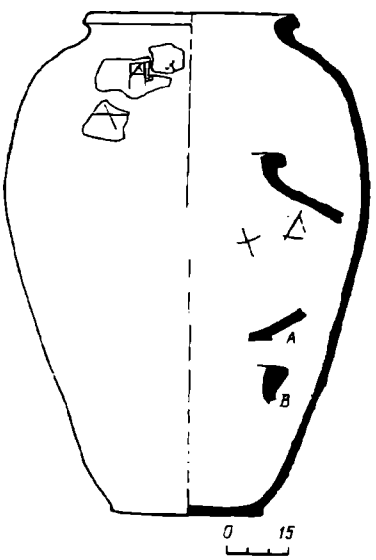


Рис. 7

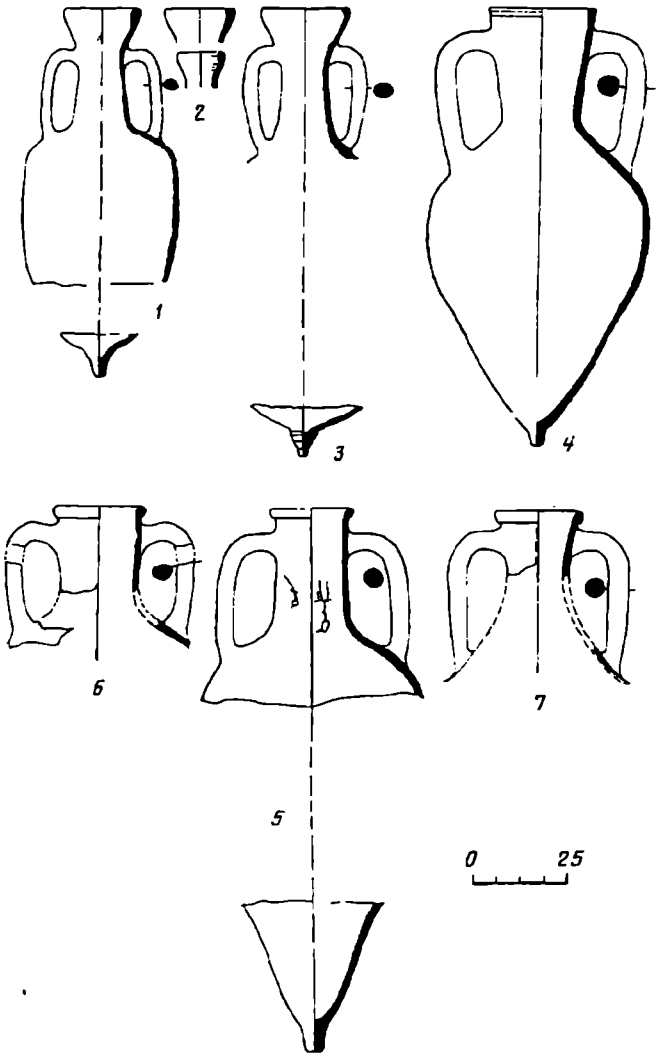


Рис. 8

ширину 0,63 м, вверху — 0,46—0,54 м и предназначалась, по-видимому, для установки амфор. В пользу этого предположения говорят остатки четырех коричневоглиняных, широкогорлых остродонных амфор, стоявших ножками вниз в восточной части траншеи (рис. 8, *4—7*). На горле одной из них имелись граффити (рис. 8, *5*).

На полу хранилища прослежен слой пожара мощностью до 0,25 м, красно-коричневого цвета, с большим количеством крупных углей от перегоревших опорных столбов навеса и балок перекрытия крыши. Отсюда получено большое количество различных находок II в. н. э., среди которых следует отметить три фрагментированные амфоры с вытянутым воронкообразным горлом (рис. 8, *1—3*), профильные части красноглиняных амфор различных типов, фрагмент закрытого рельефного сосуда, лепная «катушка», обломок острия железного ножа или серпа, грузило из амфорной ручки, дипинти красной краской на стенке светлоглиняной амфоры (рис. 6, *17*), несколько граффити на стенках амфор (рис. 6, *6—8*). Ближайшие параллели амфорам с вытянутым воронкообразным горлом известны в Танаисе и Западном Причерноморье [18, с. 118; 19, с. 213, 532, рис. VI, *1*]. Дата амфор такого типа, по-видимому, не выходит за пределы I—II вв. н. э. [20, с. 80, табл. 30, № 6, 7; 21, с. 275, рис. 10, *1*].

Слой пожара перекрывал плотный завал из крупных и средних полигональных бутовых камней, перемешанных с пластами глинистого, вязкого грунта серо-зеленого цвета. В толще завала мощностью до 1,5 м содержалось значительное

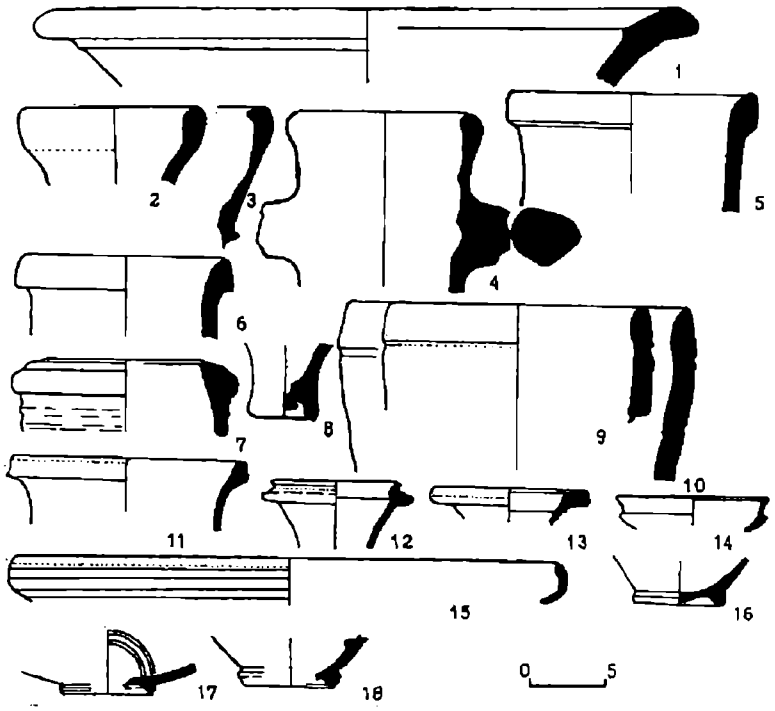


Рис. 9. Профильные части керамики из завала над хранилищем

количество перегоревшей камки и углей. Материал, собранный при его разборе, хронологически не отличался от материала из слоя пожара и в целом может быть датирован II в. н. э. Из находок отметим несколько рыболовецких грузил из амфорных ручек, верхнюю часть красноглиняного лутерия (рис. 9, *1*), фрагменты венчиков амфор с воронкообразным горлом (рис. 9, *2—4*), незначительное количество обломков амфорной, лепной и краснолаковой керамики (рис. 9, *5—18*). Отдельные гончарные черепки имели граффити (рис. 6, *9—15*).

Крыша хранилища опиралась на столбовые конструкции, для опорных элементов которых были сделаны в скальном грунте округлой формы вырубки (рис. 2). Глубина их колебалась в пределах от 0,04 до 0,12 м, диаметры от 0,21 до 0,32 м. Всего зафиксировано шесть вырубок: пять — на вышележащей к востоку от хранилища скале, одна — в скальном выходе между уступами стены 10. Южная часть кровли скорее всего опиралась на несохранившуюся верхнюю часть стены 3. Если в рыбозасолочных комплексах боспорских городов применялась для перекрытия крыши черепица [6, с. 205, 206], то в нашем случае ее заменяла, по всей видимости, система переплетенных жердей или балок, обмазанных глиной, с прослойками камки. Остатки крыши и камни со стен 3, 6, 10 засыпали разрушенное хранилище. От перекрытий самих цистерн, если они были, ничего не сохранилось.

Для предохранения хранилища от осыпей со стороны верхней, резко уходящей вверх, северо-восточной части известнякового клифа была построена во время существования рыбозасолочного сооружения мощная стена 6 (рис. 2), представляющая собой однолицевую подпорную бутовую кладку, сложенную по тычково-ложковой схеме. Она частично вскрыта раскопом, так как уходит в северный и восточный борта. Стена построена уступами — все верхние ряды камней положены со смещением внутрь от внешнего края нижних, что обеспечивало большую устойчивость кладки. Ее выявленная длина составила 4,79 м при толщине от 1,80 до 2,08 м и максимальной высоте 2,68 м. Возможно, на ней была возведена какая-то постройка, небольшой отрезок стены которой выявлен в северо-восточном углу раскопа (длина 1,8 м, ширина 0,83 м). Однако ничего определенного нельзя сказать ни о форме здания, ни о дате его сооружения. Для постройки стены 6 использовался разнокалиберный грубооколотый известняк

(1,29 × 0,88 × 0,67 м; 0,5 × 0,25 × 0,34 м), скрепленный глиняным раствором. У основания стены, между скалой и камнями цоколя, сделана небольшая ниша длиной до 0,7 м в верхней части, до 0,38 м — в нижней, высотой 0,25 м, глубиной до 0,5 м. Ее заполнял мелкий желтый песок.

Подпорную функцию с юго-восточной стороны от рыбозасолочного комплекса выполняла стена 7, целиком построенная на скальном береговом уступе, над волноприбойной нишей (рис. 2; 4, *2*). Система ее кладки подобна кладке стены 6, правда, размеры несколько меньше: выявленная длина 3,54 м, ширина 0,54 м, высота 1,33 м. Кладка сложена на глине из средних по размеру бутовых камней полигональных очертаний (0,45 × 0,26 × 0,28 м; 0,25 × 0,13 × 0,09 м).

На 1,2—1,37 м ниже скальных выступов, на которых возведены стены 6 и 7, вдоль стены 2 на 1,70 выше дна цистерны А выявлен участок двухслойного пола из желтой трамбованной глины, принадлежащий, по-видимому, подсобному помещению рыбозасолочного производственного комплекса (рис. 2). Площадь раскопанного участка пола составила ~9,38 м^2. Общая толщина 0,16—0,18 м. Нижний слой пола толщиной 0,07 м отделен от верхнего (0,06—0,08 м) золистым выбросом с большим количеством мелких угольков, толщиной 0,03—0,06 м, образовавшимся в результате функционирования прямоугольного глинобитного очага, расположенного в северной части помещения. Очаг относится к первому уровню пола, но он продолжал действовать и после сооружения второго слоя пола. Конструкция и размеры очага, как и размеры всего подсобного помещения, остались невыясненными из-за того, что эти строительные остатки перекрыты толстым (1,2—1,4 м) слоем строительных и керамических сбросов с центральной части городища, на которых впоследствии возникло более позднее хозяйственное сооружение с помещением 1. Мусорные сбросы производят впечатление единовременных и хорошо датируются керамическим материалом II — первой половины III в. н. э., который в целом не синхронен времени гибели производственного рыбозасолочного сооружения.

Более 70% из собранных здесь профильных фрагментов принадлежало обломкам светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками [13, с. 17] типов «С» и «D», около 19,7% — различным типам красноглиняных амфор II—III вв. (в том числе найдены и обломки карфагенских амфор [22, с. 531, рис. 8]), более 7,6% — обломкам лепной посуды и 2,7% — маловыразительным профильным частям краснолаковой керамики II—III вв. [5]

Несколько слов необходимо сказать об объемах переработки рыбы на рыбозасолочном комплексе городища Золотое. Если следовать устоявшейся точке зрения, то в своих подсчетах мы должны учитывать вместимость рыбозасолочных резервуаров и максимальное количество сырой рыбы, которое в них можно было переработать за год [3, с. 94; 4, с. 103].

Наши ванны отличаются значительной емкостью: усредненный объем цистерны А — 23,485 м^3, цистерны В — 18,364 м^3. Это самые большие из всех известных нам цистерн. Только одна цистерна в Тиритаке из группы «Б» имела объем ~22,125 м^3 при предполагаемой первоначальной глубине 2,5 м (реальная 1,7 м) [1, с. 20; 5, с. 57; 8, с. 210—211]. Отталкиваясь от известных нам объемов, можно гипотетически восстановить общую вместимость четырех цистерн. Их совокупный засолочный объем мог достигать 83,698 м^3. Таким образом, они могли вместить единовременно около 656,5—669,6 ц сырой рыбы, что составляет немногим больше половины вместимости самого большого из раскопанных комплексов рыбозасолочных цистерн Тиритаки [3, с. 94].

---

[5] В первой половине III в. н. э. на этом слое, вплотную к восточной гряде мшанковых известняков, была сооружена хозяйственная постройка с загородками, очагами, хозяйственными ямами № 1—3, в одной из ям найдена медная монета Иненфимея 234—238 гг. н. э. В это время жители поселения продолжали заниматься рыболовным промыслом. На каменной вымостке помещения 1 найдены кости и щитки осетровых рыб, железные рыболовные крючки больших размеров, грузила из амфорных ручек, кости дельфинов, а также граффити на амфорной стенке (рис. 6, *20*).

В течение года оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной [3, с. 94], поэтому в цистернах комплекса можно было переработать до 5304,4 ц рыбы-сырца в год, для засолки которой требовалось бы 1243,2 ц соли в год и труд не менее 5—7 человек. Для ловли такого количества рыбы, по-видимому, нужно было еще большее число рабочих рук, что предполагает даже при условии сетевого промысла артельный характер добычи рыбы.

Понимая всю условность вышеприведенных расчетов [6], можно предполагать, что наличие на данном небольшом по площади поселении только одного такого комплекса для переработки рыбы свидетельствует о существовании в этом районе достаточно развитого рыбного промысла с выраженным товарным характером. По крайней мере, производимой на нем рыбы должно было вполне хватать для снабжения населения ближайшей округи.

По-видимому, такие рыбозасолочные производства могли быть на большинстве античных поселений Казантипского побережья, плотно населенного в I—III вв. н. э. Ведь и здесь рыбный промысел играл весьма значимую роль: на каждом прибрежном поселении находят при раскопках элементы рыболовецкого снаряжения (рыболовные крючки, грузила, остатки сетей, поплавки) и многочисленные остатки от выловленной или переработанной рыбы [8, с. 208 и сл.].

Наше предположение подкрепляется находкой еще одного, но более поврежденного рыбоперерабатывающего хозяйства, обнаруженного в западной части бухты Широкой (Генеральской), на поселении Салачик [7]. От него уцелели лишь фрагменты двух цистерн, прорезанных раннесредневековыми подвалами с насыпью IV—VI вв. н. э. и разрушенных осыпью склона. Комплекс функционировал, по-видимому, в позднеантичное время. Более определенную дату установить не представлялось возможным по причине сильной поврежденности культурного слоя в районе расположения резервуаров.

Рыбозасолочный комплекс располагался в западной половине поселения, в непосредственной близости от небольшой, «бронированной» пляжем р. Серной (рис. 10, *1*). Он, как и рыбозасолочное производство в Золотом, построен для защиты от штормов северного и северо-восточного румбов под прикрытием мыса. Его цистерны сооружены также на искусственной террасе и покоятся на строительных остатках эллинистического времени. Опорой террасы служила массивная эллинистическая стена, препятствующая размыву грунта во время подъемов воды в период паводков и нагонных ветров со стороны моря. Для защиты от нагонов терраса поднята на значительную высоту: 3,5—4 м от уровня моря [8].

---

[6] Подсчеты, на которые опираются исследователи, изучающие объемы переработки рыбы на Боспоре, В. Ю. Марти провел по прямой аналогии с современными способами добычи и переработки сельди. В связи с этим следует заметить, что если для засолки использовалась какая-либо другая рыба, эти подсчеты могут оказаться некорректными. Тем более, что эти цифры не учитывают возможности неполного заполнения внутренней емкости цистерн, да и нет достаточных гарантий от ошибок при восстановлении действительной глубины античных засолочных резервуаров. Поэтому даже в случае прямой преемственности современного приготовления соленой рыбы и древнего высчитываемые нами показатели могут быть признаны весьма приблизительными.

[7] Поселение Салачик IV в. до н. э.— VI в. н. э., общей площадью около 0,12—0,18 га, повторно открытое во время разведок ВКАЭ в 1977 г., занимает мшанковый останец — мыс Салачик (Чалачик). Со стороны степи его ограждают ров и вал, с запада к нему вплотную подходит устье р. Серной, размывшей часть поселений. По мнению канд. геогр. наук А. А. Клюкина (Симферопольский ун-т), Салачик является одним из интереснейших с геоморфологической точки зрения поселением. Оно дважды за время своего существования кратковременно заливалось и, возможно, разрушалось морем. Очевидно, это происходило во время штормовых нагонов очень редкой повторяемости, когда северный или северо-восточный ветер в течение нескольких дней нагонял воду в бухты. В связи с этим уровень моря поднимался на короткое время на 1,5—2 м. Море заливало и размывало строения. Следы первого «нагона» в виде хорошо сортированной морской ракушки с линзами глиняной обмазки с разрушенных стен четко фиксируется на эллинистических напластованиях, особенно со стороны р. Серной, а второго — на строительных остатках середины I в. н. э. на восточной половине городища. Конечно, эти построения предварительны и требуют более строгих доказательств.

[8] Высокие современные «нагоны» известны на Азове, но не в таких маленьких бухтах и к тому же открытых к востоку и северо-востоку, откуда дольше и интенсивнее господствующие ветра нагоняют воду. При этом нагонные воды заполняют низовья долин, устья рек и ручьев, поворачивая их течение вспять.

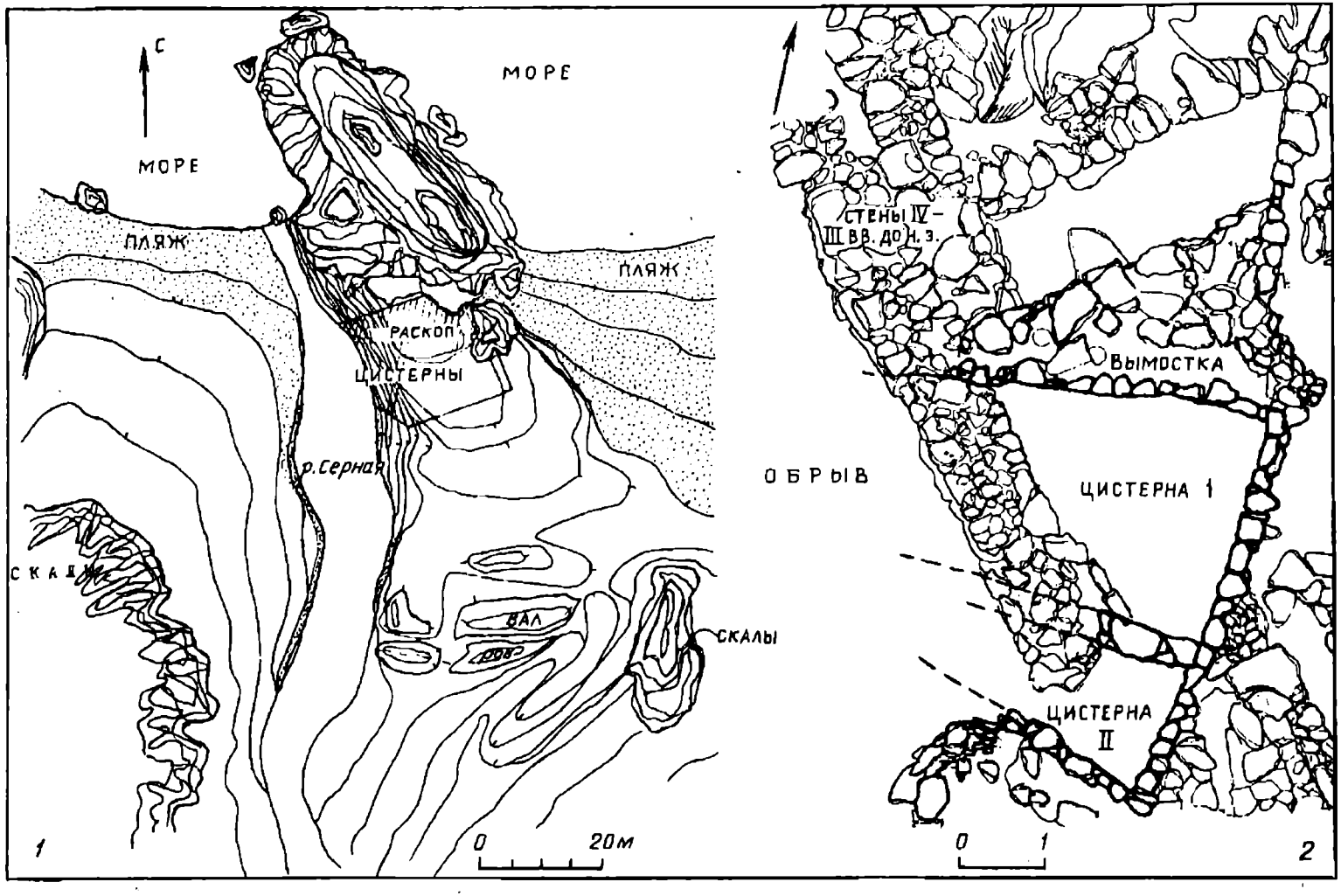


Рис. 10. *1* — схематический план городища Салачик (Чалачик) в бухте Широкой, *2* — западный участок раскопа 1987 г. на городище Салачик с остатками рыбозасолочных цистерн

Устье речки Серной, хорошо защищенное от ветров, могло служить удобной гаванью для рыбацких суденышек, по нему можно было легко подвозить рыбу прямо к рыбозасолочному производству [9].

Цистерны комплекса неправильной подчетырехугольной формы ограничены бортами шириной от 0,35 до 0,39 м (рис. 10, *2*). Борта представляли собой однолицевые однослойные постелистые кладки, сложенные на глиняном растворе из слегка околотых известняковых камней по не всегда выдержанной ложковой системе. Кладка довольно аккуратная, ровная; камни хорошо подобраны друг к другу, выходящие на фасад грани подтесаны; притеска швов сравнительно плотная. В высоту борта сохранились от 0,45—0,50 до 0,90—1,2 м. Они облицованы светло-розовой цемянкой с гематитовым покрытием незначительной толщины (0,04—0,05 м). У подошвы бортов уцелели небольшие цемяночные закраины — сопряжения днищ и бортов цистерн. Днища уничтожены при выкапывании подвалов. Южную (малую) цистерну II отделяла от северной (большой) цистерны I сложенная на глине и обмазанная цемянкой перегородка из одного ряда уложенных на постелистые стороны известняковых бутовых камней. Ее толщина 0,36—0,38 м, сохранившаяся высота 0,4—0,75 м.

Расположенная севернее бо́льшая по размерам цистерна I и южная цистерна II разрушены настолько сильно, что не удалось восстановить их размеры, кроме ширины восточных сохранившихся частей, соответственно равных 2,38—2,75 и 1,06—1,57 м. Однако по остаткам бортов можно установить, что длина цистерны I была не менее 4,1 м, а цистерны II — не менее 2,17 м.

В районе резервуаров в стратиграфически связанных с ними слоях найдены железные рыболовные крючки, грузила, остатки мелкой рыбы.

Раскопанные на европейской хоре остатки рыбозасолочных производств подтверждают ранее выдвинутую версию [8, с. 212] о том, что рыбная ловля в римское время превратилась для жителей боспорских прибрежных поселений в доходный промысел. Толчком для расширения добычи и переработки рыбы могло послужить включение Боспора в сферу римского влияния, следствием чего явились не только рост численности боспорского населения и интенсификация торговых связей, но и расширение поставок провианта, в том числе и рыбы, для нужд римской армии в Причерноморье [5, с. 133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марти Ю. Ю.* Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн//МИА. 1941. № 4.
2. *Книпович Т. Н., Славин А. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки//МИА. 1941. № 4.
3. *Марти В. Ю.* Рыбозасолочные ванные Тиритаки//МИА. 1941. № 4.
4. *Марти В. Ю.* Новые данные о рыбном промысле на Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия//СА. 1941. Т. VII.
5. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.//МИА. 1952. № 25.
6. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.//МИА. 1952. № 25.
7. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.//МИА. 1958. № 85.
8. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
9. *Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках Восточно-Крымского отряда в 1953 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 792—793.
10. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев: Наук. думка, 1983.
11. *Лонгинов В. В.* Динамика береговой зоны бесприливных морей. М.: Наука, 1963.
12. *Андрусов Н. И.* Ископаемые мшанковые рифы Керченского и Таманского полуостровов//Академик Н. И. Андрусов. Избранные труды. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э.//КСИА. 1978. № 156.
14. *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989.

[9] Устье речки Серной перекрыто, если нет паводков и нагонов, узкой песчаной пересыпью, намываемой морем. По-видимому, такая пересыпь могла существовать и в древности. В этом случае к рыболовецким цистернам лодки могли подходить по расчищенному устью или же проще, после преодоления волоком довольно узкого штормового вала, отделяющего устье реки от моря.

15. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
16. *Гайдукевич В. Ф.* Виноделие на Боспоре//МИА. 1958. № 85.
17. *Долгоруков В. С.* Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э.//КСИА. 1976. Вып. 145.
18. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.: Наука, 1972.
19. *Alexandrescu P.* Necropola turmulară. Histria. II. Bucaresti, 1966.
20. *Брукнер О.* Импортована и папонска керамичка продукција са аспекта друштвено-емкономских промена//Почеци романизације у Југоисточном делу провинције Панонија. Нови сад, 1987.
21. *Scorpan C.* Conbribution a la connaissanse de cortains types céramiques romano-byzantine dans l'espace istro-pontique. Dacia, 1977. T. XXI.
22. *Lloris M. B.* El aceite en Hispania a través de las ánforas: la concurrencia del aceite itálico y africano. Produccion y comercio del aceite en la antigüedad. Madrid, 1983.
23. *Масленников А. А.* Отчет о раскопках Восточно-Крымской археологической экспедиции в 1987 г.// Архив Института археологии РАН.

Институт археологии РАН,
Москва

N. I. VINOKUROV

FISH SALTING COMPLEXES OF THE EUROPEAN BOSPORUS

Summary

Two fish salting complexes were found during the archaeological excavations of therural settlements of the European Bosporus. They were carried out by the Eastern Crimea archaeological expedition on the Azov sea coast of the Kerch peninsula. Both complexes were situated on fortified settlements Zolotoje and Salatchik and dated to the 2nd and 3rd-4th centuries A. D. In general they are simular to those ones in the other Bosporus cities, and differ only by the larger dimentions of the cisterns. Zolotoje's complex partially destroyed by the sea consisted of four cisterns with the total capacity of 83.698 m^3 and a pack-house. The complex itself was destroyed apparently in the 2nd century A. D., and the pack-house perished during a great fire. Salatchik's complex survived worse, and probably consisted of only two cisterns: the larger and the smaller ones. Like Zolotoje's complex it was built on an artificial terrace behind the cape which protected it from the storms. The cisterns were situated higher than the sea level which also protected them from waves and high waters.

Б. Г. ПЕТЕРС, Е. В. ЧУХИНА

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК ПАТРЕЯ 1985—1989 гг.

В 1985—1989 гг. Патрейская экспедиция[1] Института археологии АН СССР проводила археологические исследования Патрейского городища [1, с. 151; 2, с. 140; 3, с. 34, 36; 4, с. 134—136; 5, с. 95—97; 6, с. 71—73; 7, с. 80—82], расположенного в северной части Таманского залива у пос. Гаркуша (Темрюкский р-н, Краснодарский край).

О находках на городище фрагментов античной стеклянной посуды исследователи сообщали неоднократно [2, с. 140; 3, с. 35; 4, с. 134—135; 8, с. 239, 242, 246, 247; 9, с. 119; 10, с. 144]. Обнаруженные нами в процессе раскопок Патрейского городища на вспаханных полях и в прибрежной части Таманского залива 44 фрагмента стеклянных сосудов (рис. 1) были разделены на две группы: греческая привозная стеклянная посуда и стеклянная посуда римского времени.

Первая группа привозной стеклянной посуды VI—V вв. до н. э. представлена четырьмя фрагментами.

1. Фрагмент горла с ручкой стеклянного алабастра, полихромный, синего стекла со стеклянными желтыми горизонтальными нитями. Патрей, 1989, ПМ, (рис. 2, *1*). Ручка налепная, вертикальная, верхняя и нижняя часть возвышается, в верхней части сквозное отверстие. Диаметр горла 30 мм; толщина стенки около 2 мм, отверстие в ручке диаметром 1,5 мм, датируется концом VI—IV в. до н. э. [11, с. 233, с. 257, табл. LXX, *3*].

2. Фрагмент горла стеклянного кувшина, темно-синего прозрачного стекла с перламутровой патиной, поверхность сосуда шероховатая, диаметр горла 20 мм, толщина стенок у венчика 2 мм, толщина стенки у тулова 4 мм, датируется VI—V вв, до н. э. Патрей, 1989, р. XV, шт. 2 (рис. 2, *2*) [11, с. 234, 257, табл. LXX, *1*].

3. Обломок стенки сосуда из цветного темно-синего стекла с перламутровой патиной, диаметр сосуда 50 мм, толщина стенки 2,5 мм, датируется VI—IV вв. до н. э. Патрей, 1989, р. XVI, зачистка (рис. 2, *3*).

4. Фрагмент ручки стеклянного кувшина темно-синего глухого стекла, ручка с двумя продольными желобками с наружной стороны, ширина ручки 10,4 мм, толщина наибольшая 4,1 мм, наименьшая 3,1 мм, датируется VI—V вв. до н. э. Патрей, 1989, ПМ (рис. 2, *4*) [11, с. 234, 257, табл. LXX, *2*].

Вторая группа — стеклянная посуда римского периода I в. до н. э.— IV в. н. э.— представлена 40 фрагментами.

5. Фрагмент стенки стеклянного сосуда с отогнутым наружу венчиком, выполненный в ленточной технике, глухое стекло, чередование лент по цвету следующее: бордовая, желтая, голубая, желтая, бордовая, толщина стенки 4 мм, диаметр сосуда 100 мм, датируется I в. до н. э.— I в. н. э. Патрей, 1989, ПММ (рис. 2, *5*).

6. Фрагмент венчика и стенки стеклянного стакана с выступом внутри прозрачно-зеленоватого стекла с перламутровой патиной, диаметр венчика 70 мм,

[1] Работами на Патрейском городище в 1985—1989 гг. руководил начальник Патрейской экспедиции ИА АН СССР Б. Г. Петерс. В 1989 г. в экспедиции принимала участие в качестве археолога Е. В. Чухина.

© Б. Г. Петерс, Е. В. Чухина, 1994 г.

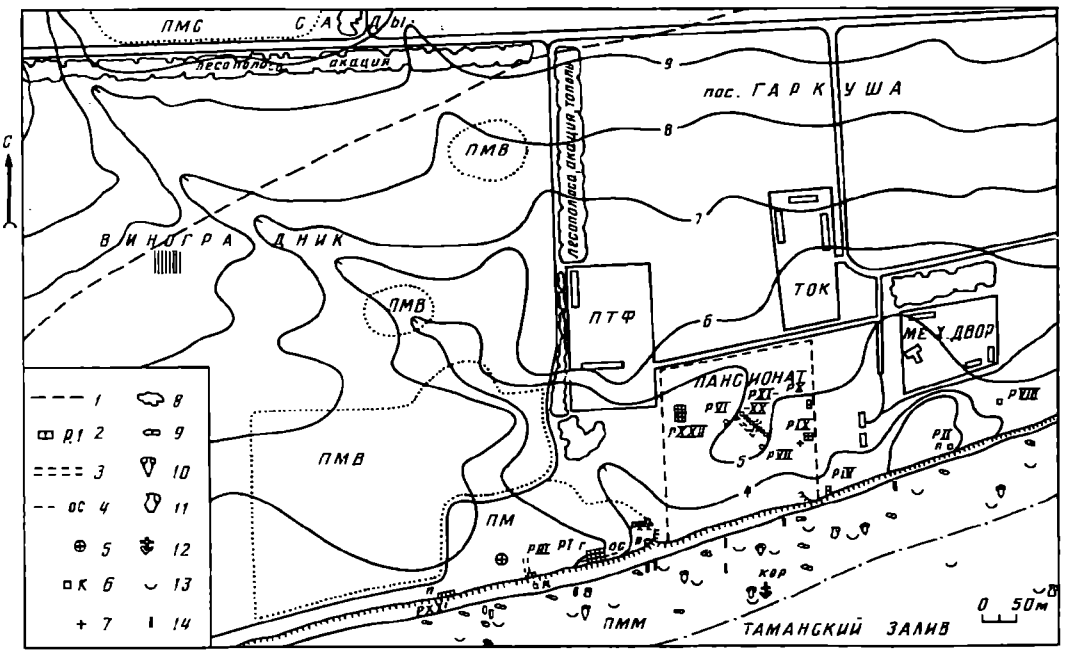


Рис. 1. План расположения раскопок и пунктов археологических исследований на Патрейском городище в 1985—1989 гг. ПМС — подъемный археологический материал из сада и границы его скопления; ПМВ — подъемный археологический материал из виноградника и границы его скопления; ПМ — подъемный археологический материал с пашни и границы его скопления; ПММ — подъемный археологический материал со дна моря и границы его скоплений; П — печи, в раскопе; Г — горны, в раскопе; кор — остатки античного корабельного груза из рядов лежащих на боку фасоских амфор V в. до н. э., *1* — изгородь пансионата; *2* — археологический раскоп и его номер; *3* — ров, вал, в раскопе; *4* — оборонительные сырцовые стены, в раскопе; *5* — нулевая точка городища, верх бетонного куба; *6* — колодец; *7* — некрополь середины V в. до н. э., в раскопе; *8* — остатки каменных кладок под водой; *9* — скопление отдельных камней; *10* — античные амфоры; *11* — средневековые сосуды; *12* — якорь, обломок каменного штока V в. до н. э.; *13* — ямы на дне моря, заполненные керамикой и камнями; *14* — обломки каменных надгробий. Топососнова карты Я. М. Паромова

толщина венчика 4 мм, высота венчика 9 мм, толщина стенки 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, р. IX (рис, 2, *6*) [11, с. 235, 258, табл. LXXI, *22*].

7. Дно тонкостенного стеклянного кувшина на кольцевом поддоне. Поддон из налепного жгута, который слегка вдавили внутрь сосуда, изготовлен из прозрачного стекла с перламутровой патиной, диаметр кольцевого поддона 58 мм, высота поддона 2 мм, толщина поддона 4 мм, толщина дна 2 мм, толщина стенки 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, р. IX, кв. 4, шт. 5 (рис. 2, *7*) [11, с. 235, 257, табл. LXX, *12*].

8. Фрагмент дна стеклянного кувшина на кольцевом поддоне, стекло прозрачное с перламутровой патиной, диаметр поддона 100 мм, высота 8 мм, толщина поддона 4 мм, толщина дна 2 мм, толщина стенки 2 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1987, р. I, кв. 20, шт. 3 (рис. 2, *8*) [11, с. 234, 257, табл. LXX, *12*; 12 с. 183, 184, рис. 4, *6*].

9. Фрагмент дна плоскодонного стеклянного сосуда с выступом по краю, в центре дна прогиб вовнутрь, из прозрачного грязно-зеленого стекла с перламутровой, желтоватой патиной, диаметр дна 50 мм, толщина дна наибольшая 11 мм, наименьшая 9 мм, глубина кольцевого выступа 4 мм, толщина кольцевого выступа 5 мм, толщина стенки 2 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, р. XV, шт. 2 (рис. 2, *9*) [11, с. 234, 258, табл. LXXI, *28*].

10. Фрагмент дна плоскодонного стеклянного стакана с выступом по краю, в центре дна прогиб вовнутрь, из голубоватого стекла с молочной патиной, диаметр дна 40 мм, толщина дна наибольшая 7 мм, наименьшая 4 мм, глубина кольцевого выступа 4 мм, толщина кольцевого выступа 5 мм, толщина стенки 4 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, р. I, кв. 14, шт. 5 (рис. 2, *10*) [13, с. 218, 219, рис. 6, *3*].

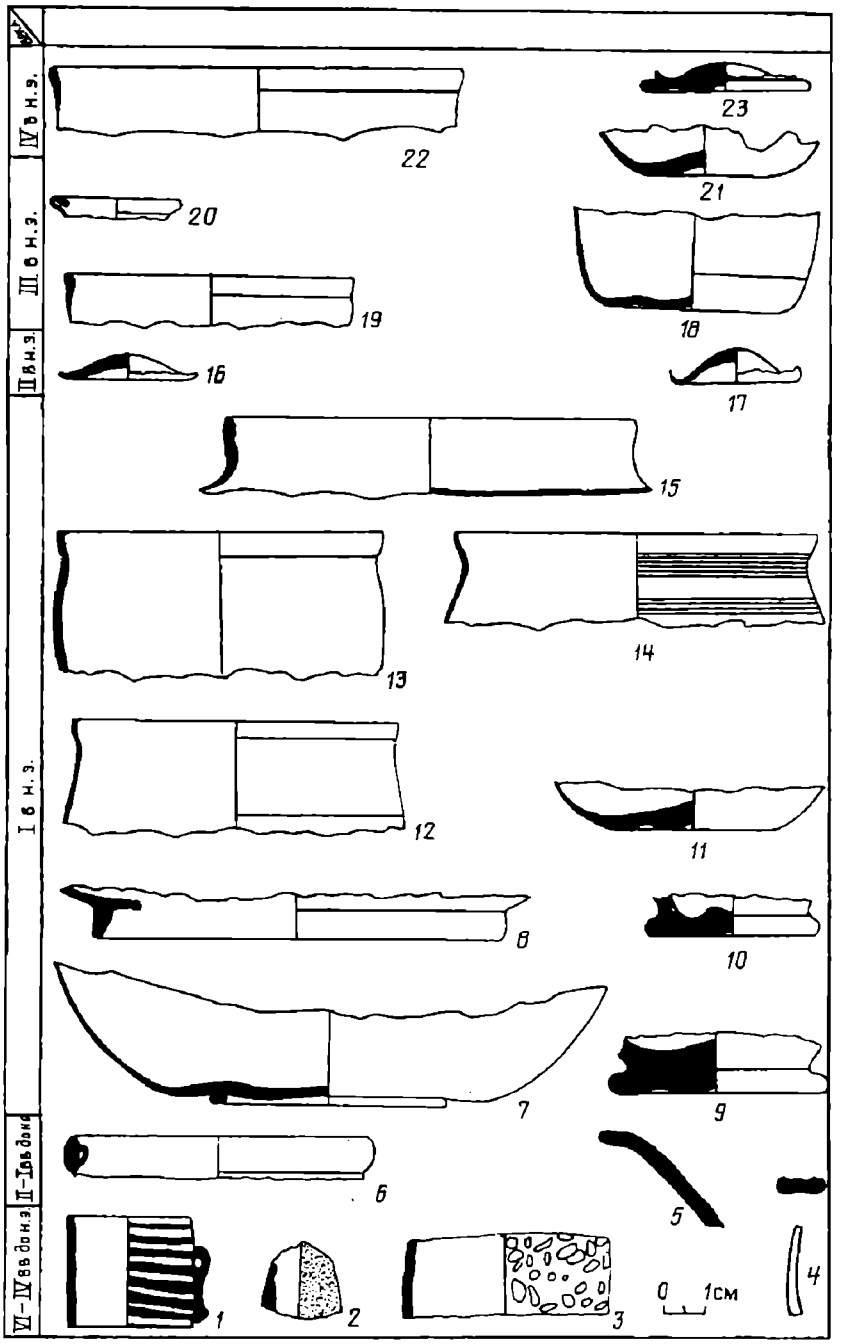


Рис. 2. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Патрейского городища в 1985—1989 гг.

1—4 — греческая привозная стеклянная посуда VI—V вв. до н. э.; *5—23* — стеклянная посуда римского времени I—IV в. н. э.

11. Фрагмент дна стеклянного плоскодонного сосуда со следами понтии, дно внутренней части поднимается, изготовлено из стекла зеленоватого оттенка с молочной патиной, диаметр дна 40 мм, толщина дна в центре 5 мм, толщина стенок 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, р. XI, шт. 11, яма 1 (рис. 2, *11*) [11, с. 234, 257, табл. LXX, *37*].

12. Фрагмент стенки и венчика стеклянной чаши. Вдоль венчика на стенке выгравирована горизонтальная концентрическая полоса, венчик верхней части отогнут внутрь. Чаша изготовлена из прозрачного стекла с молочной патиной, диаметр венчика 80 мм, высота венчика 7 мм, толщина венчика 1 мм, толщина стенки 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989. р. XIV, шт. 10—13 (рис. 2, *12*) [11, с. 234, 258, табл. LXXI, *21*].

13. Фрагмент венчика и стенки стеклянной чаши. По окружности венчика гравированная полоса, стекло имеет прозрачно-зеленоватый оттенок с перламутровой патиной. Венчик верхней части отогнут внутрь, диаметр венчика 80 мм, толщина венчика 2 мм, высота венчика 7 мм, толщина стенки 1,5 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1989, Батарейка, р. II, шт. 18 (рис. 2, *13*) [11, с. 234, 258, табл. LXXI, *22*].

14. Фрагмент венчика и стенки стеклянной чаши, переход от горла к тулову, венчик верхней части отогнут внутрь, с наружной стороны стенок сосуда концентрические полосы, изготовлен из прозрачно светло-голубого стекла, диаметр венчика 90 мм, высота венчика 8 мм, толщина венчика 1 мм, толщина стенки 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1985, ПМ (рис. 2, *14*) [11, с. 234, 258, табл. LXXI, *22*].

15. Фрагмент венчика и стенки стеклянного сосуда. Венчик в верхней части утолщается, изготовлен из прозрачного стекла с молочной патиной, диаметр венчика 100 мм, высота венчика 10 мм, толщина венчика 3 мм, толщина стенки 1 мм, датируется I в. н. э. Патрей, 1988, р. V, кв. 1, шт. 9 (рис. 2, *15*) [11, с. 234, 258, табл. LXXI, *21*].

16. Фрагмент стенки и донца стеклянного бальзамария. Дно вогнуто со следами понтии, изготовлено из прозрачного стекла с перламутровой патиной, диаметр дна более 30 мм, толщина дна наибольшая 3 мм, наименьшая 1,5 мм, толщина стенки 1 мм, датируется II — серединой III в. н. э. Патрей, 1989, р. XIII, яма 1, шт. 9 (рис. 2, *16*) [14, с. 136, рис. 31, группа 2, вариант Д].

17. Фрагмент донца и стенок стеклянного бальзамария с вогнутым дном, со следами понтии, стекло прозрачное с молочно-перламутровой патиной, диаметр донца 30 мм, толщина донца наибольшая 3 мм, наименьшая 1 мм, толщина стенок 0,8 мм, датируется II—III вв. н. э. Патрей, 1988, р. I, кв. 1, шт. 9 (рис. 2, *17*) [14, с. 136, рис. 31, группа 2, вариант Е].

18. Фрагмент стенки и дна стеклянного стакана. У основания стенки концентрическая горизонтальная полоса, стекло прозрачное, с молочно-перламутровой патиной, диаметр дна 50 мм, толщина дна 2 мм, толщина стенки 1 мм, датируется III в. н. э. Патрей, 1989, р. XIII, шт. 2 (рис. 2, *18*) [13, с. 224, с. 226, рис. 9, *7*].

19. Фрагмент венчика стенки стеклянной чаши. Утолщенный венчик, под которым идет горизонтальная концентрическая полоса, стекло прозрачное с перламутровой патиной, диаметр венчика 70 мм, высота венчика 4 мм, толщина венчика 2 мм, толщина стенки 0,5 мм, датируется III в. н. э. Патрей, 1989, р. XII, шт. 6 (рис. 2, *19*) [15, с. 202, 216, рис. 8, *1*].

20. Фрагмент венчика и стенки стеклянного бальзамария, изготовлен из прозрачного стекла с перламутровой патиной, диаметр венчика 30 мм, высота венчика 4 мм, ширина венчика 5 мм, толщина стекла венчика 2 мм, толщина стенки 0,5 мм, датируется III в. н. э. Патрей, 1989, р. XI, шт. 2 (рис. 2, *20*) [13, с. 224, 226, рис. 9, *8*].

21. Фрагмент дна и стенки стеклянного стакана. Дно прогнуто внутрь в центре, изготовлено из стекла зеленовато-желтого оттенка с перламутровой патиной, диаметр дна 40 мм, толщина дна 3 мм, толщина стенки 1 мм, датируется III в. н. э. Патрей, 1989, р. IX, кв. 1 (рис, 2, *21*) [12, с. 183, 185, рис. 4, *4*].

22. Фрагмент венчика и стенки стеклянного стакана, изготовлен из прозрачного стекла с грязно-зеленой патиной, диаметр венчика 100 мм, высота венчика 7 мм, толщина венчика 2 мм, толщина стенки 0,5 мм, датируется IV в. н. э. Патрей, 1986, Батарейка, ПМ (рис. 2, *22*) [15, с. 202, 216, рис. 8, *1*].

23. Фрагмент дна и стенки стеклянного стакана. Плоскодонный сосуд, слегка выгнут внутрь, с выступом по краю, изготовлен из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком, диаметр дна 40 мм, толщина дна наибольшая 5 мм, наименьшая 2 мм, глубина выступа дна 5 мм, толщина выступа 3 мм, толщина стенки 1 мм, датируется IV в. н. э. Патрей, 1989, р. XX, шт. 1 (рис. 2, *23*) [13, с. 224, 236, рис. 9, *3*].

Кроме фрагментов стеклянной посуды нами были обнаружены в слоях римского времени обломки оконного стекла толщиной 3 мм, к неразбитому краю стекло утолщается до 4 мм. Патрей, 1989, р. XV.

Таким образом, исследуемый нами на Патрейском городище материал свидетельствует об импорте стеклянной полихромной посуды из греческих центров в VI—IV вв. до н. э. Она представлена алабастрами и кувшинами, изготовленными в технике песчаного ядра.

Широкое распространение стеклянной посуды на Патрейском городище выявлено в римское время в I в. до н. э.— IV в. н. э. Она представлена кувшинами, чашами, мисками, бальзамариями, стаканами и колбами, изготовленными в ленточной технике и стеклодувной трубкой методом свободного выдувания.

Но наряду с импортной стеклянной посудой здесь, возможно, бытовала стеклянная посуда из северо-причерноморских стеклоделательных мастерских, о наличии которых имеются археологические сведения [12, с. 176, 188; 14, с. 136, рис. 36; 16, с. 237—239; 17, с. 80—84; 18, с. 77; 19, с. 274; 20, с. 230—242]. В связи с фрагментарностью наших находок более подробную классификацию этого материала в настоящее время сделать не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петерс Б. Г.* Работы Патрейской экспедиции//АО-1985. М., 1987.
2. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея//АО-1986. М., 1988.
3. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея. Древности Кубани (Материалы семинара). Краснодар, 1987.
4. *Петерс Б. Г.* Исследования Патрея. I Кубанская археолог. конф. Тезисы. Краснодар, 1989.
5. *Петерс Б. Г.* Исследования нижнего слоя Патрея//Проблемы исследования античных городов. М., 1989.
6. *Петерс Б. Г.* Охранные научные работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г.//Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989.
7. *Петерс Б. Г.* Итоги работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР 1985—1989 гг. Древности Кубани. (Матер. науч.-практ. конф.). Краснодар, 1991.
8. *Башкиров А. С., Мурыгина Н. Ф., Никонов И. Е.* Отчет о раскопках древнего города Патрея (1961—1962 гг.)//Уч. зап. МГПИ. М., 1964.
9. *Стручалина Р. А.* Раскопки Патрея//АО-1969. М., 1970.
10. *Стручалина Р. А.* Светильники в форме головы Силена из Патрея//Античный мир и археология. Саратов, 1977.
11. *Сорокина Н. П.* Стеклянная посуда//Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
12. *Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М.* Стеклоделие Танаиса//СА. 1966. № 2.
13. *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопа Пантикапея//МИА. 1969. № 103.
14. *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
15. *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из Танаиса//МИА. 1965. № 127.
16. *Белов Г. Д.* Стеклоделие в Херсонесе//СА. 1965. № 3.
17. *Белов Г. Д.* Стеклоделательная мастерская в Херсонесе//КСИА. 1969. Вып. 116.
18. *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея//МИА. 1957. № 56.
19. *Сорокина Н. П.* Античное стекло в собрании Одесского археологического музея//Археологические исследования Северного Причерноморья. Киев, 1978.
20. *Щапова Ю. Л.* Материалы по производству стекла из Комарово//СА. 1978. № 3.

Институт археологии РАН,
Москва

PETERS B. G., TCHUKHINA E. V.

GLASS ARTIFACTS FOUND DURING THE EXCAVATIONS OF PATREI IN 1985-89

Summary

Patrei expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences investigated Patrei fortified settlement situated in the northern part of the bay of Taman near Garkusha village. Fragments of the ancient vessels found during the excavations were divided into two groups: imported Greek glass table-ware of the 6-5th centuries BC and the Roman glass vessels of the lst century BC. Shapes of the glass vessels used by the settlement's inhabitants were marked out, and some aspects of the technology were mentioned.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

РАСКОПКИ НА УЗУНЛАРСКОМ ВАЛУ (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ)

Аккосов, или Узунларский, вал на Керченском полуострове в Крыму издавно и неоднократно привлекал к себе внимание многих исследователей (А. Б. Ашик, В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, Р. В. Шмидт, И. И. Бабков, Н. И. Сокольский). Из последних во времени публикаций упомянем работы В. С. Ольховского [1, с. 60 сл], А. А. Масленникова [2, с. 14 сл.], Б. С. Мосейчука [3, с. 74 сл.], И. И. Вдовиченко и С. Г. Колтухова [4, с. 145—152], А. Ванцович [5, с. 79]. Однако археологические раскопки на нем проводились эпизодически и в ограниченных масштабах, поэтому многие связанные с этими древними укреплениями вопросы по-прежнему остаются невыясненными.

Специалистам по истории и археологии Боспора хорошо знаком пассаж из труда Страбона об укреплении царем Асандром границ европейского Боспора путем строительства оборонительной стены с многочисленными башнями (Strab., VII, 4, 6). Существование курганообразных возвышенностей непосредственно вблизи Узунларского вала, проходящего поперек Керченского полуострова от Азовского моря до одноименного озера, надежно зафиксировано разведками и подробной топо- и аэрофотосъемкой. Есть не вполне определенные свидетельства о наличии здесь и развалин башен. Вместе с тем, ни одна из них не была до сих пор подобающим образом раскопана, а следовательно, оставалась невыясненной датировка, планировка и, разумеется, идентификация с упомянутыми башнями Страбона. Все рассуждения на эту тему носили во многом умозрительный характер.

После нескольких обследований вала для раскопок нами был выбран участок, вернее объект, расположенный в районе современного Керченского водохранилища (так называемая Таганашская котловина), приблизительно в 6 км к югу от берега Азовского моря (рис. 1, *1*). Глубокая природная впадина, через которую проходила линия вала, с юга и севера ограничена довольно высокими скалистыми кряжами, протяженными в направлении восток—запад. Именно здесь, на их вершинах, приблизительно на расстоянии 2 км друг от друга, было бы весьма целесообразно сооружение дозорных укрепленных пунктов. Отсюда открывается широкий обзор побережья, включая мыс Казантип, многих долин и сопок на востоке и западе, а также продолжения линии вала к югу. Удобно было подать сигналы на соседние посты и лежавшие восточнее поселения. Здесь же по гребню холмов могла проходить и древняя дорога.

Действительно, на обеих возвышенностях в 35 и 40 м к востоку от вала имелись невысокие (до 1—15 м) подпрямоугольные насыпи размером примерно 16—19 × 20—22 м. Северная, более низкая, усыпанная мелкими камнями и щебнем, хотя и достаточно задернованная, имела в центре следы старой воронки или ямы. Обращало на себя внимание обилие камней, в том числе и достаточно крупных, усеивавших южный, более крутой склон гряды, где она располагалась. Южная возвышенность выглядела менее потревоженной, хотя в центре также имелась небольшая ложбина.

Для раскопок был выбран северный объект, помимо топосъемки предварительно проводились магнитометрические измерения [1]. Методика их основана на том, что

[1] Измерения проведены сотрудником ЛОИ ИЗМИРАН РАН, канд. ист.наук Т. Н. Смекаловой.

© А. А. Масленников, 1994 г.

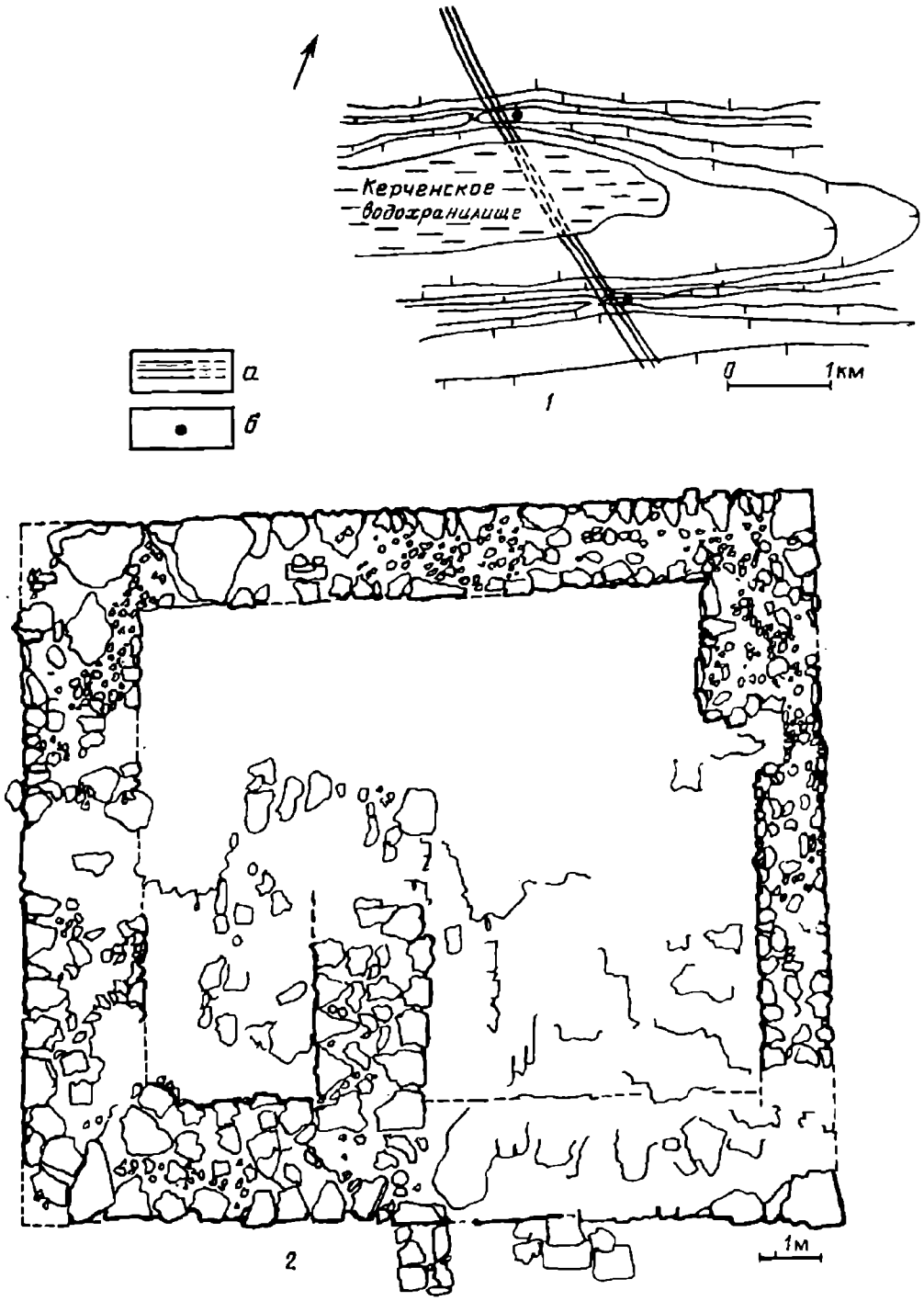


Рис. 1. *1* — план-схема Таганашской котловины (*а* — линия вала рва; *б* — «башни»); *2* — план объекта северная «башня»

сплошные грунтовые насыпи (курганы) создают слабые положительные аномалии. Если же под ними скрыты развалины каменных построек, то аномалии будут выглядеть в виде сочетания положительных и отрицательных зон, соответственно от заполнения и стен помещений. Репрезентативность результатов зависит от сохранности строений и наличия посторонних намагниченных предметов. В этой связи северный холм был менее привлекательным, что и подтвердилось съемками. Но при этом их результаты сравнимы и взаимодополняемы данными раскопок. Они показали, что под насыпями находятся остатки каких-то квадратных строений, ориентированных сторонами по странам света. Особенно хорошо «читаются» внешние контуры южной башни (рис. 2). Ее размеры устанавливаются с точностью

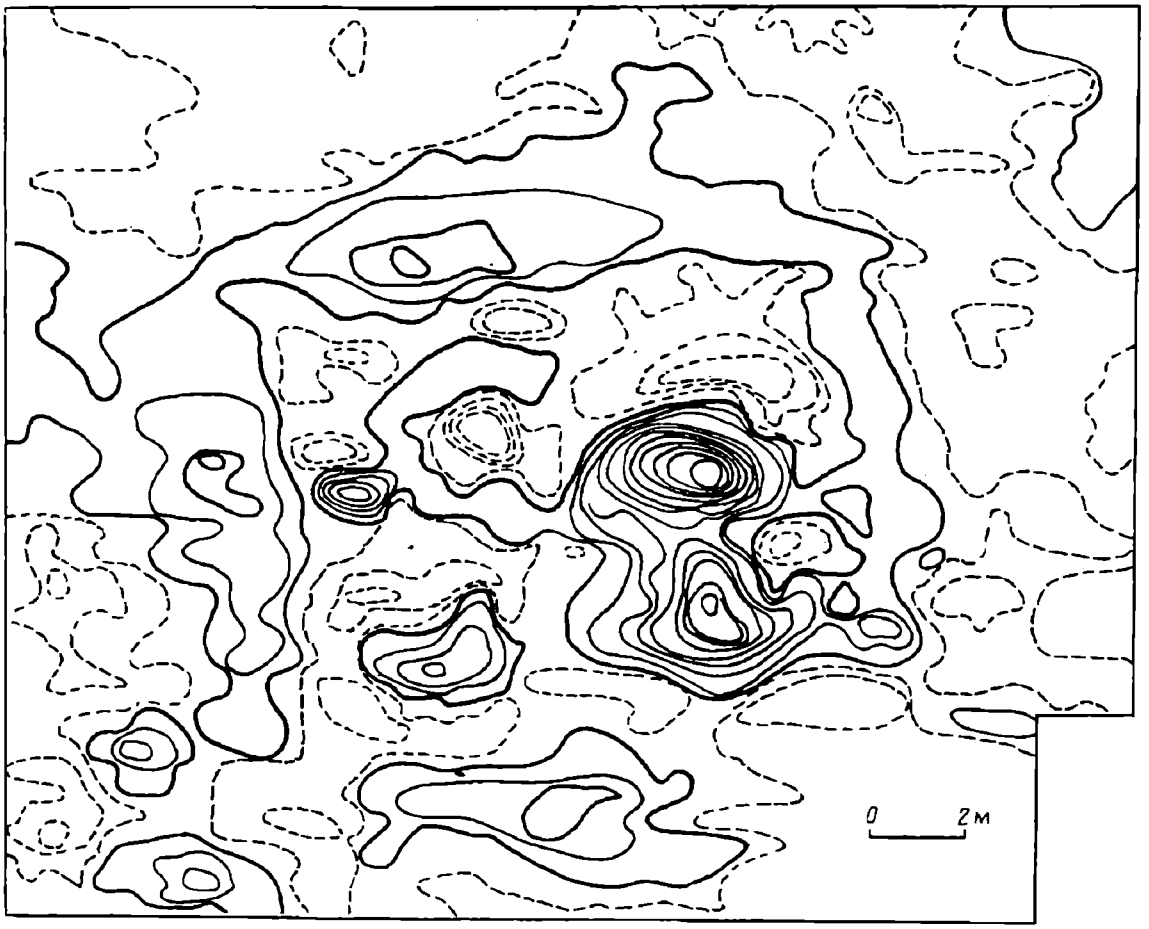


Рис. 2. План магнитометрической съемки южной «башни»

до нескольких десятков см, приблизительно 10 × 12 м. Отчетливо прослеживается внутренняя перегородка. Уверенно можно предполагать наличие двух печей или, скорее, очень сильно обожженного пространства. Толщина внешних стен, вероятно, составляла около 1,5 м или немногим более.

Картина на северном объекте оказалась более «размытой», но и здесь выявлены сильно намагниченные (обожженные) участки, причем в тех же местах внутреннего пространства, что и на южной башне. Отметим, что съемка указанным методом и обработка данных заняли не более 6 ч.

Раскопки северного холма на глубине 0,1—0,8 м открыли плохо сохранившееся основание прямоугольной постройки площадью около 135,5 м^2. Длина стен: северной — 12,3, западной — 10,4, южной — 12,8 и восточной — 11,2 м (рис. 1, *2*; 3).

Стены сложены впереплет однотипной, простой, иррегулярной, двухрядной кладкой из средних и мелких необработанных известняковых камней. Большие камни использовались в углах их внешних фасов. В некоторых местах кладка вообще не сохранилась. Ширина стен колеблется от 1,2—1,3 м (северная и восточная) до 1,8—1,9 м (западная и южная). В высоту они уцелели всего на 0,4—0,8 м. Напомним, что в сущности это слегка заглубленный цоколь. Высота же самих стен боевой башни теоретически могла достигать 20 м [6, с. 124—146], но в данном случае постройка, как об этом будет сказано подробнее ниже, несколько иного рода и скорее всего более низкая.

Внутри имелась одна толстая (до 1,6—1,8 м) поперечная стена-перегородка длиной не менее 2,2 м. Возможно, существовала и другая — из сырцовых кирпичей.

С юга к башне примыкала короткая стенка длиной 1,8 м и шириной 0,8—0,9 м. Видимо, она прикрывала вход в сооружение, хотя не исключено, что он располагался в самой тонкой восточной стене.

Рис. 3. Северная «башня». Фото, общий вид

Заполнение помещений довольно однородно: сухой серый суглинок с очень большим количеством щебня и камней и редкими обломками светлоглиняных амфор и лепной посуды. В восточной части постройки его сменяет коричнево-серый, местами светло-желтый суглинок с кусками обгорелого сырца, насыщенный фрагментами амфорной тары и посуды. Под ним расчищен хорошо сохранившийся слой очень сильно обгоревшего глинобитного пола, покрытый золой, пеплом и прокаленным сырцом. Именно здесь были в основном собраны все наиболее примечательные, хотя и сильно фрагментированные, обожженные, но достаточно многочисленные находки. Их анализ весьма важен и для датировки данного памятника, и в общехронологическом плане, поскольку башня представляет в сущности закрытый комплекс. К тому же время его существования в определенной мере коррелируется письменными свидетельствами.

Прежде всего это две медные монеты. Одна — драхма с изображением головы Аполлона вправо и лука в горите влево с надписью ΠΑΝ. Все принятые датировки ограничиваются II в. до н. э. [7, табл. XLII, *9*; 8, с. 219, табл. VIII, *95*; 9, с. 143, табл. V, *169*]. Вторая — «безымянный» обол с изображением головы Митридата Евпатора (?) вправо и лука в горите с ремнем и монограммой. Обычно датируется 79—63 гг. до н. э. или несколько у́же [7, табл. XLIV; 9, табл. VIII, *212* ж].

Среди обломков терракотовых статуэток — головка богини τύχη в муральном венке, женщина на троне с тимпаном (Кибела), протома женской фигуры. Все со следами гипса, синей, белой и розовой краски и отчасти обгорелые. По доступным нам публикациям и аналогиям они могут быть отнесены ко II—I вв. до н. э. [10, с. 100—106].

Отметим также круглую медную пряжку, два кремневых вкладыша, два обломка точильных брусков и глиняное пряслице.

Особенно многочисленны фрагменты амфор и лепной посуды. Почти все амфоры, а их судя по доньям было в здании не менее 10—12 штук, представлены семью-восемью вариантами так называемых светлоглиняных с двухствольными ручками. Состав и цвет глины колеблется от светло-розовой, светло-оранжевой или красновато-оранжевой до светло-желтой. В тесте — мелкие, но обильные включения твердых частиц (пироксен). Прочие добавки — кварцевый песок,

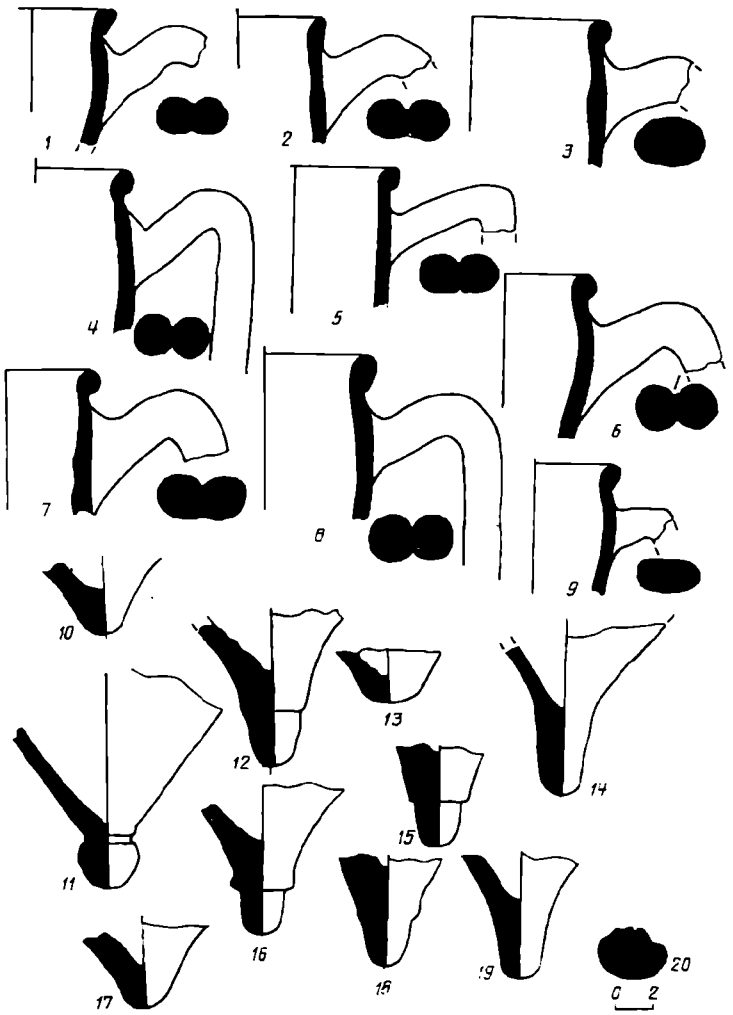


Рис. 4. Фрагменты амфор из раскопок северной «башни»

слюда и толченый мел — представлены по-разному (рис. 4, *1—2, 4—8, 11—12, 14—16, 18—19*). Традиционная датировка этих амфор I в. до н. э.— I в. н. э. [11, табл. 27, *61*]. Но данные экземпляры, по мнению С. Ю. Внукова, относятся к ранним типам, т. е. к середине — второй половине I в. до н. э., а некоторые, быть может, даже к последней четверти этого и началу следующего века[2].

Прочие немногие обломки амфор имели овальные в сечении ручки и округлые донья. Их глина: красновато-розовая с мелкими блестками, оранжевая со слюденистыми частицами и светло-коричневая с мелкими темными и коричневыми включениями. Центры их производства и хронология менее определенны (рис. 4, *3, 9, 10, 13, 17, 20*).

Чрезвычайно разнообразны по составу глины, формам и размерам обломки лепных сосудов. Выделяются крупные корчаги с диаметром горла от 18 до 35 см, дна — 17—22 см и высотой не менее 0,45—0,75 см. Толщина их стенок 0,5—2 см. Наибольший диаметр тулова приходится на середину высоты сосуда, реже — на верхнюю его треть. Дуговидная в разрезе шейка различается степенью изогнутости и формой края венчика. Он острый или скошенно-приплюснутый, уплощенный либо слегка отогнутый. Ряд корчаг имели прямые, покатые плечики. Некоторая часть корчаг была орнаментирована пальцевыми вдавлинами или косыми насечками по верху или внешнему краю венчика. Самые массивные из них были снабжены круглыми в сечении, горизонтально крепившимися овальными ручками. Глина этих сосудов рыхлая темно-серая и светло-оранжевая с большим количе-

[2] Автор искренне признателен С. Ю. Внукову за любезно данную консультацию и определения.

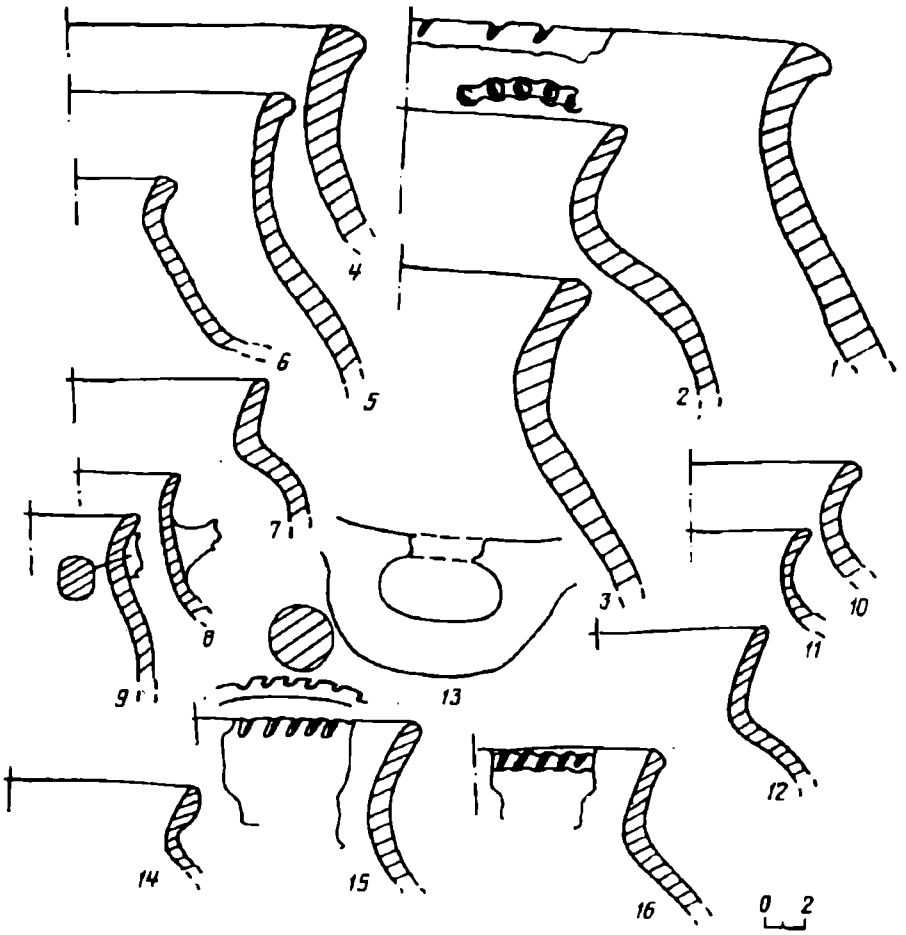


Рис. 5. Фрагменты лепных сосудов

ством крупного шамота, известняковой крошки и песка. Поверхность бурого, серо-бурого цвета, как правило, шероховатая (рис. 5, *1—6, 13*).

Обычные горшки представлены двумя типами: с дуговидной в разрезе шейкой и горлом в виде раструба. Первые — относительно небольшие сосуды с диаметром горла 8—20 см, донца — 6—16 см и высотой до 30—35 см. По форме перехода шейки в тулово, степени изогнутости шейки и форме края венчика можно выделить не менее четырех их вариантов (рис. 5, *7—12, 14—16*). Они относительно тонкостенны, из серой и серо-бурой глины с шамотом или толченой ракушкой. Поверхность заглажена, реже шероховатая. Орнаментация не отмечена, но есть экземпляры с одной овально-круглой в сечении ручкой, крепившейся под венчиком или несколько ниже.

Горшки второго типа имели диаметр по венчику 13—18 см и высоту до 25 см. Край венчика иногда украшен ногтевым орнаментом — защипом или насечками по внешнему ребру. Глина темно-серая, серая и серо-бурая. Примеси: шамот, реже ракушка с шамотом. Поверхность буро-коричневая, заглаженная.

Среди чашек единичны экземпляры со слегка изогнутым, расширяющимся кверху краем и тонким венчиком. Большая же часть — с округлыми стенками и уплощенным краем венчика. При этом он или отогнут наружу, или загнут внутрь. Диаметр чашек колеблется от 16 до 22 см, высота 8—10 см. Глина серо-сизая, серая. Включения — шамот, песок, известняковая крошка. Поверхность заглажена или подлощенная. Иногда, при общей изогнутости стенок внутрь, край венчика слегка отогнут наружу. Это характерно для наиболее примечательной группы чашек — с несколькими вертикальными ручками-выступами. Они довольно большие (диаметр венчика 26—32 см), высокие (12—13 см) и толстостенные (1—1,4 см). Ручки крепились к краю венчика (рис. 6, *15—17*). Глина их темно-серая либо оранжево-коричневая, рыхлая с шамотом. Поверхность — от светло-коричневой до бурой, хорошо заглажена. В материалах раскопок боспорских

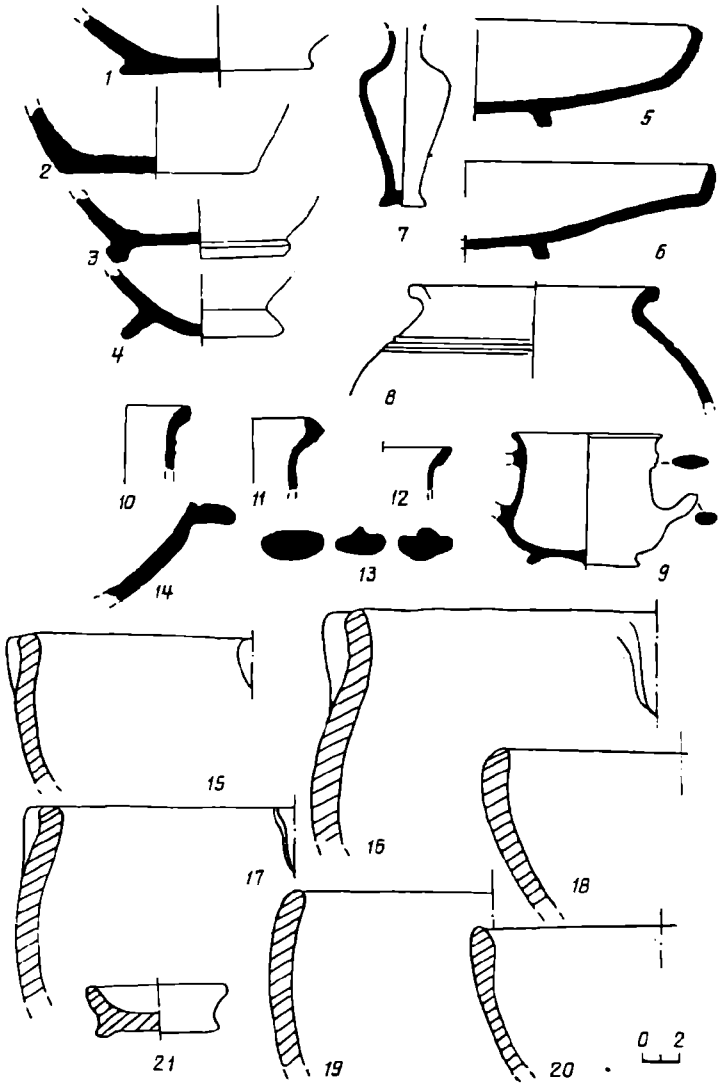


Рис. 6. Фрагменты лепной и гончарной красно- и сероглиняной посуды

городов и поселений предшествовавшего времени такие сосуды практически не фиксировались. Среди обломков лепной посуды есть, вероятно, принадлежавшие сосудам «бочковидной» формы, есть также стенка с сосковидным налепом.

Не вдаваясь в подробности анализа и поиска аналогий, подчеркнем, что в целом описанный комплекс лепной керамики весьма близок синхронному скифскому (из раскопок Неаполя Скифского) с соответствующим фракоидным «налетом» [12, с. 258, рис. 4, *23*, *27*; 6, *8*; 7, *10—12*; 13, с. 72, рис. 2, *6*].

Простая гончарная столовая посуда представлена фрагментами в основном сероглиняных лощеных кувшинов, чашек и кубка. Чашки на кольцевом поддоне двух типов: с острым, слегка загнутым внутрь краем венчика и почти вертикально поставленным бортиком (рис. 6, *5—6*). Они хорошо известны по находкам в слоях и комплексах рубежа н. э. [14, с. 82—103; 15, с. 1—48]. Более редок двуручный кубок с плавно расширяющимся ко дну туловом и слабо отогнутым краем венчика. Упомянем также фрагментированный красноглиняный, буролаковый флакон, форма и пропорции которого характерны для позднеэллинистического времени (рис. 6) [16, с. 110, рис. 95, *4*].

Таким образом, анализ находок позволяет независимо от прочих источников датировать раскопанную постройку второй половиной I в. до н. э. По счастливой случайности это не только подтверждается, но и отчасти уточняется упомянутым сообщением Страбона.

Есть все основания считать, что по крайней мере под частью остальных холмов у Узунларского вала скрываются подобные же сооружения. Причем не исключено — погибшие в одновременном пожаре.

Страбон прямо пишет, что башни были построены Асандром для защиты западных рубежей. Можно допустить, что эти мероприятия имели место уже после того, как, разбив и уничтожив Фарнака, Асандр стал полноправным владыкой Боспора, т. е. не ранее 44 г. до н. э. [17, с. 134 сл.]. Но и здесь ему предстояло сначала защищать свою власть от притязаний Митридата Пергамского. Иными словами, вряд ли Асандр мог спокойно заняться внутренними делами ранее конца 40-х годов I в. до н. э. К этому времени он располагал, по всей видимости, весьма многочисленной и, вероятно, разноплеменной армией. С одной стороны, он мог использовать ее в качестве рабочей силы, с другой — должен был одновременно решать вопрос о ее будущем, т. е. создавать наиболее целесообразную в военном, административном и финансовом отношении систему ее организации, размещения и содержания.

Описанные выше находки, за исключением, пожалуй, монет, не противоречат предложенной «начальной» дате. Долгое же участие в денежном обращении монет разновременного чекана само по себе не являлось чем-то необычным, особенно в столь бурную эпоху, как I в. до н. э. Сложнее определить время гибели башен. В этой связи укажем лишь, что к настоящему времени скопился уже достаточно большой и, на наш взгляд, убедительный археологический материал, свидетельствующий, что в середине последней четверти I в. до н. э., а точнее, видимо, между 12 и 8 гг. до н. э., Боспор пережил какие-то сильные потрясения, сопровождавшиеся разрушением практически всех поселений и крепостей на территории хоры обеих частей государства, возможно, затронувшие и города. Вероятно, их можно связать с трудным утверждением на Боспоре римского ставленика, царя Полемона (Strab. XI, 2, 3; Δio. Cass. I, IV, 24, 5—6). Подробности этого нам практически неизвестны, но анализ письменных источников также приводит к вышеуказанной дате.

Вернемся к раскопанному объекту. Прежде всего, это скорее была даже не башня, а сильно укрепленный двух- или даже трехэтажный дом — форт. В нем постоянно находился небольшой гарнизон, функции которого ограничивались охранными и сигнальными задачами. Можно предположить его полиэтичность (лепная керамика «скифского» облика, античные терракоты) и даже присутствие женского населения. Показательна упомянутая терракотовая статуэтка богини удачи, судьбы, случая, рока — столь популярная, надо думать, именно у воинов-профессионалов. Разумеется, хранились здесь и периодически пополнявшиеся продовольственные запасы.

Весьма примечательно, что расстояние между двумя рассмотренными «башнями» почти в точности соответствует предложенному Мейнеке и В. Д. Блаватским в их поправке к тексту Страбона. Согласно им, следует читать, что башни размещались не по 10 на 1 стадий, а через 10 стадиев каждая [18, с. 155]. Впрочем, наши наблюдения показывают, что холмообразные возвышенности рядом (но всегда с востока) с Узунларским валом располагались довольно произвольно: по большей части действительно с интервалом в 10 стадиев, но на отдельных участках (в центральной части вала) через 100—300 м. Оговоримся, однако, что некоторые из них являлись курганами, которые естественно могли использоваться позднее и в дозорно-сторожевых целях.

План раскопанной постройки находит практически полные аналогии среди так называемых укрепленных усадеб и сторожевых постов, исследованных в последние полтора десятилетия на азиатском Боспоре, прежде всего на его юго-восточной окраине [19, с. 106 сл.; 20, с. 66—68]. Существование подобных строений на западных границах Боспора прежде лишь предполагалось [21, с. 71].

В заключение отметим, что помимо общих или очень схожих характеристик (как в чисто архитектурном, так и в археологическом отношении) у всех этих памятников оказалась практически одна датировка и один трагический конец.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов//СА. 1981. № 3.
2. *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах/. СА. 1983. № 3.
3. *Мосейчук Б. С.* Аккосов вал//КСИА. 1983. № 174.
4. *Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г.* Древние укрепления северного Крыма//ВДИ. 1986. № 2.
5. *Wasowicz A.* Le sistéme de défense des cites grecques sur les côte septeutrionales de la Mer Noire//La fortification dans l'histoire du Monde Grec. Paris, 1986.
6. *Young J. H.* Studies in South Attica country Estates at Sounion//HESPERIA. 1956. № 25.
7. *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., 1951.
8. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора. VI—II вв. до н. э. М., 1956.
9. *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
10. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
11. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960.
12. *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя Скифского//МИА. 1956. № 64.
13. *Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами//Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
14. *Гудкова А. В., Крапивина В. В.* Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков н. э.//Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.
15. *Гудкова А. В., Крапивина В. В.* Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. Киев, 1990.
16. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
17. *Яйленко В. П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I//Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.
18. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
19. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э.//ВДИ. 1982. № 2.
20. *Алексеева Е. М.* Горгиппия в системе Боспорского государства первых веков н. э.//ВДИ. 1988. № 2.
21. *Масленников А. А.* К типологии сельских поселений Боспора//СА. 1989. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

MASLENNIKOV A. A.

UZUNLAR RAMPART EXCAVATIONS (the Eastern Crimea)

Summary

The article deals with the results of the excavations of tower-shaped buildings found near so-called Uzunlar rampart on the Kerch peninsular long before. Interesting artifacts discovered during the excavations let date the buildings to the 2nd half of the lst century BC, confirm some evidences of the ancient writers and define more precisely the facts of the complicated Bosporus history of this time.

А. Д. ПРЯХИН, Ю. Д. РАЗУВАЕВ

КЛАД СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА НА РЕКЕ ДОН

В 1990 г. при раскопках Семилукского городища, проведенных сотрудниками кафедры археологии Воронежского университета (руководитель А. Д. Пряхин), обнаружен клад украшений скифского времени. Само городище занимает мыс высокого правого берега р. Дон в черте г. Семилуки (окрестности современного г. Воронежа). Напротив, на плато левого берега реки, находился известный могильник скифского времени «Частые курганы». Городище представляет собой многослойный памятник, систематические раскопки которого ведутся с 1984 г. В ходе исследований вскрыто более 3000 м^2 площади, найдены материалы поселений эпохи бронзы (преимущественно ранней и средней бронзы), раннего железного века (IV—III вв. до н. э.) и поселка городского типа древнерусского времени (вторая половина XII — начало XIII в.) [1, 2].

Поселок IV—III вв. до н. э. был укрепленным. С ним связаны остатки жилых и хозяйственных сооружений, многочисленные, как правило, специфичные по обряду захоронения, для совершения которых часто использовались котлованы построек или хозяйственные ямы [3].

Клад обнаружен в центральной части площадки городища рядом с комплексом хозяйственных сооружений. Он находился в культурном слое на глубине 30 см от современной дневной поверхности. Первоначально вещи были помещены в мешочек или завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ткани на окислившемся железном браслете. Сокрытие клада следует относить, скорее всего, к финальному этапу существования поселка позднескифского времени.

В состав клада входили следующие вещи: гривна, два перстня, два браслета, шесть височных колец, четыре серьги и девять бусин (рис. 1). Этот набор украшений, включающий 24 предмета, принадлежал, несомненно, одной женщине.

Гривна изготовлена из круглой в сечении серебряной проволоки, толщина которой 0,4 см (рис. 1, *1*; 2). Она представляет собой спираль, согнутую в полтора оборота, и имеет диаметр 13 см. Концы гривны слегка раскованы и оформлены в виде змеиных головок. На их внешней и боковой сторонах при помощи насечек изображены характерные черты змеиных головок. Поперечными насечками показаны и спинки змей на расстоянии примерно 7 см от концов гривны.

Оба перстня изготовлены из закрученной спиралью в пять оборотов серебряной проволоки, толщина которой 0,16 см (рис. 1, *2*, *3*; 3). Диаметр их практически одинаков, составляет 2,2—2,3 см. Перстни имеют раскованные концы, на которые с внешней стороны насечками нанесены стилизованные изображения змеиных головок.

Один из двух браслетов — бронзовый литой (рис. 1, *4*). Он имеет форму замкнутого кольца с сегментовидным сечением. Размеры браслета 6,5×6,7 см, толщина 0,75 см. Внешняя округлая его сторона покрыта попарно расположенными поперечными насечками и имеет вследствие этого ребристый характер. Второй браслет был изготовлен из железной проволоки толщиной 0,35 см и оказался полностью коррозированным. Удалось установить, что по диаметру он не отличался от первого.

© А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев, 1994 г.

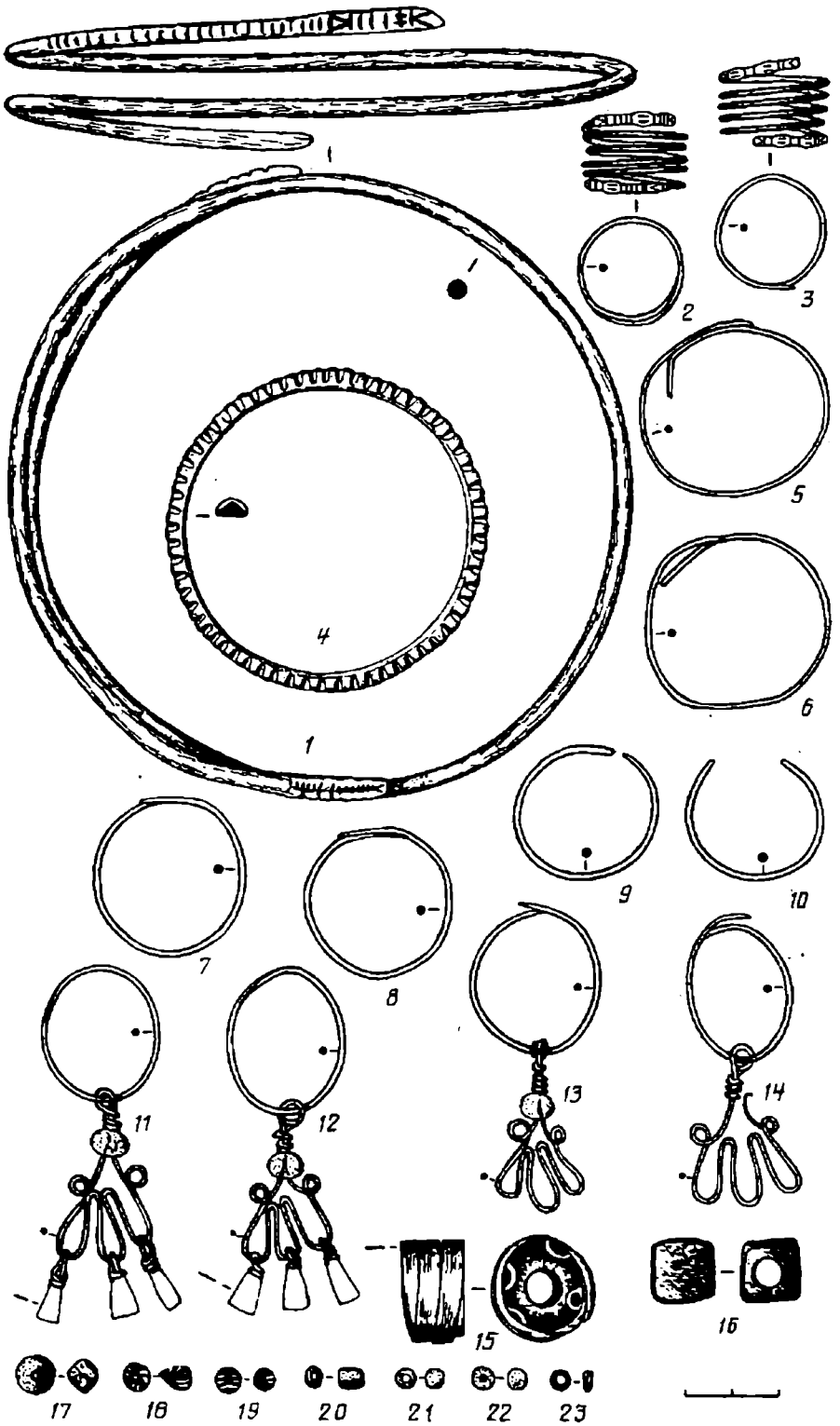


Рис. 1. Укрвшения из клада, найденного на Семилукском городище

Височных колец найдено 6 экз., образующих три пары предметов (рис. 1, *5—10*). Два кольца серебряные, остальные бронзовые. Пара бронзовых колец имеет размеры 3,5×3,8 см при диаметре сечения 0,16 см (рис. 1, *5*, *6*). Концы их заходят друг за друга. Из-за плохой сохранности неясно, были ли они заострены. Два кольца, диаметр которых 3 см, изготовлены из круглой в сечении серебряной проволоки толщиной 0,17 см. Концы их заострены и немного заходят друг за друга (рис. 1, *7*, *8*) Еще два бронзовых кольца имеют размеры 2,7×3 см

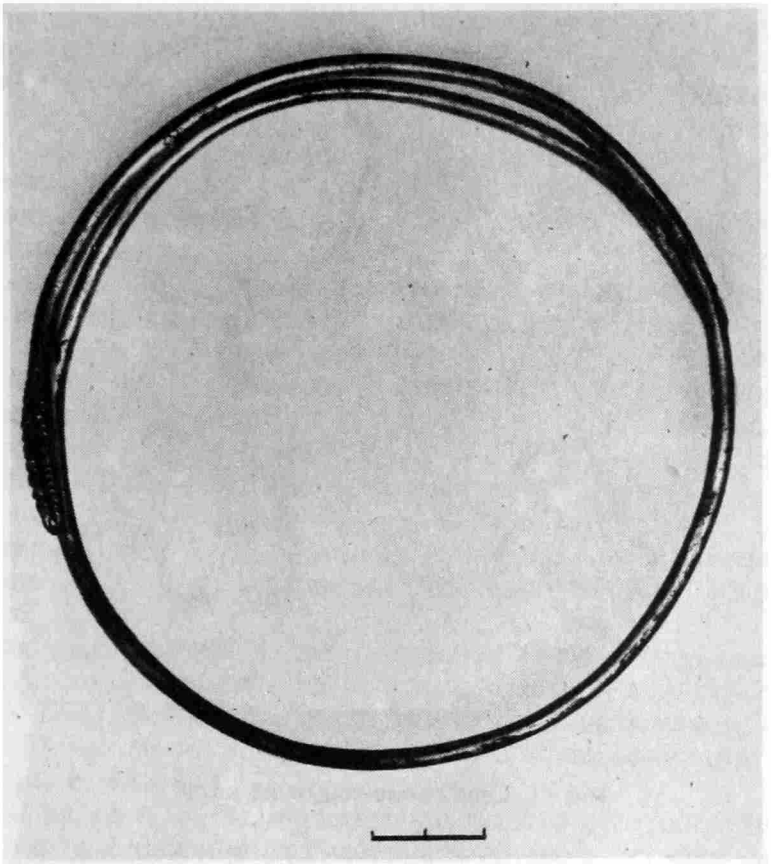


Рис. 2. Серебряная гривна из клада

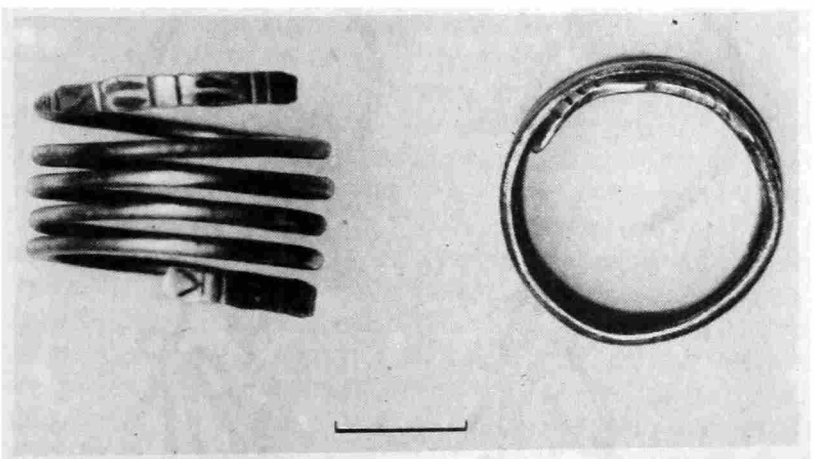


Рис. 3. Серебряные перстни из клада

и 2,6×2,9 см (рис. 1, *9*, *10*). У них несомкнутые заостренные концы. Отрезки проволоки, из которых сделаны кольца, немного утолщаются в средней части до максимальной толщины в 0,2 см.

Серьги, которых в составе клада было 4 экз., составляют две пары (рис. 1, *11—14*; 4; *5*). Они изготовлены из круглой в сечении серебряной проволоки с использованием бусин. Каждая из них представляет собой кольцо диаметром около 3 см с заостренными немного заходящими друг за друга концами, к которому крепится фигурная подвеска. Кольцо выполнено из проволоки толщиной 0,18 см. Для изготовления подвески применялся отрезок проволоки толщиной 0,13 см. Один его конец закручивался в петельку, под которой располагалась

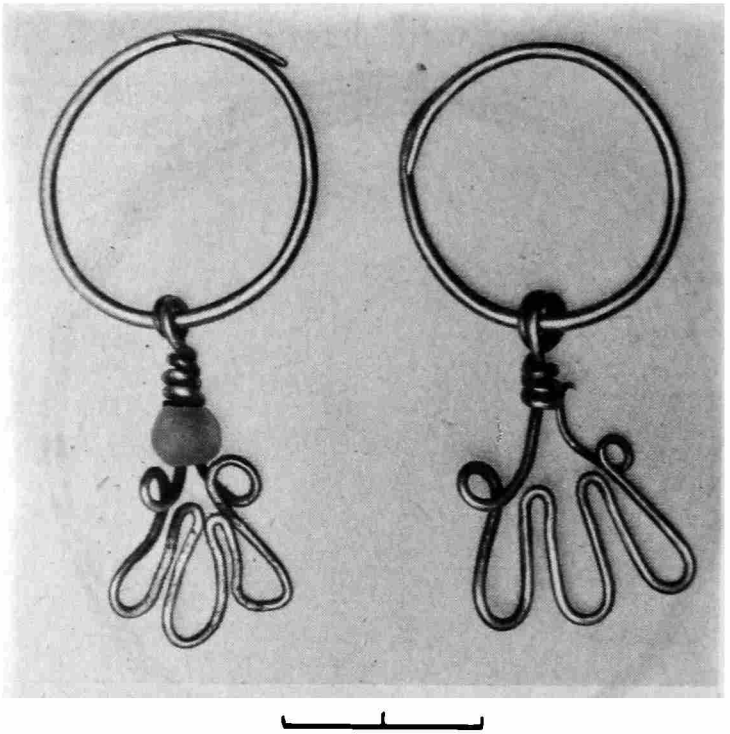


Рис. 4. Серебряные серьги из клада

Рис. 5. Серебряные серьги с шумящими привесками из клада

кварцевая бусина (на одной из серег от нее сохранился лишь обломок). Оставшаяся часть проволоки выгибалась в виде обращенного вниз трилистника с двумя петельками по бокам. Второй заостренный конец подводился к основанию верхней петли и закреплялся в канале отверстия бусины. На одной из пар серег имелись «шумящие» подвески (рис. 1, *11*, *12*; *5*). Последние изготовлены из отрезков проволоки, один конец которых согнут в петельку, а другой раскован в виде вытянутой трапеции.

Все девять обнаруженных в составе клада бус разнообразны по форме и орнаментации. Одна округлая из полупрозрачного грязно-синего стекла с восемью сине-белыми глазками. Она вставлена в своеобразную оправу из свернутой спиралью в три оборота бронзовой пластинки, имеющей ширину 0,45 см и несколько сужающейся к концам (рис. 1, *15*). Одна черная пастовая бусина имеет близкую к кубической форму (рис. 1, *16*). Еще одна бусина из прозрачного синего стекла имеет биконическую форму (рис. 1, *17*). Две полихромные бусины имеют яйцевидную форму (рис. 1, *18*, *19*). Одна из них состоит из косых полос темно-синего и белого стекла, другая изготовлена из синего стекла и покрыта продольно-полосатым орнаментом из нитей глухого белого стекла. Четыре небольшие монохромные бусины имеют цилиндрическую и округлую форму (рис. 1, *20—23*). Они изготовлены из стекла, имеющего черный, золотистый, желтый и синий цвет.

Основная часть металлических украшений клада имеет аналогии среди соответствующих категорий вещей скифской и скифоидной культур, типология которых разработана В. Г. Петренко. Гривна может быть включена в число проволочных гривн IV—III вв. до н. э., объединенных в классификации В. Г. Петренко в VII отдел [4, с. 46—47].

В IV—III вв. до н. э. были достаточно широко распространены спиралевидные перстни, по форме близкие рассматриваемым (по классификации В. Г. Петренко тип 2, подтип Б) [4, с. 59]. То же самое можно сказать и о проволочных височных кольцах первого варианта типов 27 и 28 [4, с. 36—37].

Бронзовый браслет входит в круг украшений латенского типа, сравнительно немногочисленные находки которых в позднескифское время обычно встречаются на более западных территориях [*5*]. Отдельные подобные по форме браслеты происходят из скифских погребений второй половины IV — начала III в. до н. э. (тип 11 по классификации В. Г. Петренко) [4, с. *55*]. Точной аналогией семилукскому является браслет, найденный в составе клада IV—III вв. до н. э. на городище милоградской культуры у д. Горошков на юге Белоруссии [6, с. 78, рис. 34, *7*].

Для половины найденных бус можно найти соответствия в классификационной схеме античных бус Северного Причерноморья, разработанной Е. М. Алексеевой. Так, глазчатая бусина входит в тип 126, характерный для эпохи эллинизма, но доживающий и до I в. н. э. [7, с. 72]. Полихромные бусины относятся к типу 192 (вариант а), наиболее характерному для III в. до н. э., и 251, датировка которого неясна [8, с. 43, 47]. Синяя биконическая бусина близка типу 94, распространенному с конца VI в. до н. э. по IV в. н. э. [8, с. 68—69].

Следует особо остановиться на такой категории украшений, как серебряные серьги. Прямых аналогий им нам не известно. Однако сама технологическая схема серьги, состоящей из кольца и подвижной подвески, широко использовалась в скифском мире [4, с. 37—39]. Весьма интересны шумящие подвески в виде вытянутой трапеции, имеющиеся на двух серьгах. Такие подвески крайне редко встречаются на степных и лесостепных позднескифских памятниках. Две подобные подвески, украшавшие браслет, и фрагмент еще одной найдены на нижнеднепровском Каменском городище [9, с. 107, табл. XII, *6*]. Еще две аналогичные подвески, одна из которых также была надета на браслете, происходят из среднедонского курганного могильника у с. Мастюгино [10, табл. 24, *44*; 36, *16*].

В то же время трапециевидные подвески гораздо чаще встречаются в лесной зоне Восточной Европы, в частности среди древностей милоградской [6, с. 84—85]

и юхновской [11, с. 85—87] культур. Хорошо известно, какое широкое распространение имели украшения с шумящими привесками, подобными по форме рассматриваемым, среди финно-угорских народов Поволжья в более позднее время [12, 13]. Поэтому правомерно, на наш взгляд, связывать происхождение этого элемента украшений с районами лесной зоны. Тем более, если учесть то обстоятельство, что именно на территории лесостепного Подонья отмечаются непосредственные контакты населения лесостепи и леса [14—16].

Приведенные выше параллели позволяют относить найденный на Семилукском городище клад украшений к IV—III вв. до н. э. Однако следует, по-видимому, принять для этого комплекса более узкую дату — III в. до н. э., в пользу чего свидетельствуют датировки двух бусин из клада и наличие на городище амфорного материала этого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беседин В. И., Беседина В. В.* Семилукское городище на Дону//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
2. *Пряхин А. Д., Цыбин М. В.* Раскопки многослойного Семилукского городища//Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986.
3. *Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д.* О ранее неизвестном погребальном обряде населения лесостепного Подонья в скифское время//Проблемы археологии скифо-сибирского мира: Тез. Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1989.
4. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии. VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д4—5.
5. *Кухаренко Ю. В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы//СА. 1959. № 1.
6. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
7. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1975. Вып. Г1—12.
8. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1—12.
9. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
10. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1—31.
11. *Левенок В. П.* Юхновская культура//СА. 1963. № 3.
12. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. 1961. № 94.
13. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров//САИ. 1979. Вып. Е1—59.
14. *Гуляев В. И.* К вопросу о связях городецких племен с югом в VII—IV вв. до н. э.//Историко-археологический сборник. С.: Наука, 1962.
15. *Левенок В. П., Миронов В. Г.* К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону//СА. 1976. № 2.
16. *Разуваев Ю. Д.* Памятники городецкой культуры в Верхнем Подонье//Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке: Тез. докл. и сообщ. II Межвуз. науч. конф. Белгород, 1990.

Воронежский государственный
университет

PRYAKHIN A. D., RAZUVAEV J. D.

LATE SCYTHIAN HOARD FROM SEMILUKSKOYE FORTIFIED SETTLEMENT ON THE DON-RIVER

Summary

The article deals with the hoard of the women's decorations found during the excavations of the Late Scythian Semilukskoye fortified settlement near the city of Voronezh. The authors offer the analogies of the artifacts and prove the complex's dating to the 3rd century BC.

Н. Г. ГОРБУНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ АРК-ТЕПЕ В ЮЖНОЙ ФЕРГАНЕ

Поселение Арк-тепе раскапывалось в 1971—1973 и 1983—1986 гг. совместной экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского краеведческого музея [1, с. 479] [1]. Оно расположено на краю адыров у южной окраины селения Арсиф в 15 км к юго-востоку от г. Ферганы. Его площадь 1 га, с южной и западной стороны сохранились валы стен с буграми башен, одна из которых выдавалась за юго-западный угол стены (рис. 1). Валы, видимо, были со всех сторон, о чем можно судить по поворотам сохранившихся стен и разрезам в северной части поселения [2].

В центре его возвышался холм диаметром 45×55 м, высотой 4 м. Раскопки произведены на центральном холме, южном валу (раскопы 6 и 4), юго-западной части оборонительной системы, в северной части поселения. В результате установлено четыре периода его обживания, хотя синхронизация перестроек центрального здания и оборонительной системы могли и не совпадать.

I период. Территория обносится оборонительной стеной толщиной 1 м, сложенной из кирпичей размерами 48×27×11 см, уложенных в перевязку. Изнутри вдоль стены проходит коридор шириной 3 м, перекрытый сводом. Снаружи к стене пристраивают овальные в плане башни с прямоугольными внутренними помещениями, возведенными на кирпичном цоколе высотой 80 см, построенном в перевязку со стенами. Размеры башен 6,5×7 м, внутренних помещений — 2,8×5 м. Башни перекрыты полуциркульными сводами, стены прорезаны щелевидными бойницами, их входное отверстие 40×15 см, лоток плавно опускается, и наружный раствор бойниц уже высотой 80—90 см. Они расположены на высоте около 50 см над полом. В башню I поднимались по ступеньке из коридора, вход был перекрыт аркой, сложенной клинчатой кладкой из кирпичей размерами 30×25 см, расклиненных плоскими камнями. Вход на поселение предположительно находился в южной части западной стены, в которой открыты две стреловидной формы бойницы, а в следующий период сооружена выносная башня (см. ниже). С юга за пределами стены был ров, но работы на нем не производились. В северной части поселения (разрез П—П) открыта кирпичная стена из двух параллельных кладок с заполнением между ними из небрежно уложенных кирпичей — возможно, тоже остатки пристенного коридора. Длина куртин между башнями различна — от 3 до 16 м, она изменялась по мере наращивания дополнительных обводов стен и башен.

В центре поселения возводится крестовидное в плане здание размерами 40×42 м (рис. 2). В середине его находился квадратный двор со сторонами 12,75 м, в северо-западном углу которого было выгорожено примыкающее к стенам двора хозяйственное помещение размерами 7×3,4 м, перекрытое сводом. На полу его стояли хум и котел. По периметру двора располагались коридорообразные сводчатые помещения, не соединявшиеся между собой. Входы в них были со двора через арочные проходы. С южной и восточной сторон таких коридоров было по два (ЮКI, ЮКII,

[1] Отчеты хранятся в Эрмитаже, Ферганском музее, Институте археологии АН Узбекистана, материалы — в Ферганском музее. Чертежи выполнены Е. Г. Араповой.

[2] В конце 70-х годов землеустроительными работами был разрезан юго-западный участок вала, обнажены слои в южной и северной частях поселения.

© Н. Г. Горбунова, 1994 г.

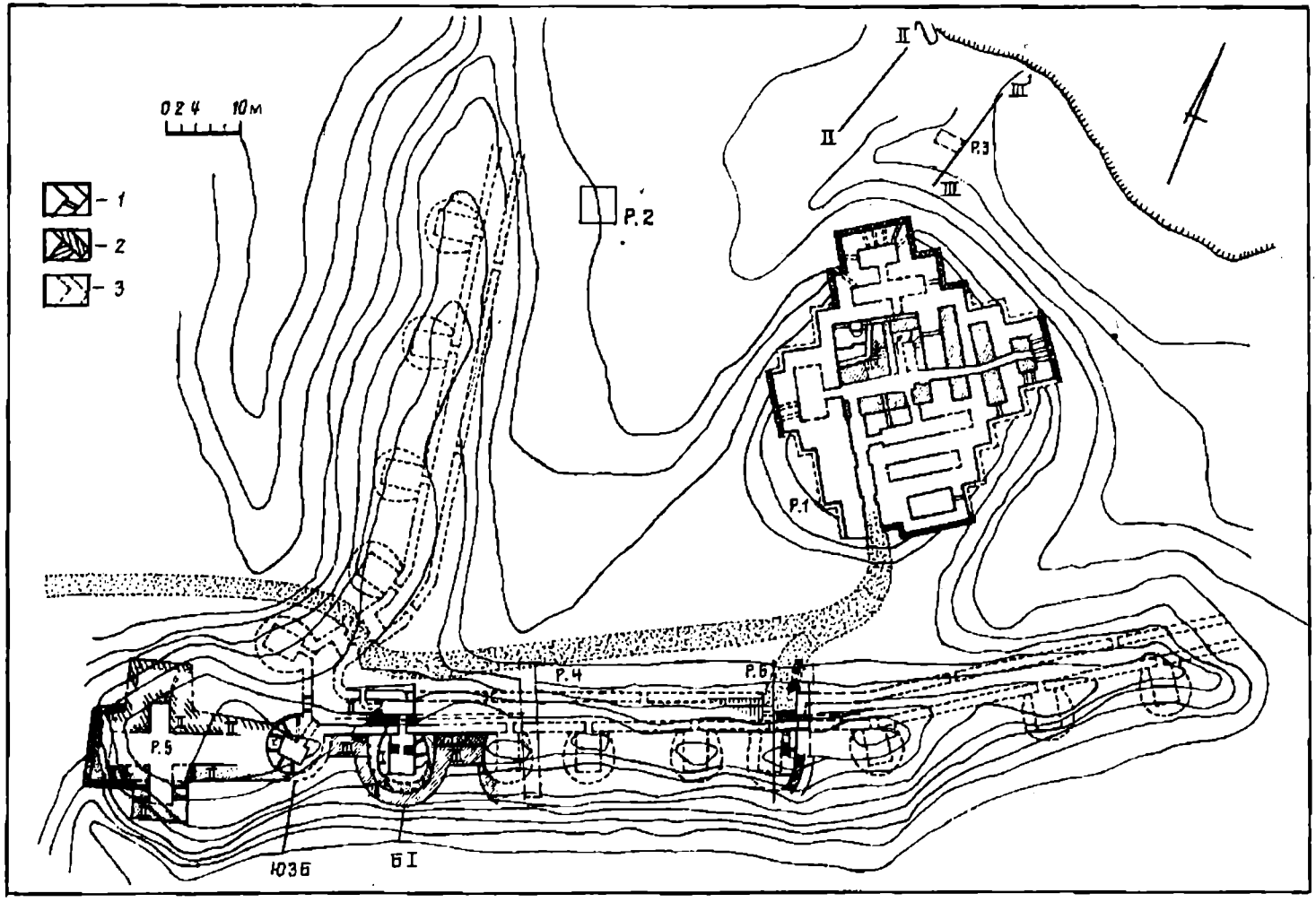


Рис. 1. Арк-тепе. План поселения. *1* — кирпичная кладка первого периода; *2* — кирпичная кладка последующих периодов; *3* — реконструируемые элементы здания I периода

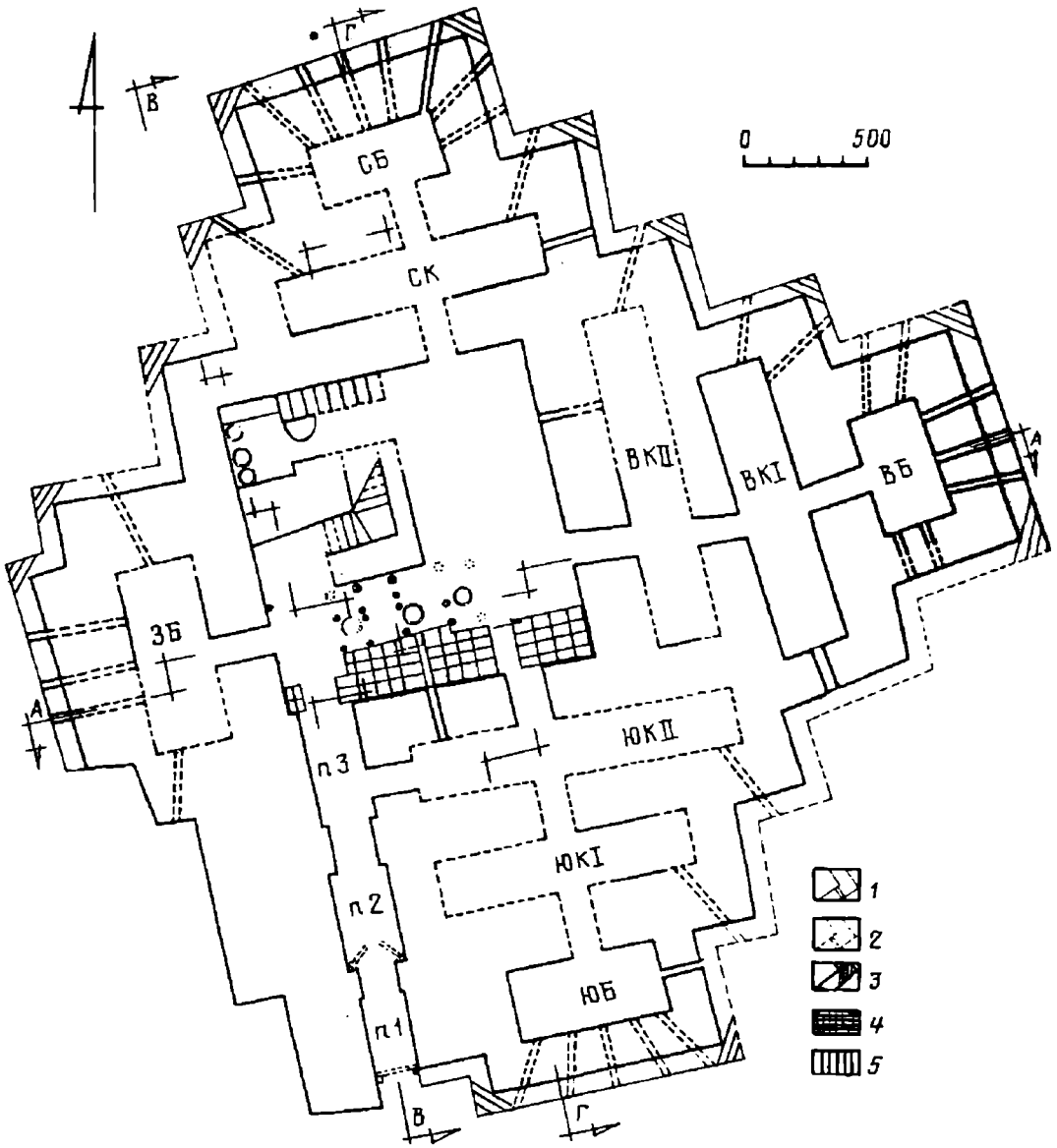


Рис. 2. Арк-тепе. План центрального здания. (Периоды I, Iа) *1* — кирпичная кладка I периода, подтвержденная раскопками; *2* — реконструируемые элементы; *3* — период Iа; *4* — период II; *5* — период III

ВКI, ВКII), с северной — один (СК), с юго-западной находился входной коридор. В стенах южного и восточного коридоров расчищены световые отверстия размерами 100×25 и 75×30 см. Двойные коридоры соединялись арочными проходами, из коридоров арочные же проходы вели в прямоугольные башни, расположенные со всех четырех сторон (вход в западную башню был прямо со двора). Размеры башен и коридоров были различны. Восточная и северная башни 9,5×5 м, южная — 11×5,2 м, западная — 12,5×10 м. ВКI — 11,5×2,5—2,6 м, ВКII — 14,5×2,4 м, ЮКI и СК — 11×2,2 м, ЮКII — 10×2,2 м, входной — 15×1,8—2,5 м. Торцовые стены коридоров и башни образовывали изломанный 20 углами крестовидный план здания. В южной части двора были вкопаны в землю и закреплены алебастром четыре хума яйцевидной формы с маленьким плоским дном, уплощенным венчиком (рис. 3). Их высота 130, 150 и 160 см, диаметр тулова 65 и 90 см, устья 70—75 см. Судя по многочисленным ямам от столбов, над ними было деревянное перекрытие, их основания обложены булыжниками. На полу всей раскрытой территории двора лежал слой органических остатков темного цвета толщиной 10—20 см.

Из помещений и башен центрального здания раскопаны ВКI, частично ВКII,

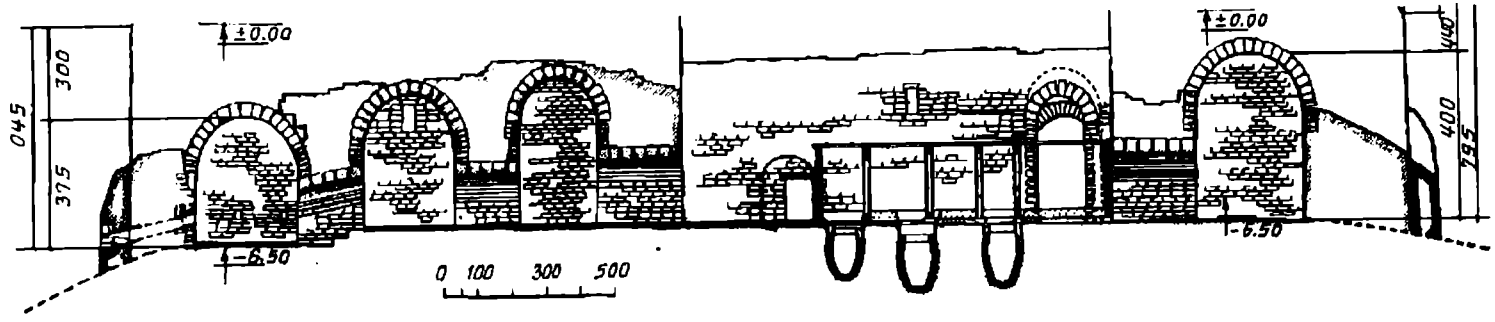


Рис. 3. Арк-тепе. Центральное здание. Разрез А — А. Реконструкция

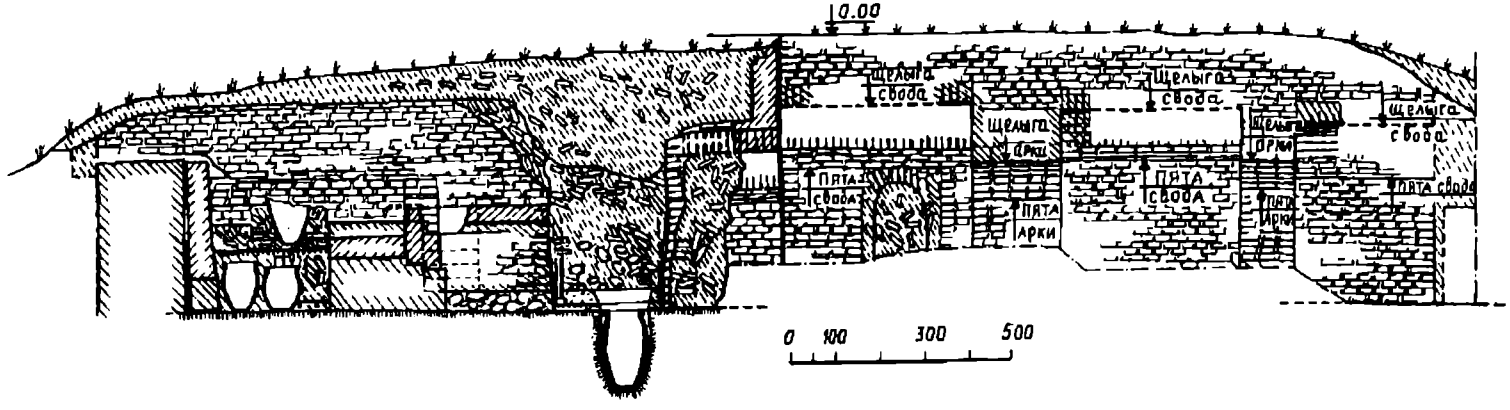


Рис. 4. Арк-тепе. Центральное здание. Разрез В — В

восточная и, частично, южная башни. ВКI с севера и юга заканчивался торцовыми стенками толщиной 2 м. Высота помещения 3,9 м, свод выложен методом поперечных отрезков, опирался на северную стенку, внутри покрыт глиняной обмазкой. Уклон поверхности адыра был к северу, территория при постройке не выравнивалась, и высота пят свода несколько различна (описание ВКI и чертеж см. [2, с. 40, рис. 6]). На кирпичах свода прочерчены знаки в виде буквы «Ф», спиралей, ромбов и т. д., а на кирпичах пазухи свода знаки в виде прямоугольника с отростками на углах — «тележки» [2, рис. 1]. В южной торцовой стенке открыто сквозное отверстие высотой 110 см, шириной 35—40 см. Назначение его неясно, так как оно наполовину скрыто шелыгой свода. Возможно, оно было световым. В южной части коридора на обеих стенках расчищены небольшие ниши глубиной 30—40 см. Возможно, они служили для установки подпорок при сооружении свода. Арочные проходы высотой 1,9 м, пролетом 105 см вели в ВКII и восточную башню. Пяты арок на высоте 80 см от пола. Арки выложены клинчатой кладкой из кирпичей зеленоватого цвета с толстыми промазками розовой глины с камешками, по внешней дуге обложены обломками кирпичей. Между проходами на полу под завалом лежал тонкий золистый слой, горелая земля и 30-сантиметровый слой гумуса, переслоенные рыхлой землей с костями животных.

Восточная башня сложена из кирпичей размерами 45—40×30×10—12 см, стены покрыты глиняной обмазкой с саманом. Толщина стен 2 м, западной — 2,5 м. Перекрыта сводом, высота помещения 4 м, ширина пролета 2,9 м. Пята западная на высоте 2,1 м от пола, восточная — 2,2 м. Пол ниже пола ВКI на 30 см, на полу темный слой гумуса, кости лошади и керамика. В стенках прорезаны бойницы, расположенные на высоте 60 см от пола. Входное отверстие прямоугольное 30×20 см. Ложе выложено кирпичом и почти горизонтальное. Верхняя грань бойниц выкладывалась чередованием лежащих плашмя и стоящих на торцах кирпичей. На расстоянии 40 см от фаса стены такой кирпич закрывал стреловидную часть бойницы, образованную двумя наклонными кирпичами, видимую только с фасада, где ее высота 55 см, а общая высота бойницы 85 см. Открыто три бойницы в восточной стене, расположенные веером, и две в южной. Подобные бойницы расчищены также в северной и западной башнях и одна в южной. ВКII раскрыт частично и, за исключением размеров, повторял конструкцию ВКI. Высота 4,4 м, ширина 2,4 м. Он не точно параллелен ВКI, сдвинут к северу.

Оба южных коридора и северный расчищены только по верху сводов. Между стенками ЮКII и ВКII находилась встроенная стенка с выступом в центр двора, как бы разделявшая входы в оба коридора.

Входной юго-западный коридор состоял из айвана и трех отсеков (рис. 4). У входа расчищены остатки столба (от двери ? от перекрытия ?). На полу, на глубине 4,4 м были очажки, перекрывавшие друг друга, и суфа. За айваном начиналось помещение 1 длиной 3 м, пята свода на высоте 2,8 м от пола, высота свода 4 м, пролет 1,8 м. Из него в помещение 2 вел сводчатый же проход длиной 1,2 м, высотой 3 м, пролет 1,8 м, пята на высоте 2,5 м от пола. Помещение 2 длиной 4 м, высотой 4,3 м, пролет 2,8 м, пята на высоте 3 м. На небольшом участке это помещение было расчищено до глубины 4,8 м. До 4,5 м оно было заполнено рыхлым завально-надувным слоем, ниже — темной гумусной землей, в которой лежало обуглившееся зерно, немного костей животных, обломки керамики.

В помещение 3 также вел сводчатый проход длиной 2 м, высотой 4,5 м, пролет 1,8 м, пята на высоте 2,25 м. Помещение было заполнено рыхлой землей с упавшими кирпичами свода. На глубине 3 м обнаружены таз, бедренные кости и фаланги ног человека. В восточной стене помещения сохранилась арка прохода в ЮКII высотой 2,6, пролетом около 1,5 м. Из помещения 3 уже выходили во двор. Высота прохода 3,6 м, пролет 1,5 м, пята свода на высоте 3 м. Все своды изнутри обмазаны глиной с саманом. Над всеми сводами лежали горизонтальные ряды кирпичей.

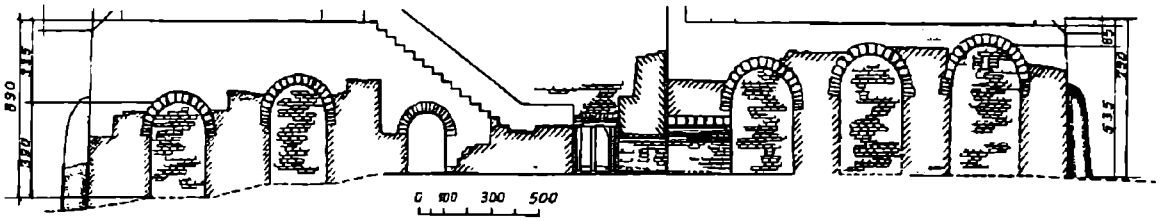


Рис. 5. Арк-тепе. Центральное здание. Разрез Г — Г. Реконструкция

Напротив входа во дворе находилась лестница, от которой сохранилось пять ступеней высотой 30 см, размером 30—40 см. Она начиналась у подножья южной стены углового хозяйственного помещения на галечной вымостке. Лестница шла вдоль южной и восточной стен помещения и опиралась на сводчатое перекрытие входа в него в восточной стене. Она выходила на кирпичную кладку над сводами и пазух между ними (рис. 5).

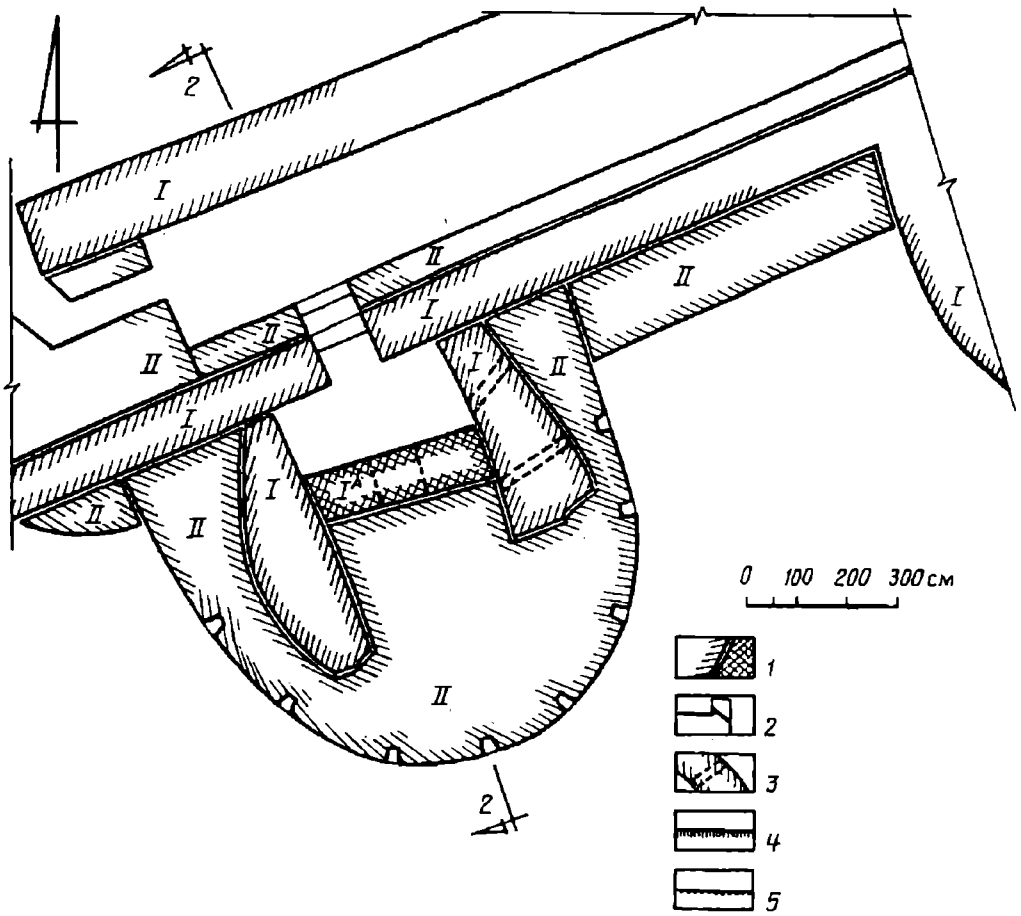
Осталось неясным, обживалась ли остальная территория поселения. В шурфах в северной его части никаких слоев не оказалось. Но остатки культурных слоев, примыкавших к стене в районе раскопа 6, у башни I и у северного вала, свидетельствуют о том, что около стен, видимо, тоже жили.

Период Iа. Центральное здание, видимо, начинает оседать из-за невыровненной поверхности. Понадобилось как-то укрепить его и, вероятно, в этот период со всех сторон оно окружается подпорными пахсово-кирпичными стенками толщиной 80—100 см, повторяющими контур здания. В стенах башен прорезаются бойницы (их прорезают в срединной кирпичной кладке, обрамленной снизу и сверху слоями пахсы). Но бойницы эти уже не всегда совпадают с первоначальными и становятся чисто декоративными. Кроме того, вероятно, в это же время на половину высоты закладываются ровными рядами кирпичей коридоры и башни, а бойницы изнутри вообще оказываются закрытыми. На слоях кирпича в ВКI отмечена уплотненная поверхность, следы золы, пятна обожженной глины. Проходы сохраняются, но их пролеты сокращаются выступающими кирпичами заклада. Закладывается, видимо, и северная часть двора. Лестница и помещение в углу еще существуют.

Происходят некоторые изменения в оборонительной стене и башне 1 (рис. 6). В последней рухнул свод. Ее перегораживают стеной, возведенной на полу, и образуются северное и южное помещения, оба перекрыты сводами, имеющими теперь другое направление. Появившаяся в результате этого необходимость закрыть оставшиеся от первого свода проемы решается путем возведения надстроек стен, сложенных в перевязку с новой поперечной стеной. Помещения соединены арочным проходом.

II период. В центральном здании возводится подпорная стенка у северной стены ЮКII. В ней видны следы столбов, т. е. ее возводили еще во время существования перекрытия над хумами. При этом, судя по ямкам, ставили и дополнительные столбы. Стена покрыта несколькими слоями штукатурки. В верхней ее части расчищены углубления, назначение которых неясно. В подпорной стене прорезается продолжение светового отверстия и делается новый проход в ЮКII. Теперь этот проход плоскоперекрытый, с деревянной притолокой и несколько смещен по отношению к старому арочному проходу. К западному концу новой стены пристраивают продолжение свода входного коридора.

На оборонительной стене также пристраивают изнутри дополнительную стенку, закрывшую ступеньку подъема в башню I, что делает низ стены наклонным. В новой стене, как и в центральном здании, делают плоскоперекрытый деревом проход. Он возведен на полу, примерно на 70 см выше первоначального пола коридора, который, видимо, уже не функционирует. Снаружи оборонительную стену и башню укрепляют дополнительными стенами. Новая стена башни выстроена в перевязку с закладом южного помещения, погибшего от пожара.



Разрез 2–2

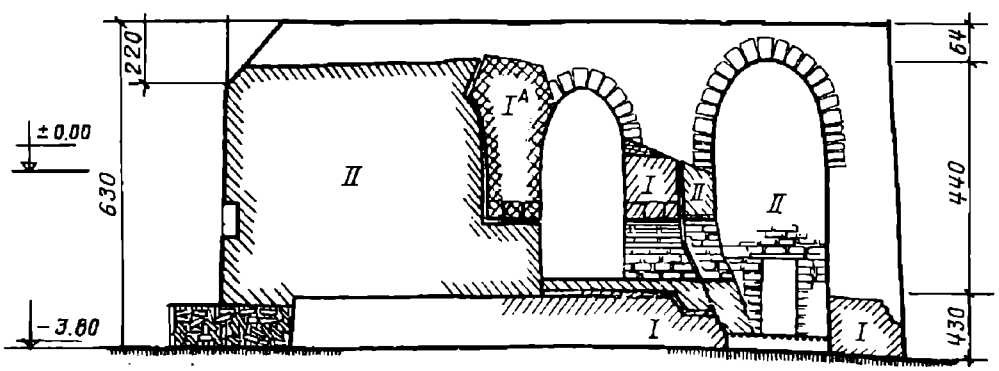


Рис. 6. Оборонительная стена. Башня I. План и разрез. *1* — участки кладки, подтвержденные раскопками; *2* — реконструируемые элементы; *3* — заложенные элементы конструкции; *4* — материк; *5* — пол

Северное помещение продолжает функционировать, но и на его стенах видны следы огня. В новой стене башни ложные прямоугольные бойницы высотой 60 см, шириной 10 см, глубиной 25 см.

К юго-западному углу оборонительной стены пристраивают выносную постройку, сложенную в перевязку с дополнительной стеной юго-западной башни. От этой дополнительной кладки как продолжение первоначальной оборонительной стены возводится кирпичная стена. В 9 м западнее юго-западной башни сохранились остатки выносной башни или «форта». Общая длина всей новой постройки 23,5 м, ширина 8—9 м. Внутренняя часть ее — незастроенное пространство

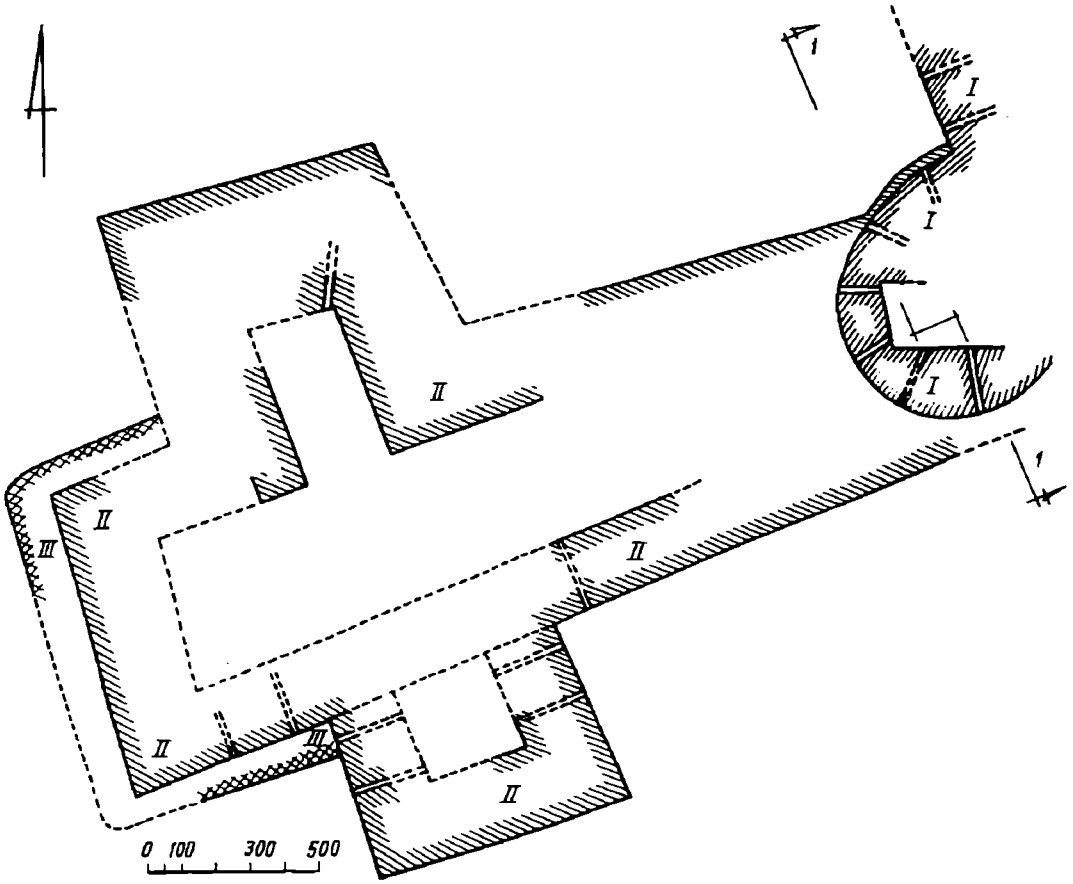


Рис. 7. Арк-тепе. Выносная башня-«форт»

шириной 4 м, длиной 14—15 м. С юга и севера к этой пристройке приставлены прямоугольные башни (южная размерами 5,5×7,5 м, толщина ее стен 2,2 м) (рис. 7).

В стенах южной башни «форта» в 1 м от ее углов в стене пристройки открыты стреловидные бойницы шириной 15 см, по конструкции аналогичные остальным стреловидным бойницам поселения. Таким образом, «форт» был крестовидным в плане и включал в себя уже заложенную к тому времени юго-западную башню. Вход в этот форт не был обнаружен, но так как он выложен монолитом, то не исключено, что во внутренние его помещения попадали по лестнице или пандусу.

III период. В центральном здании, вероятно, сооружается изнутри дополнительная северная стена двора. Своды повсюду рухнули. Проход во второй южной стене заложен камнями и замазан, около него возводится суфа. На этом участке еще живут: около суфы было несколько небольших очагов, один из которых врезан в край хума первого периода. Рухнула лестница, пространство около нее забрасывают камнями и весь этот завал и заклад подпирают небольшой кирпичной кладкой с юга, сохраняя еще южную часть двора. У входного коридора сооружается деревянный «айван», доски и бревна его открыты на полу. Одна из частей перекрытия айвана состояла из доски, обмазанной глиной и перекрытой камышом. Помещение в северо-западном углу двора надстраивают, но стены его уже не параллельны стенам двора. Часть каменной заброски падает внутрь помещения, где на развалинах нижнего, на кирпичах его свода сооружается тандыр. Вместо лестницы, но уже в юго-восточной части двора сооружается пандус для подъема на «крышу». Он покрыт слоем натеков, т. е. здание какое-то время стояло открытым. Пандус спускается к заложенному проходу в ЮКII, суфе и очагам. Здание теперь функционирует лишь частично.

Таблица 1

Комплексы круговой керамики по слоям

Типы сосудов	Периоды			Из хумов центрального двора	Помещение в углу двора, нижний слой	То же, верхний слой («слой тандыра»)	Раскоп 6	Керамика раскопок 1971—1973 гг.
	I	II	III					
Всего фрагментов	580	240	1170	182	82	260	286	—
Миски (всего)	105	61	136	17	3	30	95	—
Iа[1]	7	—	8	—	—	2	2	30
Iа[3]	1	1	5	1	—	—	—	—
Iв[2]	1	1	2	—	—	1	14	—
Iв[4]	—	—	25	—	—	—	—	15
Iв[5]	6	3	—	—	—	3	—	—
Iг[2][1]	7	—	9	4	—	14	—	20
Iг[2]	6	3	3	—	—	—	12	—
Iг[4]	5	—	3	—	—	1	—	5
Iг[8]	—	1	2	—	—	—	—	4
Iг[10]	1	—	—	—	—	—	—	2
Iг[11]	1	1	2	—	—	—	—	7
Iг[12]	—	1	19	2	—	—	—	14
Iд	1	—	—	—	—	—	—	1
орнаментированные	—	—	2	—	—	—	—	—
Горшки (всего)	35	12	35	10	—	6	20	—
IIб	12	1	2	1	—	1	8	2
IIб[1]	2	—	3	1	—	1	3	—
IIг[1]	7	—	7	3	—	—	2	7
IIг[3]	12	2	23	4	—	4	—	11
с суженным устьем	—	—	3	—	—	—	—	—
Кувшины (всего)	220	167	385	78	79	183	160	100
IIIа[0]	40	—	1	2	20	5	—	—
IIIа	145	—	32	10	—	170	+	9
IIIа[1]	25	5	69	—	—	—	+	5
IIIа[3]	—	—	3	—	—	—	+	—
IIIв	—	—	3	—	—	—	1	3
IIIг	2	2	2	—	2	2	—	—
IIIп	—	—	—	1	—	—	—	—
IV	—	—	1	3	—	1	—	—
VII	1	1	—	—	6	—	—	—
Кубок	—	—	1	—	—	—	—	1
Миниатюрные сосуды	—	—	4	—	—	—	—	—

На оборонительной стене поселения возводятся третьи обводы башен и стен, сделанные в отличие от предыдущих в перевязку. Тогда же, видимо, появляется и пахсовая обкладка башен «форта».

Около оборонительной стены еще живут, о чем свидетельствует тандыр, очаги и мусорно-золистые слои около стен бывшего коридора (раскоп 6).

IV период. Отмечен только на центральном здании. Северная часть двора закладывается рядами кирпичей зеленоватого оттенка, часть которых перекрывает и пандус. Следы обживания зафиксированы над сводом ВКI: часть прямоугольного очага и около него четыре небольшие ямки с костями пяти баранов, замазанные сверху глиной. Рядом еще очаг, полукруглый, диаметром 40 см, и полоса золы около него. В провале свода ЮКII — помойка, на своде СК — очаг.

После полного запустения на территории центрального здания совершали погребения, о чем свидетельствуют находки человеческих костей в заполнении входного коридора, внизу у пандуса (эта часть двора все время оставалась

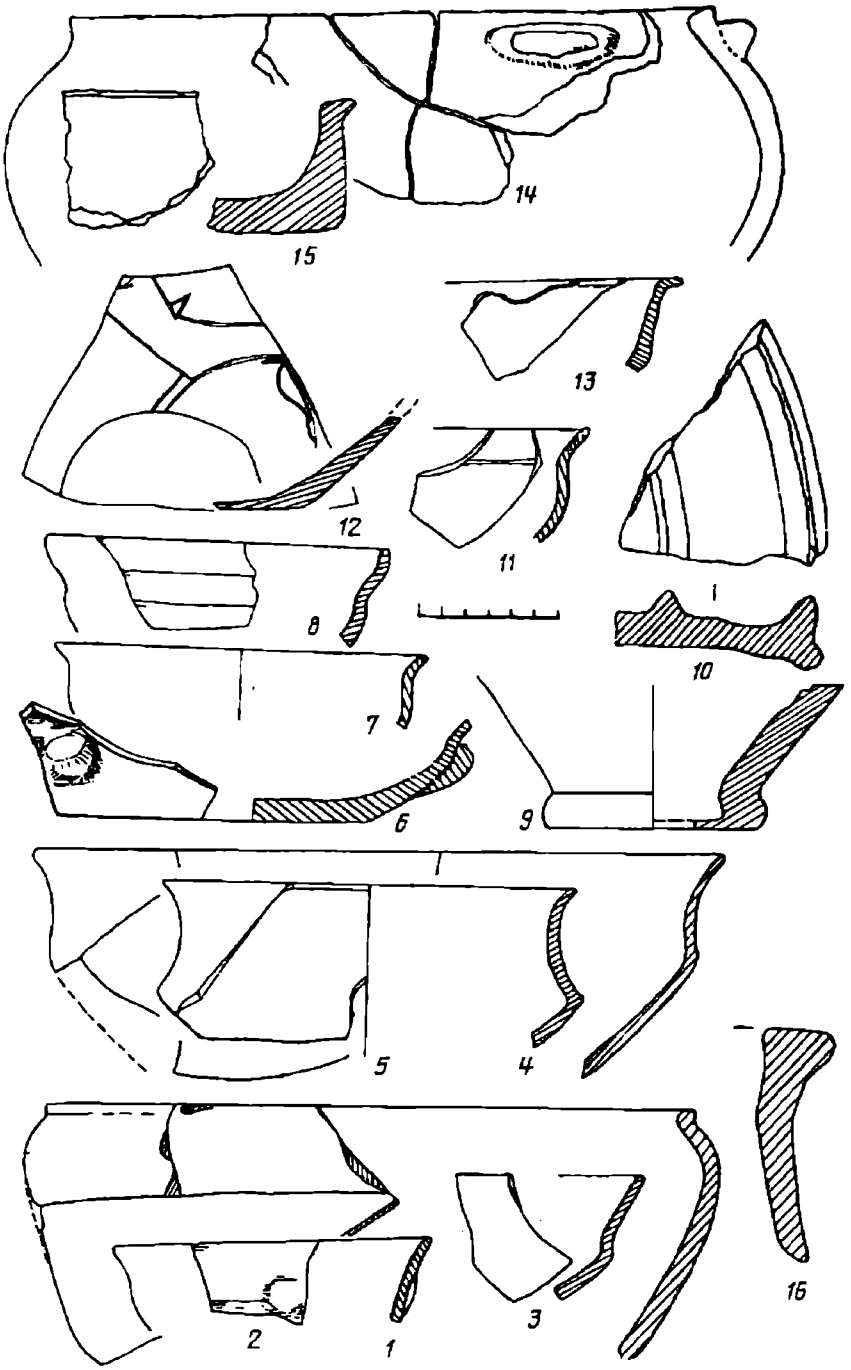


Рис. 8. Арк-тепе. Керамика. *1, 4, 14* — раскоп 6, слои у стены; *2, 3, 6* — центральное здание, I период; *5* — центральное здание, северо-западное помещение, «слой тандыра»; *7* — центральное здание, восточная башня, завал; *8* — юго-западная башня, завал; *9, 10—13, 15, 16* — центральное здание, III период; *14—16* — лепная, остальная круговая

открытой), в верхней кладке дополнительной стены ЮКII. Надувные слои верхней части коридоров свидетельствуют о том, что они долго стояли открытыми.

Находки представлены преимущественно фрагментированной керамикой. Целых или почти целых сосудов мало, но часть фрагментов достаточно выразительна. Разделение керамики по слоям несколько условно ввиду перестроек и перезакладок, а раскопки памятника с разрывом в 10 лет затрудняют сопоставление глубин. Керамику с полов построек относим к I периоду. Из закладов башен и коридоров и слоев поверх них, первого заклада двора — ко II периоду. Из слоев завалов, перекрывших постройки, и верхнего заклада двора — к III. Отдельно рассматриваются комплексы нижнего и верхнего северо-западного помещения, из

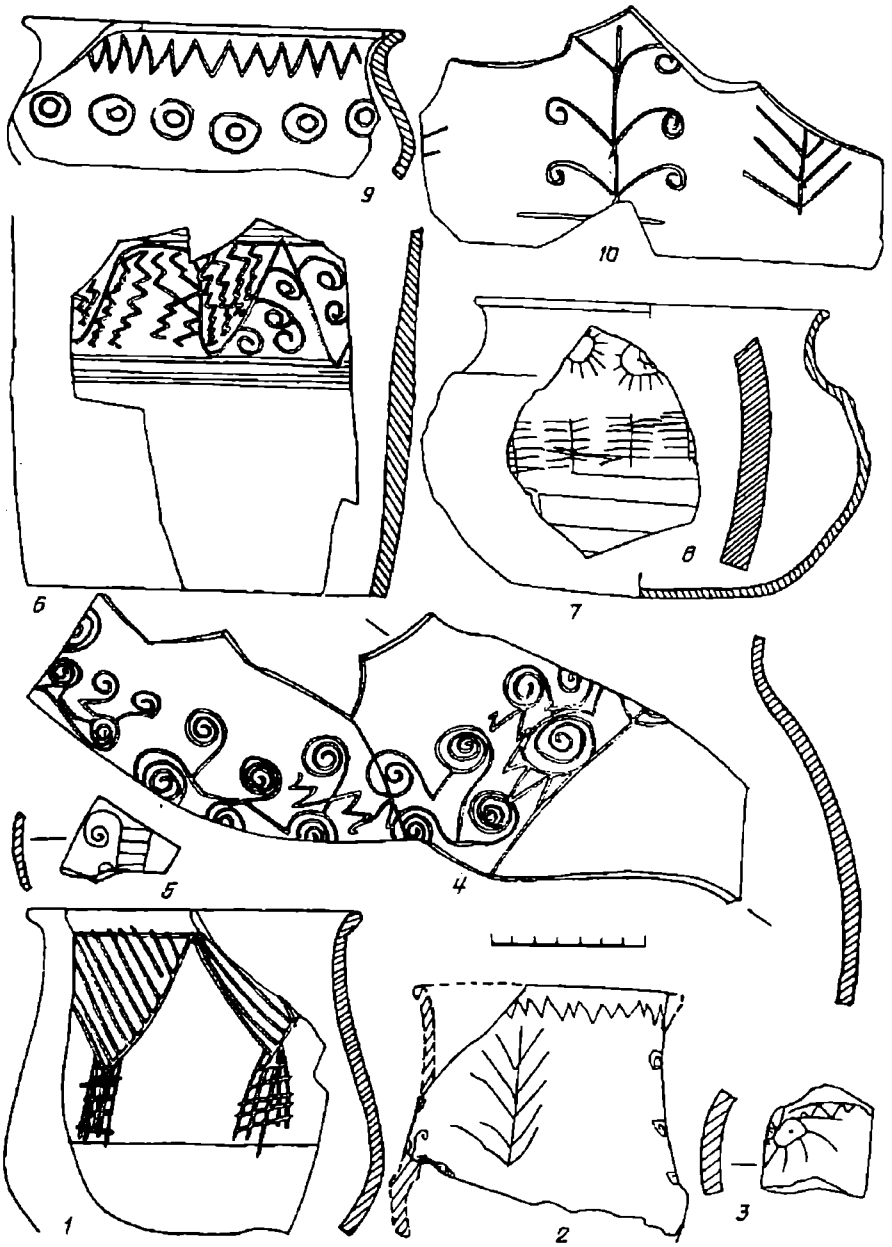


Рис. 9. Арк-тепе. Орнаментированные горшки. *1*, *10* — центральное здание, южная часть двора, пол (I период); *2*, *3* — раскоп 6, завал; *4*, *6*, *9* — центральное здание, помещение, «слой тандыра»; *5* — ВКII, над сводом; *7* — центральное здание, восточная башня, пол; *8* — центральное здание, ВКI, завал. *8* — лепная, остальные круговые

хумов, из слоев раскопа 6 (табл. 1). Следует сразу отметить почти полную однородность керамических комплексов и несомненное сходство их с керамикой поселений 5а и отчасти Мыкты-Курган вблизи Керкидона, в 15 км к юго-востоку от Арк-тепе [3, с. 57—66; 4, с. 78—81]. Вся эта территория относится к Исфайрам-Маргеланскому гончарному центру [5, с. 111; 6, с. 41]. Керамика Арк-тепе уже была использована в сводной таблице при классификации керамики ферганских поселений, но туда вошла только посуда из раскопок 1971—1973 гг., в основном III периода [7, с. 117—126].

За 1981—1984 и 1986 гг. собрано около 2400 фрагментов. Общая характеристика керамики идентична характеристике керамики поселения 5а и ее можно не повторять [3, с. 57]. Она тоже почти вся круговая, лепной только 10%. Наибольшее количество — от кувшинов, затем от мисок и горшков. Лепная — кувшины, котлы, миски, хумы. При выделении типов круговой керамики используется классификация, разработанная ранее [7], лепная описывается.

Миски с полусферическим туловом, загнутым внутрь или прямым краем [4, рис. 7, *1—2*] — Iа; с развернутыми прямыми краями [4, рис. 7, *3*] — Iа^3, край слегка оттянут [3, рис. 13, *11*] — Iв^2, стенки плавно изогнуты, край отогнут (рис. 8, *7*) — Iв^4, лохани — Iв^5 (рис. 8, *1*), миски с перегибом стенок (рис. 8, *3*) — Iг^2, но здесь перегиб плавный, посредине, тип как бы промежуточный между Iг^2 — с резким перегибом в нижней части [4, рис. 7, *13*] — и Iв^4. Для различия обозначим его Iг^2·Iг^2, но край утолщен валиком, Iг^4 — вариант Iг^2, но с ямочками на тулове (рис. 8, *2*), Iг^{10} — с ручками-бугорками (рис. 8, *6*), Iг^{11} — с фигурными ручками [4, рис. 7, *14*], Iг^{12} — верхняя часть миски вертикальная, но слегка вогнута (рис. 8, *5*), Iд — с двойным перегибом стенок (рис. 8, *8*). Миски с невысокой косо поставленной верхней частью (рис. 8, *11*), с процарапанным рисунком, как геометрическим [3, рис. 13, *7*, *16*], так и с изображением животного (рис. 8, *12*).

Горшки. Баночного типа орнаментированные — IIа (рис. 9, *6*); то же баночные, но со слегка расширенной нижней частью, орнаментированные — IIб (рис. 9, *1—2*) и неорнаментированные — IIб^1 [3, рис. 14, *13*].

Горшки широкогорлые, с округлым туловом, низкой шейкой, плавно отогнутым краем — IIг^1 (рис. 9, *7*), подобные же, но орнаментированные — IIг^3 [3, рис. 14, *4*]. Горшки со слегка сужающимся устьем и округлым туловом, иногда с углублением для крышки (рис. 10, *8*). Из общего количества учтенных фрагментов горшков (около 100 фрагментов) примерно половина орнаментирована.

Кувшины. Типы IIIа и IIIа^1 по форме идентичны (рис. 10, *4*), но тип IIIа покрыт цветным ангобом по верхним $^2/_3$ тулова, а IIIа^1 украшен кольцевыми полосами ангоба. Не всегда удается выделить оба типа. Есть кувшины, целиком покрытые ангобом, с дном (IIIа^0). Кувшины с крутыми плечиками — IIIа^3 (рис. 10, *9*). IIIв — по форме близок IIIа, но с валиком по краю [3, рис. 15, 16]. IIIг — «бутылка», диаметры устья и дна равны, тулово вытянутое [3, рис. 15, *11*]. IIIи — сосуд с петлевидной ручкой у дна [3, рис. 15, *23*]. Были еще стенки толстостенных кувшинов. Тип IV — фляги (рис. 10, *7*), тип VII — сосуды на высоких поддонах (рис. 10, *1*), форма их тулова неясна, предположительно см. [7, рис. 4], нижняя часть сосуда с утолщенным валиком дном, покрытая белым ангобом, происходит (оба фрагмента) из верхних слоев (рис. 8, *9*). Две крышки, одна из дна сосуда, другая с двумя кольцевыми выступами (рис. 8, *10*). Еще одна крышка алебастровая (рис. 10, *3*). Хумы с несколько различными венчиками (рис. 8, *16*) — плоская утолщенная полоса, овальные или прямоугольные в сечении.

Лепная посуда представлена кувшинами с петлевидными вертикальными ручками [3, рис. 15, *9*] или без них, горшками с широким устьем, на одном из них прочерчен косой крест, мисками с прямым или загнутым краем, жаровней (рис. 8, *15*), котлами с дуговидными выступающими ручками (рис. 8, *14*). Большинство лепной посуды происходит из раскопа 6, из слоев у стены.

Сравнение комплексов показывает большую близость их между собой. Некоторое различие прослеживается по формам мисок. В III периоде явно преобладают миски Iв^4 и Iг^{12}.

Из числа горшков тип IIб более типичен для нижних слоев, тогда как IIг — для верхнего. Для нижнего слоя более характерны и кувшины IIIа^0. Из числа остальных сосудов следует выделить сосуды на поддоне, найденные почти все в верхнем слое хозяйственного помещения, т. е. в III периоде.

Особо следует остановиться на орнаменте, нанесенном на большей части горшков, на трех мисках и одном фрагменте лепного толстостенного сосуда (рис. 9, *8*). Элементы орнамента: косые, зигзагообразные и ломаные линии, треугольники, спирали, двойные кольца, деревья с ветками вверх, перпендикулярными стволу и изогнутыми в виде полуспиралей, изображение солнца, «лесенки». Из этих элементов образуются сложные заштрихованные косыми линиями треугольники, спирали, соединенные ломаными линиями и с «лестницей». Из всех этих простых и сложных элементов складываются композиции: треугольники

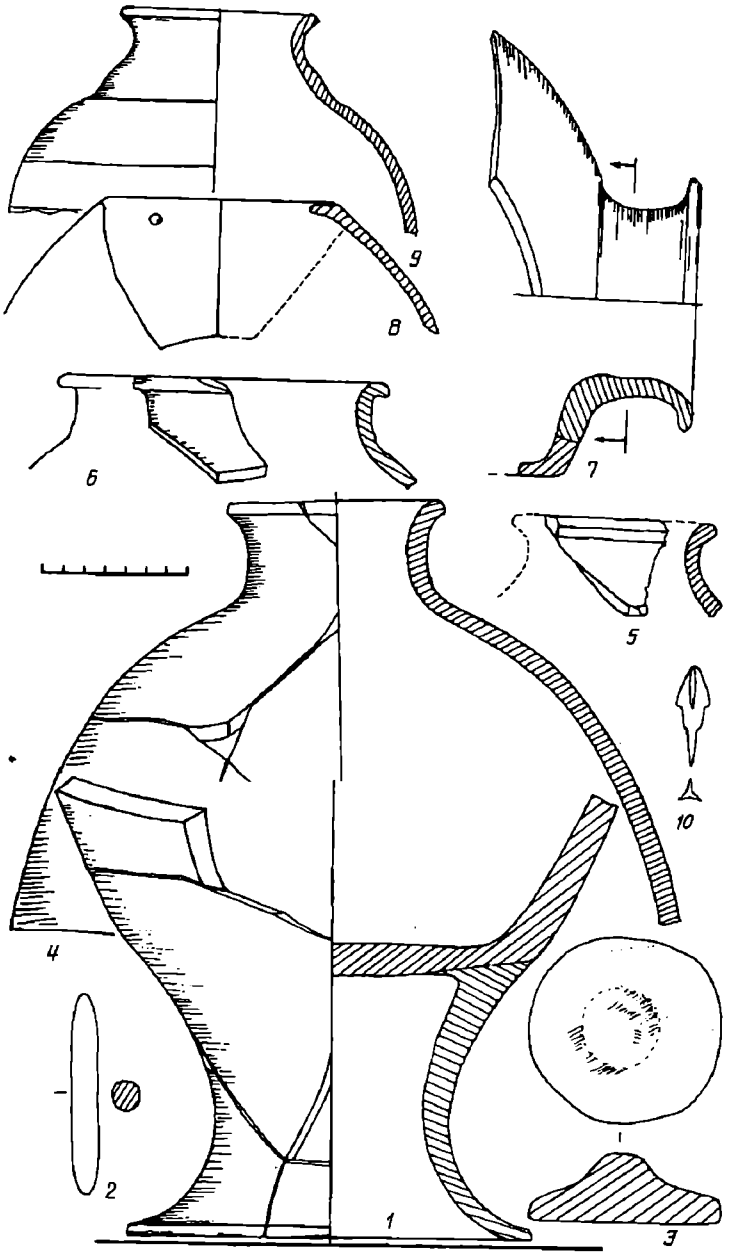


Рис. 10. Арк-тепе. Керамика и другие находки. *1*, *4*, *7* — центральное здание, помещение, «слой тандыра»; *2* — ВКI, завал; *3* — центральное здание, южная часть двора, пол; *5* — центральное здание, III период; *6* — центральное здание, южная часть двора, надпольный слой; *8* — центральное здание, ВКII и двор, III период; *9* — центральное здание, восточная башня, пол; *10* — раскоп 6, золисто-гумусный слой у стены

или косые линии сочетаются с зигзагообразными, зигзагообразные — с двойными кольцами или спиралями, вертикальные и горизонтальные зигзагообразные линии, треугольники и спирали, треугольники и «лестницы», деревья и солнце и др. Орнамент нанесен на верхние части или на верхние $^2/_3$ горшков. Наиболее часты зигзагообразные линии по шейке, заштрихованные треугольники под краем. Несомненно, орнаментация имела символическое значение, но любые суждения о ней будут вольным истолкованием. Поэтому, в первую очередь, следует, видимо, обратить внимание на такие сюжетные композиции, как солнце и деревья, впервые отмеченные в таком сочетании здесь, на Арк-тепе. Связь этого изображения с космогоническим культом, по-видимому, очевидна. К нему же могут относиться спирали, двойные кольца. Разработка этой темы не входит в задачу настоящей статьи, некоторые соображения были мною высказаны ранее [*5*, с. 193].

Прочие находки. Орудия труда. Представлены в основном каменными орудиями, в частности зернотерками. Часть из них уплощенные, овальные, со слегка загнутыми торцами, рабочая часть почти заполированная. Другие — более высокие, с утолщенным и сильно приподнятым одним краем, с вогнутой поверхностью. Возможно, что различие в форме связано с использованием их для дробления и растирания разных злаков. Терочники разной формы, но с одной плоской стороной, один из них алебастровый. Неясны по назначению некоторые орудия прямоугольной и подтреугольной формы. Найдена часть оселка. К оружию относятся каменные ядра для пращи и железный трехперый наконечник стрелы с треугольной головкой, тупоугольным срезом лопастей и фигурным вырезом нижней части (рис. 10, *10*). Найдены всего два глиняных биконических пряслица [3, рис. 17, *8*]. К предметам туалета относятся несколько сурьматашей веретенообразной формы (рис. 10, *2*) и часть дисковидного бронзового зеркала с гравированным циркульным орнаментом по краю и в четырех полукружиях, примыкающих к обрамляющей кольцевой полосе [6, рис. *5*, *3*]. Довольно большое количество костей животных происходит в основном из слоев закладов и завала. Это кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей.

Вопросы датировки. В целом памятник относится к среднему этапу кугайско-карабулакской культуры I—IV вв. Незначительные изменения в комплексах керамики не могут говорить о каких-то существенных изменениях в гончарном ремесле. Сходство с керамикой поселения 5а позволяет отнести время существования Арк-тепе ко II—III вв. н. э. Найденный в раскопе 6 железный наконечник стрелы относится скорее всего ко времени не ранее III в. [8, с. 31], к последнему этапу в жизни поселения. К этому же времени относится и часть зеркала [5, с. 96—97], найденного в завале «форта». Не противоречат предложенной дате как строительные приемы, так и оборонительная система. Из опубликованных памятников можно сослаться на Арал-тепе в северо-восточной Фергане [9, с. 82—96]. Но в оборонительной системе Арк-тепе есть и некоторые особенности. Так, здесь сочетаются эллипсовидные башни со щелевидными бойницами на оборонительной стене и прямоугольные башни со стреловидными бойницами в центральном здании (хотя стреловидные бойницы были и на оборонительной стене). Практически же наши стреловидные бойницы с их неработающей стреловидной частью являются тоже щелевидными, а их «стреловидность» была чисто декоративной (это касается всех известных мне памятников Ферганы). Сохранение прямоугольных башен в цитадели в сочетании с полукруглыми отмечено в III—IV вв. на Афрасиабе [10, с. 281]. К тому же времени относится появление сводчатых перекрытий внутристенных коридоров, т. е. развитие ферганской фортификации шло в русле общего развития фортификации Средней Азии. Неясно, правда, насколько реальной защитой были эти оборонительные сооружения, во всяком случае в Арк-тепе. Бойницы, расположенные на высоте 50—60 см от пола, позволяли стрелку вести обстрел только стоя на коленях, но размер входного отверстия 30×20 см не давал нормального обзора. Более реальными были бойницы башен оборонительной стены, где входное отверстие было 40×15 см, но уклон лотка увеличивал их наружную высоту почти до 1 м, то есть была возможность стрельбы вниз. Первоначальная толщина стен 1—1,8 м, затем постепенно достигает почти 5 м. Стены и были, видимо, основной защитой, хотя явно требовали и постоянного утолщения. Понадобилось в какой-то момент также укрепить защиту входа сооружением «форта». Можно предположить, что изломанный контур центрального здания тоже играл существенную роль в обороне, мешая подойти вплотную к стенам. Неясным остается вопрос, был ли второй этаж здания и башен. Существование лестницы, а затем и пандуса, ведущих наверх, как будто свидетельствует о возможности второго верхнего яруса обороны. Сохранился ряд кирпичей, явно от упавшего куска небольшой стены над западной стеной ВКI. Может быть, это остатки стенки, ограждающей верх здания, типа парапета.

Назначение поселения скорее всего было защитным, как для живших здесь

людей, так, возможно, и обитателей несохранившихся внизу поселков. Несомненный интерес представляет крестообразная планировка как центрального здания, так и «форта». Крестообразный план здания известен в Фергане по цитадели поселения Биловур-тепе [11, с. 88—94]. Там крестовидное в плане здание окружено было двумя кольцевыми стенами с четырьмя тоже крестообразно расположенными башнями. К крестообразным постройкам можно отнести и тепе 5 в Керкидонской группе поселения [3, с. 46—48]. Последнее имеет аналогии и за пределами Ферганы в Бухарском оазисе — Сеталак [12, с. 70—93] и в Джамбульской области — Чоль-тобе и Кзыл-тобе [13, с. 70—73]. Очевидно, близким был и план цитадели Шаш-тепе в Ташкенте, опубликованный пока частично [14, с. 38—62, табл. 1; 15, с. 96]. Исследователь Шаш-тепе М. И. Филанович, анализируя эту необычную планировку (крест в круге), связывает ее с общеиранскими идеологическими концепциями, отразившимися в сочетании креста или квадрата с кругом в планах зданий и погребальных сооружений [16, с. 127]. О космогонических представлениях населения, отраженных в подобных планировках различных построек, писали неоднократно [17, с. 7—18, там же литература вопроса]. В этой связи можно отметить формальное сходство в планировке центрального здания Арк-тепе с центральным храмом тепе Нуш-и-Джан в Иране (VIII—VII вв. до н. э.) [18, с. 1—2, рис. 1][3], а также со зданиями парфянского периода Шахри-Кумыс в западном Иране (особенно здание «Site IV». Это здание авторы не очень убедительно рассматривают как храмовое) [19, с. 8—10, рис. 1]. Не имея возможности в данной статье рассмотреть этот вопрос, считаю, что нельзя полностью игнорировать символику в крестообразных планах центрального здания и «форта» Арк-тепе. Тем более, что, как отмечено выше, космогонические представления населения можно проследить и в орнаментации керамики.

В 1 км восточнее Арк-тепе находилось поселение Ак-тепе, первый период существования которого синхронен Арк-тепе. Его планировка представляла собой две кольцевые стены, соединенные расположенными радиально короткими стенками [1]. А между двумя поселениями раскопан могильник эпохи бронзы Арсиф I с намогильными выкладками в плане «квадрат в круге» [20, с. 465]. Все это позволяет высказать предположение, что в оборонительных сооружениях обоих поселений нашли отражение космогонические представления их строителей, далеких потомков тех, кто был погребен в могильнике Арсиф I. Можно напомнить и о сведениях Шахристани о существовании в северной Фергане «удивительного здания», посвященного солнцу, разрушенного Халифом Мутасимом (833—842 гг.) [21, с. 65, прим. 5]. Мы не знаем, каким был этот храм, но не исключено, что крестообразные планировки построек действительно были связаны с солнечными культами местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горбунова Н. Г., Иванов Г. П., Кулик Т. И., Мирзалиев Г., Оболдуева Т. Г.* Ферганская экспедиция//АО. 1973. М., 1974.
2. *Горбунова Н. Г.* Строительная техника древней Ферганы//Древние памятники культуры на территории СССР//ГЭ. 1991.
3. *Горбунова Н. Г.* Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане//АСГЭ. 1985. № 26.
4. *Горбунова Н. Г.* Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане//АСГЭ. 1987. № 28.
5. *Gorbunova N. G.* The Culture of Ancient Ferghana VI century B. C.— VI century A. D.//BAR. 1986. JS281.
6. *Горбунова Н. Г.* Кугайско-карабулакская культура в Фергане//СА. 1983. № 3.
7. *Горбунова Н. Г.* Керамика поселений Ферганы первых веков н. э.//ТГЭ. 1979. Т. 20.
8. *Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г.* Железные наконечники стрел из Ферганы//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
9. *Горбунова Н. Г., Оболдуева Т. Г.* Поселение Арал-тепе в Фергане//АСГЭ. 1988. № 29.
10. *Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А.* Согд//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука, 1985.
11. *Заднепровский Ю. А.* Городище Биловур-тепе (восточная Фергана)//КСИА. 1985. Вып. 184.

[3] Впервые на это сходство обратил внимание В. Г. Луконин на моем докладе в 1973 г.

12. Культура древнебухарского оазиса III—VI вв. н. э. Ташкент: ФАН, 1983.
13. *Мерщиев М. С.* Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захоронение на нем воина IV—V века//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
14. *Филанович М. И.* Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: ФАН, 1983.
15. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент: ФАН, 1982.
16. *Филанович М. И.* Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций (по материалам Шаш-тепа в Ташкентском регионе)//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тез. докл. сов.-франц. симпоз. по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.
17. *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э.//История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976.
18. *Stronach D., Roaf M.* Excavationes at tepe Nush-i Jan//Iran. 1978. XVI.
19. *Hansen J., Stronach D.* Excavations at Shahr-i-Qumis, 1977/IRAS. 1974. № 1.
20. *Пиотровский Ю. Ю.* Памятники эпохи поздней бронзы в Ферганской долине//АО. 1972. М., 1973.
21. *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам Пенджикентских храмов)//Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

GORBUNOVA N. G.

ARK-TEPE SETTLEMENT IN THE SOUTHERN FERGANA

Summary

Ark-tepe settlement with the square of 1 hectare is situated in 15 km to the south-east from the city of Fergana near Arzif village. Its life can be divided into four periods. The first one began with the building of the brick wall with the oval vaulted towers with the loop-holes. The walls had an inner corridor with the entrances to the towers. The central building with the square of 40×42 m consisted of a courtyard surrounded by the vaulted corridor-shaped houses, and four right-angled towers with the arrow-shaped loop-holes. The buildings and the towers were connected with each other and with the courtyard by the archways. One more building was situated in the north-western corner of the courtyard, and large vessels — in the southern part under a wooden shed. The entrance was in the south-western corridor separated into three rooms. On the opposite there was a stairway to the roof or the first floor. The settlement was reconstructed many times during the following periods, and its defensive purpose was gradually lessened. Finds: fragments of ceramics, stone tools, animal bones. The ornament on the ceramics looks like pictures of the sun and trees. The settlement is dated to the 2-3rd centuries. Most likely it was a shelter for the neighbour population, but the cross-shaped lay-out of the buildings, «cosmogonical» elements of the ornament testify to its possible cult purpose.

А. И. ЖУРКО

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Впервые о памятниках черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье узнали в 20-х годах нынешнего столетия [1, с. 81—86]. По существу это были первые сравнительно широкие полевые работы археологов, положившие начало систематическим поискам и раскопкам черняховских древностей на территории Левобережья [2, с. 133—158; 3, с. 164—178]. Великая Отечественная война временно прервала эти изыскания, и они возобновились только после ее окончания. К началу 50-х годов черняховские памятники на данной территории благодаря исследованиям И. И. Ляпушкина, Е. В. Махно, В. А. Богусевича стали известны более чем в 40 пунктах [4, с. 178—180; 5, с. 77—86; 6, с. 103—105]. Новые материалы с территории Левобережья оказались в центре развернувшейся в то время большой дискуссии относительно славянского этногенеза и, естественно, роли в этом процессе собственно племен черняховской культуры, памятники которой уже были достаточно хорошо известны и сравнительно широко исследованы на территории Украины и Молдавии [7, с. 97—99; 8, с. 75—77]. Анализируя многолетние наблюдения над культурой памятников первой и второй половины I тыс. н. э. на Левобережье, И. И. Ляпушкин, а затем и Д. Т. Березовец однозначно высказались против идеи о вкладе племен черняховской культуры в славянский этногенез [9, с. 36—37; 10, с. 4]. Настаивая на местных особенностях памятников черняховской культуры в разных регионах ее распространения, М. А. Тиханова выделила их на Левобережье в отдельный локальный вариант [11, с. 171, рис. 1]. Тогда с этой мыслью многие согласились, так как разделяли идею П. Н. Третьякова о полиэтническом характере черняховской культуры [12, с. 23—27]. В таком ключе интерпретируются и сегодня многие памятники черняховской культуры, в том числе в Курском Посеймье [13, с. 91—98], на Киевщине [14, с. 70—79], Сумщине [15, с. 58—60], которые генетически связываются исследователями с раннесредневековыми пеньковскими или колочинскими древностями.

Желание найти в черняховской культуре памятники «пропеньковского» или «проколоченского» типов на Левобережье уже давно объединяет усилия многих исследователей, благодаря работе которых к настоящему времени в регионе уже открыто 486 памятников (469 поселений и 17 могильников) черняховской культуры (рис. 1; таблица). На 23 поселениях и 13 могильниках произведены раскопки. Открыто 89 жилищ, из них 56 углубленные, остальные наземные каркасно-глинобитные. На могильниках выявлено и исследовано 241 погребение (131 трупоположение и 110 трупосожжений). Почти все могильники биритуальные, все за редким исключением содержат в керамическом инвентаре только гончарную керамику, все так же, как и поселения, по своей сути сложны и разнообразны, что не позволяет, как нам кажется, делать сиюминутные широкие этнокультурные обобщения. Необходимы тщательный анализ и осмысление новых материалов. В этом плане интересны материалы широкомасштабных раскопок памятников римского времени на Сумщине. Они осуществлялись в период 1986—1990 гг. археологической экспедицией Сумского пединститута под руководством автора.

С. Косовщина Сумского района. Здесь нами обнаружено два позднеримских

© А. И. Журко, 1994 г.

Памятники черняховской культуры лесостепного Днепровского Левобережья, на которых производились раскопки

№ п. п.	Населенный пункт	Район	Область	Памятники		Время раскопок, г.	Вскрытая площадь, м²	Жилища		Погребения		Исследователи	Хронология памятника, в.
				поселения	могильники			наземные	углубленные	трупоположения	трупосожжения		
1	Кантемировка	Чутовский	Полтавская	*	*	1924	300	1	2	6	4	Рудынский М Я.	IV
2	Пересечное	Дергачевский	Харьковская	*	—	1931—1933	—		1	—	—	Луцкевич И. Н.	IV
3	Ново-Покровка	Чугуевский	То же	*	—	1949	520	1	1	—	—	Кухаренко Ю В.	III—IV
4	Беседовка	Недригайловский	Сумская	*	—	1949		2	2	—	—	Махно Е. В.	То же
5	П.-Хмельницкий		Киевская	—	*	1952, 1954, 1971		—	—	20	21	Махно Е. В.	»
6	Лохвица		Полтавская	—	*	1955, 1957	350	—	—	12	8	Березовец Д. Т.	»
7	Ново-Липовское	Золотоношский	Черкасская	*	—	1957, 1958	1312	3	—		—	Махно Е. В.	»
8	Сумы			—	*	1958		—	—	1	—	Березовец Д. Т.	»
9	Радуцковка	Градижский	Полтавская	*	—	1959	1000	5	—	—	—	Махно Е. В.	III—IV
10	Максимовка	То же	То же	*	—	1959	2000	5	—	—	—	Махно Е. В.	»
11	Компанийцы	Кобелякский	Полтавская	—	*	1960—1965	5200	—	—	41	66	Махно Е. В.	»
12	Козачья Локня	Суджанский	Курская	—	*	1962		—	—	7	—	Липкинг Ю. А.	III—IV
13	Авдеево	Ленинский	То же	*	—	1960		2	—	—	—	Алихова А. С.	IV
14	Писаревка	Новосанжарский	Полтавская	—	*	1967	86	—	—	2	—	Махно Е. В.	III—IV
15	Успенка	Бурынский	Сумская	—	*	1968—1972	1446	—	—	33	2	»	»
16	Воробьевка	Золотухинский	Курская	*	—	1971	400	—	2	—	—	Сымонович Э. А.	IV

Окончание таблицы

№ п. п.	Населенный пункт	Район	Область	Памятники		Время раскопок, г.	Вскрытая площадь, м²	Жилища		Погребения		Исследователи	Хронология памятника, в.
				поселения	могильники			наземные	углубленные	трупоположения	трупосожжения		
17	Колосовка	То же	То же	*	—	1971		1	2	—	—	»	То же
18	Дубъяги	Зеньковский	Полтавская	—	*	1971		—	—	2	—	Горюнов Е. А.	»
19	Павлюковка	Краснокутский	Харьковская	—	*	1973		—	—	—	9	Шрамко Б. А.	III—IV
20	Лляное	Дергачевский	То же	*	—	1974		2	—	—	—	Дяченко А. Г.	То же
21	Артюховка	Роменский	Сумская	*	—	1974, 1977	252	1	—	—	—	Горюнов Б. А. Романова Г. А.	»
22	Войтенки	Валковский	Харьковская	*	—	1975		1	—	—	—	Дяченко А. Г.	»
23	Снагость	Кореневский	Курская	*	—	1977	400	1	3	—	—	Сымонович Э. А.	IV
24	Букреевка	То же	То же	*	—	1978	1300	1	10	—	—		
25	Каменево	»	»	*	—	1978	2458	—	8	—	—	»	
26	Тазово	Курский	Курская	*	—	1979	350	—	5	—	—	Сымонович Э А.	IV
27	Хлопков	Барышевский	Киевская	*	—	1981—1984		—	8	—	—	Некрасова А. Н.	То же
28	Вознесенский	Яковлевский	Белгородская	*	—	1986		1	—	—	—	Обломский А М.	»
29	Косовщина 1, 2	Сумский	Сумская	*	—	1986	1796	—	4	—	—	Журко А. И.	»
30	Краснополье		То же	*	—	1987—1988	2248	1	3	—	—	»	»
31	Великий Бобрык	Краснопольский	»	*	—	1988	1122	2	3	—	—	»	III—IV
32	Пронозовка	Глобинский	Полтавская	—	*	1987		—	—	1	—	Кракало И. В.	То же
33	Шушваловка	То же	То же	—	*	1987		—	—	1	—	Порубай А. В.	»
34	Боромля	Тростянецкий	Сумская	—	*	1987—1988		—	—	5	—	Некрасова А. Н.	IV
35	Песчаное	Сумский	То же	*	—	1990	1338	3	2	—	—	Журко А. И.	II—III

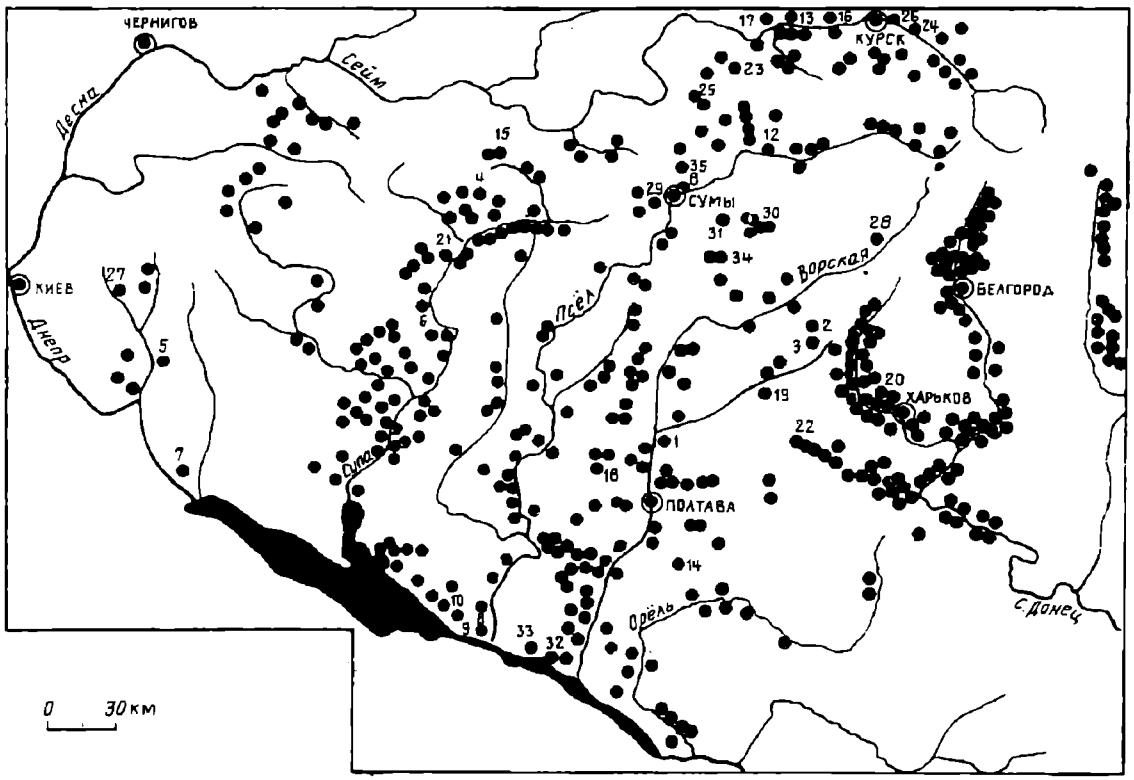


Рис. 1. Распространение памятников черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье. Нумерация памятников (*1—35*) соответствует нумерации в таблице

селища, расположенных друг от друга на расстоянии 300 м. На поселении Косовщина 1 вскрыто 1008 м^2 площади, исследовано полуземляночное жилище и девять хозяйственных ям, три из которых, очевидно, использовались в качестве погребов для хранения продуктов. Назначение других ям размерами поменьше, видимо, было иным. Скорее всего, их использовали в виде емкостей для бытовых отходов и мусора. Углубленная постройка имела прямоугольную форму размерами 3,4×2,8 м с глубиной пола 0,9 м от современной поверхности. Отопительное устройство находилось примерно посередине постройки и сохранилось в виде очажной ямки (круглой в плане) диаметром 0,8 м, глубиной 0,3 м от уровня пола, заполненной кусочками золы, обожженных костей животных и мелких прокаленных камней.

Хозяйственные ямы круглой и овальной форм диаметром 0,8—1,6 м, глубиной 1,1—2,0 м от уровня современной поверхности. В объектах и культурном слое выявлена только гончарная и столовая посуда, 86% составляет керамика с шероховатой поверхностью (рис. 2, *6*; 3, *2*, *3*). Импортная керамика, представленная фрагментами светлоглиняных узкогорлых амфор, составляет 13,2% и на основании аналогий позволяет датировать поселение Косовщина 1 в рамках IV в. н. э. [16, с. 169—170].

Косовщина 2. На поселении выявлено 3 полуземлянки и 7 хозяйственных ям. Полуземлянки имели прямоугольную форму, размерами 10—15 м^2, углублены в материк на 0,9—1,4 м от современной поверхности. В темном гумусированном заполнении объектов найдено сравнительно большое количество кусков обожженной глиняной обмазки, которую, очевидно, следует рассматривать как остатки рухнувших стен и перекрытия построек. Наиболее яркое тому подтверждение жилище 4 (рис. 4, *5*, *5 А*). Заполнение полуземлянки на уровне древней поверхности было перекрыто сплошным слоем обожженной глиняной обмазки толщиной 0,5 м. На сильно прокаленных кусках обмазки светло-красного цвета сохранились выразительные отпечатки деревянных конструкций диаметром от 3 до 20—25 см и даже больше. В жилище найдена исключительно гончарная

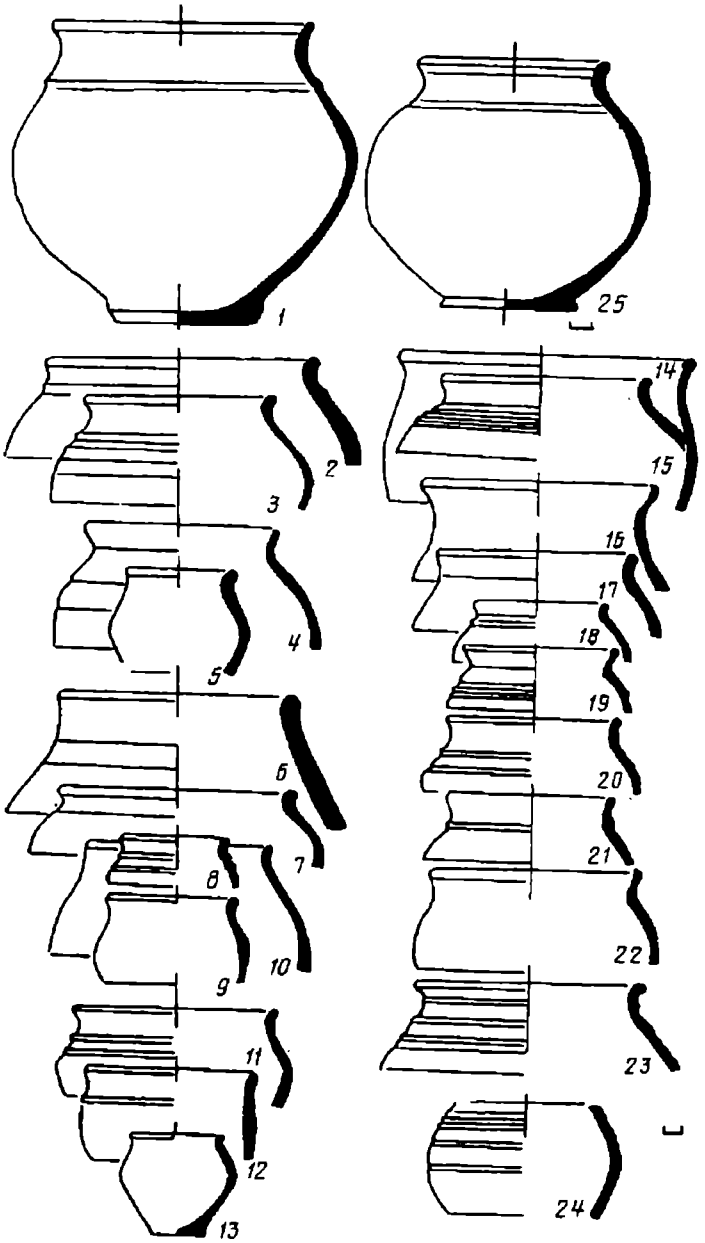


Рис. 2. Основные формы кухонной гончарной посуды из Косовщины 1 (*1* — жилище 1; *25* — яма 2); Краснополья 1 (*2—10* — культурный слой; *14—16* — жилище 4; *1*, *17*, *18*, *24* — жилище 3); Великого Бобрыка (*11—13* — культурный слой); Песчаного (*19—23* — жилище 3 и культурный слой)

посуда (165 фрагментов). Среди других вещей можно отметить железное ботало, которое датируется IV в. н. э. (рис. 5, *1*) [17, с. 27, рис. 14, 19; 18, с. 57, рис. 17, *10*]. В других объектах и культурном слое представлена только круговая керамика с шероховатой (92%) и лощенной (8%) поверхностью (рис. 2, *2*, *3*, *7*, *17*, *25*; рис. 3, *1*, *5*, *6*). Находки амфорной тары отсутствуют.

В целом материалы поселений Косовщина 1 и 2 имеют широкие аналогии, в том числе и среди древностей «смешанного типа» Курского Посеймья, Белгородщины, а также Западной Украины (Рипнев II, Бовшев II, Демьянов II, Теремцы, Бакота), которые интерпретируются как связующие звенья между черняховской и раннеславянской (колочинской и пражской) культурами [19, с. 183—193, рис. 3, 4, 6; 20, с. 5—9; 21, рис. 10, с. 30, рис. 17, с. 37, рис. 28, с. 42, рис. 42]. Отсутствие в косовщинской группе селищ лепной посуды не позволяет говорить об их «славянизации».

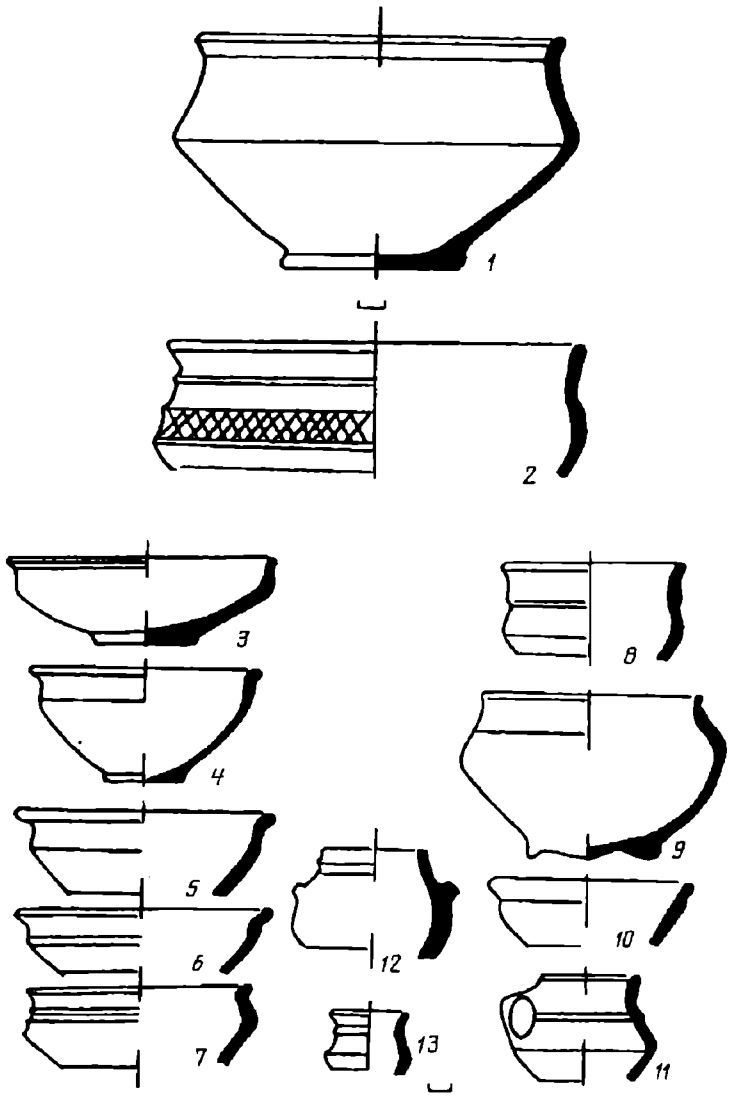


Рис. 3. Основные формы столовой гончарной посуды из Косовщины 2 (*1* — культурный слой); Краснополья 1 (*12* — жилище 3; *2* — жилище 4; *9* — хозяйственная яма, *11—13*, *15* — культурный слой); Великого Бобрыка (*10* — культурный слой); Песчаного (*5*, *6*, *7* — культурный слой и объекты)

Краснополье. В 1986 г. во время разведки здесь нами было выявлено несколько расположенных на незначительном расстоянии друг от друга черняховских поселений. Стационарные раскопки производились в 1987—1988 гг. на трех памятниках (1, 2, 4). Наиболее широко раскапывалось селище Краснополье 1 (рис. 6, *1*). На вскрытой площади 2248 м^2 выявлено 4 жилища и 15 хозяйственных ям. Среди построек три углубленные и одно большое наземное каркасно-глинобитное сооружение. Два углубленных жилища имели прямоугольную и одна постройка овальную формы размерами 6—15 м^2 и глубиной 0,95—1,2 м от современной поверхности. В заполнении полуземлянок найдены куски обожженной глинистой обмазки, а в жилище 3 расчищен сплошной слой такой обмазки, включавший фрагменты гончарной керамики. В заполнении жилищ 1 и 2 также обнаружена круговая посуда. Отопительное устройство в виде очажного углубления в полу сохранилось только в полуземлянке 3. Наземное сооружение достаточно выраженной прямоугольной формы имело двухкамерую конструкцию общей площадью 96 м^2 (рис. 4, *1*). В его восточной, очевидно жилой, камере находилось два глинобитных очага круглой формы, содержащих битую гончарную посуду. Возле одного из них расчищен набор глиняных грузил различной формы и веса (рис. 7) от ткацкого станка, камень-жернов и железный топорик (рис. 5, *3*).

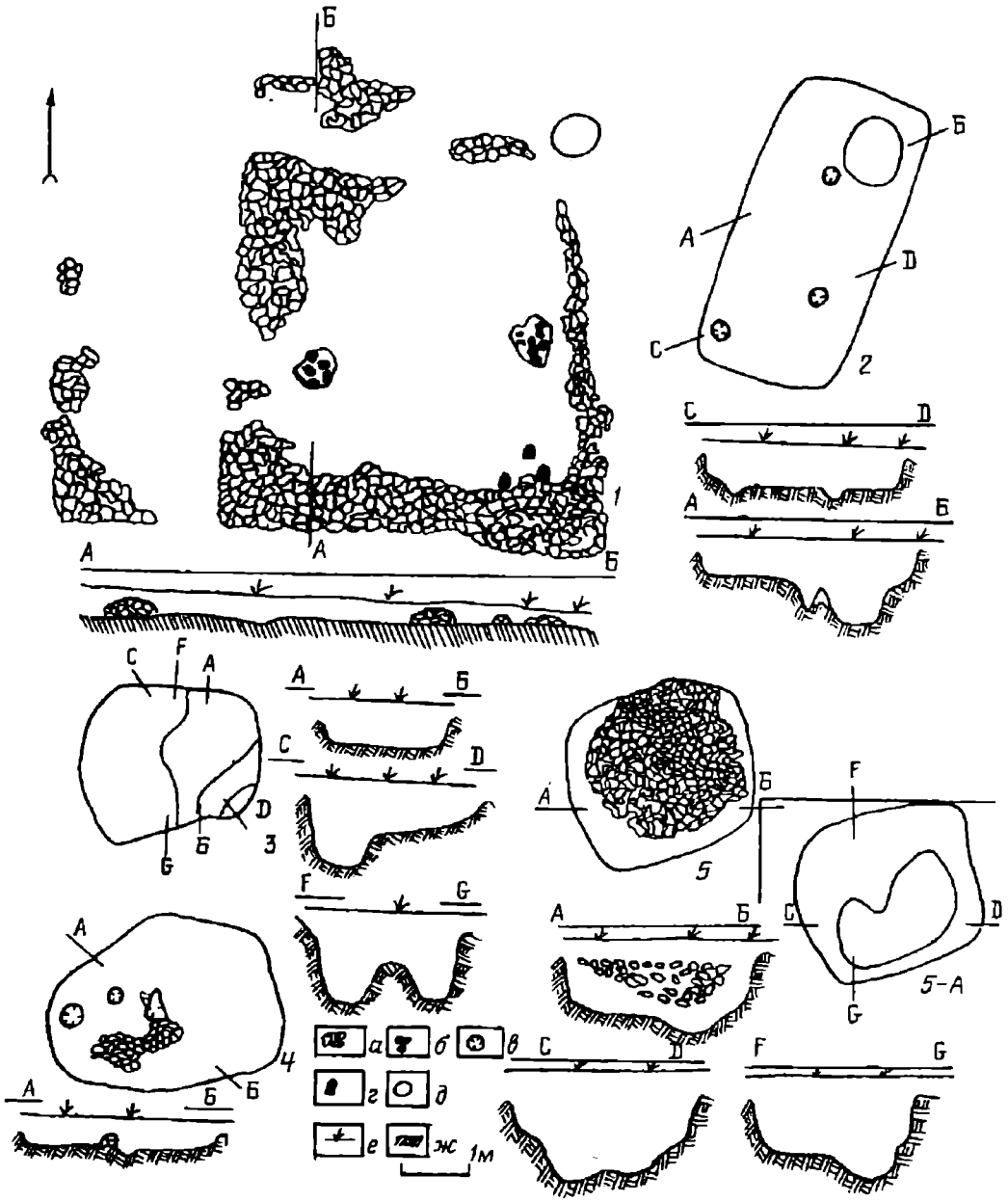


Рис. 4. Планы и разрезы жилищ: *1—2* — Краснополье 1; *3—4* — Великий Бобрык; *5—5 А* — Косовщина 2. *а* — глиняная обмазка; *б* — очаги; *в* — ямки от столбов; *г* — грузила; *д* — хозяйственная яма; *е* — современная поверхность; *ж* — материк

Размеры и очертания хозяйственных ям, как и на селищах в Косовщине, разные, однако заполнение их идентичное. Одинаковым, видимо, было и назначение этих ям. Общим также, пожалуй, является слабая их насыщенность остеологическим материалом.

На поселении Краснополье 1 массовыми находками являются обломки кухонной и столовой гончарной посуды, имеющей преимущественно шероховатую поверхность (85%) (рис. 2, *4*, *6*, *8—11*, *22*, *24*; рис. 3, *7*, *9*, *12—13*). Амфорный материал представлен незначительным количеством фрагментов, однако вместе с железным проушным топориком, имеющим достаточно известные аналогии, позволяет датировать памятник IV в. н. э. [22, рис. 19, 3; 23, с. 99, рис. 7, *10*].

Краснополье 1 — поселение необычное. Здесь сочетаются разные типы домостроительства, объединенные общим комплексом находок, имеющих довольно обширные аналогии в разнотипных памятниках позднеримского времени в Центральной и Юго-Восточной Европе.

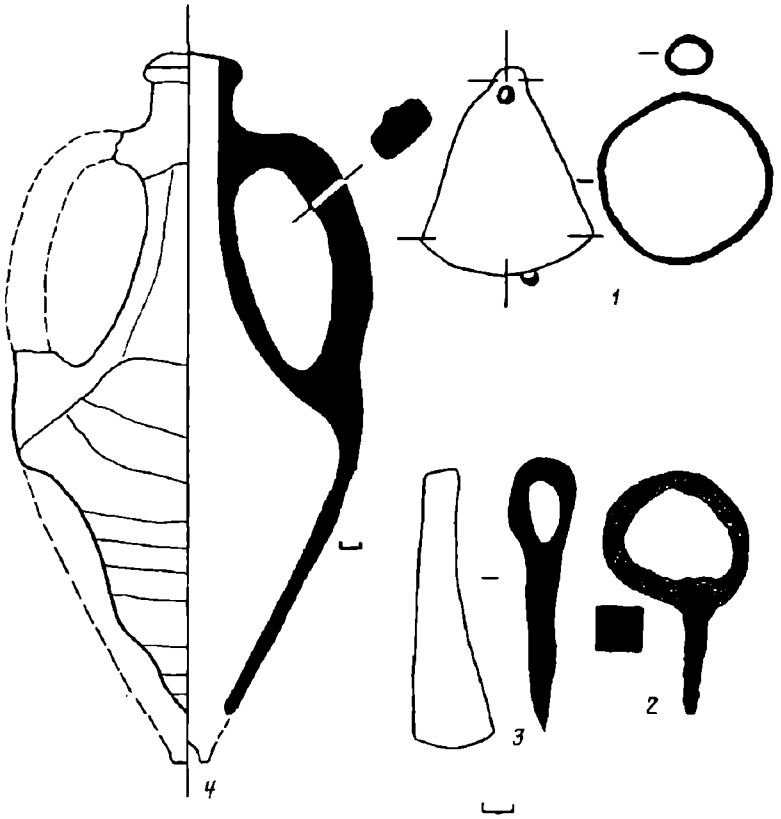


Рис. 5. Датирующие находки: *1* — железное ботало (Косовщина 2); *2* — железная пряжка (Великий Бобрык); *3* — железный топорик (Краснополье 1); *4* — амфора (Песчаное)

С. Великий Бобрык Краснопольского р-на. На поселении позднеримского периода вблизи упомянутого населенного пункта, топографические условия и размеры которого аналогичны косовщинским и краснопольским памятникам, в 1988 г. раскопками вскрыто 1122 м^2 площади и выявлено 3 полуземлянки, 2 наземных жилища, углубленное хозяйственное сооружение и 4 хозяйственные ямы (рис. 6, *2*). Углубленные жилища каркасно-столбовой конструкции имели овальную или прямоугольную форму (9—18 м^2, глубина 0,7—2,5 м от современной поверхности) (рис. 4, *3*, *4*). В заполнении жилища 1 расчищен слой обожженной глиняной обмазки (рис. 4, *4*). Следы отопительных устройств прослежены в виде небольших очажных пятен в центральной части помещения только в жилищах 1 и 3. Наземные постройки выявлены по слабо сохранившимся остаткам развалов глинобитных стен, ямок от опорных столбов, распределению находок и размещению очагов. Постройки по всей видимости прямоугольных очертаний, размеры их не превышали 50—70 м^2. Отапливались жилища глинобитными очагами. Последние находились в восточной половине сооружений и сравнительно хорошо сохранились. Сооружали такие очаги на земляной подсыпке, поверх которой располагался слой из стенок битой гончарной посуды, перекрытый в свою очередь глинобитным подом, который окольцовывался невысоким глиняным бортиком. Следует отметить, что такая техника сооружения очагов имела место в различных типах жилищ, как в углубленных, так и наземных, в том числе и каменном черняховском домостроительстве [24, с. 7—14].

Хозяйственные ямы типологически близки уже упоминавшимся из Косовщины 1, 2 и Краснополья 1.

Инвентарь в объектах и культурном слое поселения Великий Бобрык представлен главным образом гончарной кухонной и столовой посудой: 71% с шероховатой, 29% с лощеной поверхностью (рис. 2, 3). Амфорная керамика составляет незначительный процент и хронологически не выходит за рамки

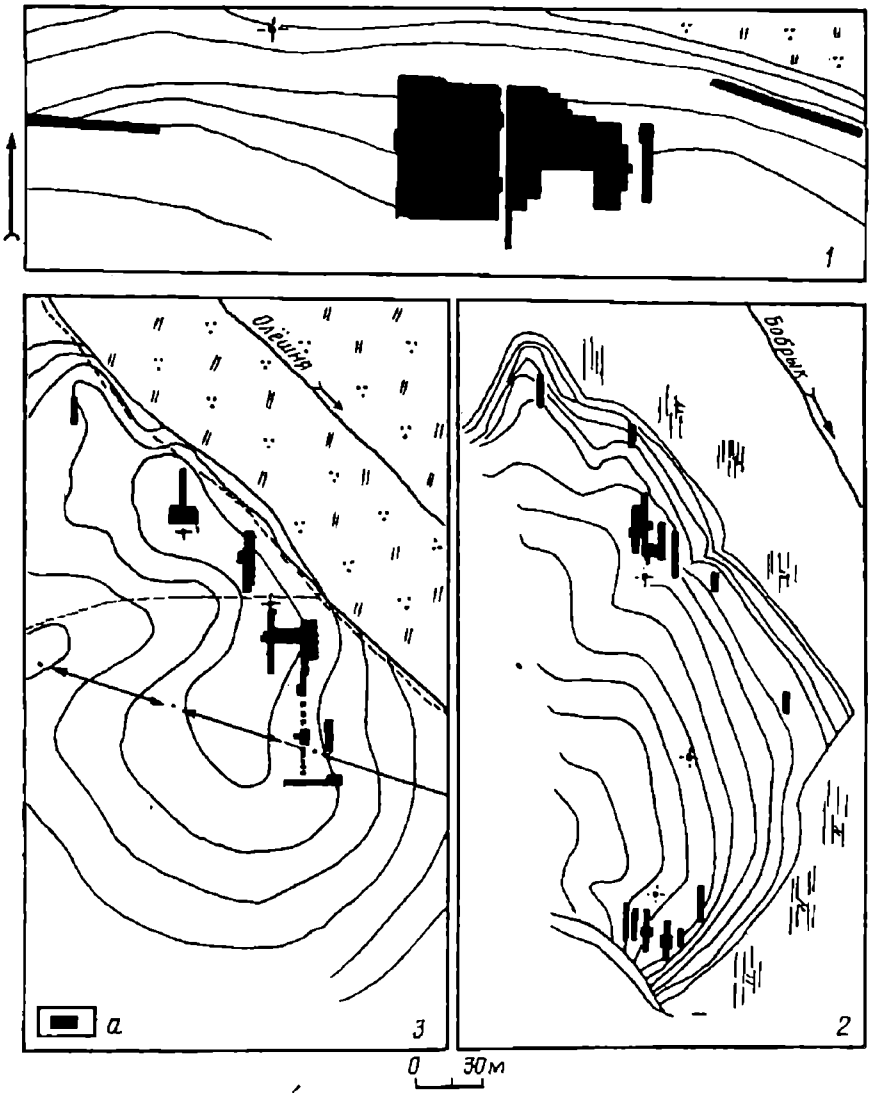


Рис. 6. Топография черняховских поселений: *1* — Краснополье 1; *2* — Великий Бобрык; *3* — Песчаное. *а* — раскопки

IV в. н. э. Однако наличие железной пряжки, найденной в жилище 4 на глубине 1,7 м от современной поверхности и имеющей широкие аналогии во всех центральноевропейских культурах, в том числе и хорошо продатированном, на наш взгляд, могильнике, Данчены (погр. 326), позволяет определить начало жизни на поселении с конца II в. н. э. (рис. 5, *2*). Рассматриваемый памятник близок поселению Песчаное (о нем речь ниже), как и многим другим древностям римского времени, распространенным на запад и восток от Днепра (Черепин, Городница, Великая Слободка, Беседовка и другие), материалы которых в культурно-этническом аспекте трактуются по-разному [25, с. 20—22; 26, с. 62—70; 27, с. 81—82].

С. Песчаное Сумского р-на. Черняховское поселение, открытое нами в 1988 г., находится на юго-восточной окраине села. Раскопки здесь были начаты в 1990 г. (рис. 6, *3*). На вскрытой площади 1338 м^2 обнаружено 5 жилищ, производственный одноярусный горн, 7 очагов и 5 хозяйственных ям. Жилища наземные и углубленные. Остатки наземных построек зафиксированы в виде слабо сохранившихся развалов стен. Сооружения имели прямоугольные очертания (площадь 50—70 м^2), отапливались глинобитными очагами. Конструкция последних ничем практически не отличалась от таких же устройств в жилищах Великого Бобрыка и Краснополья. Однако слой битой посуды, на котором покоился под в жилище 1, состоял как из фрагментов лепной (она преобладала), так и гончарной посуды. Соотношение

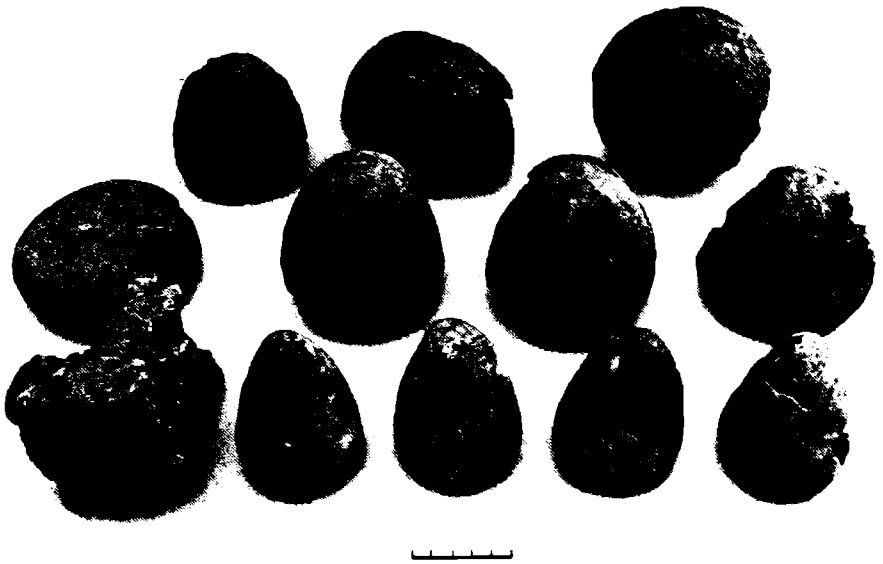


Рис. 7. Глиняные грузила из жилища 4 поселения Краснополье 1

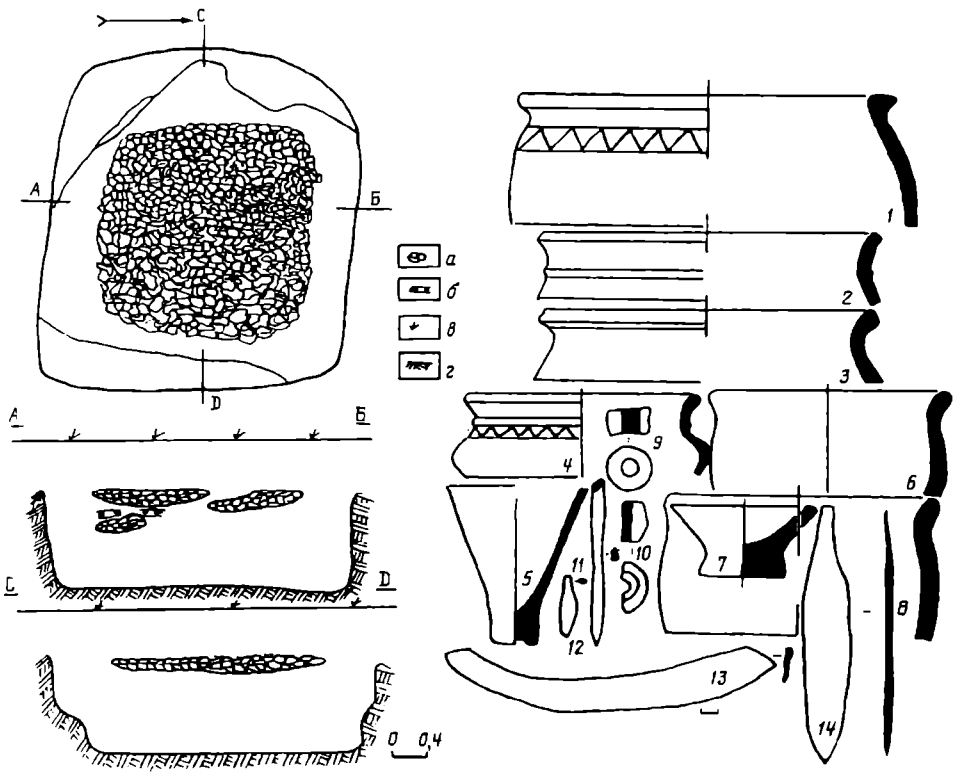


Рис. 8. Песчаное. План и разрезы жилища 5. *1—4* — гончарная посуда; *6—8* — лепная. *5* — дно амфоры; *9—10* — прясла; *11* — костяная игла; *12—14* — железо.
а — глиняная обмазка; *б* — горелые плахи; *в* — современная поверхность; *г* — материк

фрагментов гончарной и лепной керамики в наземной постройке 4 равнялось 100 : 43. Вблизи очага жилища 1 найдена верхняя часть светлоглиняной узкогорлой двухручной амфоры танаисского типа, которая датируется концом II — началом III в. н. э. (рис. 5, *4*) [28, с. 70; 29, с. 100—115].

Углубленные жилища, полуземлянка и землянка, имеют подквадратную форму, площадь 10—16 м^2, глубина 1,2 и 1,8 м от современной поверхности. В полуземлянке найдена только керамика. Сочетание фрагментов лепной и гончарной посуды составило 30 : 49. Довольно интересным сооружением оказалась землянка

(рис. 8). Ее первоначальные контуры в виде сплошного слоя обожженной глиняной обмазки обнаружены на глубине 0,6 м от современной поверхности под развалами глинобитных стен наземного жилища 4. Оказалось, что слой обмазки толщиной 0,3—0,6 м плотно залегал в гумусированном заполнении землянки и представлял собой, по всей видимости, остатки перекрытия постройки и ее стен. В заполнении жилища найдено 125 фрагментов лепной и 39 — гончарной керамики. Кроме того, в землянке на глубине 1,7 м от современной поверхности обнаружено дно и фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры, другие находки (рис. 8, *1—14*).

Таким образом, на поселении у с. Песчаное удалось стратиграфически установить два типа черняховских жилищ, одно из которых — землянка — было перекрыто более поздним наземным каркасно-глинобитным сооружением.

В объектах и культурном слое поселения наиболее массовыми находками были обломки гончарной, кухонной и столовой посуды (рис. 2, *19—21*; 3, *4*, *10*). Преобладает первая. Гончарная керамика имеет шероховатую (66%) и лощеную (34%) поверхность. В гончарном керамическом комплексе присутствуют практически все основные формы черняховской круговой посуды, достаточно хорошо известной на многочисленных памятниках Украины и Молдавии. Среди лепной посуды можно выделить горшки, сковородки, крышки, кубки. Последние не имеют каких-либо украшений, у остальных бывает орнаментирован венчик, у горшков слегка отогнутый наружу, иногда утолщенный венчик и выпуклые бока. Поверхность сглаженная, в тесте преобладает шамот (рис. 8, *6—8*). Единственный фрагмент лепного горшка из жилища 2, изготовленный из такого же теста, имеет, однако, биконическое тулово и волнообразный венчик. Подобная посуда хорошо известна на синхронных памятниках Черниговского Подесенья и Киевского Поднепровья [30, с. 53, рис. 24, с. 56, рис. 26, 2; 31, с. 138, табл. XXVIII, 5, 13]. Наличие лепной керамики в Песчаном выделяет этот памятник из круга черняховских древностей, представленых поселениями в Косовщине, Краснополье, Великом Бобрыке. Это позволяет ставить вопрос о сосуществовании в лесостепном Днепровском Левобережье по меньшей мере двух групп памятников черняховской культуры; памятники одной из групп содержат в культурном слое и объектах только гончарную керамику, и в памятниках другой (селища) представлена как гончарная, так и лепная посуда.

Прав был И. И. Ляпушкин, отмечавший в свое время, что «даже в рамках Левобережья черняховские памятники не представляют единства... Они не принадлежат к единой культуре» [32, с. 159].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонович-Мельник К.* Археологічні досліди на Кременчужчині//Короткі звідомлення ВУАК за археологічні досліди року 1925. Киев, 1926.
2. *Рудинський М. Я.* Кантемирівські могили римської доби//Зап. ВУАК. 1930. Т. 1.
3. *Луцкевич І. М.* Матеріали до карти поширення пам'яток культури послів поховань на території Харьківської області//Археологія. 1948. Т. 2.
4. *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники культуры полей погребений//МИА. 1961. Т. 104.
5. *Махно С. В.* Розкопки на поселениях першої половини I тисячоліття н. е. у верхній течії Сули//АП. 1955. Т. 5.
6. *Богусевич В. А.* Погребение черняховской культуры в г. Сумы//КСИА АН УССР. 1960. Вып. 10.
7. *Баран В. Д.* Поселение первых веков н. э. в с. Черепин Львовской области//КСИИМК. 1957. Вып. 67.
8. *Рикман Э. А.* Раскопки селищ первых веков н. э. в Поднестровье//КСИИМК. 1957. Вып. 68.
9. *Ляпушкин И. И.* Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра//КСИИМК. 1950. Т. XXXIII.
10. *Березовец Д. Т.* Северяне (Период образования Киевской Руси): Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. М., 1969.
11. *Тиханова М. А.* О локальных вариантах черняховской культуры//СА. 1957. № 4.
12. *Третьяков П. Н.* Итоги археологического изучения восточнославянских племен//IV Междунар. съезд славистов. Докл. и сообщ. М., 1958.
13. *Сымонович Э. А.* Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов//СА. 1983. № 1.
14. *Некрасова Г. М.* Послення черняхівської культури Хлопків і на Київщині//Археологія. 1988. Вып. 62.

15. *Романова Г. А.* Черняховское поселение у с. Артюховка. Проблемы археологии Сумщины//Тез. докл. областной научно-практической конф., апрель 1989, г. Сумы. Сумы, 1989.
16. *Кропоткин А. В., Кропоткин В. В.* Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе//Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988.
17. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев: Наук. думка, 1984.
18. *Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы//МИА. 1967. Т. 139.
19. *Сымонович Э. А.* Раннесредневековое поселение Тазово под Курском//СА. 1986. № 4.
20. *Кропоткин А. В.* Отчет об археологических раскопках поселения Дачное 2 Старо-Оскольского района Белгородской области в 1984 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10 161.
21. *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Киев: Наук. думка, 1981.
22. *Рикман Э. А.* Жилища Будештского селища (О домостроительстве в черняховскую эпоху)//МИА. 1960. № 82.
23. *Махно С. В.* Типи поховань I планування Компаніївського могильника//Середні віки на Украіні. Киев: Наук. думка, 1971.
24. *Журко А. И.* Жилые сооружения племен черняховской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1983.
25. *Баран В. Д.* Поселення перших століть нашоі ери в с. Черепин. Киев: Наук. думка, 1961.
26. *Козак Д. Н., Журко О. І.* Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньоримського часу в середньому Подністров'і//Археологія. 1983. № 43.
27. *Махно С. В.* Розкопки на поселениях першоі половини I тысячоліття н. е. в верхній течіі Сули//АП. 1955. Вып. 5.
28. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций//АСГЭ. 1979. Вып. 20.
29. *Деопик Д. В., Круг О. Ю.* Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками//СА. 1972. № 3.
30. *Терпиловский Р. В.* Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев: Наук. думка, 1984.
31. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
32. *Ляпушкин И. И.* Археологические памятники культуры полей погребений//МИА. 1961. № 104.

Сумской педагогический
институт

ZHURKO A. I.

THE CHERNYAKHOVSKAYA CULTURE SITES OF THE FOREST-STEPPES LEFT-BANK DNIEPER AREA

Summary

The author analyses new materials found during the large archaeological excavations of the Chernyakhovskaya culture sites in the forest-steppes left-bank Dnieper area carried out in Sumskaya region in 1986-1990. The investigations support Lyapushkin's idea that the Chernyakhovskaya culture was not homogeneous in this area. The author marks out two chronologically different groups of the sites.

Критика и библиография

А. А. ФОРМОЗОВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

В 1992 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета вышла книга профессора Г. С. Лебедева «История отечественной археологии» [1]. В основе ее лежит курс лекций, читавшихся автором на кафедре археологии Ленинградского — Петербургского университета с 1970 г.

Такого подробного обзора развития археологии в России у нас еще не было. В книге 464 страницы + иллюстрации. Детально рассмотрен период от эпохи Петра I до Октябрьской революции. Время до XVIII в. и послереволюционные десятилетия охарактеризованы тезисно во вводной и заключительной главах.

Книга подкупает широтой охвата темы. Материалы о раскопках и археологических публикациях всюду увязаны с явлениями большего масштаба, введены в историко-культурный контекст. Читатель получает представление и о работах зарубежных археологов, и о развитии исторической науки в России и Западной Европе, о смене эстетических учений, об общественных движениях, сказывавшихся на поисках ученых и т. д. В целом курс дает богатый материал для осмысления и содержит вполне оригинальную концепцию автора. В то же время к нему можно предъявить и ряд претензий.

Основное изложение и фон не всегда четко отделены друг от друга. Центральные имена и факты теряются среди попутно привлеченных данных. Имен слишком много, иные только названы без каких-либо объяснений, отбор их зачастую непонятен. Заслуживает ли особого внимания, скажем, Л. И. Мечников [1, с. 230—232]? Его идея о роли великих рек в истории оказала влияние на В. А. Городцова, но сам он археологом, конечно, не был.

Отчасти указанный недостаток связан с тем, что автор четко не определил, что он понимает под словом «отечественная» и что под словом «археология». Исследования в Прибалтике в пределах России не затронуты вовсе. Для Украины приведены отдельные имена (есть В. Б. Антонович, но нет Д. И. Багалея). Археология в XIX — начале XX в. понималась расширительно, включая археографию, историю искусств и быта. Г. С. Лебедев, пожалуй, следует такому определению, приводя данные о работах многих историков искусства и археографов, что иногда кажется неоправданным.

Из историков охарактеризованы Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, даже М. Н. Покровский и Н. А. Рожков, но почему-то нет ни слова именно о тех историках, кто стал включать археологические данные в свои общие курсы — о П. Н. Милюкове, М. К. Любавском, С. К. Богоявленском, даже о Ю. В. Готье — фигуре центральной для начала XX в.

Попыток дать индивидуальные портреты ученых в книге нет. Все на одно лицо и одинаково полезны. Высоко оценен, скажем, новгородский краевед В. С. Передольский [1, с. 212]. Можно отдать ему должное за создание частного музея, надзор за земляными работами в Новгороде, открытие неолитической стоянки Коломцы. Но никак нельзя назвать «обстоятельной монографией» его книгу «Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века» (СПб, 1893). Я бы назвал это сочинение бредовым. Ведь, по мнению автора, на стоянке Коломцы обитали чуть ли не неандертальцы и в то же время подданные Великого Новгорода, люди, охотившиеся на мамонта, и известные Геродоту как будины, поскольку они исповедовали буддизм. Древнехранилище В. С. Передольского состояло в основном из черепов, извлеченных из грунта Новгорода при земляных работах. На каждом было написано, какому князю он принадлежал. У некоторых князей было почему-то по нескольку черепов [2, с. 98, 99]. Передольский — характерная

© А. А. Формозов, 1994 г.

для провинции фигура. Сказать о нем, может быть, и стоило, но лишь в том случае, если бы его достоинства и недостатки были рельефно показаны.

А так у Г. С. Лебедева одинаково крупными археологами выглядят и Н. И. Веселовский, известный небрежностью своих раскопок, и Б. В. Фармаковский, создавший современную методику раскопок античного города (к сожалению, развитие методики археологических исследований, равно как и охраны памятников в книге не рассмотрено).

Большим недостатком книги является множество неточностей и ошибок. Так, автор утверждает, будто последний археологический съезд, на котором председательствовал А. С. Уваров, был V, VI же — открылся речью Д. Н. Анучина памяти Уварова [1, с. 158, 180]. В действительности VI съезд в августе 1884 г. открывал сам Уваров, а умер он в конце декабря. Некролог его был только включен в «Труды» VI съезда в 1886 г. Родителями А. А. Спицина были учителя, пишет Г. С. Лебедев [1, с. 247]. На самом деле отец археолога был крестьянин, разбогатевший на откупах, а мать, кажется, даже неграмотна.

Количество ошибок в инициалах ученых, датах, названии мест раскопок исчисляется десятками. Очевидно, книга нуждается в доработке. Тираж ее — 500 экз.— ничтожно мал. Необходимо второе издание, исправленное и дополненное.

Но я хотел остановиться здесь не на разборе книги Г. С. Лебедева в целом, а лишь на одном поднятом им вопросе — периодизации истории отечественной археологии. Вопрос этот совершенно не разработан, и опыт Г. С. Лебедева — первый в нашей литературе. Он сам придает ему, видимо, особое значение, поскольку именно периодизации посвятил свой доклад на конференции «Проблемы истории отечественной археологии», состоявшейся в ЛГУ в 1990 г. [3, с. 2—4]. В этом докладе были намечены и этапы истории советской археологии.

В двух одновременно вышедших книгах — учебном пособии к курсу лекций по истории сибирской археологии профессора Омского университета В. И. Матющенко [4] и в опубликованной в Киеве брошюре В. Ф. Генинга и В. Н. Левченко о возникновении археологической науки [5] — проблемам периодизации также уделено большое внимание. Должно быть, пришла пора обсудить этот вопрос. Не предлагая какого-то альтернативного варианта, приведу только свои замечания и соображения по данной теме.

Начало археологии в России и Г. С. Лебедев, и В. И. Матющенко справедливо связывают с царствованием Петра Великого. Именно тогда появился первый русский музей — Кунсткамера (в 1714, а не в 1718 г., как сказано у Г. С. Лебедева [1, с. 53]), были изданы указы о собирании древностей для этого музея (1718, 1721), отправлена научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь, производившая и раскопки, и сбор археологических материалов (1719), начаты реставрационные работы в Болгаре (1722).

Предшествовавший период можно рассматривать как донаучный или как предысторию археологии. Так это и делают Г. С. Лебедев и В. И. Матющенко, но, мне кажется, что этот период они недооценивают. В. И. Матющенко пишет: «До 20-х годов XVIII в. археологические памятники Сибири не вызывали глубокого интереса к себе, а если этот интерес возникал, то в весьма своеобразной форме грабежа курганов. Эта картина была типичной для состояния культурной и научной жизни России, а что касается археологический древностей, то и европейские общества относились к ним без необходимого понимания их значения. Это соответствовало уровню развития исторической мысли в Европе» [4, с. 9]. Трудно с этим согласиться. К началу XVIII в. в России знали уже до десятка типов археологических памятников: не только курганы, но и городища, горные разработки, наскальные изображения, каменные изваяния, клады, выкладки из валунов — лабиринты, находки каменных орудий и костей мамонта [6, с. 7—16]. Если же обратиться к Западной Европе, то там интерес к древностям с эпохи Ренессанса в культурном обществе был очень велик, а связан не столько с развитием науки, сколько с гуманистическими и эстетическими поисками.

В. И. Матющенко ссылается на статью своего ученика А. В. Жук, задавшегося вопросом о причинах «Отсутствия археологического интереса в средневековой культуре» [7, с. 32—41]. На мой взгляд, сама постановка вопроса выглядит столь же странно, как, скажем, выяснение того, почему в древней Греции не занимались микробиологией или в Ассиро-Вавилонии — астроботаникой. Ни одна из этих наук до Нового времени просто еще не сложилась. Между тем мыслящие люди уже делали важные наблюдения в близких областях, оказавшиеся крайне важными в дальнейшем. В античной Греции разрабатывалась теория строения вещества. В Ассиро-Вавилонии пристально следили за светилами. Ну а в средневековой Руси были выявлены разнообразные археологические памятники.

Мне думается, что в пределах донаучного периода в истории отечественной археологии можно

выделить как подпериод конец XVII в., когда появились первые коллекции древностей, первые распоряжения об их изучении и фиксации, интерес же к ним стал не попутным, а исследовательским [6, с. 11—14].

Начальный период в развитии археологии как науки в России я называл академическим и ограничивал XVIII в. [8, с. 9]. В самом деле, основные материалы о древностях были добыты тогда академическими экспедициями «по разным провинциям Российской империи», в академический музей — Кунсткамеру поступали археологические коллекции, в академических изданиях печатали статьи о них. Даже когда такие материалы собирали люди, не связанные непосредственно с Академией, все равно добытые факты в итоге оценивались именно там. Сподвижник Петра I Д. Кантемир снял план Дербентской стены. Издал и комментировал его академик Г. З. Байер. Генерал А. П. Мельгунов раскопал курган Литая могила, а интерпретировал результаты раскопок академик Г. Ф. Миллер. К концу XVIII в. роль Академии в развитии отечественной археологии сходит на нет. Тут резкая грань. В пределах академического периода я бы выделил как подпериод последнюю четверть XVIII в., когда интересы ученых переместились с исследования Сибири, Урала, Поволжья на поиск и осмысление античных памятников Причерноморья.

Г. С. Лебедев знает эти факты, выделяет для работ в Причерноморье подпериод 1,3, говорит о том, что к концу XVIII в. академические экспедиции прекратились [1, с. 56—59], однако первый период в истории отечественной археологии называет не академическим, а «периодом ученых путешествий» и растягивает до 1825 г. [1, с. 51—87].

На мой взгляд, это неудачно. Жанр ученых путешествий характерен для всего XIX в. В этом жанре написаны отчеты об экспедициях И. С. Полякова, напечатанные в начале 1880-х годов и даже книги П. С. Уваровой (например, «По Кавказу. Путевые заметки». Т. I—III. М., 1892—1904).

Первая четверть XIX в.— царствование Александра I, эпоха наполеоновских войн и движения декабристов — существенно иной период, чем XVIII в. Именно тогда в духовной жизни общества господствовал романтизм, оказавший, как известно, большое влияние на сложение национальных школ археологии с их вниманием к местным, а не античным древностям как наследию собственных предков.

Иная, чем у Г. С. Лебедева и меня, периодизация у В. Ф. Генинга. Она начинается с 1770-х годов, поскольку, по мнению автора, только тогда возникла археология как наука. Предшествовавшее же время и в России и на Западе рассматривается как донаучный период. Чем отмечена названная дата, не объяснено [5, с. 4—7; ср. 9, с. 55—61]. Вероятно, имеется в виду издание книги И. Винкельмана «История искусства древности» (1763). Но почему исследования начала и середины XVIII в. в России и на Западе, XVII и даже XVI вв. за рубежом выделены за пределы науки? Ведь тогда уже вели раскопки (пусть несовершенные методически), разыскивали, описывали, сохраняли в музеях и осмысляли памятники древности (хотя их было известно еще мало). Все это позволяет говорить о том, что не только в Западной Европе, но и в России археология как наука в XVII в. уже складывалась.

Как уже сказано, Г. С. Лебедев заканчивает первый, 125-летний период в истории отечественной археологии 1825 г. Далее следует короткий, 20-летний второй период: 1826—1846, названный «оленинским».

Это кажется мне совсем неудачным. А. Н. Оленин, безусловно, крупная фигура, но это фигура чисто петербургская. Археологические исследования в районе Новгорода (З. Я. Ходаковский, Е. А. Болховитинов), в Подмосковье (А. Д. Чертков), в Киеве (М. Ф. Берлинский, К. А. Лохвицкий, А. С. Анненков), на Урале (И. М. Рябов, В. Н. Берх) и даже в Северном Причерноморье не имели никакого отношения к Оленину. Интересуясь античной культурой, Оленин ни разу не съездил ни в Ольвию, ни в Херсонес, ни в Пантикапей, не оценил по достоинству деятельность П. Дюбрюкса [8, с. 13—14].

Г. С. Лебедев, видимо, считает, что, когда Академия наук перестала быть центром археологических исследований в России, в такой центр превратилась Академия художеств, возглавляемая А. Н. Олениным. Но этого не было. Для Оленина пост президента Академии — лишь один из многих занимавшихся им постов. Он состоял и статс-секретарем, и директором Публичной библиотеки. Археологии он уделял внимание как частное лицо, охотно консультировал тех, кто обращался к нему за советами, но не стремился контролировать деятельность по изучению древностей по всей стране, да это было и невозможно.

Первая половина XIX в. для археологии в России — время децентрализации. Раскопки вели преимущественно просвещенные дворяне за свой личный счет. Я называл этот период «периодом дворянского дилентантизма» [10, с. 4].

Непонятно, почему оленинский период охватывает у Г. С. Лебедева именно 1826—1846 гг. К исследованию древностей Оленин приступил с первых лет XIX в. «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском» издано в 1806 г. Президентом Академии художеств Оленин стал не в 1826, а в 1817 г. Умер он в 1843, а не в 1846 г. Таким образом, выделение оленинского периода представляется неубедительным.

Следующий, третий, этап своей периодизации — 1846—1884 гг.— Г. С. Лебедев назвал уваровским и разделил на три подпериода: ранний (1846—1864), средний (1864—1872) и поздний (1872—1884). И это не очень убедительно.

Жизнь А. С. Уварова, действительно, можно разделить на три отрезка, но лишь в первом и третьем он активно занимался археологией. В 1848—1854 гг. он провел ряд экспедиций, копал курганы и городища во Владимирской земле, руины Ольвии и Херсонеса. В следующее десятилетие от науки он по сути дела отошел, путешествовал за границей, приводил в порядок свои имения, перебирался из Петербурга в Москву. Только с организацией в 1864 г. Московского археологического общества он вновь целеустремленно занялся наукой: организовал археологические съезды, создал Российский исторический музей, вел раскопки в Карачарове, издал книги «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (1872) и «Археология России. Каменный период» (1881).

1846 г.— это год основания Петербургского археолого-нумизматического общества, в будущем Русского археологического. Оно сыграло большую роль в развитии нашей науки, но уже в конце XIX — начале XX в. Сперва же это был очень узкий кружок антиквариев, занятых не раскопками, а главным образом античной нумизматикой и эпиграфикой. Уваров в возрасте 21 года (родился в 1825 г., а не в 1828, как сказано у Г. С. Лебедева [1, с. 94]) стал одним из основателей общества, но был привлечен к этому делу прежде всего как сын министра народного просвещения. Активная деятельность Уварова в археологии началась позже, в 1848 г.

Мне кажется, что середина XIX в. в истории нашей области знания — это в первую очередь период создания организаций, ведавших археологическими исследованиями в России. Основные даты здесь: 1859 г.— создание Императорской археологической комиссии в Петербурге — и 1872 г.— решение о создании Российского исторического музея в Москве, открывшего свои двери перед посетителями в 1883 г. Важны и даты возникновения научных обществ: 1839 г.— Одесского общества истории и древностей, 1846 г.— Русского и 1864 — Московского археологического. Вот в этих рамках — 1839—1883 или, если угодно, 1859—1872 гг.— и надо выделять особый период в истории отечественной археологии.

Уваров, конечно, одна из центральных фигур в нашей науке, но не единственная для того времени. Уделив очень много места его начинаниям, рассказывая о каждом археологическом съезде по отдельности, Г. С. Лебедев с гораздо меньшим вниманием отнесся к деятельности Археологической комиссии. Между тем именно это учреждение располагало предоставленными государством средствами на раскопки, проводило их в широких масштабах, разрабатывало методику полевых исследований, публиковало результаты их сначала в «Отчетах», а затем в «Материалах по археологии России» и в «Известиях». Московское археологическое общество средств на раскопки не имело. Не сразу получил их и Исторический музей. Соответственно вклад Московского археологического общества в науку меньше, чем у Археологической комиссии.

Выделив 15-летний несколько неопределенный «постуваровский период», с года смерти Уварова — 1884 до 1899 г., следующее, пятое подразделение своей периодизации Г. С. Лебедев именует «Спицын-ско-Городцовским этапом», относя к нему 1900—1918 гг. Грани вызывают удивление. Спицын проявил себя серьезным ученым еще в период жизни в Вятке в 1880-е годы, а в Археологической комиссии работал с 1892 г., выпустив за последнее десятилетие XIX в. много ценных публикаций. Это и книги «Люцинский могильник» (1893), и «Курганы Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского» (1896), и знаменитые «Обзоры губерний и областей России в археологическом отношении» (1896—1899). Хотя Городцов в Историческом музее стал служить только с 1906 г., он и до 1899 г. сделал немало для познания отечественных древностей, прежде всего родной Рязанщины. Печатался же он с 1889 г.

Основополагающее значение трудов двух классиков нашей науки вне сомнений. Главный смысл их деятельности — классификация и систематизация материалов из археологических раскопок. Но это направление в отечественной археологии связано не только с именами А. А. Спицына и В. А. Городцова. Уже «Археология России» А. С. Уварова (1881) представляет собой опыт классификации памятников каменного века. В 1892 г. в Варшаве вышла книга Д. Я. Самоквасова «Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей». Большую роль в систематизации коллекций Исторического музея сыграл В. И. Сизов, работавший там с 1881 г. и до самой смерти в 1904 г.

Помня об этих фактах, я предпочел бы выделять не спицынско-городцовский период с 1900 г., а период классификации древностей России с 1880 г. Где его закончить? Можно растянуть до 1917 г., поскольку и в 1910-х годах выходили важные классификационные работы. Но начало XX в. можно рассматривать и как особый период — первых попыток исторического синтеза на археологическом материале. Ведь не только «Бытовая археология» В. А. Городцова (1910), но и курс истории Восточной Европы по археологическим данным, читавшийся в Московском университете Ю. В. Готье, и «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцева, изданные в 1920-х годах, были подготовлены еще до революции. Г. С. Лебедев это понимает и выделяет подпериод 5,2.

У В. Ф. Генинга своя периодизация, основанная, как в старой геологии, на принципе катастрофизма или, вернее, смены периодов плавного развития годами «научных революций». Период, начавшийся в 1770-х годах и названный «археология древностей», завершается через 100 лет «первой научной революцией» — возникновением первобытной археологии [5, с. 4—7; 9, с. 55—61].

Событие это, безусловно, важное. Но, во-первых, удивляют даты. Почему 1870-е годы? Ж. Буше де Перт начал свои исследования на Сомме в 1832 г. Э. Ларте приступил к раскопкам во французских пещерах в 1836 г. В тот же год вышел «Путеводитель по северным древностям» К. Томсена. С 1853 г. шли раскопки свайных построек в Швейцарии, с 1846 — Гальштатского могильника. В 1865 г. Д. Леббок разделил каменный век на палеолит и неолит.

Во-вторых, возникновение первобытной археологии не более важно, чем сложение археологии восточной в начале XIX в. после наполеоновского похода в Египет и первых раскопок в Передней Азии. Развитие и первобытной, и восточной археологии в очень малой степени сказалось на плавной эволюции античной археологии, зародившейся в эпоху Ренессанса и совершенствующей свои методы без каких-либо катаклизмов до сего дня.

Для послереволюционного времени Г. С. Лебедев выделяет период 6 — организационного преобразования археологии,— охватывающий 1918—1929 гг. Значит, помимо революции важнейшей вехой он считает 1929 г., а не 1934, как это делали авторы двух книг по истории советской археологии В. Ф. Генинг [11] и А. Д. Пряхин [12], следовавшие официальным «Очеркам истории исторической науки в СССР». Прав, конечно, Г. С. Лебедев, а не его предшественники. Замечания т.т. Сталина, Кирова и Жданова об учебнике «История СССР» 1934 г. в развитии нашей науки сыграли далеко не столь важную роль, как разгром археологических учреждений в 1929—1931 гг.

Таким образом, для Г. С. Лебедева, как и для меня, основными рубежами в развитии отечественной археологии являются годы революции и «великого перелома». Иначе думает В. И. Матющенко. Он пишет: «Мне представляется, что период от Октября 1917 г. до конца 1930-х годов в истории отечественной, и сибирской археологии в том числе, не имеет самостоятельного значения, а ближе всего стоит к дореволюционному периоду своей истории» [4, с. 91]. С этим трудно согласиться.

Напомню такие значительные события, как, с одной стороны, закрытие вскоре после революции и Русского, и Московского археологических обществ, учебных археологических институтов, ученых архивных комиссий, прекращение археологических съездов, преобразование Императорской археологической комиссии в Академию истории материальной культуры и — с другой стороны — появление большого числа краеведческих обществ и музеев, начало университетской подготовки археологов, возникновение Российской ассоциации научных Институтов общественных наук (РАНИОН) в Москве с возглавлявшейся В. А. Городцовым секцией археологии.

Все же то, на что хотел обратить внимание В. И. Матющенко, мне понятно. Развитие археологии в Сибири шло иначе, чем в Европейской России. Ни Археологическая комиссия, ни Русское и Московское археологические общества, ни археологические съезды для Сибири не сделали почти ничего. Ученых архивных комиссий здесь вообще не было. Наука развивалась тут под эгидой Западно- и Восточно-сибирского отделов Русского географического общества и так или иначе связанных с ним музеев — Тобольского, Красноярского, Минусинского, Иркутского, Кяхтинского. И РГО, и музеи после революции уцелели. Очевидно, наряду с общей периодизацией отечественной археологии можно предложить и не во всем совпадающие с ней периодизации для истории археологии в отдельных регионах — в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и т. д.

Что касается второго рубежа — грани 1920—1930-х годов,— отсутствующего и у А. Д. Пряхина, и у В. И. Матющенко, и в книге В. Ф. Генинга 1982 г., то эти годы тоже отмечены важнейшими событиями. Назову закрытие краеведческих обществ и РАНИОН, сокращение сети музеев, коренное (и не в лучшую сторону) преобразование ГАИМК, прекращение университетской подготовки археологов, целеустремленное разрушение памятников прошлого, усиление идеологического нажима на интеллигенцию. Все это не прошло бесследно, в частности, и для сибирских археологов. Свидетельство

тому — прекращение очень активной в 1920-х годах деятельности иркутской школы Б. Э. Петри и его расстрел. Так что растягивать начавшийся на грани веков период истории сибирской археологии до конца 1930-х годов, как это делает В. И. Матющенко, явно нельзя. Подробнее я писал об этих переломных годах в специальной статье [13, с. 70—82].

В новейших публикациях В. Ф. Генинга [5, с. 4—7; 9, с. 55—61] в противоречии с его книгой 1982 г. этот рубеж выделен как «вторая научная революция в археологии». Начавшийся в 1870-х годах период «культурархеологии» якобы обрывается созданием принципиально нового социально-экономического направления в археологии — «социоархеологии». Этот третий, высший этап в развитии нашей науки начался на грани 1920—1930-х годов и продолжается сегодня. Это весьма спорно.

Навязанное ученым СССР извне социально-экономическое направление в археологии продержалось не так уж долго, в сущности только 1930-е годы. Работы культурно-исторического плана вскоре вновь возобладали и у нас. На Западе их всегда было больше, чем социально-экономических, причем последние (например, «Преисторическая Европа» Г. Кларка, 1952) появлялись вне связи с разработками советских специалистов. Позднее возникли новые, ничем не менее плодотворные направления в археологии, вроде популярного сейчас экологического направления. Рассматривать социально-экономическое направление как вершину в развитии мировой археологии нет никаких оснований. Археология всегда была и сейчас остается прежде всего областью истории культуры, куда входят как частные темы и история хозяйства, и история социального строя, и этническая история.

Вернемся к периодизации Г. С. Лебедева. Отрезок времени с 1930 по 1951 г. он выделяет как седьмой период, характеризующийся господством стадиальной концепции. Саму же ее он вслед за М. В. Аниковичем [14, с. 5—31] расценивает как «проявление сталинизма в археологии» [3, с. 3].

Не могу согласиться ни с тем, ни с другим. Безраздельное господство стадиальной схемы вряд ли выходит за рамки 1930-х годов. Уже программные статьи ставшего в 1938 г. директором ИИМК М. И. Артамонова, связанные с подготовкой первых томов «Всемирной истории» и «Истории СССР», призывали к разработке истории конкретных древних обществ, а не к выделению стадий [15, с. 26—38; 16, с. 48—63], что частично и было осуществлено в этих изданиях.

В Москве стадиальная концепция никогда не пользовалась популярностью. Сотрудники Исторического музея А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, О. А. Гракова, несмотря на политические обвинения теоретиков ГАИМК С. Н. Быковского и Е. Ю. Кричевского, упорно изучали вопрос об археологических культурах неолита и бронзового века, и еще до Отечественной войны смогли опубликовать результаты своих изысканий. Если в брошюре 1935 г. «Разложение рода и феодализм на Енисее» С. В. Киселев рассматривал археологические материалы из Минусинской котловины в соответствии со стадиальной схемой, то в монографии 1948 г. «Древняя история Южной Сибири» он строил свое изложение по культурам, не связанным друг с другом: андроновцы не были потомками афанасьевцев, а пришли с запада, карасукцы вытеснили их, придя с юга и т. д. После так называемой «лингвистической дискуссии» 1950 г. вопрос о стадиях в развитии человечества был вообще снят с повестки дня.

Если же перейти к оценке стадиальной концепции, то надо различать две стороны дела: сущность ее и методы, которыми она насаждалась в СССР. В основе стадиальной схемы лежит идея эволюционного процесса как фундаментального явления всемирного масштаба, что, пожалуй, остается в силе и в современной науке. Далее привлекались совершенно бесспорные факты конвергентного сходства культуры охотников на разных континентах, такого же сходства у ранних земледельцев, того же и у ранних скотоводов в разных частях света. Пороками стадиальной схемы в том виде, в каком она формулировалась у нас в 1930-х годах, были бездумное стремление к универсальности этой схемы, невнимание к местным путям развития, к многолинейности в развитии культуры, обязательный автохтонизм, огульное отрицание роли миграций в истории человечества и — самое главное — насильственные методы насаждения этой концепции как единственно приемлемой для ученых СССР в сочетании с репрессиями против инакомыслящих.

Нелепостей написано было много: киммерийская стадия на Енисее (у С. В. Киселева), скифы — потомки киммерийцев и предки сармат,— а последние — предки готов (у В. И. Равдоникаса), отрицание заселения Севера человеком после освобождения от ледника (у С. Н. Быковского) и т. д., и т. п. Но одновременно появлялись работы, до сих пор составляющие актив нашей науки: «Дородовое общество» П. П. Ефименко (1934, 2-е изд.— «Первобытное общество» — 1938), «Родовое общество степей Восточной Европы» А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого (1935), статьи 1930-х годов П. Н. Третьякова, В. В. Голмстен, Е. Ю. Кричевского. Когда такой выдающийся ученый, как В. Г. Чайлд, говорил, что считает себя учеником советских археологов Круглова, Подгаецкого, Кричевского и Третьякова [17, с. 6], он имел в виду именно работы, написанные в духе стадиальности.

Более того, некоторые недавние книги, где сопоставляются раннеземледельческие культуры Старого и Нового света, древнейшие цивилизации и города-государства Азии и Америки, в основе близки к взглядам сторонников стадиальной концепции. Таковы, например, монографии В. М. Массона [18, 19] и В. И. Гуляева [20].

Думается, что наша наука, преодолев за 1940—1960-е годы порочные стороны стадиальной схемы, сумела взять из нее то, что было достаточно верным.

Вслед за периодом стадиальности у Г. С. Лебедева идут: восьмой — «бестеоретический период» (1951—1956), девятый — рыбаковский (1956—1986) и десятый — только начавшийся период «рефлектирующей археологии» [3, с. 3, 4]. Все это изложено тезисно и вряд ли может сейчас всерьез обсуждаться.

Замечу лишь, что так же, как я считаю неудачным именование целых периодов «оленинским», «уваровским», «спицынско-городцовским», я нахожу неоправданным и выделение «рыбаковского периода». Влияние директора Института археологии АН СССР (до 1987, а не до 1986 г.) акад. Б. А. Рыбакова на судьбы нашей науки было очень велико (как в положительном, так и в отрицательном отношении). Но уже со второй половины его пребывания на посту директора Институт археологии АН СССР начал терять свои позиции и в конце концов утратил свое лидерство. В 1961 г. возник мощный Новосибирский научный центр. Археологические центры в республиках СССР, сперва в Прибалтике и Закавказье, а затем в Белоруссии, Средней Азии и на Украине, стали все меньше считаться с московскими и ленинградскими коллегами. В пределах РСФСР появились вполне самостоятельные центры на Урале, Дальнем Востоке, в Воронеже, Самаре, Саратове, Кемерове, Иркутске и т. д.

Как определенные рубежи в истории отечественной археологии я выделял бы 1956 г., когда начался отход от догм советской археологии предшествующих лет, и середину 1970-х годов как начало периода децентрализации. Но о столь близком к нам времени современникам его и участникам событий этого времени судить крайне трудно.

В целом я считаю периодизацию истории отечественной археологии, предложенную Г. С. Лебедевым, интересной, хотя и не во всем удачной. Периодизация В. Ф. Генинга не убеждает меня вовсе.

Таковы те соображения, которыми мне хотелось поделиться с читателями в связи с публикацией книг Г. С. Лебедева, В. И. Матющенко и В. Ф. Генинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. СПб., 1992.
2. *Порфиридов Н. Г.* Новгород, 1917—1941. Л., 1987.
3. *Лебедев Г. С.* Опыт периодизации отечественной археологии//Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конференции. СПб., 1993.
4. *Матющенко В. И.* История археологических исследований в Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992.
5. *Генинг В. Ф., Левченко В. Н.* Археология древностей — период зарождения науки. Киев, 1992.
6. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
7. *Жук А. В.* Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири)//Ист8 Росийоская археология, № 4рия археологических исследований Сибири. Омск, 1990.
8. *Формозов А. А.* Пушкин и древности. М., 1979.
9. Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988.
10. *Формозов А. А.* Предисловие//Очерки истории русской и советской археологии. М., 1992.
11. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских основ советской археологии. Киев, 1982.
12. *Пряхин А. Д.* История советской археологии (1917 — середина 1930-х годов). Воронеж, 1986.
13. *Формозов А. А.* Археология и идеология (20—30-е годы)//Вопр. философии. 1993. № 2.
14. *Аникович М. В.* Проблемы определения археологии как науки в советской археологической литературе тридцатых — шестидесятых годов//История археологических исследований Сибири. Омск, 1990.
15. *Артамонов М. И.* Некоторые вопросы древней истории СССР//Вестн. АН СССР. 1939. № 4.
16. *Артамонов М. И.* Первобытное общество в свете новейших археологических исследований в СССР//Сов. наука. 1940. № 4.
17. *Childe V. G.* Scotland before the scotts. London, 1946.
18. *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.; Л., 1964.
19. *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989.
20. *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979.

Институт археологии РАН,
Москва

Ute Franke Vogt. Die Glyptik aus Mohenjo-Daro. V. 1, 2. Mainz, Philipp von Zabern, 1991

Монография Уте Франке Фогт продолжает общую серию работ по глиптике Древнего Востока [1]. Настоящее исследование посвящено различным аспектам глиптики хараппского поселения Мохенджо-Даро [2], при этом термин «глиптика» понимается автором в широком смысле и включает не только печати, но отпечатки и все предметы с изображениями или надписями.

В первой главе «Введение в тему» автор подробно останавливается на основных проблемах исследования культуры Хараппы в Пакистане и Индии. Действительно, открытия последних лет в области индийской и пакистанской археологии позволяют подойти к решению многих кардинальных вопросов происхождения, развития и «упадка» хараппской цивилизации. Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению работы немецкой исследовательницы, остановимся на некоторых из этих проблем. В начале III тыс. до н. э. в западной части Северо-Западного Индостана происходит культурная трансформация, выражающаяся в появлении протогородов, увеличении торговых связей с соседними областями. Для этого времени характерны сосуды типа Кот Диджи и Амри, последние определяются как раннехараппская керамика [3]. На многослойных поселениях Амри, Кот Диджи в Синде в эпоху средней бронзы происходит переход к классической фазе хараппской культуры [4; 5, с. 6; 6]. Последняя в начале II тыс. до н. э. органически перерастает в позднехараппскую фазу — так называемую культуру Джхукар [7]. Примечательны находки печатей, несколько отличных от хараппских; появляются новые формы бронзовых предметов. По-иному происходит культурное развитие в восточной части Северо-Западного Индостана. Среди памятников хараппской культуры Б. К. Тхапар [8] выделяет западный и восточный регионы их распространения. На карту в настоящее время нанесено более 700 памятников прехараппского, хараппского и позднехараппского времени. В восточном регионе наиболее известны такие памятники, как Калибанган, Банавали, Сисвал, Митатхал, Ропар, Бара, Манда. В южном ареале лучше всего исследованы Лотхал, Рангпур, Суркодата, Даймабад.

Можно отметить некоторое «запаздывание» прехараппской и хараппской культур в восточном регионе по сравнению с памятниками нижнего Инда — Синд [9]. В южном ареале Индии поселений прехараппского времени не найдено. Интересная картина наблюдается на позднем этапе развития хараппских памятников. Индийские исследователи приходят к выводу, что хараппская цивилизация «не прервалась внезапно», а проходил длительный период ее трансформации. На юге (в Лотхале, Рангпуре, Суркодате) классическая фаза хараппской культуры органически переходит в позднехараппскую. В керамическом комплексе существенных изменений нет, но исчезают печати с надписями, стандартные гирки кубической формы, статуэтки, некоторые формы металлических топоров. В восточном регионе происходит синтез хараппской культуры с элементами местных культур — Сисвал, Митатхал, Бара. Подводя итоги, можно привести слова Р. Мугхала, что в середине II тыс. до н. э. «паниндуистский мир покачнулся, но не был разрушен» [10].

Во второй главе автором подробно разбирается история исследования и периодизация Мохенджо-Даро [3], приводятся планы раскопок на поселении, при этом четко определяется место каждого из анализируемых предметов в слое памятника. Всего каталогизирован 2371 предмет, из них происхождение 180 предметов неизвестно.

В этой же главе описывается методика отбора признаков исследуемых предметов. Всего выделяется

---

[1] Первые два тома вышли в «Багдадских исследованиях» [1; 2].

[2] Сам автор с 1981 по 1986 гг. принимала участие в раскопках Мохенджо-Даро в рамках исследовательского проекта высшей технической школы земли Северный Рейн-Вестфалия (под руководством М. Янсена).

[3] Мохенджо-Даро — одно из самых больших поселений (только площадь нижнего города, по данным В. А. Ферсервиса, составляет 51 га) находится на берегу р. Инд (в настоящее время Инд протекает в 3 км от поселения) в северной части Синда (Пакистан). Основные раскопки проводились Дж. Маршаллом (1922—1927), Э. Маккеем (1927—1931), М. Уиллером (1950) и Г. Дейлом (1964—1965), М. Янсеном и итальянским институтом IsMEO (1979—1989). Мощность культурного слоя верхнего города (цитадели) и нижнего города достигает 18 м. Дж. Маршалл и Е. Маккей выделяют в Мохенджо-Даро три периода (ранний, переходный, поздний) и семь фаз. Ранний период из-за почвенных вод не исследован, два других относятся к классической фазе развития хараппской культуры. Датируется 2500—2000 г. до н. э. В верхних слоях поселения встречается материал культуры Джхукар.

© Н. М. Виноградова, 1994 г.

11 групп: печати, отпечатки, глиняные «линзы», таблички, медные пластины, глиняные сосуды, глиняные браслеты, бронзовые предметы, палочки из слоновой кости и прочие предметы. Для них определяются основные критерии: форма, мотивы (качество исполнения, орудие, которым производился рисунок), надписи (количество строк, направление, исполнение, предмет написания), материал изготовления (стеатит разных цветов, кальцит, мрамор, глина, паста, медь-бронза, серебро, слоновая кость, кость, ракушки), размеры, состояние объекта. В свою очередь мотивы распадаются на зооморфные и антропоморфные изображения, фантастические существа, растительный, геометрический орнаменты.

В третьей — пятой главах рецензируемой работы автором приводится описание всех предметов по выделенным ранее критериям, подсчитывается процент встречаемости того или иного признака, составляются диаграммы и корреляционные таблицы. На основании проведенного статистического анализа исследователь приходит к следующим выводам: в долине Инда в отличие от Месопотамии главным образом были в обращении штампы, а не цилиндрические печати; для ранних печатей характерны геометрические мотивы. В качестве материала использовался стеатит, очень редко серебро, мрамор, кальцит, известняк или глина. Самый частый мотив на печатях (75%) — изображение животного с надписью в верхней части. Это может быть единорог, бык (Bos gaurus), зубр (Bos primigenius). Кроме того, изображаются другие животные, такие, как зебу (Bos indicus), водяной буйвол (Bos bubalus), слон, тигр, крокодил, антилопа, одногорбый верблюд (на медных пластинах). Антропоморфные изображения встречаются значительно реже. Основные сюжеты — мужская фигура в позе лотоса, иногда это трехликий бог в окружении животных, или «человек-тигр»; картины принесения даров или сцены работы. Среди растительных мотивов наиболее часто появляется изображение дерева фикуса (Ficus religiosa). Хараппская иконография, по мнению автора, это «иллюстрация» определенных культов, религиозных воззрений и обычаев. Исследователь проводит параллели с иконографией Месопотамии и Элама.

В шестой главе «Распределение объектов внутри города» исследовательницей предпринимается попытка вертикально и горизонтально распределить все находки верхнего и нижнего города, а также отдельных жилых кварталов. Анализ, проведенный здесь, приводит автора к заключению, что изучаемые объекты не позволяют сделать вывод о социальном статусе жителей Мохенджо-Даро и нет так называемых «бедных кварталов». Мнение Ферсервиса, что только аристократия и элита обладала печатями с надписями, не подтверждается также распределением находок по кварталам. Вертикальное распределение предметов позволяет исследовательнице говорить о некоторой стандартизации печатей в верхних горизонтах поселения. Печатей, относящихся к так называемой культуре Джхукар, в Мохенджо-Даро не найдено.

В заключительной части исследования автор ставит вопрос о назначении печатей и приходит к выводу, что они могли принадлежать отдельным социальным и идеологическим институтам или частным лицам. По ее расчетам, если население Мохенджо-Даро составляло 5000—6000 семей, то в каждом доме могло быть по 1,5 печати. К этой же главе исследовательница обращается для датировки к некоторым западным аналогиям мотивов печатей, сходных с хараппскими. Это находки в Уре III, в Ниппуре (раннекаситские слои), печати Персидского залива (Persian Golf Seals). Все они датируются временем Ур III, что соотносится с радиоуглеродными датами. В настоящее время большинство исследователей отказалось от так называемой «высокой» хронологии Дж. Маршалла [11] и Х. Моде [12]. Общепринятыми датировки хараппской культуры Д. Агравала [13] — 2350—1750, супругов Олчин [6] — 2500—2000/1900, Р. Мугхала [14].

В монографии Уте Франке Фогт исследуется одна категория материала и с одного памятника. Подобные попытки типологического исследования проводились ранее по культуре Хараппа — для каменных орудий [15], керамики [16] и архитектуры [17]. Несомненная заслуга немецкой исследовательницы в том, что ею впервые собран, классифицирован и издан весь материал глиптики поселения Мохенджо-Даро. Проведено исчерпывающее исследование и составление корреляционных таблиц всех форм и мотивов, документировано нахождение каждого из предметов в слое памятника. Во втором томе прекрасно опубликованы сами вещи, карты находок печатей и других предметов глиптики в Индии, Пакистане и соседних регионах, приводятся графики и диаграммы к соответствующим главам первого тома. Кроме того, имеется сводный каталог всех объектов и пять приложений. Монография Уте Франке Фогт — методическая основа для дальнейшего изучения глиптики не только хараппской культуры, но и глиптики Древнего Востока в целом. Ее исследование во многом будет способствовать и расшифровке протоиндийских надписей.

Институт востоковедения РАН,
Москва

Н. М. Виноградова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Karg N.* Untersuchungen zur Älteren Frühdynastischen Glyptik Banyloniens. 1984. BAF 8.
2. *Salje B.* Der Common Style der Mitanni-Glyptik und die Glyptik der Levante und Zypers in der Späten Bronzezeit. 1990. BAF, 11.
3. *Mughal R.* The Early Harappan Period in the Greater Indus Valley and Northern Baluchistan (c. 3000—2400 B. C.). University of Pennsylvania, Ph. D., 1970. Michgan.
4. *Casal J. M.* Fouilles d'Amri, v. 12, Paris, 1962.
5. *Khan F.* Kot Diji Culture. Its Greatness — Indus Civilization. New Perspectives. Islamabad, 1981.
6. *Allchin B. and R.* The Rise of Civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982.
7. *Majumdar N. G.* Excavation at Juhar. ARASI 1927—1928, 1929.
8. *Thapar B.* Recent archaeological discoveries in India. Tokyo, 1985.
9. *Dikshit K. N.* A Critical Review of the Pre-Harappan Cultures. Man and Environment, 1980.
10. *Mughal R.* New Archaeological Evidence from Bahawalpur. Indus Civilization. N. Delhi, 1981.
11. *Marshall J.* Mohenjo-Daro and Indus Civilisation. London, 1931.
12. *Mode H.* Die indischen Frühkulturen und ihre Beziehngen zum Westen. Basel, 1944.
13. *Agrawal D. P.* The Archaeology of India. London, 1982.
14. *Mughal R.* Further Evidence of the Early Harappan culture in the Greater Indus Valley 1971—1990. South Asian Studies 6. 1990.
15. *Cleland J.* Lithic Analysis and Culture Process in the Indus Region, Studies in the Archaeology of India and Pakistan. N. Delhi, 1986.
16. *Dales G., Kenoyer M.* Excavation at Mohenjo-Daro, Pakistan: The Pottery, University Museum Monographs 53. Philadelphia, 1986.
17. *Jansen M.* Theoretical Aspects of Structural Analysis for Mohenjo-Daro, Interim Reports, 1. Aachen, 1984.

C. Meyer-Schlichtmann. Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mitte 2. Jrh. Chr.//Pergamenische Forschungen. Berlin, New York, 1988. B. 6.

Исследования одного из крупнейших центров эллинистической и римской культуры Восточного Средиземноморья — Пергама — традиционно занимают в трудах немецких археологов одно из ведущих мест. Работы, начатые К. Гуманом и А. Конце более ста лет назад, ведутся и поныне. Продолжается научная обработка и публикация находок. В частности, в 1993 г. опубликовано исследование Г. Хюбнер, посвященное пергамской керамике с аппликативными рельефами [1]. В результате раскопок последних лет под руководством В. Радта получен огромный материал, среди которого обилием и богатством декора выделяется группа краснолаковой керамики, так называемая terra sigillata. Эта керамика, по словам К. Мейер-Шлихтмана, в позднеэллинистическое и римское время занимала в быту жителей Пергама такое же место, какое в наше время принадлежит фарфоровой посуде.

Рецензируемая работа К. Мейер-Шлихтмана, изданная Немецким археологическим институтом в 1988 г., является логическим продолжением и дополнением исследований эллинистической керамики Пергама Й. Шефера [2]. Она посвящена изучению пергамской сигилляты середины II в. до н. э. (период зарождения новой разновидности керамической посуды) — середины II в. н. э., когда пергамская сигиллята была вытеснена позднеримской столовой керамикой.

Наряду с морфологическим анализом керамики автор использует данные по стратиграфии и относительной хронологии исследованных археологических объектов. Материалы более ранних раскопок в Пергаме, в том числе комплексы Асклепиейона, основания Большого Алтаря, гончарной мастерской в гимнасии и другие, а также комплексы из восточно-средиземноморских памятников типа Чандарли, Тарса, Антиохии на Оронте привлекались главным образом для общей синхронизации изучаемого материала [3, с. 11].

Исследование предваряет обширная вводная часть, посвященная истории Пергама, историографии восточной сигилляты и анализу построенных со времен Х. Драгендорфа типологических схем (З. Лешке, Т. Н. Книпович, Ф. О. Вааге, К. М. Кеньон и другие). Наиболее удачной оказалась классификация К. Кеньон, несколько усовершенствованная П. Хельстром, предложившей для классификации керамики Самарии следующую схему.

© Д. В. Журавлев, А. А. Малышев, 1994 г.

1. Восточная сигиллята A (Eastern Sigillata A) = «пергамская керамика» (по Baare);

2. Восточная сигиллята B (Eastern Sigillata B) = «самосская» керамика (по Baare);

3. Восточная сигиллята C (Eastern Sigillata C) = керамика типа Чандарли (по Baare), по современным данным, одна из разновидностей продукции Пергамских мастерских [3, с. 8], имеющая лишь локальные различия.

В 1978 г. Р. Розенталь была введена еще одна группа — восточная сигиллята D (Eastern Sigillata D), распространенная на Кипре и в Израиле [1].

Эти группы кратко рассмотрены автором, даны основные отличительные признаки керамики по следующей схеме: особенности глины (цвет, примеси), лак (цвет, качество), датировка, ареал, возможные центры изготовления. Там же приведены названия этих групп в разных изданиях [3, с. 5—9].

Автор подробно останавливается на особенностях пергамской глины, которую отличает хорошо отмученное, тонкое, с небольшой примесью слюды тесто и хороший равномерный обжиг. Различия в ее расцветке, которые, как выяснилось, являются и хронологическими индикаторами, позволили выделить автору три группы [3; с. 14—15]: 1) охристый цвет — около 11% всей исследуемой коллекции керамики (II—I вв. до н. э.); 2) от желто-красной до коричнево-красной расцветки — 29% (середина I в. до н. э.— середина I в. н. э.); 3) от красного до коричнево-красного цвета — 60% коллекции (от последней трети I в. до н. э. до середины II в. н. э.).

Разновидности пергамского лака определены по цвету [3, с. 16—17]. В этом разделе приведены типичные примеры некоторых технических погрешностей: появление лака различных расцветок на одном изделии, связанное с неравномерным обжигом; частичное покрытие изделия лаком, в результате чего на внешней стороне изделия появляются своеобразные потеки, присыпание необожженной поверхности изделия, покрытой лаком, мелким песком (Sandbewurf) и т. п. [3, с. 15—16].

Основу исследуемой коллекции пергамской сигилляты составили материалы из шести цистерн [3, с. 18], раскопанных на южном склоне, ниже террасы Деметрия. В заполнении резервуаров, эксплуатация которых была начата еще во II в. до н. э. и прекращена в основном после постройки водопровода [3, с. 19, сноска 112], были выделены хорошо датируемые монетами, светильниками, амфорными и частично черепичными клеймами слои, значительную часть их удалось синхронизировать между собой: 1) слой 1 цистерн 1 и 6 (около 75 г. до н. э.); 2) слой 1 цистерн 3, 4 и 5 (около 50 г. до н. э.); 3) слой 2 цистерн 1, 3 и 6, а также заполнение цистерны 2 (начало I в. н. э.); 4) слой 2 цистерн 4 и 5 (100—125 гг. н. э.).

Центральная часть работы — раздел по типологии. Каждый тип рассматривается по четкому плану: описание формы, группы по лаку [3, с. 16—17, группы A — E] и по глине [3, с. 14—15, группы 1—3], места находок в Пергаме и вне его, дата. В заключение дается исчерпывающая библиография по этой форме. Варианты внутри этих «типов» пергамской сигилляты выделяются по особенностям профилировки [3, с. 61]. Однотипные предметы могут несколько различаться в пропорциях, меняться по вкусу гончара или под воздействием моды на те или иные популярные в это время, зачастую привозные, формы. Стратиграфия указанных выше цистерн позволила автору выявить синхронно существующие варианты одного типа, определить изменения, связанные с эволюцией этого типа.

Последнее, бесспорно, является сильной стороной типологии, предложенной автором. В то же время «бытовой» подход к морфологии сосудов представляется некорректным и может создать дополнительные трудности при дальнейшей работе с этим материалом. Во-первых, система предложенных признаков не унифицирована. Автор применяет главным образом термины, закрепленные за определенными формами «исторически». Естественно, что в таких условиях возможно построение лишь «бытовой» иерархии признаков, а не формальной. Это привело к появлению таких категорий, как посуда «для питья», «для еды», «для хранения», что является довольно условным и непонятным, к примеру, для таких форм, как блюда (Sue), отнесенных автором к сосудам для хранения [3, с. 165—167]. Думается, что такой подход был бы в какой-то мере оправдан, если бы мы знали об истинном назначении каждой керамической формы. Автор, выступавший во Введении за унификацию терминологии, не учитывает в своем исследовании даже названия, известные нам для определенных форм посуды из латинских письменных источников [5].

В коллекции, полученной при раскопках цистерн, было выделено 98 типов пергамской сигилляты, среди них: 24 типа посуды «для питья», 46 типов посуды «для еды» и 25 типов сосудов «для хранения» (прочие сосуды представлены тремя типами) [3, с. 58—59].

---

[1] Максимально подробно все эти группы охарактеризованы в недавно опубликованной работе Дж. Хейса [4].

Посуда «для питья» [3, с. 62—88] оказалась наименее многочисленной в смысле разнообразия форм, выделяемого главным образом по особенностям моделировки верхнего края. Эту посуду отличает, как правило, более высокое качество лака и глины, а также частое применение различных приемов декорировки: роспись, аппликация или рельеф. Автором выделены: скифосы (Skyphoi — S) — 5,6% коллекции [3, с. 62—71]; канфары (Kantharoi — K) — 1,5% коллекции [3, с. 71—75]; кубки (Becher — B) — 8,2% коллекции [3, с. 75—83]; чашки (Tassen — Ts) — 0,8% коллекции [3, с. 71].

Посуда «для еды» обнаруживает значительное разнообразие форм, создаваемое в основном профилировкой верхнего края сосуда. Довольно часто эта посуда изготавливалась из более грубых глин и имела лаковое покрытие более низкого качества. Рассмотрены следующие формы:

Миски (Näpfe — N) — самая многочисленная форма среди столовой посуды — 38,5% от всей коллекции сигилляты [3, с. 88—116]. Прослежена эволюция по форме стенок от полукруглых через уплощенные формы к глубоким мискам с крутыми стенками [3, с. 88].

Чашки (Schalen — SA), составляя 7,8% от всей коллекции, представлены 31 типом [3, с. 116—131]. Выделены наиболее многочисленные типы (S 24, 27) и типы, распространенные практически повсеместно на исследовавшихся в Пергаме объектах.

Тарелки (Teller — T) [3, с. 131—155]. Удельный вес этой посуды в коллекции составляет 25%. Эта вторая по разнообразию группа керамики (36 типов). Как и для вышеописанных форм, две основные группы были выделены на основе моделировки краев вместилища.

Посуда для хранения продуктов включает в себя блюда (Schüsseln), кубковидные сосуды (Kelchgefässe), кувшины (Krüge) и арибаллы (Aryballen). Для нее характерно значительное типологическое разнообразие и значительные вариации по глине и лаку. Однако больше половины выделенных типов в коллекции представлены единичными экземплярами [3, с. 155].

Блюда (Sue) [3, с. 156—167] составляют 8,5% от всей коллекции пергамской сигилляты.

Кубковидные сосуды (Kg) — довольно своеобразная форма. Свое название она получила по аналогии с кубками западной сигилляты. Среди материалов пергамской сигилляты удалось выделить только четыре типа этой формы [3, с. 167—170].

Раздел «кувшины» (Kr) — один из примеров бытового характера классификации керамики. В него были включены все фрагменты сосудов, которые по отдельным признакам, например отсутствию лакового покрытия на внутренней стороне, могут быть отнесены к разновидности закрытых. В результате были объединены немногочисленные, но сильно различающиеся между собой по размеру и даже по форме [3, с. 170—177].

Единичны в комплексе пергамской сигилляты такие формы, как пиксиды (Pyxiden) [3, с. 178—179], подносы (Tabletts) [3, с. 179—180], крышки (Deckel) [3, с. 180—182].

В особом разделе рассмотрены клейма (№ 1—16) и элементы декора, встречаемые на пергамской сигилляте [3, с. 183—187]. Выделены клейма, связанные с гончарными мастерскими в долине Кетиос: имена ΓΑΙΟΥ, ΜΕΝΕΜΑΧΟΥ, ΜΟΣΧΟΥ, пожелание ΕΡΩΣ и неясное ΝΟΣΤΟΥ [2]. Клейма косвенно подтверждают, что керамика Чандарли является продукцией родственного, но вполне самостоятельного центра [3, с. 187].

Штемпели в форме отпечатка ступни или ступни в сандалии (planta pedis) распространены на пергамской сигилляте в первой половине I в. до н. э. [3, с. 188]. Клейма в виде листка или пальметки характерны для более ранних форм. Отдельные экземпляры пальметок первой группы (выделено 3 группы) датированы III в. до н. э. Неясным до сих пор остается вопрос о хронологическом соотношении поздних клейм-пальметок и именных клейм [3, с. 188—189]. Клейма в виде листка немногочисленны (3 экз.) и датированы в пределах III—I вв. до н. э.

Среди граффити выделено несколько разновидностей, самые многочисленные из них в виде отдельных букв — как правило, пометки владельцев или крестообразные значки — по мнению автора, маркировка гончаров.

Орнаменты на пергамской штампованной керамике — накладные украшения и рельефный орнамент, представляющий собой сильно переработанные под влиянием традиции западной сигилляты мотивы,— известны на мегарских чашах эллинистической эпохи, на керамике «западного склона» [3, с. 188—191] и не характерны для остальных восточных центров производства керамики, что,

[2] Подобные клейма зафиксированы и на территории Северного Причерноморья. Так, например, в Юго-Западном Крыму в погребении 210 могильника Бельбек IV обнаружена тарелка с клеймом ΓΑΙΟΥ в рамке tabula ansata.

по мнению автора, свидетельствует о складывании арретинского комплекса посуды под воздействием Пергамских традиций [3, с. 194].

Таким образом, воздействие арретинской традиции на продукцию малоазийских мастеров является вторичным. В связи с этим особый интерес вызывает раздел исследования, посвященный изучению посуды, подражающей западным, арретинским типам. Автором выделены наиболее популярные формы (миски (№ 39—42) и тарелки (№ 31—36)), прослежены два этапа в производстве этой посуды в Пергаме. Этот процесс начинается во второй половине I в. н. э., достигая наивысшего расцвета в августовскую эпоху [3, с. 193]. Впоследствии, после падения популярности арретинской посуды, италийские мотивы постепенно отмирают, уступая место местным приемам орнаментации и моделировки форм.

Существует также точка зрения, что terra sigillata арретинского производства появляется под влиянием сирийских керамических традиций в позднереспубликанское время [6, с. 24].

Автором прослежен процесс эволюции черного лака в красный [3, с. 194—195, рис. 27], в результате чего получила подтверждение гипотеза, высказанная А. Конце, предположившего, что освоение техники красного лака в Пергаме произошло гораздо раньше, чем в Италии.

Основным итогом исследования К. Мейер-Шлихтмана является разработка четырех типологических фаз в развитии пергамской сигилляты.

1. Для первой фазы (вторая половина II в. до н. э.— середина I в. до н. э.) [3, с. 196—198] в целом характерны округлые мягкие очертания профилей сосудов. Формы продолжают морфологические традиции посуды эллинистического времени. Наиболее типичным приемом декора являются окружности из насечек и пальметки.

2. Во второй фазе (середина — конец I в. до н. э.) [3, с. 198—200] появляется тенденция к более строгой моделировке и вытянутым пропорциям. Она ознаменована выпуском значительного количества новых типов, в особенности схожих с арретинскими. Расширяется спектр применяемых элементов декора: накладные украшения, роспись белой краской, нарезка; появляются клейма типа planta pedis.

3. Третья фаза (конец I в. до н. э.— середина I в. н. э.) [3, с. 200—203] связана с появлением огромного количества новых типов и высоким качеством изделий, причем господствуют простые строгие формы с резкими переходами. Для декорировки сигилляты этого времени наряду с приемами, известными еще в третьей фазе, характерна специфическая техника Sandbewurf. Появляются кубки, своим декором — рельефным орнаментом — продолжающие традиции мегарских чаш.

По наблюдениям автора, три первые фазы в развитии пергамской сигилляты находятся в тесном соответствии с политическим и экономическим положением Пергама. Как известно, по завещанию Аттала III Пергам оказался в зависимости от Римской империи. После подавления восстания Аристоника (129 г. до н. э.) была создана провинция Азия. Все это, как и Митридатовская война, вело к торможению экономического развития. Подъем экономики наметился в середине I в. до н. э. Это выразилось и в значительном развитии гончарного производства Пергама. Устойчивость этого процесса, даже невзирая на события 48/49 гг. до н. э., сохраняется до конца века.

4. Четвертая фаза (середина I в. н. э.— вторая половина II в. н. э.) [3, с. 203—204] характеризуется некоторым огрублением форм, постепенным сокращением репертуара, ухудшением качества лака и глины. В отличие от первых трех фаз этап стагнации и медленного затухания производства сигилляты происходил на фоне подъема и второго расцвета Пергама при императоре Адриане. Причину упадка производства сигилляты автор видит в изменении вкусов в среде основных потребителей этой посуды — обеспеченной части населения Пергама.

Пергамская сигиллята возникла из потребности среднего класса в изделиях, подражающих дорогой металлической посуде, используемой в быту только наиболее зажиточными жителями города. Это становится очевидным из приведенных автором данных о комплексах, из которых получены материалы: ранние разновидности terra sigillata происходят, как правило, из строительных комплексов, явно принадлежащих зажиточному слою (перистильные дома ниже террасы Деметрия). Массовое производство этой посуды несколько повредило ее популярности. Новый импульс был дан в результате появления типов, подобных арретинской посуде. Производство этой посуды вновь пережило аналогичный процесс. В результате увеличения объемов производства эта керамика резко подешевела и стала общедоступным видом посуды, что в конечном итоге привело к деградации техники, ухудшению качества моделировки, лака и декора [3, с. 210—211].

Назначение пергамской сигилляты, особенно в период ее расцвета, было довольно широким. Выделяются, в частности, посуда сравнительно невысокого качества (для повседневного использования),

парадная столовая посуда и керамика высокого качества, например кубки с рельефным орнаментом, используемые в особо торжественных случаях [3, с. 205]. До августовской эпохи экспорт пергамской сигилляты был незначительным (известны лишь находки скифосов с накладными украшениями). С рубежа н. э. вывоз этой посуды возрастает. Ареал находок этой керамики — Восточное Средиземноморье (в основном побережье Малой Азии, в значительно меньших объемах на островной и материковой Греции) [3, с. 206—207]. Нельзя не отметить, что за границами исследования практически полностью оказались материалы Северного Причерноморья, где пергамский импорт хорошо известен [7, группа С; 8, с. 295 сл.; 9; 10; 11; 12; 13, с. 17 сл.; 14 табл. 3, 5 и др.]. Высококачественные пергамские изделия служили образцом для некоторых северопричерноморских мастеров [15].

Данная работа является новым этапом в изучении восточно-средиземноморской сигилляты. Значительный прогресс был получен благодаря использованию нового материала из археологических объектов с подробно изученной стратиграфией, что позволило автору скоррелировать типологические наблюдения с данными стратиграфии.

Это исследование, вне всякого сомнения, открывает новую страницу в изучении керамического производства в Пергаме. Параллельно К. Гёдекен ведутся естественно-научные исследования этой керамики [3, с. V]. Особое значение имеет предстоящая публикация результатов раскопок турецкими археологами гончарных печей Пергама (долина Кёстеля). До раскопок печей в долине Кёстеля была известна только одна мастерская позднеэллинистического периода [10, 16], а также открытая в 12 км от Пергама мастерская римского времени Чандарли [17].

Основное достоинство рецензируемой работы — глубокий и всесторонний анализ материала. Это позволило автору проследить эволюцию основных форм пергамской сигилляты и в конечном итоге проанализировать динамику развития производства этой керамики на протяжении четырехсотлетнего периода.

Государственный исторический музей,
Москва
Институт археологии РАН,
Москва

Журавлев Д. В., Малышев А. А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hübner G.* Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes//Pergamenische Forschungen. B. 7. B., N. Y., 1993.
2. *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon//Pergamenische Forschunge. B., N. Y., 1968. B. 2.
3. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mitte 2. Jh. Chr//Pergamenische Forschungen. B. 6. B., N. Y., 1988.
4. Ceramica fein Romana nell basino Mediteraneo (tardo-ellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Sigillate orientali//Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Roma, 1985.
5. *Hilgers W.* Latenische Gefassnamen. Düsseldorf, 1969.
6. *Ettlinger E., Heddinger B., Hoffmann B, Kenrick P. M., Pucci G., Roth-Rubi K., Schneider G., von Schnurbein P., Wells C. M., Zabehlicky-Scheffenegger S.* Conspectus formarum terrae sigillatae Italico modo confectae//Materialien zur Römisch-Germanischen Keramik. B. 10. Bonn. 1990.
7. *Knipowitsch T.* Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit den aus den Griechenstadten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage//Materialien zur Römisch-Germanischen Keramik, 1929. IV.
8. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых вв. н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.//МИА. 1952. № 25.
9. *Шургая И. Г.* К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э.//КСИА. 1965. Вып. 103.
10. *Горончаровский В. А.* Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре//СА. 1983. № 2.
11. *Забелина В. С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея//Сообщ. ГМИИ. 1984. Вып. 7.
12. *Коваленко С. А.* Античная рельефная керамика III—I вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1989.
13. *Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков: Вища шк., 1989.
14. *Сорокина Н. П., Журавлев Д. В.* Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва)//ВДИ. 1993. № 4.
15. *Шургая И. Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре//МАСП. 1962. Вып. IV.
16. *Hepding H.* Eine Hellenistische Topferwerkstatt in Pergamon//Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft. 1952. № 21.
17. *Loeschke S.* Sigillata-Topfereien in Tschandarli//AM. 1912. XXXVII.

Corpus Vasorum Antiquorum, DDR 3, Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung 1. Elisabeth Rohde. S. 88, Abb. 25, Taf. 53, Beil. 8. Berlin, Academie-Verlag, 1990

Вышедший в 1990 г. очередной том издания «Corpus Vasorum Antiquorum» посвящен публикации части берлинского собрания краснофигурных ваз, а именно киликам, скифосам, пиксидам и другим сосудам небольших форм. Хотя по рубрикации CVA, изданных в ГДР, этот том Античного собрания Берлинских музеев имеет № 1, в действительности это не первый том, посвященный вазам берлинской коллекции: еще до Второй мировой войны вышел первый том, где были опубликованы протоаттические вазы [1].

Следуя установившейся традиции издания расписной керамики в CVA, автор рецензируемого тома известный специалист в области античного искусства д-р Элизабет Родэ разделяет публикуемый материал по формам сосудов, а внутри каждой группы придерживается, хотя и не очень строго, хронологического принципа. Целые сосуды соседствуют с фрагментами, часто не уступающими им по качеству, что дает целостное представление об аттической краснофигурной керамике в собрании Берлинских музеев. Собрание это, славившееся своей полнотой и включавшее многочисленные пользовавшиеся заслуженной известностью великолепные образцы изделий аттических вазописцев, в том числе и краснофигурных, сильно пострадало во время последней войны. К тому же после войны единая коллекция оказалась разделенной на 2 части, находившиеся в собрании Античного отдела Берлинских музеев в Восточном Берлине и в собрании Шарлотенбурга в Западном Берлине. (Два тома CVA, посвященные второй части коллекции берлинских ваз, изданные д-ром А. Грейфенхагеном, вышли после войны под общей рубрикацией немецких корпусов — Берлин 1 и Берлин 2). В предисловии к данному тому CVA указаны работы, посвященные послевоенной судьбе берлинского Античного собрания, и новые его публикации. Несмотря на все утраты, в собрании Берлинских музеев сохранилось много превосходных краснофигурных ваз. В число публикуемых в данном томе CVA д-ром Э. Родэ памятников входят такие первоклассные вазы, как килик Олтоса со сценами сражения (инв. F 2264), килик Эпиктета с силеном (инв. V. I. 4514), килик мастера Антифона с бегущими воинами (инв. F 2307), несколько киликов и фрагментов чаш Дуриса (инв. V. I. 3255, V. I. 3168, F 2283), скифосы мастера Левис (Полигнот II, инв. F 2316), мастера Пентесилеи (инв. F 2591), знаменитый скифос с изображением Одиссея, сражающегося с женихами Пенелопы — мастера Пенелопы (инв. F 2588),— и не менее известный скифос того же мастера с изображением сатира, качающего на качелях менаду (инв. F 2589), а также другие важные для истории аттической керамики V в. до н. э. сосуды.

Большинство вошедших в данный том CVA памятников было хорошо известно и ранее, многие включены в основополагающий труд Дж. Бизли «Аттические краснофигурные вазописцы» [2]. Тем не менее осуществленная д-ром Э. Родэ подробная и тщательная публикация их, с полной библиографией, детальным описанием и атрибуцией, представляется очень нужной и своевременной. Помимо всей несомненной научной ценности данного издания оно важно и потому, что несмотря на упомянутые выше издания, до сих пор не было уточнено настоящее состояние собрания античной керамики Берлинских музеев. Поэтому существенно достаточно печальное добавление к данному тому CVA — публикация (на с. 87 и сл.) списка и фотографий утраченных сосудов рассматриваемых категорий. Сколько нам известно, это первый опыт такого рода, заслуживающий внимания и продолжения в других томах CVA Германии.

Атрибуции публикуемых ваз — как ранее определенных, так и впервые вводимых в научный оборот — вполне обоснованны, подкреплены аналогиями и не вызывают никаких возражений. Интересны несколько случаев соединения находящихся в разных коллекциях фрагментов: так, фрагмент килика F 2283 дополнен фрагментом, находящимся в Ватикане (n134 — табл. 17. 3—5), а фрагменты F 4059 (А и Б) убедительно соединены с фрагментами, находящимися в собрании Шарлотенбурга (реконструкция — рис. 1 на с. 40), опубликованных А. Грейфенхагеном [3, табл. 107. 1; 4] (при этом внесены небольшие коррективы в его описание).

Одно маленькое замечание: жаль, что автором не определены типы киликов так, как это сделано для скифосов.

© Н. А. Сидорова, 1994 г.

Публикация Э. Родэ осуществлена на высоком не только научном, но и полиграфическом уровне. Тщательно воспроизведены в прорисях, с сохранением конфигурации, надписи на вазах. Все вазы и фрагменты изданы с деталями, фотографии дополнены на восьми таблицах Приложения прорисями наиболее типичных или интересных форм сосудов.

Государственный музей
изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

Н. А. Сидорова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. CVA. Deutschland 2. Berlin 1. München, 1938.
2. *Beazley J. D.* Attic Red-Figured Vase-Painters, 2-nd ed. Oxford, 1968.
3. CVA. Deutschland 21. Berlin 2. München, 1939.
4. CVA. Deutschland 22. Berlin 3. München, 1940.

Хроника

К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения Д. А. Крайнова — выдающегося русского археолога и прекрасного человека. Дмитрий Александрович Крайнов родился в далеком 1904 г., 30 сентября в многодетной крестьянской семье в деревне Ивашево Александровского уезда (ныне Киржачского района) Владимирской области. Детство и юность его прошли на лоне чудесной природы центральной России, оказавшей свое влияние на формирование живой, широкой и поэтической, сугубо русской натуры Дмитрия Александровича.

Родители по настоянию местного священника определили сына в Переславль-Залесское Духовное училище, располагавшееся в Горицком монастыре на высоком берегу Плещеева озера, но судьба распорядилась иначе. Проучившись там два года, он возвращается домой и завершает среднее образование в школе второй ступени города Киржача. В том же, 1925 г., Дмитрий Александрович поступает на историко-археологическое отделение этнологического факультета первого МГУ. Д. А. Крайнов слушает лекции крупнейших советских историков. Наибольшее влияние на него оказал В. А. Городцов. С первого же курса Дмитрий Александрович принимает самое активное участие во всех полевых исследованиях своего учителя, вместе с однокурсниками создает студенческий археологический кружок.

После окончания университета в 1929 г. Д. А. Крайнова принимают на работу в филиал ГИМа — музей «Александровская слобода», через год переводят непосредственно в ГИМ, где в течение пяти лет (1931—1935 гг.) он работает ученым секретарем. В бытность на этой должности ему пришлось неоднократно заниматься многочисленными реэкспозициями музея, которые в те годы были очень частыми и подгонялись каждый раз под периодически менявшийся курс партии. Ему также приходилось спасать многие архитектурные памятники, произведения искусства и книги в связи со сносом и разорением дворянских усадеб и купеческих особняков.

В 1938 г. Д. А. Крайнов получает звание старшего научного сотрудника. Годы работы в ГИМе были для него одним из важнейших этапов научной биографии. Здесь в то время работала блестящая плеяда молодых, энергичных ученых, составивших впоследствии славу отечественной археологии — А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, П. А. Дмитриев, С. В. Киселев, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и др. ГИМ в то время представлял собой один из ведущих археологических центров страны, где, несмотря на весь идеологический прессинг и спускавшиеся сверху социологические схемы марксистского представления развития общества, сохранялись традиции русской археологии: всестороннее изучение вещей и памятников, как основных источников, и построение на их основе выводов общеисторического характера. В эти годы Д. А. Крайнов активно занимается научной деятельностью, проводит широкие раскопки ряда палеолитических и мезолитических стоянок России, исследует могильники фатьяновской культуры, в том числе Вауловской в Ярославской области, ставший одним из классических памятников эпохи бронзы лесной зоны Восточной Европы.

Параллельно с работой в ГИМе в разные годы Дмитрий Александрович читает эпизодические курсы по истории в Педагогическом институте им. К. Либкнехта, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, и выступает с публичными лекциями по путевкам Московского лекционного бюро при Доме Союзов.

Обладатель отличного от природы баса, он является душой художественной самодеятельности МГУ и ГИМа. Увлечение пением привело Д. А. Крайнова в Музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова, по окончании которого в 1937 г. он получает звание оперного певца и выступает в Театре художественной самодеятельности Москвы.

Переломным моментом в судьбе Д. А. Крайнова, как и в судьбе всей страны, стала Великая Отечественная война. 6 июля 1941 г. он, не будучи военнообязанным, добровольно вступает в ряды Московского народного ополчения, отказавшись от предложения петь в хоре НКВД, а в октябре того же года воинское соединение, в котором служил 37-летний научный сотрудник, попало в окружение под Вязьмой, и он оказался в плену. Начались тяжелые дни: фашистский лагерь, неудачный побег, снова лагерь, снова побег и жизнь на оккупированной территории. В июне 1943 г. последовало его освобождение из плена и служба в составе 307 Новозыбковской стрелковой дивизии на Втором Белорусском фронте. Казалось, самые тяжкие испытания позади, но кошмар был впереди: в мае 1944 г. за пребывание в плену Ревтрибунал приговорил Д. А. Крайнова к смертной казни, замененной впоследствии на десять лет заключения. Хлебнув сполна мучений, каторжного труда, издевательств и унижения человеческого достоинства в воркутинских и таймырских лагерях, Д. А. Крайнов в июле 1951 г. досрочно освобождается, но вернуться к науке ему дозволено не было. Он вынужден поселиться в своей родной деревне Ивашево и руководить художественной самодеятельностью на текстильной фабрике «Свобода» в г. Киржаче.

В 1954 г. после длительных хлопот А. Я. Брюсова и М. М. Герасимова перед министром культуры Дмитрию Александровичу разрешили устроиться старшим научным сотрудником в Угличском краеведческом музее, где началось его возвращение в археологию. В это же время Д. А. Крайнов встретил Марию Борисовну Полторацкую, ставшую его спутницей жизни и преданной помощницей. После XX съезда КПСС в январе 1956 г. он зачисляется младшим научным сотрудником в ИИМК (ныне Институт археологии РАН) и с небывалым увлечением отдается работе. Начинается самый плодотворный период научной деятельности. Через год он успешно защищает диссертацию по периодизации мезолита горного Крыма на базе исследованных им еще в 1930-е годы памятников.

В 1959 г. он организует Верхневолжскую экспедицию и приступает к планомерному изучению каменного и бронзового веков Верхнего Поволжья. Экспедиция в течение всех лет своего существования функционирует как единый коллектив единомышленников. Это достигнуто во многом благодаря дружеским отношениям среди сотрудников, что предопределил характер Д. А. Крайнова — доброта, внимательность к людям, тактичность, отзывчивость, искренность, и его умение увлечь молодежь научным поиском. Он всегда щедро делился своими знаниями с учениками и сотрудниками. Итоги работы экспедиции впечатляющи: окрыты сотни новых памятников, десятки раскопаны, во многих музеях центра России история первобытности демонстрируется на ее материалах. Благодаря исследованиям Д. А. Крайнова на Верхней Волге обнаружены остатки финальнопалеолитических поселений. Широко и углубленно изучены стоянки мезолита и неолита, раскопано больше половины известных на сегодняшний день фатьяновских могильников. Последние послужили основой докторской диссертации, успешно защищенной в 1967 г. А через 3 года им публикуется прекрасная монография о фатьяновской культуре, которая и в XXI веке будет настольной книгой всех археологов, изучающих бронзовый век в лесной зоне Центральной и Восточной Европы.

Огромен вклад Д. А. Крайнова в исследование эпохи неолита-энеолита. Открытая им в 1972 г. ранненеолитическая верхневолжская культура в корне изменила наши представления о периодизации этих эпох и заставила пересмотреть многие аспекты культурных процессов, ранее казалось бы уже решенные. Всего им опубликовано около 300 работ, из них 6 монографий.

Необходимо также отметить, что Дмитрий Александрович, руководя крупномасштабными и плодотворными полевыми исследованиями, всегда сочетал их с активной аналитической и публикационной деятельностью. И именно последние годы ознаменованы и уникальными находками его экспедиции, и постулированием новых оригинальных решений принципиально важных проблем и изданием новых его работ. До 1993 г. Дмитрий Александрович ежегодно выезжал на раскопки, деля все трудности полевой жизни со своими коллегами и учениками. Кроме того, он вел огромную общественную работу на уровне Отделения истории РАН по организации симпозиумов по ряду важнейших проблем археологии и истории.

Долгие лета Вам, дорогой Дмитрий Александрович!

Коллеги

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ. ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И АРХЕОЛОГИИ СЛАВЯН

(Словакия, 1993)

XI Международный съезд славистов проходил в Братиславе (Словакия) 31 августа — 7 сентября 1993 г. В нем приняло участие свыше 1000 славистов — лингвистов, литературоведов, фольклористов, топонимистов, этнологов, историков и археологов из 35 стран. На пленарном заседании и 34 секциях было заслушано и обсуждено более 750 докладов. Вопросы этногенеза, истории и культуры древних и средневековых славян рассматривались на четырех секциях.

Значительное число участников съезда привлекла секция Ia «Этногенезология, этногенез и древнейшая история славян по археологическим, историческим, топонимическим и этнолингвистическим данным». Она открылась докладом О. Н. Трубачева (Россия), озаглавленным «Древние славяне на Дунае (южный фланг). Лингвистические наблюдения». Этот исследователь в книге «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования» (М., «Наука», 1991) попытался показать, что старейшим ареалом праславян было Среднее Подунавье. Лексика, семантика, словообразование, общие моменты условий жизни и среды обитания на стадии раннеязыкового развития указывают прежде всего на тесные связи праславян с праиталийскими племенами. Контактировали формирующиеся славяне также с германцами, иллирийцами и кельтами. Это вместе с некоторыми дунайскими географическими названиями, упоминаемыми в письменных источниках первой половины I тыс. н. э., дает основания для локализации ранних славян в Среднедунайском регионе.

В докладе на съезде О. Н. Трубачев продолжил исследование этой проблемы, выявив ряд дополнительных славянских элементов в ранней эпиграфике и топонимике Среднего Подунавья. Так, среди племен, перечисленных в эпитафии Мартину Турскому, написанной Мартином Бракарским в середине VI в., есть Sclavus Nara, т. е. «славянин из Норика». О. Н. Трубачев обращает внимание на славянское развитие o > a (Noricum > Nara), что говорит о проживании ранних славян в этой среднедунайской римской провинции. В надписи II—III вв. н. э. на барельефном изображении из паннонского города Интерциса (на Дунае к югу от Будапешта) исследователь читает славянский теоним Добрат. К числу славянских по происхождению относятся топоним III в. н. э. Dierna/Cerna, название дакийской провинции Berzovia и др. Затронут был также вопрос о направлениях славянского расселения на Балканском полуострове. Исследователь утверждал, что основной была миграция из Среднедунайских земель.

В докладе «Становление и этногенез славян по данным археологии и гидронимии» В. В. Седов (Россия) подчеркнул, что на современном этапе невозможно рассматривать проблему происхождения славян изолированно от этнической истории других европейских этносов. Зарождение славян восходит к древнеевропейской общности, существовавшей в Средней Европе во II тыс. до н. э. (культурно-историческая общность центральноевропейских полей погребальных урн). Это был еще достаточно однородный массив родственных племен, находящихся в постоянных контактах между собой. В начале железного века (VIII—VII вв. до н. э.) эта общность в силу ряда исторических обстоятельств дифференцировалась. Из нее вышли и начали самостоятельное развитие кельты и иллирийцы, италики и венеты, германцы и славяне. Древнейшей славянской является культура подклошевых погребений (бассейн Вислы). Последующая история славян связана с пшеворской, зарубинецкой и черняховской культурами. Славянский ареал не был замкнутым пространством: среди населения провинциальноримских культур были и неславяне — кельты, различные германские племена, скифо-сарматы, балты; часть славян пережила славяно-иранский симбиоз. Славянская топонимика, как, впрочем, и кельтская, и германская, сформировалась уже в период самостоятельного развития языка и этноса. Поэтому в регионах становления славян, кельтов и германцев распространена древнеевропейская гидронимика. Собственно славянские или кельтские водные названия появляются позднее, уже в областях, освоенных этими этносами в результате расселения.

При обсуждении этого доклада, в котором участвовали польские исследователи Г. Поповска-Таборска, Л. Тышкевич, М. Парчевский и болгарский топонимист И. Дуриданов, было обращено внимание на дисконтинуитет славянских древностей начала средневековой поры и провинциально-римских культур Висленского региона. Был поднят также вопрос о соотношениях арехологических культур и этнических образований. В этой связи В. В. Седов отметил, что вопрос о соотношениях культуры и этноса не может решаться прямолинейно. Можно подобрать массу примеров, говорящих как в пользу категорического отрицания, так и в пользу тождества археологических культур и этнических общностей. Проблема не должна решаться на отдельных примерах. Это комплексная проблема и ее следует изучать в каждом конкретном случае отдельно в сотрудничестве с антропологией, климатологией и другими науками, поскольку среди археологических культур есть и моноэтничные,

© А. А. Медынцева, В. В. Седов, 1994 г.

и полиэтничные, и неэтничные. Что касается культурных изменений в Повисленье на рубеже римского времени и средневековья, то они исторически объяснимы и закономерны. Они обусловлены не полной сменой этноса, а крахом провинциальноримской цивилизации, а также серьезными климатическими трансформациями, повлекшими за собой крупные передвижения населения.

В. В. Мартынов (Беларусь) в начале своего выступления «Этногенез славян. Язык и миф» констатировал, что славянская прародина могла находиться только в Висло-Одерском регионе, о чем надежно свидетельствуют ранние славяно-германские языковые контакты. Однако данные языкознания освещают только глоттогенез, а для решения этногенетических вопросов необходимо их связать с элементами культурного характера и прежде всего с духовной культурой, наиболее ярким выражением которой является мифологическая система. Докладчик выделил два слоя в славянской мифологии. Ранний складывался в условиях западнобалтской (славяно-прусской) общности и сопоставляется с лужицкой культурой. Сюда относятся культы Перуна и Велеса. Следующий слой характеризуется значительным иранским вкладом в славянскую теонимику. Исследователь выявляет следы иранского дуализма — Бог — Див, Стрибог — Дажбог, Хорс — Сварог. К иранским теонимам отнесена и Мокош. Иранское воздействие связывается докладчиком со скифским нашествием в ареал лужицкой культуры.

В дискуссии по этому докладу некоторые частные замечания были сделаны О. Н. Трубачевым. В. В. Седов не согласился с тезисом об иранском проникновении в славянскую мифологию в условиях скифских набегов в Среднюю Европу. Этот эпизод вряд ли оставил заметный след в мифологии славян. Весьма существенное славяно-иранское взаимодействие имело место в последующие столетия. На разных этапах оно было неодинаковым, поэтому рассматривать его целостно нельзя. Сначала это были соседские контакты славян со скифами; в римский период в Северном Причерноморье имел место славяно-сарматский симбиоз, славяно-иранские контакты продолжались и позднее. Большой иранский вклад в славянскую мифологию по всей вероятности следует относить к славяно-иранскому симбиозу, но в таком случае иранский вклад относится не ко всему праславянскому миру. Скорее всего, это действительно так, но вопрос требует специального анализа.

В докладе Б. Хроповского (Словакия) «Проблема древнейшего славянского освоения Карпатской котловины в аспекте этногенеза славян» исследовался вопрос о появлении первых славян в этой части Подунавья не в начале средневековья, т. е. с распространением культуры пражской керамики, а еще в римское время. На территории Словакии первыми славянскими поселенцами были носители прешовской культуры, которая восходит к провинциальноримским древностям Повисленья.

С интересом был выслушан доклад М. Казанского (Франция) «Славяне и готы, их взаимоотношения по данным археологии». Для археологов, знакомых с новейшими изысканиями по готско-славянской проблематике, в построениях докладчика не содержалось чего-либо нового. Однако для лингвистов, историков и этнологов, которые преобладали среди слушателей, они были весьма интересны. На конкретных материалах М. Казанский показал миграцию готов из Нижнего Повисленья, где им принадлежала вельбаркская культура, на Волынь и в земли Северо-Западного Причерноморья. Здесь готы вместе с аборигенным населением сформировали черняховскую культуру. Славяне, согласно докладчику, жили в это время в Среднем Поднепровье (для обоснования привлечены сведения римских авторов I—II вв. н. э.), где им принадлежала киевская культура. Более северные территории Поднепровья были заселены балто-славянами. Памятники типа Этулии, близкие по облику киевским древностям, свидетельствуют о появлении славян в IV в. н. э. в районах, прилегающих к нижнему Дунаю. В Среднем Поднепровье славяне имели соседские контакты с готами, более тесными были отношения между ними в Нижнедунайском регионе.

Выступивший в дискуссии В. В. Седов отметил неправомерность определения славянской территории III—IV вв. по письменным памятникам I—II вв. К готскому времени относятся Певтингеровы таблицы, но они свидетельствуют об ином, не-среднеднепровском расселении венедов-славян. Кроме того, славяне были не только носителями киевской культуры, но и составляли часть населения черняховской культуры, где контакты с готами могли быть более тесными. В этой связи М. Казанский отметил, что такое предположение допустимо, но доказать его пока невозможно.

Построения Л. А. Тышкевича (Польша) в докладе «Причины и начало первой миграции славян на Дунай» целиком покоились на данных античных и раннесредневековых письменных источников. Этот исследователь уже в дискуссии по докладу О. Н. Трубачева говорил о невероятности раннего расселения славян в Дунайском регионе. В докладе он утверждал, что славяне в древности жили в Восточной Европе. В I тыс. до н. э. это были невры Геродота, в начале I тыс. н. э.— венеды римских авторов. Славяне были отрезаны от греко-римского мира номадским барьером, а со II в. н. э.— готами. На Дунае первые славяне появились в IV в. н. э., вероятно, вместе с сарматами. Освоение же славянами Дунайского региона следует отнести к гуннскому времени. В Причерноморье гунны впитали в свою среду большую массу славян и антов и после 375 г. двинулись в Подунавье.

Несколько докладов было посвящено раннесредневековой истории и культуре Среднего Подунавья. Итоги археологического изучения великоморавских древностей были подведены в выступлении Т. Штефановичевой (Словакия) «Положение и место Великой Моравии в свете данных археологии». Обстоятельную характеристику получили материальная культура, архитектура и искусство славян, составлявших население этого раннего государственного образования Центральной Европы. Высокий уровень культурного развития обусловлен восприятием и переработкой наследия римской и византийской цивилизаций.

В докладе Д. Чапловича (Словакия) «Историческое место Прикарпатского региона в великоморавский и поствеликоморавский периоды» подчеркивалось выгодное историческое и географическое положение Великой Моравии и Среднего Подунавья, тесное взаимодействие славян Прикарпатья с другими этносами и Византией, отмечалось тесное переплетение культурных и торговых направлений, что способствовало развитию культуры и государственности.

Д. Бялекова (Словакия) в докладе «Поселенческая и имущественная терминология в церковно-правовых кодексах Великой Моравии и ее конфронтации с археологическими данными» провела сопоставительный анализ лексики церковных уставлений (Заповеди святых отцов, Закон судный людям, Новоканон, Владыкам земли божьей слово велит) с теми материалами, которые дает археология. Выясняются расхождения между письменными и археологическими материалами. Очевидно, церковно-правовые кодексы были переведены с византийских оригиналов без учета местной среды.

Интересные положения были высказаны в докладе А. Руттка и (Словакия) «Место славян в образовании Венгерского королевства в свете археологических источников». Значительную часть населения этого государственного образования составляли славяне, которым принадлежит существенная роль в создании венгерской государственности, развитии культуры и распространении христианства.

На заседаниях секции Ic «Славянская мифология и связанное с ней фольклорное богатство славян. Язычество и христианство» был прочитан один археологический доклад — М. Хануляка (Словакия) «К взаимоотношениям язычества и христианства по данным археологии». Был обстоятельно охарактеризован переходный период от язычества к христианству, который в Среднем Подунавье датируется IX—XII вв. Докладчик утверждал, что представление о смерти и ритуалы погребения в языческом и христианском мирах были весьма различными и для распространения новой веры нужно было немалое время. Погребения длительный период совершались на старых языческих кладбищах, устраиваемых поблизости от водных источников. Ориентировались умершие в направлении запад — восток, но с бессистемными отклонениями, сопровождаются вещами, наблюдаются случаи разрушения захоронений с ритуальными целями. Первые христианские кладбища появляются в IX в., но широкое распространение получают только с XI в. в связи с оформлением церковной организации. Устраивались такие кладбища обычно около христианских храмов. Ориентация загробной жизни — покой мертвых. Умерших стали хоронить в гробах при единой ориентации с унифицированной обрядностью. В погребениях X — первой половины XII в. встречаются крестики, зафиксирован «обол мертвых». В целом переходный период характеризуется языческо-христианским синкретизмом.

На секции Id «Возникновение раннефеодальных государств, этническое и историческое самосознание древних славян» значительное место заняла проблематика Великой Моравии. М. Кучера (Словакия) в докладе «Великая Моравия и ее политическая система» рассмотрел условия становления славянской государственности в Среднедунайском регионе. Проанализировав политическую структуру государства Само, он показал развитие государственности и общественного устройства среднедунайских славян вплоть до расцвета Великоморавской державы.

Выступление Я. Исаевича (Украина) «Взаимоотношения Великой Моравии с восточными славянами» не отвечало предложенному заглавию. Эта интересная и важная проблема нуждается в обстоятельном анализе и для ее освещения ныне собраны значительные археологические материалы. Докладчик же ограничился одним вопросом о возможности проникновения христианства из Моравии в IX в. в восточнославянские области Прикарпатья и Волыни (дулебы и хорваты). Основанием для этого послужило соседство этих земель с польскими вислянами, которые подчинились Моравскому государству, а также ротонды XII в., выявленные в Перемышле и Галиче. Однако последние не имеют прямого отношения к архитектуре Великой Моравии. Это, в частности, отметил выступивший по докладу М. Парчевский.

Большую дискуссию вызвал вопрос о местонахождении ядра Великой Моравии. В начале 70-х годов И. Боба (США) опубликовал работу «Моравская история: Реинтерпретация средневековых источников», в которой на основании исторических, археологических и филологических данных утверждал, что ядро Великой Моравии следует локализовать не в сегодняшней Моравии и Словакии, а в южной части Среднего Подунавья с центром в Сирмиуме (Сремска Митровица). Это положение было затронуто и в докладе И. Боба «Между Польшей и Чехией», прочитанном на съезде. Критике этого тезиса были посвящены выступления ряда ученых. В частности, в докладе лингвиста Х. Бирнбаума (США) «Где был центр Моравского государства?» было показано, что языковые и археологические данные дают все основания для локализации ядра Великой Моравии в Чехии и Словакии.

Рассмотрению проблемы «Великоморавская и кирилло-мефодиевская традиция», которой была отведена секция If, было положено докладом Н. И. Толстого (Россия) «Роль великоморавской традиции в славянской культуре», прочитанным на пленарном заседании съезда. В нем освещалось историческое значение создания славянской письменности и взаимовлияний в сложении национальных культур славянских народов. Особое внимание уделено роли кирилло-мефодиевской традиции в древнерусском летописании, законотворчестве, литературе, а также роли Болгарии в сохранении и развитии наследия, оставленного славянскими просветителями и их учениками.

Продолжением этой темы стал секционный доклад В. Вавржинска (Чехия) «Миссия Кирилла и Мефодия в историческом и культурном контексте современной Европы». Докладчик сконцентрировал внимание не столько на оценке самой деятельности Кирилла и Мефодия, сколько на культурно-исторической обстановке в Европе второй половины IX в. Он отметил, что сама миссия не была принципиально новаторской, так как к тому времени уже существовали местные церкви, проповедовавшие христианство на родных языках (армянская, коптская и др.), с другой стороны, и римская церковь в некоторых случаях признавала необходимость вести проповеди на родных языках. Докладчик пришел к выводу, что миссия Кирилла и Мефодия, несмотря на разгром самой Моравии, одержала в конечном счете победу благодаря политическим и конфессионным противоречиям в Европе того времени.

Подлинным научным открытием явился внепрограммный доклад Е. М. Верещагина (Россия) «Вновь найденное богослужебное последование обретению мощей Климента Римского — возможное поэтическое произведение Кирилла Философа». Докладчик привел ряд аргументов, обосновывающих гипотезу о том, что «Последование обретению мощей Климента Римского», сохранившееся в Минее XII—XIII вв. (Российский гос. архив древних актов, № 98), является оригинальным

поэтическим произведением самого Константина. Это произведение упомянуто как «свиток гимна» в письме Анастасия Библиотекаря Гаудерину Австрийскому. Е. М. Верещагин признает, что его гипотеза нуждается в текстологическом, лингвистическом и других исследованиях. Если гипотеза получит подтверждение, что значение этого открытия переоценить трудно, так как число оригинальных произведений Константина Философа, дошедших до наших дней, крайне ограничено.

Кирилло-мефодиевистика в настоящее время остро нуждается в новых источниках, в частности за счет археологических материалов. В этой связи большой интерес представлял доклад А. А. Медынцевой (Россия) «Кирилло-мефодиевская традиция в Древней Руси (предметы христианского культа X—XIII вв.)», построенный в значительной степени на данных археологии. Ставротека из Архангельского музея, где хранились мощи Климента Римского, проанализированная в докладе, является свидетельством популярности этого святого на Руси и демонстрирует связи между Киевом и Северной Русью XI—XII вв. с областями первоначальной проповеди христианства. Более непосредственные контакты между русскими и моравскими древностями демонстрируют древнейшие крестики (рубежа X и XI вв.), а также погребальный обряд.

В докладе И. Тота (Венгрия) «Сазава и Вышеград на Дунае» исследовалась роль, которую сыграл Вышеград во взаимоотношениях между западными и восточными славянами. Существенно то, что равноправное место в построениях докладчика принадлежит и историческим, и археологическим источникам. И. Тот считает, что монастырь святого Андрея в Вышеграде был основан русскими православными монахами, прибывшими в Венгрию в составе свиты жены Андрея — русской принцессы. В дальнейшем этот монастырь оказал влияние на проникновение культа Бориса и Глеба, русских православных святых, в Сазавский чешский монастырь, основанный святым Прокопием — выходцем из Вышгорода на Днепре. Обращение к результатам археологических раскопок в монастыре святого Андрея придает документальную достоверность историческим построениям И. Тота.

В докладе Б. Велчевой и А. Тодорова (Болгария) «О новой хронологии славянских рукописей ранее XII в.» рассматривались ранние недатированные рукописи. Для их датировки использовались болгарские датированные надписи. Исследователям можно пожелать привлечь для своих изысканий еще материалы древнерусских надписей и берестяных грамот, где отразилась болгарская письменная традиция. Это, в частности, весьма существенно для аргументации выводов о раннем появлении одноеровой кириллицы.

Подводя итоги деятельности археологов, В. В. Седов на заключительном пленарном заседании съезда отметил, что археология пока не заняла должного места на таких международных форумах. Между тем в славистике ей принадлежит одно из ведущих мест, и роль ее неуклонно возрастает по мере активного пополнения источникового фонда этой науки. Ряд докладов, прочитанных на съезде не-археологами, из-за недоучета новейших данных археологии выглядит порой архаическими. Хотелось бы, чтобы археология на следующих съездах была представлена более широко, преимущественно докладами, представляющими научный интерес для лингвистов, топонимистов и этнологов. Может быть, вновь созданная в рамках Международного комитета славистов Международная комиссия по славянской археологии станет первым шагом в сближении и сотрудничестве археологии с другими славистическими науками.

Российский комитет славистов опубликовал доклады, подготовленные к съезду, в трех книгах [1—3]. Тезисы всех докладов, прочитанных на съезде, изданы Словацким комитетом славистов [4].

Очередной XII Международный съезд славистов решено провести в 1998 г. в Польше.

Институт археологии РАН,
Москва

А. А. Медынцева, В. В. Седов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993.
2. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993.
3. Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993.
4. XI medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava, 1993.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВРЕМЯ, ПАМЯТНИКИ, ЛЮДИ. ПАМЯТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ АРХЕОЛОГОВ»

(Минск, 1993)

Конференция состоялась в Минске 27—29 октября 1993 г. Ее организаторами были Институт истории Академии наук Белоруссии и Белорусская ассоциация жертв политических репрессий. В работе конференции приняло участие около 100 исследователей Белоруссии, России, Украины, Польши и Литвы, прочитано около 60 докладов по различным вопросам археологии славян, Древней Руси и смежных земель.

На первом пленарном заседании были заслушаны доклады, посвященные развитию археологии Белоруссии и смежных регионов в 20—30-х годах XX столетия и оценке творческой деятельности некоторых исследователей того времени. В. С. Вергей (Минск) в выступлении «Археология Белоруссии в 1920—1930-х годах» проанализировала историю накопления и развития археологических знаний в Белоруссии в десятилетия, предшествующие Великой Отечественной войне. Докладчица показала, что белорусская археология начиналась почти с нуля и за относительно короткое время достигла значительных результатов. Было проведено свыше 50 археологических и комплексных экспедиций, в результате которых выявлено и обследовано несколько тысяч памятников археологии от периода палеолита до развитого средневековья. В Минске сложился коллектив квалифицированных археологов во главе с А. Н. Лявданским, который был тесно связан с провинциальными исследователями, оперативно публиковал материалы полевых изысканий и приступил к решению исторических вопросов. Наибольшие результаты были получены в исследованиях эпохи палеолита (стоянки Бердыж и Юровичи) и раннего железного века, много было сделано и в изучении курганных древностей, начаты археологические работы в древнерусских городах, исследовалась история черной металлургии. Вся эта активная научная деятельность была полностью нарушена репрессиями конца 30-х годов, издательская работа была приостановлена, краеведческие общества расформированы, а значительная часть обширной археологической коллекции погибла.

А. А. Егорейченко (Минск) в докладе «Железный век в исследованиях А. Н. Лявданского» показал, что до работ этого ученого археология раннего железного века Верхнего Поднепровья и Подвинья была совсем не разработанной. А. Н. Лявданский, прежде всего, в течение нескольких лет вел целенаправленные полевые изыскания, которые уже в начале 30-х годов дали возможность ему дифференцировать древности раннего железа на три культурные группы — памятники культуры штрихованной керамики, памятники с гладкостенной керамикой и памятники южнобелорусского типа. А. Н. Лявданским были предприняты попытки и хронологического членения древностей раннего железного века. Была заложена основа изучения раннего железного века Верхнего Поднепровья и смежных регионов, что позволило П. Н. Третьякову уже в 1940—1941 гг. составить детальную археологическую карту этого периода лесной полосы Восточной Европы.

В выступлении Г. В. Штыхова (Минск) «Школа А. Н. Лявданского по изучению средневековых городов» речь шла об успешном начинании археологического изучения древнерусских городов на территории Белоруссии. Еще в начале 20-х годов А. Н. Лявданский произвел интересные исследования в Гнездове — предшественнике Смоленска, согласно его представлениям. В 30-х годах этот исследователь начал полевые работы в Полоцке, Витебске, Борисове, на городище на р. Менке; изучалась историческая топография, собран керамический материал, важный для датировки, в том числе для определения времени становления городов. Этими изысканиями заложены были основы археологического изучения древнерусских городов на территории Белоруссии. Плодотворные археологические работы 60—80-х годов начинались не с нуля, а явились продолжением исследований, начатых А. Н. Лявданским.

Весьма слабо разработанной историографической теме был посвящен доклад Г. Забелы (Вильнюс) «Археологическая наука в Литве в 1918—1943 гг.». Первые шаги становления литовской археологии связаны с именами В. Нагавичюса, Э. Вольтериса и П. Тарасенко. Первые полтора десятилетия были периодом накопления археологических материалов. В. Нагавичюсу принадлежат крупные раскопки могильника Пришманчяй (1921 г.), городищ Апуоле и Импилтис (1931—1934 гг.). Им написана обобщающая работа по археологии Литовского Приморья. Деятельность П. Тарасенко связана с Литовской археологической комиссией, созданной в 1918 г., и Историческим музеем в Каунасе. Им опубликована Археологическая карта Литвы (1928 г.). С 1936 г. центром археологической деятельности становится Музей культуры имени Витаутаса Великого. Вторая половина 30-х годов — время исторических обобщений. Тогда развернулась научная деятельность Й. Пузинаса, развивались контакты между литовскими и зарубежными археологами, начало проявлять себя молодое поколение литовских исследователей — археологическая наука в Литве достигла того уровня, когда можно было бы решать крупные историко-культурные проблемы. Освобождение Литвы от немецкой оккупации в 1944 г. привело, как утверждал докладчик, к разгрому литовской археологии — ведущие ученые эмигрировали на запад, П. Балянюнас был арестован, другие на время прекратили научную деятельность.

В выступлении Г. Охрименко и С. Терского (Львов) «Археологическое наследие Яна Фитцке» анализировалась научная деятельность по изучению древностей Польши и Западной Украины этого археолога, расстрелянного в 1939 г. в Катынском лесу под Смоленском. Его интересы были связаны с эпохами неолита и бронзы. Последние два года жизни Я. Фитцке работал в музее г. Луцка, и здесь под его руководством были произведены раскопки памятников разных эпох, в том числе восточнославянских курганов.

© В. В. Седов, 1994 г.

М. Бломбергова (Лодзь) в докладе «Страницы из биографии Вандалина Шукевича» охарактеризовала археологическую деятельность этого исследователя древностей белорусско-литовского пограничья. В. А. Шукевич внес большой в клад в изучение каменных могил Верхнего Понеманья и был основателем Общества содействия археологии и предыстории Литвы, много сделавшего в области охраны и регистрации памятников археологии.

В выступлении А. Иова, М. Кривальцевича и В. Кудряшова (Минск) «Некоторые итоги археолого-топографических исследований в уроч. Куропаты» рассказывалось о работах, проведенных под Минском на месте расстрелов жертв политических репрессий конца 30-х — начала 40-х годов.

Дальнейшая работа конференции протекала по секциям — эпохи камня и бронзы; раннего железного века; эпохи средневековья.

Среди немногочисленных докладов, заслушанных на секции эпохи камня и бронзы, выделяются два выступления. Е. Г. Калечиц (Минск) в докладе «Этапы заселения Белорусского Поднепровья», подчеркнув, что за последние десятилетия информация о памятниках первобытной эпохи территории Белоруссии многократно возросло, реконструировала основные этапы освоения этих земель человеком. Проникновение человека в бассейн Днепра, по мнению докладчика, имело место в мустьерское время. К верхнему палеолиту принадлежит две известные стоянки Бердыж и Юровичи (радиокарбонные даты XXII и XXV вв. до н. э.). Заселение этого времени шло со стороны Деснинского бассейна. Следующий этап расселения относится к финальному палеолиту (население гренской и свидерской культур). С этого времени человек уже никогда не покидал земли рассматриваемого региона. Далее в докладе характеризовались культуры мезолитического населения и особенно подробно верхнеднепровская неолитическая культура.

В докладе М. М. Чернявского (Минск) «Неолитические культуры в Белорусском Понеманье и Подвинье» характеризовалась история населения этих регионов на протяжении IV и III тыс. до н. э. В неманской культуре выделяется три этапа — ранненеолитический (дубичайский), лысогорский, обусловленный проникновением элементов культуры воронковидных кубков, и добраборский, находящийся под влиянием культуры шаровидных амфор. В Подвинье развивалась нарвская культура, в середине III тыс. до н. э. здесь наблюдается появление племен гребенчато-ямочной керамики прибалтийских финнов. На рубеже неолита и бронзы на всей рассматриваемой территории распространяется культуры шнуровой керамики, которая впитала в себя местные субстраты.

Наибольшее число докладов было прочитано на секции раннего железного века. Е. А. Шмидт (Смоленск) в докладе «Проблемы изучения железного века верховьев Днепра» рассказал о современном состоянии изучения днепро-двинской культуры. В выступлении А. М. Медведева (Минск) «Хронология памятников культуры штрихованной керамики в I—V вв. н. э. (по материалам Белорусского Понеманья)» была предложена поэтапная датировка древностей на основе данных раскопок городищ Кощевичи, Малышки, Городище и др. Выделено несколько стадий от I в. н. э. до появления культуры восточнолитовских курганов (IV—V в. н. э.) или до середины V в. н. э. в тех местах, где на смену культуры штрихованной керамики распространяются банцеровские древности.

Для изучения взаимодействия культур милоградской и штрихованной керамики существенное значение имеют раскопочные работы на городище Ивань в Слуцком р-не. Детальной характеристике этого памятника был посвящен доклад А. А. Егорейченко (Минск) «Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань». Появление на поселении носителей культуры штрихованной керамики определяется серединой I в. до н. э.

В ряде докладов рассматривалась зарубинецкая проблематика. А. И. Дробушевский (Гомель) в докладе «Памятники зарубинецкой культуры Белорусского Посожья» охарактеризовал чечерскую региональную группу древностей. Н. Белицкая (Минск) в выступлении «Зарубинецкое поселение Хомель» рассказала о результатах раскопок этого памятника. С большим интересом был выслушан доклад А. М. Обломского (Москва), посвященный позднезарубинецким, постзарубинецким и киевским древностям Курского Посеймья и соседних земель, который был основан на новейших раскопочных и разведочных данных.

В докладе «Проблема поселений предков славян в римское время» К. Годловский (Краков) утверждал, что славяне не были знакомы с римской и провинциально-римскими культурами и длительное время проживали в лесной зоне Днепровского бассейна. Только после ухода восточногерманских племен на запад в начале средневековой поры они начали осваивать северночерноморские земли, Подунавье и Повисленье.

А. А. Александров (Псков) в докладе «Ставаны Птолемея», ссылаясь на Ю. Ростафинского, Я. Розвадовского, Г. Улашина, Ф. П. Филина и др., полагает, что до V в. н. э. славяне проживали в лесной зоне Восточной Европе, конкретно в Верхнем Поднепровье. Это была Северная Скифия, описанная Виргилием Мароном в I в. до н. э. Упоминаемые Птолемеем ставаны — искаженный этноним славян. С ними докладчик отождествляет носителей днепро-двинской археологической культуры, юхновские племена отождествляются с антами.

В докладе В. Новаковского (Варшава) «Между балтами приморскими и днепро-неманскими. Зона курганов в позднеримское время в период переселения народов» обращено внимание на взаимосвязь курганов двух регионов — Сувалкии и Восточной Литвы. Утверждалось, что сложение культуры восточнолитовских курганов было результатом миграции или инфильтрации населения из первого региона во второй. Первыми следами перемещения населения являются находки манжетовидных браслетов, датируемых II в. н. э. Следующий этап отражают находки подковообразных фибул и иных предметов с выемчатой эмалью (230—300 гг.). О том же говорят и керамические материалы. В этническом отношении население принадлежало к балтам — «аестиям» письменных источников. Конец курганной культуры в Мазурском поозерье определяется исследователем VII в.,

когда здесь появляется новое население, принесшее пальчатые фибулы. В восточнолитовском регионе в это время распространяется обряд трупосожжения, отражающий, как полагает докладчик, влияние славян.

В первой части доклада О. Петраускаса и Р. В. Терпиловского (Киев) «К вопросу о балто-славянских отношениях в I тысячелетии н. э.» утверждалось, что славяне и балты вышли из балто-славянской общности, которая занимала обширный регион Верхнего Поднепровья, Белоруссии и юго-восточной Прибалтики. В результате ее распада образовались балты на севере и славяне на юге, их ареалы определяются по распространению балтской гидронимики и архаической славянской (по О. Н. Трубачеву). Далее докладчики анализировали погребальные обряды региона от юго-восточного побережья Балтики до Среднего Поднепровья на протяжении I тыс. н. э. Выделено несколько культурных областей; их сравнительный анализ приводит исследователей к выводу о существенных различиях обрядности балтского и славянского этносов.

В выступлении Л. Д. Поболя (Минск) «Археология железного века: этнографическо-историческая структура общества — семья, общины, роды, племена» утверждалось, что археологические культуры — это этнографическое описание древних народов. Орнаменты на древних объектах и предметах, погребальная обрядность имеют культовую, а не этническую нагрузку. Поэтому археология изучает общинно-семейные и родоплеменные отношения, а не этнические структуры. Балтского этнического элемента на территории Белоруссии, по мнению докладчика, никогда не было. Здесь испокон веков жили индоевропейские племена, и они были предками славян.

На ономастических материалах был построен доклад В. А. Булкина (С.-Петербург) «Дублетные гидронимы Верхнего Поднепровья и Подвинья». Докладчиком при консультациях со специалистами было проанализировано около 20 тыс. водных названий, в результате выявлено более 400 «парных» гидронимов и несколько совокупностей пар — кустов. Выявляются зоны концентрации и разряженности «парных» гидронимов, которые исторически интерпретируются. В частности, утверждается, что полочане имели южное происхождение и были обособлены от кривичей, основная часть балтских названий связывается с культурой штрихованной керамики, выясняются темпы ассимиляционных процессов в разных регионах рассматриваемой территории.

Время и условия дифференциации славян рассматривались в докладе М. Парчевского (Краков) «Начало распада славянства на западную и восточную ветви». На основании ряда археологических карт исследователь показал, что до образования Древнерусского и Польского государств членения славян на западных и восточных не намечается.

Э. М. Зайковский (Минск) в докладе «Языческие идолы Белоруссии» рассказал о каменных и металлических изображениях языческих богов, в разное время зафиксированных на территории Белоруссии. Наибольший интерес представляют каменные истуканы высотой 0,6—1,2 м, среди которых есть четырех-, дву- и одноликие. После принятия христианства на идолах стали выбивать кресты, зафиксированы идолы, переделанные в кресты. Каменные идолы, по мнению докладчика, относятся ко времени от неолита до средневековья, более древние идолы абстрактны, последующие выполнены более реалистично. Каменных идолов, как полагает Э. М. Зайковский, было очень много, большинство не дошло до нашего времени. Были и деревянные идолы, которые не сохранились. На территории Белоруссии найдены еще небольшие металлические скульптурные изображения мифологического характера.

А. А. Макушников (Гомель) в выступлении «О происхождении сельской территориальной структуры в Гомельской обл.» обратил внимание на сходство структуры сельской общинной организации, зафиксированной «Реестром хозяйственной ревизии Гомельской волости 1560 года», с гнездовым расположением городищ раннего железного века. Докладчик полагает, что структура земельного раздела XVI в. восходит к общинной структуре земледельцев милоградской культуры.

На заседании секции было продолжено обсуждение историографической тематики. В. И. Шадыро (Минск) в докладе «Археологическая деятельность А. Н. Лявандского в Северной Белоруссии и современные исследования» утверждал, что объединение этим археологом древностей раннего железа в культуру гладкостенной керамики оправданно. Докладчик считает, что позднее выделенные днепро-двинская и банцеровско-тушемлинская культуры генетически связаны между собой и оставлены однородным балтским населением северобелорусского ареала. Только в конце I тыс. н. э. здесь расселяются славяне.

При обсуждении докладов на Секции раннего железного века выступил В. В. Седов (Москва), подчеркнувший, что мысль о локализации ранних славян в верхнеднепровском ареале (вплоть до периода переселения народов), прозвучавшая в ряде выступлений, не учитывает современных достижений науки. В частности, следует иметь в виду: 1) языкознание свидетельствует о контактах формирующегося славянского этноса с праиталиками и кельтами; 2) ранние славяне соседили с германцами до распада последних на западную, северную и восточную группы; 3) славяне, расселявшиеся в VI—VII вв. на Пелопоннесе, были хорошо знакомы с провинциально-римской культурой; 4) славяне длительное время контактировали не с летто-литовской группировкой балтов, которая соприкасалась с верхнеднепровско-двинским регионом, а с западными балтами — предками пруссо-ятвяжских племен. Эти факты и некоторые другие явно противоречат локализации ранних славян в Верхнем Поднепровье. Научный анализ заключается не в подборке данных, свидетельствующих в пользу той или иной гипотезы, а в учете всех фактов, которыми располагает наука.

Вывод О. Петраускаса и Р. В. Терпиловского о различиях в погребальной обрядности балтов и славян неправомерен. Распад балтской общности относится к глубокой древности, и в I тыс. н. э. в балтском ареале имелось множество племенных группировок с различной погребальной обрядностью. Некоторые из них по погребальному ритуалу вполне сопоставимы со славянами, другие сильно отличны. Да и славяне, по крайней мере с середины I тыс. н. э., не были монолитными и различались по обрядности.

Не согласился В. В. Седов и с предложенным А. А. Александровым отождествлением ставанов Птолемея с племенами днепро-двинской культуры.

Секцию средневековья открыл доклад В. В. Седова «Височные кольца культуры смоленско-полоцких длинных курганов», в котором утверждалось, что эти украшения были гибридным образованием на основе браслетообразных височных колец, распространенных с середины I тыс. н. э. среди населения тушемлинско-банцеровской культуры, и лунничных колец, принесенных переселенцами из Среднедунайского региона. Славянское население Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья формировалось из кривичей, в составе которых были и ассимилированные местные балты, и несколько более или менее крупных групп дунайских переселенцев. Одной из таких групп были, по всей вероятности, смоляне, давшие название городу Смоленску.

В выступлении З. М. Сергеевой (Москва) «О распространении находок из волынского шифера в памятниках X—XIII вв. Белоруссии» рассматривались шиферные находки (пряслица, крестики, иконки, бусы), происходящие из 133 памятников. Все они связаны с крупными речными бассейнами. Наибольшее распространение шиферных находок — вторая половина XII — первая половина XIII в. Это время активных контактов западнорусских земель с Киевщиной.

В докладе Я. Г. Риера (Могилев) «Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы: этапы становления и развития (археологический аспект)» получили характеристику процессы расселения, вопросы экономического, социального и идеологического развития средневекового села от рубежа V и VI вв. до XIV—XV вв. по трем регионам — восточнославянскому, западнославянскому и германскому (междуречье Рейна и Эльбы).

Ю. А. Заяц (Минск) в докладе «К вопросу о сельском населении Изяславского удела Полоцкой земли в X—XII вв.» обстоятельно охарактеризовал курганные могильники региона, оставленные кривичско-дреговичским населением, показав взаимозависимость его с Изяславлем и его предшественником — административным и фискальным центром.

Анализ результатов раскопок городища Кульбачина на Гродненщине был сделан в выступлении С. А. Пивоварчика (Брест). Это был опорный пункт славянской колонизации правобережья Немана, основанный в конце X или начале XI в. В XII в. поселение становится феодальным замком.

С. В. Тарасов (Минск) в докладе «Памятники культового зодчества в топографической структуре Полоцка XI—XII вв.» пытался показать, что полоцкий Верхний замок был заселен не ремесленно-торговым людом, а являлся культовым и государственно-общественным центром, и культовые здания образовывали здесь своеобразный ансамбль с Софийским собором в центре и храмовыми постройками по сторонам. Такая картина сохранялась до XVI в. и зафиксирована планом осады Полоцка Стефаном Баторием 1579 г. Докладчик допускает, что эта композиция повторяет размещение христианских святынь в Иерусалиме. Подобные закономерности в расположении церковных строений выявляются и на Нижнем замке.

Другие доклады, заслушанные на заседаниях секции средневековья, как и не названные в настоящем обзоре выступления на других секциях, рассматривали отдельные частные вопросы археологии, истории и культуры Белоруссии и смежных земель. Тезисы докладов опубликованы в книге: «Час, помнікі, Людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Тезісы докладаў міжнароднай канферэцыі». Мінск, 1993.

Институт археологии РАН,
Москва

В. В. Седов

150-летие СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Я. САМОКВАСОВА.

Юбилейные мероприятия

В мае 1993 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Дмитрия Яковлевича Самоквасова (1843—1911) — видного русского ученого и общественного деятеля, чье имя вошло в историографию целого ряда гуманитарных дисциплин — юриспруденции, архивистики, археологии прежде всего. При жизни он не отмечал ни одного юбилея, хотя поводов к тому имел предостаточно (взять хотя бы четверть века полевой практики раскопок, два десятилетия во главе крупнейшего архива древних актов в России — Московского архива министерства юстиции, звание заслуженного профессора Московского университета и проч.). С момента публикации некрологических материалов в 1911—1914 гг. и вплоть до начала 1990-х годов его имя звучало только в ссылках на некоторые из множества опубликованных им исторических, этнографических источников, на раскопанные им древности разных времен и народов. Идеи и методы, достижения и проекты по части организации науки, охраны памятников истории и культуры, принадлежавшие этому «представителю дворянской, охранительной идеологии», после революции не пользовались интересом и тем более признанием. В первом ряду корифеев отечественной археологии его упомянул только А. А. Формозов [1, с. 117].

© С. П. Щавелев, 1994 г.

Недавно миновавший юбилей позволил, наконец, объективно оценить, реалистично представить подлинный масштаб и внутреннюю цельность научного наследия Д. Я. Самоквасова.

Еще в ноябре 1991 г. в Курске состоялась научная конференция «История и археология юго-востока Руси». Организаторы — Курский областной музей археологии и педагогический институт — приурочили ее к 80-летию со дня кончины Дмитрия Яковлевича. В тезисах конференции были впервые опубликованы обнаруженный в частной коллекции фотопортрет ученого начала века, а также уникальный документ из фондов РГАДА «Перечень археологических исследований Д. Я. Самоквасова, составленный им самим в 1910—1911 гг.», незадолго до смерти. Историки и археологи из многих городов России и Украины выступили на конференции с докладами в основном по тем проблемам и памятникам старины, изучение которых начиналось или намечалось Самоквасовым. Таковы, скажем, сообщения А. Н. Бессуднова (Липецк) и А. И. Козлова (Воронеж) о памятниках третьей четверти I тыс. н. э. в лесостепном Подонье; М. И. Гоняного (Москва) и А. В. Шишкова (Тула) — о древнерусских городищах XII—XIII вв. бассейна верхнего Дона; В. В. Енукова (Курск) — о славянском комплексе на р. Рать; А. В. Кашкина и А. А. Узянова (Москва) — об археологическом обследовании р. Реут; В. П. Коваленко и В. Н. Марченко (Чернигов) «Гущинское городище близ Чернигова»; Н. В. Лопатина (Москва) — о керамике Смоленского Поднепровья и Северной Белоруссии в I половине тыс. н. э.; А. М. Обломского (Москва) и Р. В. Терпиловского (Киев) по материалам киевской культуры с поселения Рябовка-3 на Сумщине; В. В. Приймака (Сумы) — о происхождении гончарной волынцевской керамики; А. Д. Пряхина (Воронеж) — о понятии уникальных историко-археологических территорий; М. С. Сергеевой (Киев) с реконструкцией интерьера славянских жилищ Днепро-Донского междуречья в VIII—IX вв.; Г. Ю. Стародубцева (Курск) «Археологическое изучение Курского края в 1920—1930-е годы»; Н. А. Тихомирова (Курск) «Историческая социология и проблема формирования материальной культуры»; М. В. Фролова (Москва) — про его раскопки в Рыльске; М. В. Цыбина (Воронеж) с анализом гончарных клейм Семилукского городища XII—XIII вв.; С. П. Щавелева (Курск) «Первые страницы курской археологии (А. И. Дмитрюков и Д. Я. Самоквасов)».

Среди решений конференции — специальный показ материалов о жизни и деятельности Д. Я. Самоквасова в экспозиции Курского музея археологии, переезжающего сейчас в новое здание (отреставрированные «палаты Ромодановских», первоначальная постройка XVII—XVIII вв.); публикация материалов из архива ученого, чья биография была тесно связана с Курским краем [2].

Доклады с анализом разных аспектов научного наследия Д. Я. Самоквасова представлены также в материалах конференций: «100-летие Полтавского краеведческого музея» (Полтава, 1991) [3, с. 12—17]; «Проблемы истории отечественной археологии» (С.-Петербург, 1990) [4, с. 21—23].

Специально теме «Славяне и Русь в научном наследии Д. Я. Самоквасова» посвящался историко-археологический семинар, проведенный в сентябре 1993 г. на родине ученого, в г. Новгород-Северском Черниговской области Украины. Работа семинара проходила в здании бывшей классической гимназии (ныне средняя школа-интернат), которую заканчивал Дмитрий Яковлевич и на которой к юбилею появилась мраморная мемориальная доска в его честь. Украинские, белорусские и российские ученые (тезисы прислали более 50 человек, приехать сумела примерно половина) обменялись на семинаре информацией по многим вопросам, прямо или косвенно относящимся к самоквасовской тематике археологических раскопок и исторических исследований. Среди таковых можно выделить историографические очерки В. П. Коваленко (Чернигов) «Древности Чернигово-Северской земли в трудах Д. Я. Самоквасова»; А. Б. Коваленко, Л. В. Ясновской (Чернигов) «Д. Я. Самоквасов и черниговская пресса»; В. Я. Руденко (Чернигов) «Изучение Борисоглебского монастыря в Чернигове Д. Я. Самоквасовым»; С. П. Щавелева (Курск) о годах учебы будущего археолога в Новгород-Северском и Петербурге.

Другая группа докладов сопоставляла материалы из раскопок Д. Я. Самоквасова с последующими исследованиями тех же самых памятников и археологических территорий. Так, А. П. Моця (Киев) посвятил свое выступление древнерусским погребениям Чернигово-Северской земли, итогам и перспективам их комплексной интерпретации. В. Н. Гурьянов (Брянск) рассказал о камерных погребениях в курганах Брянщины. Е. А. Шинаков и В. В. Миненко (Брянск) предложили свой вариант локализации Ормины и Лопеска — летописных центров Черниговского княжества. В. В. Енуков (Курск) дал археологический комментарий к летописному сюжету о слободах татарского баскака Ахмата в районе Курска. Т. Г. Сарачева (Москва) реконструировала технику изготовления ювелирных украшений Гочевского некрополя из раскопок Д. Я. Самоквасова 1909 г. А. В. Григорьев (Москва) пытался обозначить границу между Русью и Северой в Подесенье. В. П. Коваленко и А. В. Шекун (Чернигов) картографировали летописную Лутаву.

Авторы нескольких весьма содержательных (судя по тезисам) докладов не сумели приехать на семинар, и их идеи обсуждались его участниками заочно. Так, П. П. Толочко (Киев) представил очерк «Вече и князь в работах Д. Я. Самоквасова»; А. Н. Кирпичников (С.-Петербург) — о мечах эпохи викингов на территории Европы, экземпляры которых на Руси одним из первых раскопал и описал Д. Я. Самоквасов; Я. В. Баран (Киев) — по проблеме славянской веры, реликтовую форму которой Д. Я. Самоквасов выявил и изучил в курской деревне прошлого века; Е. А. Шмидт (Смоленск) — про древние пути из Днепра в Западную Двину (Д. Я. Самоквасов пытался проследить их, в частности, путем картографирования монетных кладов).

В образцово изданных черниговским издательством «Северянская думка» материалах семинара [5, с. 1—109] на обложке репродуцирована стела, увенчавшая кург. «Черная могила» в Чернигове после его раскопок профессором Самоквасовым в 1872—1873 гг., а вслед за тем дан колоритный фотопортрет ученого на раскопках черниговских курганов во время XIV Археологического съезда (1908 г.).

Достойным завершением юбилейных торжеств стали архивные чтения, проведенные в ноябре

1993 г. в Российском государственном архиве древних актов (Москва). В выступлениях директора архива М. П. Лукичева, В. Н. Самошенко (Российский гуманитарный университет), С. П. Щавелева, сотрудниц РГАДА Л. Н. Прокофьевой и Е. Б. Лукьяновой рассматривались различные моменты деятельности Д. Я. Самоквасова как историка-архивиста, теоретика и организатора архивного дела в России. Подчеркивалось, что между его занятиями письменными источниками и вещественными памятниками отечественной истории существовала весьма органичная связь. Перед нами один из основоположников комплексного, междисциплинарного источниковедения, значительно повысившего достоверность реконструкций исторического прошлого.

Материалы чтений должны отразиться в издаваемом РГАДА журнале «Архив русской истории».

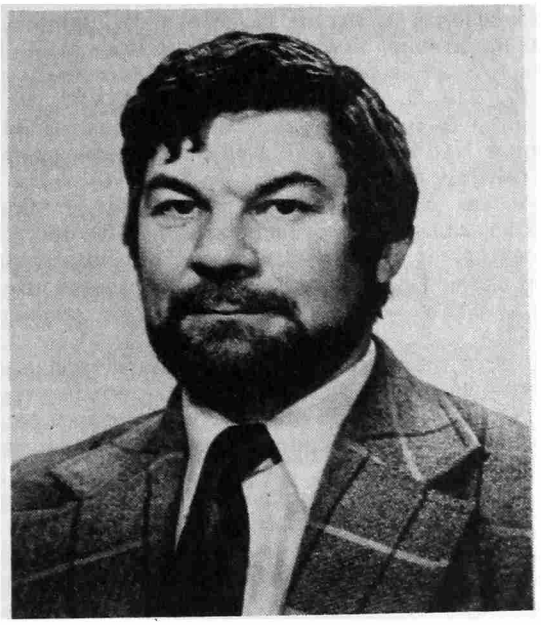
На фоне известного кризиса в организации академической гуманитарной науки в нашей стране, ослабления научных связей между республиками СНГ и даже отдельными регионами самой России мемориальные мероприятия в честь Д. Я. Самоквасова производят отрадное и обнадеживающее впечатление.

Курский государственный медицинский институт

С. П. Щавелев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
2. Археология и история юго-востока Руси. (Тез. конф. 26—28 ноября 1991 г.). Курск, 1991.
3. *Щавелев С. П.* Вклад Д. Я. Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии//100-летие Полтавского краеведческого музея. Матер. юбилейной науч. конф. Ч. 2. Археология Полтавщины. Полтава, 1991.
4. *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов: эскиз археологического наследия//Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. (11—13 декабря 1990 г.). СПб., 1993.
5. Слов'яни і Русь в науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня нарождення Д. Я. Самоквасова (14—16 вересня 1993 р., м. Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993.



ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРОЧКИНА

(1946—1993)

26 декабря 1993 г. на 48-м году жизни скоропостижно скончался старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, кандидат исторических наук Геннадий Николаевич Курочкин. Для тех, кто знал его, само слово «смерть» и образ этого веселого, чрезвычайно жизнелюбивого человека просто несовместимы в сознании.

Геннадий Николаевич Курочкин родился в 1946 г. в Ленинграде в семье рабочих. В 1965 г. он поступил на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета. Шесть последующих лет в биографии Г. Н. Курочкина были неразрывно связаны с кафедрой археологии. Его учителями были М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский и В. М. Массон. В это время определился и круг будущих научных интересов Геннадия Николаевича — археология кочевников степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху и мир древних культур Ближнего и Среднего Востока.

Отслужив в армии после окончания университета и проработав в хоздоговорных экспедициях ЛОИА, Г. Н. Курочкин в 1974 г. уехал на четыре года в Каракалпакию, где стал заведующим отделом археологии Музея искусств в г. Нукусе. В эти годы он вел самостоятельные исследования различных памятников древности, главным из которых стала крепость Кават-кала.

С 1979 г. Курочкин постоянно работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР — Институте истории материальной культуры РАН. С 1979 по 1985 гг. он был старшим лаборантом в Сибирской новостроечной экспедиции, затем стал младшим научным сотрудником новостроечного отдела ЛОИА. В 1992 г. Г. Н. Курочкин стал научным, а в январе 1993 г.— старшим научным сотрудником Отдела археологии Средней Азии и Кавказа ИИМК.

Более 12 лет Г. Н. Курочкин отдал работам на новостроечных памятниках Сибири. Объектами его исследований были многочисленные тагарские курганы, в изучении которых он добился очень интересных и важных результатов. Его последние выступления и статьи, как опубликованные [63, 65, 66] [1], так и не вышедшие еще из печати, посвящены уникальным реконструкциям сакральных «жилищ мертвых» в глубинах тагарских курганов. Удачные раскопки больших мавзолеев в Новоселовской и Полтавской курганных группах открыли богатые погребения тагарской знати, сопровождавшиеся великолепными комплексами погребального инвентаря. Публикации и изучению этих интереснейших находок Г. Н. Курочкин посвятил монографию и ряд взаимодополняющих статей [38, 42, 47, 53, 58, 61, 69].

Однако полевые исследования и связанные с ними научные разработки не замыкались для Г. Н. Курочкина лишь на изучении погребальных памятников тагарской культуры. Он принимал участие в исследовании памятников других эпох [20, 22, 24, 32] и других территорий, проводя часть полевых сезонов на раскопках в Средней Азии [15, 31]. Свой последний полевой сезон Г. Н. Курочкин провел летом 1993 г. в Казахстане, участвуя вместе с З. Самашевым, Р. Б. Исмагиловым и В. С. Ольховским в работе Западноказахстанской экспедиции Института археологии Академии наук Казахстана [73], занимающейся исследованием памятников ранних кочевников Северо-Восточного Прикаспия сарматской эпохи.

Помимо полевых исследований Г. Н. Курочкин вел большую научно-исследовательскую работу

[1] См. соответствующие номера в прилагаемом списке опубликованных работ Г. Н. Курочкина.

© Ю. А. Заднепровский, В. Ю. Зуев, И. Н. Хлопин, 1994 г.

в различных областях археологии Евразии. В 1988 г. он защитил диссертацию, посвященную изучению археологических памятников Северо-Восточного Ирана III—II тыс. до н. э. [37]. Археология и древняя история Передней Азии были одной из важнейших тем в его творчестве. Ей он посвятил ряд работ [3, 4, 6, 14, 17, 21, 23, 25, 26, 28, 43, 46, 48, 57, 59, 64, 68, 70] и планировал в будущем обобщить результаты своих исследований в специальной монографии.

Другой темой в научном творчестве Г. Н. Курочкина была скифская проблематика. В 1983 г. его первые чрезвычайно интересные разработки [6, 13, 16] были обобщены в большой работе «Курганы скифской знати как исторический источник. Ч. 1. Истоки погребальной обрядности скифских царей». Это исследование было представлено на конкурс научных работ в ЛОИА, заняло первое место, но, к сожалению, не было опубликовано. Все последующие годы Г. Н. Курочкин вел плодотворные исследования в этой области, последовательно развивая концепцию центральноазиатского происхождения скифской культуры и своеобразного искусства звериного стиля [23, 25, 34, 35, 39, 41—45, 47, 49—67, 69—73].

В последние два года среди направлений, на которые распадалась работа Г. Н. Курочкина над скифо-сибирской проблематикой, выделилась одна очень интересная тема, которая получила название «Пазырыкский проект». Г. Н. Курочкин был одним из инициаторов создания творческого коллектива, который продолжает и теперь готовить сборник статей, посвященных новым исследованиям пазырыкских материалов.

Почти два года назад с Г. Н. Курочкиным прямо на работе случился инфаркт миокарда. Позднее, оправившись от болезни, он, в минуты откровения, говорил о том, как много он переоценил в жизни, как мало успел осуществить из задуманного и сколь многое он хочет еще сделать. Два последние года он работал с огромной отдачей, находясь в состоянии удивительного творческого подъема. Он работал, буквально не щадя себя. Публикации следовали одна за другой. Обладая хорошими навыками публичных выступлений, умея сочетать лаконичные и емкие формулы своих аргументов с веселым, подчас острым, словом, Г. Н. Курочкин много и охотно выступал на конференциях с докладами. Особенно удавались ему полемические выступления и диспуты, где ярко проявлялся его талант. В 1993 г. он участвовал в дискуссии по проблемам генезиса скифского звериного стиля в семинаре И. В. Яценко в Московском университете. В июне состоялось его большое выступление на защите диссертации Р. Б. Исмагилова «Скифы и Центральная Азия», где он поддержал направленность исследований соискателя. В Анапе Г. Н. Курочкин представил очень интересный доклад о погребальном обряде сибирских скифов на организованной Б. А. Раевым международной конференции «Античная цивилизация и варварский мир». Затем были поездки на конференцию в Финляндию, выступление на археологической конференции в Санкт-Петербургском университете [64].

Без тени сомнения можно утверждать, что Г. Н. Курочкин переживал в последнее время период расцвета своих творческих сил. Его энергия, жизнерадостность и большая работоспособность в сложное нынешнее время вселяли уверенность и оказывали благотворное влияние на всех, кто окружал его. Сердце Г. Н. Курочкина не выдержало напряженного ритма жизни. Внезапная смерть от второго инфаркта была неожиданной, и известие о ней глубоко потрясло всех, кто знал его. Г. Н. Курочкина уже нет, но он останется с нами в наших сердцах, в своих работах, которые он оставил отечественной науке и которые еще несколько лет будут появляться в печати, являясь свидетельством большой творческой энергии, которую аккумулировал в себе этот человек.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Ю. А. Заднепровский, В. Ю. Зуев, И. Н. Хлопин

Список опубликованных работ Г. Н. Курочкина

1. «Богатство» усопших//Памятники Туркменистана. 1970. № 1. С. 18—20 с ил.
2. Крепость Кыз-Зынган // Памятники Туркменистана. 1971. № 1. С. 24—26 с ил. (Совместно с В. И. Осиповым).
3. Новая литература по луристанским бронзам // СА. 1972. № 1. С. 290—292. (Совместно с В. А. Алекшиным).
4. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана// СА. 1974. № 2. С. 34—47 с ил.
5. Загадки Кават-калы//Сов. Каракалпакия. 12 февраля 1975.
6. К вопросу о переднеазиатском этапе в развитии скифского искусства//Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 65—67.
7. Исследования в Кават-калинском оазисе//АО — 1974. М., 1975. С. 502. (Совместно с С. Б. Гультовым, Е. В. Деяновой).
8. Освоение земель древнего орошения и проблема сохранения памятников истории и культуры (на примере Эллик-кала на юге Каракалпакии)//Вестн. Каракалпак. филиала АН УзССР. 1976. № 2. С. 82—88 с ил.
9. Раскопки крепости Кават-кала//АО — 1975. М., 1976. С. 529—530. (Совместно с Е. Е. Неразик).
10. Вчера и сегодня крепости Кават-кала//Сов. Каракалпакия. 7 июня 1977.

© Составитель В. Ю. Зуев, 1994 г.

11. Продолжение раскопок Кават-калы//АО — 1976. М., 1977. С. 530—531.
12. Раскопки раннесредневекового дома в Беркуткалинском оазисе//АО — 1976. М., 1977. С. 531—532. (Совместно с И. В. Савицким).
13. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII—VII вв. до н. э. и курган Аржан (К проблеме происхождения скифов)//Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 22—25.
14. К археологической идентификации переднеазиатских ариев//Переднеазиатский сборник. 1979. Вып. 3. С. 150—159.
15. Раскопки в долине Сумбара // АО — 1978. М., 1979. С. 570. (Совместно с И. Н. Хлопиным, Л. И. Хлопиной).
16. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII—VII вв. до н. э. и курган Аржан (К проблеме происхождения скифов)//Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Матер. 1-й Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1980. С. 105—117.
17. К реконструкции идеологических представлений населения Ирана предахеменидского времени// Тез. докл. конф. «Идеологические представления древнейших обществ». М., 1980. С. 79—82.
18. Безусловная лингвистическая модель как основа археологических конструкций в области этногенеза (Еще раз об этнической атрибуции андроновской культуры)//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 73—76.
19. Культурология и археология (К критике разработок западных исследователей)//Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Тез. науч. конф. Ашхабад, 1981. С. 155—158.
20. Работы на Кадатском водохранилище и у ручья Березового//АО — 1980. М., 1981. С. 190.
21. Этнокультурные связи Ирана с Закавказьем в предахеменидский период//Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981. С. 81—83.
22. Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа//Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тез. докл. регион. конф. Иркутск, 1982. С. 21—22. (Совместно с А. Н. Мелентьевым).
23. Хасанлу и скифы//Iranica Antiqua. 1982. V. 17. P. 43—47.
24. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище//Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 56—58 с ил.
25. Индоиранские элементы в искусстве Древнего Востока и исторические корни скифо-сибирского искусства//Тез. докл. конф. «Скифо-сибирский мир». Кемерово, 1984. С. 37—39.
26. Памятники Северного Ирана III—II тыс. до н. э. с серой керамикой: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1984. 18 с.
27. Изучение тагарских курганов в зоне строительства оросительной системы (Красноярский край)//Тез. докл. науч.-практ. конф. «Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации». Л., 1985. С. 49—50.
28. Исследования археологов США в Северо-Западном Иране//Археология зарубежной Азии. Матер. к симпозиуму Совета молодых ученых ЛОИА. Л., 1985. С. 32—35.
29. О чем поведал курган//Путь Ильича. 10 сентября 1985.
30. Раскопки к югу от Красноярска//АО — 1983. М., 1985. С. 218.
31. Раскопки могильника Пархай II//АО — 1983. М., 1985. С. 556—557. (Совместно с И. Н. Хлопиным, Л. И. Хлопиной).
32. Палеолитическая стоянка в Красноярском крае//КСИА. 1986. Вып. 188. С. 100—105 с ил. (Совместно с Л. Б. Вишняцким, А. Н. Мелентьевым, Н. Ф. Лисицыным).
33. Раскопки на юге Красноярского края//АО — 1984. М., 1986. С. 184—186 с ил.
34. Изображения животных на оленных камнях аржанского типа//Историч. чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1987. С. 160—163.
35. Искусство звериного стиля ранних кочевников Евразийских степей и луристанские бронзы//Тез. докл. конф. «Проблемы археологии степей Евразии». Кемерово, 1987. С. 96—99.
36. Раскопки тагарских курганов у пос. Толстый мыс//АО — 1985. М., 1987. С. 254. (Совместно с П. Г. Павловым).
37. Северо-Восточный Иран III—II тыс. н. э.: Хронология, эволюция культуры и контакты с соседними регионами: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1988. 19 с.
38. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы//Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л., 1988. С. 5—22 с ил. и карт.
39. Сюжетные изображения на войлочных кошмах из Пятого пазырыкского кургана (К предыстории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии)//Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1988. С. 78—79.
40. Работы Среднеенисейской экспедиции//АО — 1986. М., 1988. С. 219—223. (Совместно с Н. А. Боковенко, Н. Ю. Кузьминым, П. Г. Павловым, Д. Г. Савиновым).
41. Евроскифская и тагарская социальная модели//Пробл. археологии скифосибирского мира. Кемерово, 1989. С. 36—39.
42. Золотые изделия из большого Новоселовского кургана.//КСИА. 1989. Вып. 196. С. 66—72 с ил.
43. Образ богини с зеркалом в скифском искусстве и его иконографические прототипы//Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции в честь академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 90—92.
44. Ранние этапы формирования скифского искусства (Новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели)//Кочевники Евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 102—119.

45. Эволюция социальной структуры тагарского общества (новые материалы и возможность новых подходов)//Тез. науч.-практ. сем. «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР». М., 1989. С. 62—65.
46. Золотой сосуд из Марлика//СА. 1990. № 2. С. 41—50.
47. «Золотой» курган сибирских скифов//Природа. 1990. № 10. С. 61—64.
48. Памятники с серой керамикой эпохи раннего железа в Иранском Азербайджане (к проблеме генезиса)//КСИА. 1990. Вып. 199. С. 16—22 с ил.
49. Могильник Интикуль как своеобразный эталон погребального памятника тагарской культуры// Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1991. С. 21—23.
50. Начальная дата тагарской культуры//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 103—105.
51. «Царские» курганы европейской и азиатской Скифии (сравнительный анализ и возможности исторических реконструкций)//Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб, 1991. С. 18—22.
52. Образ «летящего» оленя в тагарском искусстве Южной Сибири//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 154—158 с ил.
53. Открытие богатой жреческой гробницы сибирских скифов//Археолог. вести. 1992. № 1. С. 97—106 с ил.
54. Путешествие сибирских шаманов в «страну мертвых» (по археологическим и этнографическим данным)//Сибирские чтения. СПб., 1992. С. 51—53.
55. Скифо-сибирский шаманизм (К реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая)//Историч. чтения памяти М. П. Грязнова. Докл. 2-й науч. конф. Ч. 2. Омск, 1992. С. 39—41.
56. Скифское золото Южной Сибири//Пробл. археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 2. Красноярск, 1992. С. 26—29.
57. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана//РА. 1992. № 2. С. 102—122 с ил.
58. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб., (1992), 1993. 44 с. 25 л. ил. Рез. англ.
59. Богиня с зеркалом и герой с секирой (к проблеме антропоморфизации скифского искусства)// Скифия и Боспор. Матер. конф. памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 68—79.
60. Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения)//Античная цивилизация и варварский мир. Матер. 3-го семинара. Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 59—64. (Совместно с А. В. Субботиным).
61. Большой Полтаковский курган — родовая гробница тагарской знати//КСИА. 1993. Вып. 209. С. 67—75 с ил.
62. Изображение свернувшегося хищника в тагарском искусстве//КСИА. 1993. Вып. 207. С. 59—67 с ил.
63. Курган — «жилище умерших предков»//Матер. науч. конф. «Жизнь. Смерть. Бессмертие». СПб., 1993. С. 4—6.
64. Миграции индоиранских народов II—I тыс. до н. э.: перемещение вещей, идей и людей//Динамика культурных традиций. СПб., 1993. С. 22—24.
65. Путешествие в преисподню: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана//Петербург. археолог. вестн. 1993. № 6. С. 27—31.
66. Сакральный центр ранних кочевников на Алтае (археолого-этнографическая реконструктивная модель)//Пробл. культурогенеза и культурное наследие. Ч. 2. СПб., 1993. С. 93—98.
67. Свернувшийся в кольцо хищник и «летящий олень» (генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля)//Античная цивилизация и варварский мир. Матер. 3-го семинара. Ч. 2. Новочеркасск, 1993. С. 92—104.
68. Археологический поиск арийцев на древнем Востоке: «Царский» могильник Марлик в Северном Иране (вопросы хронологии, культурогенеза и этнической атрибуции)//Петербург. археолог. вестн. 1993. № 7. С. 25—36.
69. Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири//Археологические вести. 1993. Вып. 2. С. 31—43.
70. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным//РА. 1994. № 1. С. 117—122.
71. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» пазырыкских курганов//Петербург. археолог. вестн. 1994. № 8. С. 38—44.
72. «Эра Кентавра» в Евразийской степной зоне и ее историческое содержание//Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. СПб., 1994. С. 51—56.
73. Могильник Дыкылтас на Мангышлаке//Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 79—81. (Совместно с Ж. Жетибаевым, Р. Исмагиловым, З. Самашевым).

Список составлен *В. Ю. Зуевым*

ПАМЯТИ МАРИИ ГИМБУТАС

(1921 — 1994)

2-го февраля 1994 г. в Лос-Анжелесе, после многолетней упорной борьбы с тяжелой неизлечимой болезнью, скончалась профессор Калифорнийского университета Мария Алсейкайте Гимбутас — яркий и талантливый ученый, внесший весьма весомый вклад в праисторическую археологию и древнейшую историю Европы. Она прожила 73 года и прошла очень нелегкий и длительный путь от эмигрантки, вынужденной покинуть свою родную Литву и заканчивавшей образование на средства ряда фондов различных стран, до одного из самых активных, многосторонних и авторитетных археологов США, автора свыше двадцати монографий и двухсот статей, инициатора разработки чрезвычайно значительных, но и столь же сложных комплексных программ, требующих координации исследовательских усилий археологов, лингвистов, филологов, этнографов, психологов, историков религии. И в жизни, и в науке она не боялась риска, бралась за предельно сложные, казалось бы тупиковые проблемы, попытки разработки которых привели к фиаско уже многих признанных специалистов, намеренно «вызывала огонь на себя», предлагая экстремально дискуссионные и даже парадоксальные их решения. Ряд ее разработок и гипотез получили широкое признание, другие вызвали решительное неприятие, но мало найдется специалистов, оставшихся равнодушными к ним. И в этом наилучший показатель безусловной их значимости: все они явились подлинным и весьма действенным импульсом разработки многих «замороженных» проблемных направлений нашей науки, в историю которой прочно и надолго войдет имя их автора.

Мария Гимбутас родилась в 1921 г. в Вильнюсе, там же окончила университет и очень рано начала увлеченно заниматься археологией Прибалтики. Первая ее работа, изданная в 1942 г., была посвящена представлениям о загробном мире в древней Литве. За ней последовала серия статей, охватывающих ряд вопросов погребальной практики, языческих ритуалов, представлений о смерти и душе у древних балтов, а также их прародины и расселения. С годами проблематика исследований М. Гимбутас многократно расширилась, но она никогда не изменяла первому увлечению, периодически возвращаясь к балтской тематике, что отражено в значительном числе крупных монографий, опубликованных в разные годы (вплоть до 1987) в Германии, США, Англии, Италии, Литве (см. приложенную библиографию).

Пройдя специальную подготовку, а далее и исследовательскую практику в университетах Тюбингена, Гайдельберга, Мюнхена, наконец, в Гарвардском университете, научным сотрудником которого она являлась с 1950 до 1963 г., М. Гимбутас подготовила и опубликовала монографию по праистории Восточной Европы (1956 г.). Книга эта, охватившая значительный хронологический отрезок от неолита до среднего бронзового века, явилась для западной археологической литературы наиболее полным и детальным обзором древнейших археологических культур огромного ареала, включавшего Европейскую часть России, Украину, Белоруссию, Прибалтику, Молдову и т. д. Географические рамки исследований еще более расширены в следующей монументальной монографии М. Гимбутас (1965 г.), в которой систематизированы и обобщены материалы бронзового века

© Н. Я. Мерперт, 1994. г.

Центральной и Восточной Европы. И здесь считаю необходимым подчеркнуть достаточно полное и квалифицированное использование археологических источников нашей страны (включая музейные коллекции), рассмотренных в общеевропейском контексте. Обе книги отнюдь не ограничиваются обзором и систематизацией материалов, но и содержат достаточно интересные концептуальные построения.

Одновременно М. Гимбутас разрабатывались и проблемы более поздних периодов, непосредственно связанные с ключевыми вопросами этнической и культурной истории Восточной Европы. Особо отмечу здесь изданные ей в 1963 году монографии, посвященные древним балтам и славянам.

С 1963 г. и до последних дней жизни деятельность выдающегося ученого была сосредоточена в Калифорнийском университете, где М. Гимбутас являлась профессором европейской археологии и куратором отдела мировой археологии Музея культурной истории. Здесь эта деятельность достигла максимальной активности и широты, хотя в основном могут быть выделены два главных ее проблемных направления: индоевропейская проблема и предшествующий индоевропеизации нео- и энеолитический период истории нашего континента, которому М. Гимбутас дала наименование «Old Europe». С ними связаны и ее плодотворные и масштабные полевые исследования многослойных поселений неолита, энеолита и раннего бронзового века в Боснии, Македонии, Греции, а также неолитического пещерного святилища в Южной Италии. Созданное по ее инициативе и возглавленное ею первое периодическое археолого-лингвистическое издание «Journal of Indo-European Studies» явилось своего рода координатором всех исследований этой сложнейшей проблемы, решительно способствуя их активизации и выработке интердисциплинарного подхода к ней. Будучи последовательным сторонником гипотезы восточноевропейской степной прародины индоевропейцев, М. Гимбутас в ряде крупных работ предложила свою версию обоснования как самой прародины, так и путей и этапов продвижения ее этнических групп на запад и индоевропеизации остального континента, а далее и некоторых районов Передней Азии. Для предшествующего же периода (середина VII — середина IV тысячелетия до н. э.) она постулирует существование специфической и чрезвычайно яркой цивилизации с доминантой матриархального начала в религии, мировосприятии, психологии, культуре и искусстве. Развитие этой цивилизации было пресечено последовательными волнами индоевропейцев, полностью трансформировавшими ее социально-экономическую структуру, религиозные представления, политическую организацию, производственную и художественную деятельность.

Острая дискуссионность этих гипотез очевидна, что, как уже отмечалось выше, отнюдь не снижает их интереса и значения. Они решительно стимулируют поиски новых путей и новых аспектов исследования древнейших судеб Европы, раскрывая новые их перспективы, призывая к дальнейшей «историзации» археологии и союзу ее со всем кругом «наук о человеке». И мы должны с благодарностью причислить их к безусловным заслугам ушедшего от нас большого ученого.

Институт археологии РАН,
Москва

Н. Я. Мерперт

Основные монографические работы М. Гимбутас

1. Die Bestattung in Litauen in der Vorgeschichtlichen Zeit. Tübingen, 1946.
2. Prehistory of Eastern Europe. School of Prehistoric Research. Peabody Museum, Harvard University. Bulletin No 20. Cambridge Mass., 1956.
3. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958.
4. The Balts. London; New York, 1963.
5. Bronze Age Cultures of Ceteral and Eastern Europe. Mouton. The Hague, 1965.
6. I Baltici. Milano, 1967.
7. The Slavs. London; Praeger; New York; Washington, 1963.
8. The Gods anf Goddesses of Old Europe. London; Berkley; Los-Angeles, 1974.
9. The Goddesses anf Gods of Old Europe. 6500—3500 B. C. London; Berkley; Los-Angeles, 1982.
10. Neolithic Macedonia. Los-Angeles, 1976 (Edit.).
11. Die Balten Volk in Ostseeream. Munich, 1983.
12. Baltai prešistoriniais laikais. Etnogeneze, medžiagine kultūra ir mitologija. Vilnius, 1985.
13. Excavations at Sitagroi. A Prehistoric Village in Notheast Greece. Vol. I. Los Angeles, 1986. (Edit. with C. Renfrew and E. Elster).
14. Lietuvos proistoré ir mitologija. Chicago, 1987.
15. Achilleion. An Early Neolithic Site in Thessaly, Greece. 6500—5700 B. C. Los-Angeles, 1987.
16. The Language of the Goddess. Sacred Images and Symbols of Old Europe. New York, 1989.
17. The Civilization of the Goddess: The World of Old Europe. San Francisco, 1991.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1994 год

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки, естественнонаучные методы в археологии

	№	стр.
Алексеев В. А., Журбин И. В. Использование электрометрии для идентификации археологических объектов по их составу (по материалам исследований городища Иднакар)	3	208
Алексеева Е. М., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Горгиппия: продукция железообрабатывающего ремесла	3	157
Амирханов Х. А. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа	4	9
Антонова Е. В. Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров (на материале могильника Сумбар I)	3	92
Артемьев А. Р., Лопатин Н. В. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище	2	199
Артюхова О. А. Кошкурган — мустьерский памятник	2	98
Бахшалиев В. Б. Археологические раскопки на поселении Огланкала	3	106
Белецкий С. В., Овсянников О. В. Именная владычная печать XIV в. из-под Холмогор	1	173
Берестнев С. И. Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века	3	121
Бокий Н. М., Ольховский В. С. Раннескифский курган на днепровском Правобережье	2	151
Болелов С. Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии	4	98
Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н. Бердянский курган	3	140
Борзунов В. А., Морозов В. М. К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI)	4	136
Вальчак С. Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана	2	131
Васильев Б. Г. Фрески ц. Успения Богородицы XII в. в Старой Ладоге (по материалам раскопок)	2	191
Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение	2	202
Винокуров Н. И. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора	4	154
Вишневский В. И. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья	3	223
Галанина Л. К. К проблеме хронологии Келермесских курганов	1	92
Горбунова Н. Г. Поселение Арк-тепе в южной Фергане	4	191
Грантовский Э. А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии	3	23
Гудим-Левкович А. Н. Методологические проблемы типологического метода в археологии	2	71
Даркевич В. П. Усадьбы XVII века в Старой Рязани	1	180
Дашевская О. Д. О разорении греческих и скифских могил в древности	4	79
Демкин В. А., Дьяченко А. Н. Итоги палеопочвенного изучения поселения Ерзовка-I в Волгоградской области	3	216
Дубовская О. Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений)	2	15
Дубровин Г. Е. Новгородские лодки-однодеревки	3	177
Дьяконов И. М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке	1	108
Емец И. А., Петерс Б. Г. Граффити из поселения у с. Михайловка	2	164
Жуков А. В. Инкская экспансия на территории Аргентины (1480—1536 гг.)	1	77
Журавлев Д. В., Мошинский А. П. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии	1	157
Журко А. И. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье	4	207

Журко А. И. Типология и соотношение жилых сооружений племен черняховской культуры . . . 2 37

Исланова И. В. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX—XIII вв. 1 26

К 75-летию Института археологии РАН . . . 4 5
Клепиков В. М. Погребения позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье . . . 3 97
Козенкова В. И. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) . . 1 191
Кравцов А. Е., Луньков В. Ю. Новая мезолитическая стоянка в западной части Мещерской низменности . . . 2 112
Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш II А . . . 3 103
Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш II А . . . 2 118
Ксензов В. П. Мезолит Белорусского Подвинья . . . 3 5
Курочкин Г. Н. Хронология переднеазиатских походов скифов по письменным и археологическим данным . . . 1 117
Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) . . . 1 33

Любин В. П. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите 2 5

Марковин В. И. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа . . . 4 25
Марковин В. И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа . . . 1 51
Масленников А. А. Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) . . . 4 176
Матюхин А. Е. Новые палеолитические памятники в бассейне Северного Донца . 1 134
Медведская И. Н. Заключение по дискуссии . . . 1 123
Мерперт Н. Я. В. А. Городцов об энеолите Болгарии . . . 2 207
Мыськов Е. П., Сергацков И. В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону 2 179

Нахапетян В. Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии . . . 4 107
Нерсесов Я. Н. О хронологии культуры рекуай в Северном Перу . . . 2 30
Никитина Г. Ф. Классификация и типология с позиций практики . . . 2 93

Обломский А. М. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворксы в I—V вв. н. э. 2 42

Петерс Б. Г., Чухина Е. В. Стеклянные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. 4 171
Петраш Й. История средненеолитических центров Центральной Европы . . . 1 5
Плетнева С. А. О домашних оберегах в Саркеле — Белой Веже . . . 1 166
Подъяпольский С. С. О малоизвестном типе папертей конца XV — начала XVI века 3 186
Полидович Ю. Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» 4 63
Пряхин А. Д., Разуваев Ю. Д. Клад скифского времени с Семилукского городища на реке Дон . . . 4 185

Седов В. В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. . . . 2 56
Семенчук И. А. Костяной наконечник дротика из Поднепровья . . . 4 133
Скржинская М. В. Из истории античных украшений . . . 1 18
Смирнов К. А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур 4 85
Степанчук В. Н. Пролом I — мустьерская стоянка в Крыму . . . 1 142

Тюпаев А. П., Детюк А. Н. Восстановление продуктов окисления археологического материала водородом . . . 3 213

Усачева О. Н., Кошеленко Г. А. Об одной загадке боспорской историографии 3 65

Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) 1 67
Федосова В. Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) . . . 3 71
Формозов А. А. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья . . . 4 44

Хлопин И. Н. Туркменское ковроделие: древнейшие инструменты 3 83
Хохоровски Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы 3 49

Шорин А. Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) . . . 4 54

Щапова Ю. Л. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей 2 81

Эрлих В. Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа новочеркасского клада 2 134

Юшко А. А. Формирование удела московских звенигородских князей в XIV—XV вв. 4 119

Критика и библиография

Артемьев А. Р. Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Сб. науч. трудов/Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск, 1990 . . . . . 1 211

Белова Г. А. *Osing J.* Das Grab des Nefersecheru in Zawyet Sultan. Mainz am Rhein, 1992 . . . . . 3 227

Буров В. А. *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992 . . . . . 1 215

Виноградова Н. М. *Ute Franke Vogt.* Die Glyptik aus Mohenjo-Daro. V. 1, 2. Mainz, 1991 4 226

Герцен А. Г., Храпунов И. Н. *Возгрин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992 . . . . . 1 219

Гладилин В. Н., Степанчук В. Н. Vértesszölös site, man and culture. *Kretzoi M., Dobosi V. T.* (eds). Budapest, 1990 . . . . . 1 197

Дмитриева Т. Н. Проблемы интерпретации палеолитического искусства в трудах зарубежных ученых 2 216

Журавлев Д. В., Малышев А. А. *Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr.-Mitte 2. Jrh. Chr.// Pergamenische Forschungen. Berlin, New York, 1988. B. 6 . . . . . 4 228

Кашкин А. В. Pramene k dejinav osidlenia Slovenska z konza 5 až z 13 storočia. Bratislava, hlavné mesto SSR a západoslovenský kraj. Nitra, 1989 . . . . . 1 209

Курбатов А. В. Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland//Cingula, 11. Amsterdam, 1989 . . . . . 1 225

Малышев А. А. *Pemberton E. G.* with contr. by Slane K. W. The Sanctuary of Demeter and Kore. The Greek Pottery//Corinth. Results of excavations conductered by the American School of classical studies at Athens. V. XVIII. Princeton, New Jersey, 1989. *Slane K. W.* The Sanctuary of Demeter and Kore. The Roman Pottery and Lamps//Corinth. V. XVIII. Pt. II. Princeton, New Jersey. 1990 . . . . . 1 205

Махортых С. В. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992 . . . . . 3 230

Петрухин В. Я. Fruhgeschichte der europaischen Stadt//Schriften zur Ur- und Frühgeschichte. B. 44. B., 1991 . . . . . 2 229

Сидорова Н. А. Corpus Vasorum Antiquorum. DDR 3, Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung 1. Elisabeth Rohde. Berlin, 1990 . . . . . 4 233

Усачева О. Н. Greek colonists and native populations//Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour Emeritus Professor A. D. Trendall/ Ed. by J.-P. Discoeurdres. Oxford, 1990 . . . . . 2 232

Уткин А. В. *Никитин В. В.* Медно-каменный век Марийского края: середина III — начало II тыс. до н. э. Йошкар-Ола, 1991 . . . . . 2 226

Формозов А. А. О периодизации истории отечественной археологии 4 219

Шеркова Т. А. Изучение додинастических культур Нижнего Египта 1 200

Хроника

Алексеев Л. В. Три научные конференции в Беларуси (1991—1992) 1 235

Алексеев Л. В., Колединский Л. В., Метельский А. А. Памяти Михаила Александровича Ткачева (1942—1992) 3 250

Арсеньева Т. М. Памяти Дмитрия Борисовича Шелова (1919—1993) 2 243

Блаватская Т. В. Памяти Велизара Ив. Велкова (1928—1993) 1 253

Бунятян Е. П. Памяти Владимира Федоровича Генинга (1924—1993) 3 253

Бунятян Е. П., Скорый С. А. Памяти Бориса Николаевича Мозолевского (1936—1993) 2 252

Вагнер Г. К., Кирпичников А. Н., Айдаров С. С. Памяти Владислава Владимировича Косточкина (1920—1992) 1 249
Волокитин А. В., Сериков Ю. Б. Рабочие совещания по палеолиту и мезолиту Урала и Поволжья в 1990—1992 гг. 2 240

Давидан О. И., Мазуркевич А. Н., Короткевич Б. С. Памяти Александра Михайловича Микляева (1934—1993) 2 250

Журавлев А. П. VI полевой симпозиум «Миграции и связи древних обществ лесной полосы Евразии в эпоху камня — раннего металла» (Кижи, 1992) 1 231

Завьялов В. И., Старков В. Ф. V археологическое совещание на Шпицбергене (Калипсобюен, 1992) 1 240
Заднепровский Ю. А., Зуев В. Ю., Хлопин И. Н. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина (1946—1993) 4 247
Зверев С. В. Всероссийская нумизматическая конференция (Вологда, 1993) . . . 3 238

К 90-летию Дмитрия Александровича Крайнова 4 235

Любин В. П., Праслов Н. Д., Амирханов Х. А. Памяти Пшимафа Улагаевича Аутлева (1927—1991) 1 251

Медынцева А. А., Седов В. В. XI Международный съезд славистов. Вопросы этногенеза и археологии славян (Словакия, 1993) 4 237
Мерперт Н. Я. Памяти Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922—1993) . . 1 243
Мерперт Н. Я. Памяти Марии Гимбутас (1921—1994) 4 251
Могильников В. А. Конференция «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий» (Омск, 1992) 3 245

Прошкин О. Л. Пятая конференция «Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья» (Калуга, 1993) 2 241

Седов В. В. Международная археологическая конференция «Время, памятники, люди. Памяти репрессированных археологов». (Минск, 1993) 4 241
Седов В. В. Симпозиум «Проблема именьковской культуры» (Болгары, 1993) . . . 3 236
Смирнова М. Е. Конференция «Опыт компьютерной обработки археологических материалов» (Москва, 1993) 3 242

Щавелев С. П. 150-летие со дня рождения Д. Я. Самоквасова: юбилейные мероприятия 4 244

Указатель составлен *П. Г. Гайдуковым*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.06.94 Подписано к печати 12.09.94 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр. отт. 30,9 тыс. Уч.-изд. л. 25,6 Бум. л. 8,0
Тираж 1469 экз. Зак. 1406

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6